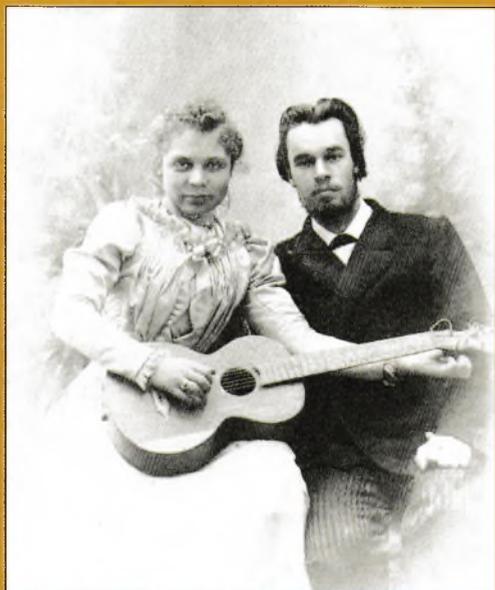
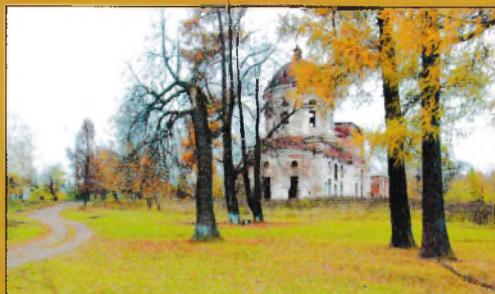

УЕЗДНЫЕ ПРОВИНЦИИ КУНГУР, ОСА, ОХАНСК

**Г.Н. ЧАГИН,
А.В. ШИЛОВ**

**О городам
и весям
Прикамья**

Г.Н. ЧАГИН, А.В. ШИЛОВ

**УЕЗДНЫЕ ПРОВИНЦИИ
КУНГУР, ОСА, ОХАНСК**

Старина – это волшебное зеркало, в котором в перспективе веков мы видим себя, своих предков, каждую грань церковной, общественной и государственной жизни.

И. Шестаков
Исторический путеводитель по г. Соликамску. 1917 г.

Об исторических городах, поселках, селах Пермского края написана разнообразная литература, но предлагаемая учителям и учащимся серия книг «По городам и весям Прикамья» аналогов не имеет: впервые предпринимается их многоаспектная характеристика, при этом поселения, обладающие общностью историко-культурного развития, описываются в одной книге.

Всего таких книг пять.

Книга «Города Перми Великой Чердынь и Соликамск» посвящается опорным центрам заселения и освоения огромной территории Урала.

«Строгановские городки, острожки, села» — повествование об Орле, Пыскоре, Нижнечусовских и Верхнечусовских Городках, Сылвенском, Очерском, Яйвинском острожках, о селах Новое Усолье и Ильинское.

Книга «Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск» знакомит с поселениями, которые развивались как уездные центры южных земель Прикамья.

О формировании и развитии Пожвы, Майкора, Де-

дьюхина, Добрянки, Чермоза, Полазны, Очера, Павловского, Суксуна, Нытвы, Лысьвы, Чусового рассказывает книга «Города-заводы»: в ней показано своеобразие уральской горнозаводской цивилизации.

Книга «Губернская столица Пермь» представляет главное поселение Прикамья, помогает увидеть индивидуальное лицо города, его особое место в судьбе Урала и России. В книге о Перми обобщаются также все сведения о Пермской области.

В будущем серию предполагается продолжить, посвятив книги другим городам, поселкам, селам.

Описания подготовлены на документальной основе и на широком фоне общероссийской истории и культуры. В них много забытых или малоизвестных событий, фактов, имен.

Достоинство цикла и в иллюстративном богатстве, которое предстает в виде фотографий старых и новых, карт, схем, слайдов. Многие архивно-музейные предметы публикуются впервые. Издания снабжены хронологическими указателями и списками литературы.

Авторы книг — ученые Пермского государственного университета, много лет исследующие историю и культуру Урала.

Г.Н. ЧАГИН, А.В. ШИЛОВ

**УЕЗДНЫЕ ПРОВИНЦИИ
КУНГУР, ОСА, ОХАНСК**

Пермь
«Книжный мир»
2007

ББК 63.3

Ч 12

Города Кунгур, Оса, Оханск примечательны тем, что длительное время являлись центрами уездов Южного Прикамья. Книга об этих уездных провинциях выходит в серии «По городам и весям Прикамья», предназначенной для реализации национально-регионального компонента государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования и адресованной учащимся, педагогам, всем, кто интересуется историей Пермского края.

Рекомендовано департаментом образования Пермской области
(решение научно-педагогического совета от 28.10.04 г. № 2/2)

Научный редактор –
доктор исторических наук, профессор
Г. Н. Чагин

Рецензенты:

С.Г. Шустов,
кандидат исторических наук,
доцент Прикамского социального института;

Н.П. Горбацевич,
главный методист ПОИПКРО;

Е.П. Шириханова,
учитель истории высшей категории
Усольской средней школы № 1

ISBN 5-93824-076-x

© Г.Н. Чагин, А.В. Шилов, 2007
© Книжный мир, 2007

Кунгур, Оса, Оханск... Когда оказываешься в этих исторических городах, то словно попадаешь в далекие времена. Они насыщены памятниками архитектуры и старыми усадьбами, которые оживляют в нашем воображении картины прошлых эпох.

На этих картинах заметное место занимают купечество и интеллигенция. Усилиями купечества развивалась в уездных городах благотворительность – от возведения зданий для школ, больниц и богаделен до поддержки бедных и одаренных детей. Самоотверженной деятельностью интеллигенции питалась духовная жизнь, не менее богатая, чем в других городах России. Местные обыватели читали современную художественную литературу, увлекались кинематографом и театром, слушали музыку русских композиторов, разыгрывали пьесы классиков отечественной драматургии и малоизвестных авторов. Они не отвергли авангардистских тенденций, и с течением времени города украсились зданиями в стиле модерн или в неорусском стиле.

У каждого города сложились свои знаки-символы, которые в пространстве и во времени закрепляли смысловую специфику его функций. У Кунгура это гипс, карст, пещера и зерновое плодородие, издавна запечатленное на официальном гербе. В Осе давно замечено богатство от пчеловодства, и пчелы, они же и осы, стали историческим измерением города: его геральдический знак – дерево с ульем и летающими пчелами. В Оханске изначально делали установку на рыболовство, поэтому на его герб попали сети-*охани*.

Эти исторические города, особенно Кунгур, развивались как центры больших сельскохозяйственных и ремесленных территорий Южного Прикамья. Понимание первоначального смысла *уезда как совокупности волостей, тяготевших к какому-либо центру, и провинции как территории, находившейся в административной и экономической зависимости от центра*, позволило нам назвать Кунгур, Осу и Оханск уездными провинциями и использовать это определение в названии предлагаемой книги.

Провинциальные города, с одной стороны, вобрали в себя местную историю, а с другой – в них развивались черты общероссийского характера, только непременно в особом, индивидуальном качестве. Такой сплав придает историческую значимость уездным городам, которые в Пермском крае не имеют себе равных. Запечатленные в их облике и судьбе важные события и имена, историко-архитектурные памятники и живописные окрестности – все это поистине значимо и уникально.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУНГУР

XVII в.

*«Разоренный Кунгур по указанию
царя Алексея Михайловича восстановлен
на нынешнем его месте»*

КРЕПОСТЬ НАД ИРЕНЬЮ И СЫЛВОЙ

Междуречье Сылвы и Ирени выгодно отличается от Перми Великой. Пермь Великая – это по преимуществу тайга, много болот, дерново-подзолистые почвы и труднодоступные пути сообщения. В междуречье же с юга вклиниваются черноземные почвы, а леса отступают на север, запад и восток. Растительность здесь лесостепного характера, водоемы славились рыбными ловлями и бобровыми «гонами», леса – пушным зверьем и бортными угодьями. Горы богаты полезными ископаемыми. Здесь много рек, речек и озер. Они удобны для перемещения. Сылва принимает крупный приток Ирень, впадает в р. Чусовую и дает выход в Каму. Все это с давних пор было заманчивым для заселения и освоения одного из южных регионов Среднего Приуралья.

Немного топонимики. Название *Сылва* возникло в коми-пермяцком языке и означает *талая вода* (*сыл* – талый, *ва* – вода). Название *Ирень*, возможно, произошло от татарского слова *айря* – напиток кислого молока, разбавленный холодной водой. Очевидно, оно закрепилось за рекой потому, что в ее воде содержится много извести. По этому поводу В.Н. Татищев в своем «Лексиконе» записал: «Сия река хотя очень не мала и вода очень прозрачна, но столько в ней извести, что животные мало могут пить, и жители по оной более из малых речек и колодезей употребляют, для того в ней рыбы весьма мало». Кстати, еще в начале XX в. воду в Кунгуре предпочитали брать из Сылвы, а не из Ирени, в которой «вода была с большой примесью извести».

Разные источники конца XVI – начала XVII в. называют население междуречья Сылвы и Ирени «татарами», «остяками», «иштеками». Нередко допускается смешение этих понятий. Этническая принадлежность нерусского населения вызвала интерес у многих исследователей, но вопрос этот до сих пор остается до конца не выясненным. Мы поддерживаем мнение тех авторов, которые при-

знают «остяков», «иштеков» народом манси (вогулами), чьими предками были угорские племена, проникшие в V в. с территории Южного Урала. Значительная часть «остяков» и «иштеков» подверглась ассимиляции сначала сибирскими, затем поволжскими татарами и частично башкирами.

Междуречье Сылвы и Ирени входило в Тюркский каганат (VII–VIII вв.), подвергалось влиянию Волжской Булгарии, Ногайской Орды и Казанского ханства. После присоединения в 1552 г. Казанского ханства к Москве территория по рекам Сылве и Ирени стала частью Русского государства. В начале XVII в. здесь было много свободных земель.

Освоение русскими Сылвы и Ирени началось с создания очагов вотчинно-монастырского землевладения. Нижнее течение Сылвы вошло в 1568 г. в состав вотчины Строгановых. Владелец соликамских солеварен Ф. Елисеев с братьями и племянником И. Суровцевым образовал в 1620–1640-е гг. вотчину с местным и пришлым русским населением. Значительными угодьями завладели монастыри – Соликамский Вознесенский и Пыскорский Спасо-Преображенский. Во владениях и на свободных землях селились на льготных условиях беглые крестьяне из многих регионов Европейского Севера.

Быстрым заселением этих мест и наличием большого резерва плодородных земель воспользовалось правительство Русского государства. В 1648 г. оно создает в Среднем Приуралье новый уезд – Кунгурский. Центром его явился острожек, построенный недалеко от впадения р. Кунгур* в р. Ирень. Все это – основание уезда и острожка, поощрение переселения беглых людей на сылвенские и иренские земли – было очень важно для укрепления восточных границ Русского государства. Когда в Москве стало известно, что местные татары продали свои земли жителям острожка, царь Алексей Михайлович указом 1653 г. велел «проданные татарами земли кунгурцам считать за последними, потому что татары те свои земли потеряли сами продажею своею и закладом»*.

* Сивков П. Тяжелые годы, прожитые Кунгуром // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 3.

Немного топонимики. Есть разные объяснения происхождения слова *кунгур*, и среди них, очевидно, самое верное, что это слово тюркское: по-татарски оно означает *бурый*, *смуглый*. Полагают, что название это пошло от темного цвета воды в реке, на которой впервые возник город. Кстати, по мнению ученых, такое объяснение не противоречит толкованию слова в других

тюркских языках: по-башкирски бурый – *куныр*, по-казахски – *коныр*, *конур*.

Однако ученые предупреждают, что название *Кунгур* не обязательно связывать исключительно с географической средой. Это слово широко распространено как антропоним – личное имя. Возможно, тюркское личное имя служило обозначением родоплеменной группы той местности, где протекает р. Кунгур.

На пути заселения и освоения русскими Кунгурского уезда стояла постоянная угроза нападения татарских и башкирских земельных собственников. Возникновение Кунгурского острожка они восприняли как осуществление замысла царской администрации окончательно завладеть их землями. Поэтому местные татары вместе с уфимскими башкирами в 1662–1664 гг. предприняли несколько разрушительных набегов на монастырские вотчины и русские деревни. В 1662 г. они внезапно напали на город и, фактически не встретив сопротивления, овладели им. В один из таких набегов Кунгурский острожек был сожжен. Население его погибло или было уведено в плен.

Новый центр Кунгурского уезда возник не на месте разоренного острожка. По указу царя Алексея Михайловича, в 1663 г. острог (крепость) заложили в междуречье Ирени и Сылвы, недалеко от устья Ирени. Согласно преданию, здесь находилось русское село Мысовское, потому первое время и острог назывался Мысовским. Однако затем острог (крепость) и возникший возле него посад назвали Кунгуром. Поэтому 1663 год стали считать началом существования Кунгура как города.

Новое место являло собою уникальное сочетание природных условий и переплетение важных обстоятельств. Здесь были три реки: Сылва, Ирень (левый приток Сылвы), Шаква (правый приток Сылвы). Гора между изгибами Ирени и Сылвы прекрасно подходила для постройки крепости. Она возвышалась над поймами рек, и отсюда просматривалось все окружающее пространство. Крутые каменистые склоны с трех сторон охватывали гору, и за счет этого создавалось впечатление, что она вклинивалась в междуречье. Рельеф диктовал, как расти будущему городу.

В документах сообщается, что первые оборонительные сооружения Кунгура строились наспех, потому быстро разрушались и их приходилось часто возобновлять. В законченном виде деревянная крепость, которую некоторые письменные источники называют городом, появилась в 1673 г. Но имеются сведения, что «город и

* РГАДА, ф. 214, оп. 5.
д. 743, л. 15.

башни» выстроили в 1693 г. при стольнике и воеводе Федоре Иванове сыне Сухотине*.

Крепость занимала почти всю площадку высокого мыса. Ее стены повторяли его конфигурацию. Крутизна горы обеспечивала естественную защищенность острожка.

Стена крепости протяженностью 323 сажени** была «рубленая в клетки** с восьмью башнями». В кремле первоначально стояли церковь Параскевы Пятницы и часовня, воеводский дом и приказная изба, тюрьма да «застенки»**, сарай деревянный «пушечный и пищальный», винный подвал. Наиболее образное ощущение придавали крепости 8 башен, из них две «с воротами, в которые в крепость въезжали». Тихвинская и Спасская башни выделялись иконами, установленными на фасадах.

** С а ж е н ь – русская мера длины, равная 2,134 м.

К л е т ь – прямоугольный деревянный сруб.
«З а с т е н о к» – стена, окружающая тюремные здания.

*** П и щ а л ь – название ружья, а также артиллерийского орудия XV–XVII вв.

Ф у з е я – кремневое ружье, заменившее мушкет (ручное огнестрельное оружие с фитильным замком).

Опасность со стороны башкир продолжала сохраняться, поэтому в крепости был сосредоточен гарнизон и находилось вооружение. В конце XVII в. здесь насчитывалось «9 пушек чугунных, да 11 пищалей***, да 8 фузей***».

Перепись 1684 г. отметила в Кунгуре 8 улиц, а на них 474 строения: домов посадских жителей – 200, крестьянских – 135, пушкарских и стрелецких – 100, подьячих и дворянских – 19, купеческих – 16, домов священнослужителей – 4.

Несмотря на сохранявшуюся угрозу со стороны башкирских земельных собственников, земледельческое и посадское население уезда увеличивалось.

На рубеже XVII–XVIII вв. по рекам Сылве и Ирени насчитывалось более 4 тыс. дворов, в которых проживало 20 тыс. русских, и 650 юрт с почти 2 тыс. нерусского населения.

Таким образом, Кунгур оказался в центре хорошо заселенной местности с важными сырьевыми богатствами. Эти факторы наравне с выгодным географическим положением вели к быстрому развитию города и формированию устойчивой основы русского старожильского населения.

Застройка Кунгура, сложившаяся к концу XVII в., на протяжении последующего столетия значительно расширялась. Оборонительные сооружения дополнялись земляными валами, стенами и башнями.

«Характер русской колонизации определил собой особое подчинение...»

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОМ И УЕЗДОМ

Карта Кунгурского уезда и сопредельных территорий начала XVIII в.
Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург

Как только началось создание Кунгурского острожка и объединение вокруг него земель, были выбраны земские судьи, которые, минуя соликамских воевод*, напрямую подчинялись приказу Новгородской четверти – центральному органу управления, находившемуся в Москве. Нерусское (ясачное) население по-прежнему было подотчетно соликамскому воеводе, которому по-

* Воевода – глава города, уезда.

В 1671 г. в Кунгур впервые назначается свой воевода, и Кунгур-

* П р и к а з ы – органы центрального управления в России XVI – начала XVIII в. Заменены коллегиями. Приказ Казанского дворца существовал с середины XVI в. до 1708 г. (именовался также Казанским приказом). Владел территориями, присоединенными в XVI в. к Русскому государству после завоевания Астраханского, Казанского и Сибирского ханств.

Р а т у ш а – орган городского самоуправления с судебными функциями.
Б у р м и с т р – управляющий, который надзирал за исполнением посадскими жителями и крестьянами повинностей, за порядком в городе и деревне.

ский уезд целиком выделяется из Соликамского. Крепость становится местом пребывания уездной власти. Во второй половине XVII в. подчинение Кунгура и уезда менялось. После башкирского разорения их отдали приказу Казанского дворца, а с 1688 г. они вновь перешли под власть Новгородского приказа*.

В 1700 г. воевода был отозван, и Кунгур с уездом по январю 1703 г. подчинялся ратуше*. Для местного управления из числа «лучших» людей выбирались земские бурмистры* и их помощники.

«Благовещенская церковь существовала до основания города, при Мысовском селе, и была сожжена, а Праскевиевская церковь была первой в Кунгуре»

ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ

Церковь во имя святой великомученицы Параскевы, «нарицаемой Пятница», была выстроена и освящена в 1675 г.

Почитание защитников города в Кунгуре изначально приурочивалось ко дню Параскевы Пятницы. Праздник в честь этой святой стал здесь историческим воспоминанием. В церковном месяцеслове было три дня ее почитания, но кунгуряки выбрали так называемую Девятую Пятницу – день на девятой неделе после Пасхи.

** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 6 об.

*** «К л е т с к и й» – от слова *клеть*, прямоугольный деревянный сруб.

Ф у н т – единица массы (веса) в системе русских мер; один фунт равен 409 г.

И к о н о с т а с – стена с вставленными в нее иконами, отделяющая в церкви алтарь.

Судя по описанию, относящемуся к 1704 г.***, церковь была рубленой, «клетской»***, с колокольней, на которой висело 8 колоколов весом от 1,5 до 10 фунтов***. В резном иконостасе***, окрашенном зеленой краской и отделанном позолотой, иконы расставлялись в четыре яруса. В первом ярусе находились иконы с серебряными венцами*, среди них иконы Божией Матери

Тихвинской и Параскевы Пятницы с серебряными цатами*.

Церковь Параскевы Пятницы к началу XVIII в. обветшала, поэтому ее разобрали и на этом месте в 1740 г. построили каменный Богоявленский собор, посвятив в ней придел Параскеве Пятнице.

Второй деревянной церковью, появившейся в Кунгуре, была Богоявленская. Эту церковь соорудили возле церкви св. великомученицы Параскевы и освятили в 1677 г. До нас дошло ее подробное описание, выполненное в 1704 г.

Строителями двух ранних кунгурских храмов клетского типа, освященных с разницей всего в два года, были, очевидно, одни и те же мастера.

В 1694 г. земский староста и 58 мирских людей обратились к великим государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу с предложением построить в Кунгуре девичий монастырь. На имя воеводы вскоре пришла царская грамота, в которой предписывалось:

«...на Кунгуре за городом подле земляного города от Сылвы реки порозжее место... и никто тем местом не владеет... и нам, великим государям, пожаловати б их, кунгурцов, велеть на том порозжем месте под церковное строение и под огород отвести земли и монастырь построить».

На чертеже Кунгура 1703 г. монастырь показан в восточной части города между валами. Он имел шатровую церковь во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской, построенную в 1697 г., деревянную колокольню над святыми воротами с тремя колоколами (весом в 5 пудов, 3 пуда и 30 фунтов) и кельи.

Ограда монастыря состояла из столбов и «бревен в заплот». Она была «по мере в длину 38 сажен, поперек 34 сажени». Святые ворота выделялись иконами: на одной стороне «деисус... у святителей образ со святителем», а на другой – «образ Пресвятыя Богородицы с преподобными женами без прикладов».

Как гласит церковная летопись, к открытию монастыря, по обещанию кунгуряков, данному великим государям царям, была написана «икона Пречистые Богородицы Одигитрии Тихвинской», ставшая впоследствии святыней города.

Одновременно с монастырской церковью в 1697 г. в нижнем посаде, на берегу р. Сылвы, освящалась церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Рядом с ней «на деревянном столбу под крышкою» стояла колокольня с колоколами весом «один

* В е н е ц – светлый круг, сияние, изображаемое на иконе вокруг головы святого в знак исходящего от него вечного света.

Ц а т а – полукруглая подвеска, прикрепляемая к венцу на груди.

* П у д – русская мера массы (веса); один пуд равен 16,38 кг.

** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 11 об.

три пуда* с четвертью, другой пуд с четвертью, третий пуд»**.

Всего в Кунгуре в конце XVII в. насчитывалось 4 деревянных храма. Каменное церковное строительство начинается с возведения в 1700 г. Благовещенской церкви.

XVIII в.

«Эти укрепления существовали около ста лет и оказали действительную помощь Кунгуру»

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

В мае – июне 1703 г. в Кунгуре находился С.У. Ремезов (1642 – после 1720), знаменитый русский ученый второй половины XVII – первой четверти XVIII в., известный географ, картограф и первый историк Сибири.

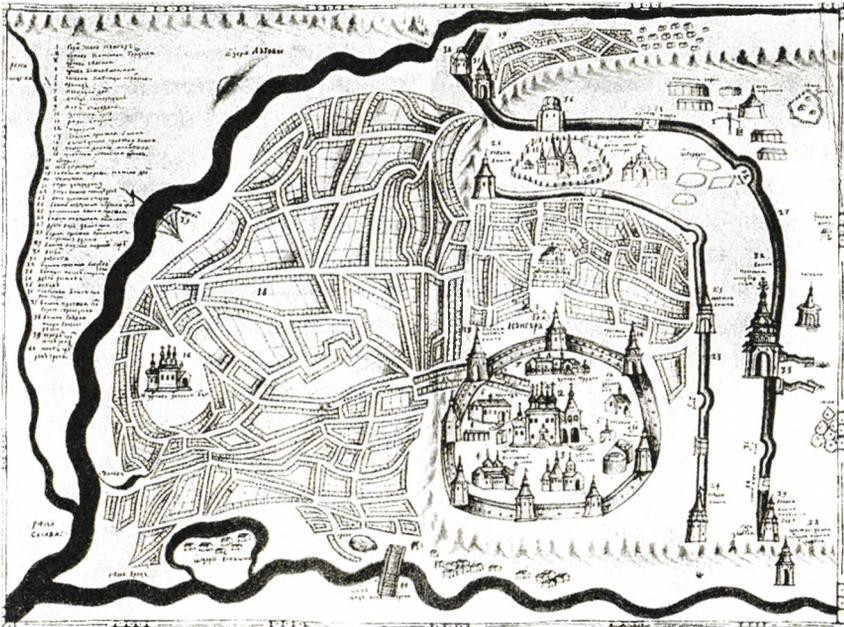

Памятник С.У. Ремезову в г. Тобольске. Бронза. Скульптор О.К. Комов. 1993 г.

С.У. Ремезова направили из Тобольска для описания Кунгурского уезда в связи с переходом его в подчинение верхотурскому воеводе. Но помимо описания ученый вместе с сыном Леонтием подготовил две картографические работы. «Чертеж земли Кунгурского уезда и прилегающих земель» был необходим для разработки удобных путей транспортировки металла с заводов. «Чертеж города Кунгура и посадов» содержал ценные сведения о планировке и застройке Кунгура.

Детальное изображение всех строений на последнем чертеже позволяет отнестись к нему с доверием и использовать его как исторический источник.

Кроме чертежа 1703 г. до нас дошли два письменных источника по Кунгуру, «защищенному сте-

Чертеж г. Кунгура, составленный С.У. Ремезовым в 1703 г. Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург

нами и башнями». В 1704 г. его описал тюменский боярский сын И.Т. Текутьев, а в 1711 г. – кунгурский воевода В.Д. Наумов. Характеристики оборонительных сооружений и храмов в этих источниках никаких расхождений не содержат. Следовательно, на эти описания можно опираться как на достоверные.

Однако если сопоставить письменные сведения с чертежом 1703 г., то расхождения обнаруживаются. Прежде всего они касаются храмов. На чертеже показаны три церкви: каменная Троицкая, деревянные Благовещенская и Спасская – и деревянная же часовня Параскевы Пятницы. В 1704 г., как видно из письменного источника, деревянная церковь была одна – Благовещенская, а Спасская не упоминается. Причина этого расхождения нам не ясна.

Развиваясь как город, к началу XVIII в. Кунгур получил упорядоченную планировку и застройку. Крепость, как уже отмечали, располагалась на высоком мысу и признавалась официальным центром города. Посад являлся жилой и торгово-ремесленной частью. Он развивался от крепости в двух направлениях: на восток, занимая соседний холм, и на север и северо-восток – в низменной и равнинной местности, окруженной реками Сылвой и Иренью. Во-

* Там о ж н я – государственное учреждение, контролировавшее провоз грузов, багажа и почты; взимало пошлины с провозимых грузов.

сточная часть верхнего посада смыкалась с крепостью. В центре его находилась площадь с таможенной* и торговым двором. Продолжением верхнего посада в восточном направлении, но уже за первым земляным валом являлся описанный нами комплекс сооружений Тихвинского женского монастыря.

Посады, верхний и нижний, имели упорядоченную планировку, что, видимо, связано было с организованным землепользованием населения. Крепость возвышалась на горе, на нее ориентировалось все городское пространство. Но одновременно ее доминанты – башни, стены, храмы – поддерживались вертикалями церковей Тихвинского монастыря в нагорной части и Успенской церкви в нижнем посаде.

Своим видом, запечатленным на чертеже С.У. Ремезова и в описаниях 1704 и 1711 гг., Кунгур походил на многие российские города того времени, такие как Чердынь, Верхотурье, Тобольск, Тюмень.

Кунгур был невелик. Его крепость, которая называлась еще собственно городом, так как имела оборонительное назначение, имела почти квадратную планировку: «от стены деревянной в длину и поперек по 85 сажен печатных» и «мерю кругом того города и башен по 343 сажени». Как уже отмечали, крепость была построена в 1693 г. при стольнике и воеводе Федоре Иванове сыне Сухотине**.

В крепостных стенах, которые достигали «в вышину с верхом 3 сажени», находилось 8 шатровых башен: Спасская, Благовещенская, Алексеевская, Тихвинская, Преображенская*** и 3 безымянные. Большая часть башен располагалась с северной стороны, обращенной к нижнему посаду. Именно этой стороной крепость наиболее активно формировала лицо города.

** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 14 об.- 15.

*** Пять башен именовались по иконам, установленным на фасадах.

**** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 14 об.

Главной была Спасская башня. Она стояла над обрывом и была выше других. Ее шатер завершался эмблемой двуглавого орла. Спасская башня была проездной. Из нижнего посада к ней подходил взвоз – главная дорога в крепость. Продолжением взвоза в посаде была улица, идущая к Успенской церкви и р. Сылве. Помимо основных выходов из крепости, в «городовой стене», обращенной к р. Ирени, находились «подле глухой башни выходные двери с запором»****.

Еще одна проезжая башня, Благовещенская, находилась с юж-

ной стороны, напротив Спасской. Она располагалась ближе к проезжим башням, стоящим на двух земляных валах. Через Благовещенскую башню въезжали на территорию крепости с юга, со стороны полей. Спасская и Благовещенская башни были спланированы так, что между ними на одной линии стоял воеводский двор.

На ремезовском чертеже стены и башни крепости показаны с многочисленными бойницами. Под защитой крепости упорядоченно располагались три церкви: в центре – каменная, двусветная*, пятиглавая, с шатровой колокольней Троицкая церковь; к западу от нее – Благовещенская и Спасская. Культурный комплекс дополнялся часовней Параскевы Пятницы. По периметру располагались служебные здания: воеводский двор, караульня, приказ, земская изба, амбар со снарядами и амбар с порохом.

Кроме основной крепости, город имел еще две линии обороны. В описании И.Т. Текутьева (1704) эти линии называются «вторым городом земляным деревянным» и «третьим городом земляным деревянным», так как основу их составляли земляные валы и рвы, протянувшиеся от Ирени к Сылве. Они преграждали и путь к крепости, и выход на все междуречье, где располагался посад.

Как гласит летопись, «второй город» сооружался в 1697 г. «при воеводе Иване Иванове сыне Черникове кунгурскими градскими и уездными всяких чинов жителями из мирских чинов». На втором, то есть на внутреннем, валу возвышались деревянные сооружения, о которых в 1704 г. И.Т. Текутьев сообщил следующее:

«На том старом земляном городе над рекою Иренем башня деревянная рубленая, четверугольная глухая, а на середине того города башня деревянная рубленая, четверугольная с проезжими воротами, а над воротами у той башни иконы... Да на другом конце того ж старого города на горе башня деревянная рубленая, четверугольная глухая»**.

Таким образом, на земляном валу стояли со стороны рек глухие башни, а посередине – башня проезжая.

Далее боярский сын Текутьев уточняет топографию города с внешней стороны, где «третий город земляной деревянный... от реки Ирени и до реки Сылвы»:

«...подле той реки Ирени на берегу против того земляного деревянного города под камнем башня деревянная проезжая, четверугольная без верху. Да против той башни на том камню по конец земляного городу башня деревянная рубленая, четверугольная глухая без верху. А от той башни к земляному городу до проезду 50 сажень, а тот проезд деревянной покрыт»***.

* Двусветная – с окнами, располагавшимися в два ряда.

** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 15 об.

*** Там же, л. 15 об.

Вторая башня была главной, называлась Алексеевской. Она имела внизу четверик и «вверху два става осьмиугольные с уступом»*, то есть обладала традиционной конструктивной формой «восьмерик на четверике». Кроме того, в ансамбле крепости она выделялась отлитыми из металла фигурами орлов.

* РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 16

Предполагается, что третья, внешняя линия обороны пролегла не дальше пересечения современных улиц Свободы и Голованова.

** Убогий дом – строение, возведенное на месте захоронения людей, умерших «не своей смертью» (утонувших, убитых).

Возле Алексеевской башни с наружной стороны находились часовня, убогий дом**, колодец, кирпичные сараи, гумно, «два тайника рубленые деревянные против рву», а прибрежную часть Сылвы занимал питейный двор с погребом.

«Третий город» возводился в 1698 г. при стольнике и воеводе Алексее Иванове сыне Калитине «кунгурскими градскими и уездными всяких чинов людьми из мирских доходов, от прочих ясных иноземцев».

Стены, располагавшиеся по земляным валам, достигали «в вышину 2 сажени, в ширину полутрети сажени». В целом «земляной город» – второй и третий – имел «в длину по мере 387 сажень печатных» и 5 башен, в том числе 2 проезжие башни.

На основании всех имеющихся письменных источников обозначаются периоды, в которые возводились оборонительные сооружения Кунгура. Крепость закладывается в момент основания Кунгура между Иренью и Сылвой – в 1663 г. К 1673 г. возникает восьмибашенная крепость. Затем оборонительные сооружения появляются на земляных валах: в 1697 г. – вторая линия, в 1698-м – третья.

Начало XVIII в. – следующий градостроительный период. Воевода В.Д. Наумов, принимая Кунгур в 1711 г., в «расписном списке» отметил существование еще двух защищенных территорий.

*** Лука – излучина реки с широким и открытым берегом.

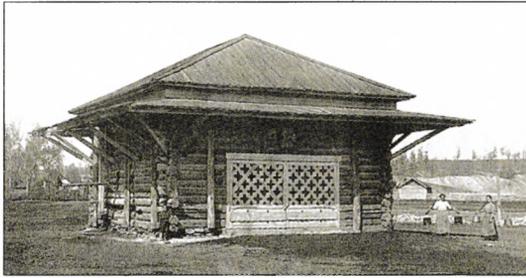
Дранье – полубревна, полученные путем раскалывания цельного бревна на две части.

**** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2156, л. 1 об.

Первая – в Засылвенской (правобережной) части, в так называемой луке***: «...между тою рекою стена забрана в столбы заплотом и покрыта драньем***». В этой стене протяженностью 214 сажень стояла «одна башня проезжая»****.

Эта башня называлась Преображенской. Она была квадратная в плане, с проездом в центре.

Проезд закрывался решетчатыми воротами. Стены башни были сложены из 18–19 бревен, соединенных в углах способом в обло, то есть в полукруглые выемки-чаши, и с выходящими за пределы наружной плоскости стен концами. На одной из стен башни имелись

Преображенская башня рубежа XVII–XVIII вв.
Фото начала XX в.

отверстия для ружей, чтобы удобно было во время обороны «палить по мятежникам». Сохранились фотоснимки башни, но на них она запечатлена не в первоначальном виде. Вместо четырехскатной крыши она могла

иметь шатровое завершение и нависающий выпуск верхней части сруба для ведения «подошвенного» боя. Ниже свесов поздней крыши по всему периметру башни укреплялась на стропилах пологая скатная кровля для отвода воды от сруба.

Следует отметить, что она стояла еще в конце 1920-х гг. (см. ил.). Очень жаль, что Кунгур лишился редкого памятника русского крепостного деревянного зодчества.

Вторая территория, которая получила укрепленные сооружения, находилась ниже крепости, между Сылвой и Иренью. О них рассказывается так:

«...забрано в столбы и покрыто драньем 460 с полтрети сажени, на той стене одна башня проезжая. От той стены подле Ирени реки вверх до торговой и по угору, и по серебряной горе до вышеписанного земляного города забрано в столбы и рублено в карасы по мере 560 сажан с полусаженью. На той стене одна башня проезжая»*.

Время возникновения новых оборонительных сооружений отнесено к 1705–1708 гг. Тогда, как отметил воевода В.Д. Наумов, Кунгур имел оборонительные стены «всего того земляного и деревянного, и что за Сылвою в луке, и между Сылвою и Иренью, и вверх по Ирени, и по угору, и по серебряной горе 1698 сажан»**, что равнялось 3,6 тыс. м. Во всех стенах стояло 16 башен.

Все оборонительные постройки Кунгура органично соединялись с рельефом и храмами города.

Знания о крепостных сооружениях города начала XVIII в. и приведенные здесь сведения о них можно подкрепить в Кунгурском музее, где экспонируется хорошо сделанный макет его первоначального вида.

* РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2156, л. 2.

** Там же.

«...для хоромного строения
в Кунгуре вытесать десять тесниц
да выдрать двести драниц»

ЖИЛИЩЕ НАЧАЛА XVIII В.

Над заголовком этой главки фраза из договора крестьянина Кунгура на постройку в 1700 г. нового дома. Она свидетельствует о древнем способе получения кровельного материала и архаичной конструкции крыши. Для кровли крыши *тесницы*, то есть тес, получали путем тесания цельного бревна, а *драницы* – из пополам расколотых бревен. Этот материал использовался для возведения *самцовой* – безгвоздевой крыши, когда тес кладется не на наклонные стропила, а на горизонтальные бревна – *слег*, закрепленные в бревенчатых фронтонах-*самцах*.

Срубы состояли из круглых бревен, по углам их соединяли в *обло*, поэтому в Кунгуре такие избы назывались *облыми*.

Жилище любого народа – явление сложное. Оно возникает и развивается под воздействием разных природных, исторических, художественных и эстетических традиций. Мы располагаем источниками для характеристики народного жилища Кунгура разных периодов, но сейчас поговорим о том, как его строили на рубеже XVII–XVIII вв., что значительно поможет получить представление о градостроительном развитии города.

Основными жилыми постройками Кунгура были избы с сенями и клетью, топившиеся *по-черному*. Нам известно, что переделывать черные избы на белые начали только в первой половине XIX в. Долгое бытование старого типа жилища объяснялось большой влажностью климата. Печь с открытым очагом и дымом, расходившимся по верхней части жилища, позволяла иметь сухой воздух.

Судя по описаниям десяти изб Кунгура, включенным в купчие и закладные документы 1703 г., жилище имело однорядную застройку – изба, сени и клеть располагались по одной линии: «...в посаде под горою продал двор свой избу с клетью и с сенцы», «...в посаде под горою дворового строения изба елевая (еловая. – Г.Ч.), перед избою сенцы и клеть на подклете и со всем дворовым строением»*. Двор пристраивался сбоку, то есть параллельно жилищу. В этом варианте усадьба приобретала двухрядную форму. Жилище и двор имели крыши «на два коня» – каж-

* РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 5087, л. 2 об. – 10 об.

дая была двускатной. Эти особенности хорошо сохранялись в поздних усадьбах.

Письменные сведения 1703 г. позволяют обнаружить сложную конструкцию клетки, примыкавшей к сеним. По примененной терминологии «клеть на подклете», «клеть с погребом» нетрудно предположить, что клетки были двухэтажными*. Подклет и погреб – это нижний этаж, сюда заходили с улицы. В помещениях верхнего этажа, куда заходили из сеней, хранили одежду, посуду, продукты, предметы прядения и ткачества, а в летнее время спали.

* РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 5087, л. 5 об., 10 об.

Изба имела планировку, получившую в литературе название «северно-русский вариант». Для нее характерно расположение русской печи в углу при входе, а переднего, чистого (почетного, святого) угла – по диагонали от печи. Со стороны устья (чела) печи располагалась кухня. Полати, полки, лавки составляли непрременную обстановку жилого помещения.

Приведем отрывок из купчей 1703 г., который наиболее полно характеризует кунгурскую усадьбу:

«...продал... двор свой избу елевую, против той избы клеть над погребом, промеж избою и клетью сенцы, забрано в приплот (заплот. – Г.Ч.), и со всем дворовым строением, да постороннего двора амбару с замком и с ключом»**.

В этом случае мы видим жилище трехкамерное (изба, сени, клеть), расположенное возле двора, а амбар, предназначенный для муки и зерна, стоял в стороне от избы и двора.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что кунгурские усадьбы повторяют в своих конструкциях и планировке типичные черты северно-русской строительной культуры, которые получили широкое распространение на Урале и в Сибири***.

** Там же, л. 9.
*** На путях из земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII–XX вв. – М., 1989. – С. 95–143.

Трехкамерное жилище не исчезало в Кунгуре и позднее, хотя и видоизменялось: вместо клетки появлялась вторая жилая изба, а затем и сени обустраивались в жилое помещение. Обычно такое жилище размещалось чаще всего вдоль улицы, но вход в него устраивался по-новому – во дворе. Усадьбы с трехкамерным жилищем позднего варианта сохранились до нашего времени (ул. Пугачева, 45; ул. Уральская, 33).

«По этим находкам стало возможным изучать целые пласты истории города»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Исследования археологов в окрестностях Кунгура начались в конце XIX в. Их проводили председатель Пермской ученой архивной комиссии Н.Н. Новокрещенных и известный русский археолог А.А. Спицын. Богатый материал дали раскопки Бродовского могильника на р. Шакве, кургана на Спасской горе, жилища на Ермаковом городище. Археологические экскурсии организовывал местный краевед и журналист Е.Н. Косвинцев. Ему удавалось обнаружить редкие предметы – иранскую и византийскую серебряную посуду и украшения*.

* Косвинцев Е.Н. *К истории кунгурской археологии // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1926. – Вып. II. – С. 181.*

Начиная с 1920-х гг. изучение древних памятников ведут археологи Пермского университета (сначала А.В. Шмидт, затем О.Н. Бадер, В.Ф. Генинг, В.А. Оборин), а также ученые Удмуртского университета под руководством Р.Д. Голдиной. В.А. Оборин раскапывал Старый Кунгур, так называемый первогород на р. Ирени, известный еще в реестре памятников как Троицкое поселение XVII в. Здесь были выявлены остатки оборонительных укреплений и хозяйственных построек, найдены фрагменты русской гончарной посуды, нательные кресты, наконечники стрел, костяные изделия и монеты.

Много нового о ранней истории Кунгура предстало перед нами в результате раскопок культурных слоев, которые были начаты в 1990 г. на территории современного города участниками Камской археологической экспедиции Пермского университета. Их находки позволяют реконструировать материальную культуру преимущественно XVII–XVIII вв.

На территории нижнего посада обнаружены остатки мостовых сооружений. Здесь найдены разнообразные предметы: керамика, хрустальная стопка, железный ковш, подстаканники, сечка, вилки, топоры, ножи, удила, весовая гиря, наконечник стрелы, слюда оконных рам, несколько наборов печных изразцов, а также курительная трубка, медное кольцо, пуговицы, бусы. Многие из них украшены сообразно развивавшимся нормам эстетического вкуса.

Возле Успенской церкви в 1996 г. была вскрыта поварня (кухня) – остаток усадьбы зажиточного горожанина второй половины XVII в.

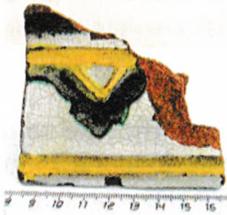
Вскрытие древнего культурного слоя. 2003 г.

Слюдяные пластины из металлического переплета рамы окна. Начало XVIII в.

Глиняный сосуд для приготовления пищи. Начало XVIII в.

Фрагмент полихромного изразца XVII в.

Берестяная шкатулка, украшенная тисненым орнаментом. Начало XVIII в.

Железные ножи XVIII в.

С обнаружением здесь бревенчатых венцов и предметов обстановки и быта получена возможность уточнить сведения о строительной культуре и домашней деятельности горожанина. Поварня имела площадь не более 9 кв. м. Нижний ярус занимал погреб. Посередине стояла кирпичная печь. В оконные рамы вставлялись слюдяные пластины с металлической окантовкой. Собранные предметы были известны в Средневековье: кремневые кресала – приспособления для высекания искры при зажигании печи; ножи и точила для них; фрагменты глиняной, стеклянной и деревянной посуды. Несомненный интерес в коллекции бытовых предметов представляет женская серьга. Она изготовлена с эмалевыми вставками и подвесками из агата. Это без сомнения один из лучших образцов московского ювелирного искусства, найденных в Прикамье.

* Соколова Н.Е. *Историко-археологическое изучение Кунгура // Пермский край: прошлое и настоящее. – Пермь, 1997. – С. 18–19.*

Кости животных, птиц, рыб, оказавшиеся в земле, позволили реконструировать продукты питания. Ели щуку и осетровых рыб, индюка и цыпленка, свинину и мясо бобра*.

Возле Соборной площади найдены остатки посуды (гончарной, фарфоровой, фаянсовой), фрагменты столовых приборов и штофов, рюмки, изразцы, а также женское кольцо и берестяная коробка-шкатулка. Археологи предположили, что в их раскопе оказалось сезонное полуземляночное жилище, которым пользовались строители, возводившие в 1700–1704 гг. каменный Благовещенский собор.

Комплексно предстает материальная культура в раскопе на правом берегу Ирени, возле моста, по которому въезжали в город и выезжали из него. В культурном слое вскрыты венцы жилища, погребца, остатки печи. Здесь найдены разваленные керамические

** Жуковский А.С. *Исторический центр Кунгура как памятник археологии // Грибушинские чтения – 2006: ист.-культ. и природ. наследие как фактор развития территории. – Кунгур, 2006. – С. 92–97.*

сосуды, наборы ножей, рыболовное грузило, всевозможные фрагменты слюдяных окон и изразцов, редкая майоликовая помадная банка и монеты времени правления Екатерины II**.

Комплекс археологических находок насчитывает более тысячи предметов, что позволяет достаточно определенно и подробно характеризовать его как остаток материальной культуры Кунгура. Наряду с документальными повествованиями эти находки заполняют многие белые пятна в ранней истории города. Археологическое изучение Кунгура будет продолжено.

*«Был у крестьян совет и такое намерение:
как уедет из города воевода Калитин
к рудным горам, прийти им в город,
засесть и его, воеводу, в город не пустить»*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1703 г.

В январе 1703 г. по указу Петра I Кунгурский уезд отошел Сибирскому приказу, и земские бурмистры подчинились верхотурскому воеводе. Этот же указ предусматривал привлечение населения Кунгурского уезда к обслуживанию вновь возникающих металлургических заводов, что вызвало недовольство как среди посадского населения, так и среди крестьян. Крестьяне, предвидя закрепощение, организовали восстание. Вот как развивались события.

Верхотурский воевода А. Калитин в мае 1703 г. направил в Кунгур группу служилых людей и двух подьячих* для ревизии налоговых документов, таможенных сборов и казенной винокурни в с. Орда, а для переписи населения – сына боярского И. Текутьева. Тогда же от воеводы появился в Кунгуре подьячий М. Протопопов с заданием добывать руду на реках Быме и Турке и перевозить ее, привлекая для этого местное население. Земские и таможенные бурмистры Кунгура восприняли это как вмешательство в их дела и отказались от отчета. Посадские и уездные торговцы-скупщики были заинтересованы в свободных условиях торговли и предпринимательства, в независимости от воевод. Они уплатили двойной оклад тягла*, чтобы сохранялось бурмистерское управление, а не воеводское, и ратовали за выбор бурмистров из мирской среды, то есть своих людей.

Узнав о тревожной ситуации, в июле 1703 г. в Кунгур прибыл верхотурский воевода А. Калитин. Его появление взбудоражило и посадское, и крестьянское население. Обстановка накалилась. Крестьяне отказывались предоставлять подводы и заниматься рудокопным делом. Недовольство вызывалось и тем, что для работы на заводах привлекались люди многих поселений. Посланцы воеводы были разоружены, избиты и связаны. Заставы с верхотурскими служилыми людьми на дорогах уезда подверглись налетам и разграблению. В ряде сел и деревень раздавались призывы расправиться с воеводой. Инициаторами

* П о д ь я ч и й – мощный дьяк для ведения делопроизводства. Дьяк – должностное лицо разных ведомств в России до XVIII в. Дьяки руководили местными и центральными учреждениями.

Т я г л о – система и единица обложения денежными и натуральными повинностями.

Восставшие стали «станциями в полуверсте от города». Воевода направил к ним земского бурмистра с помощниками, старосту, посадских богатых людей расспросить о причине такого «многолюдного собрания». Воеводские люди уговаривали повстанцев разойтись по домам. Но те заявили, что «есть им, крестьянам, дело до воеводы, и идут де к нему все головами смотреть государевых указов, по которым их заставляют работать на рудных промыслах»*.

Когда люди воеводы возвратились в город, крестьяне «многими толпами» подступили к крепостным стенам. К ним вышел И. Текутьев с отрядом служилых людей. Он передал просьбу воеводы прекратить движение в город, иначе тот распорядится начать стрельбу из пушек и ружей. В ответ на это из рядов восставших крестьян вышло человек десять во главе с А. Пигалевым и Т. Печерских. Они потребовали предъявить указ, по которому воевода распоряжается в Кунгуре. В этот момент служилые люди схватили А. Пигалева и Т. Печерских и через проезжую башню на земляном валу увели в крепость. Крестьяне закричали и бросились в погоню. Перепуганный воевода распорядился стрелять по толпе из пушек и ружей.

Крестьяне были вынуждены отступить от города, однако ночью расставили караулы по всем дорогам, ведущим в Кунгур. Город оказался в осаде. А. Пигалева и Т. Печерских, оказавшихся в плену, подвергли допросам и пыткам. Воевода смог «вымучить» у Пигалева письменный призыв к восставшим прекратить бунт.

Утром 18 июля крестьяне «с великим собранием» вышли из лесов и «пришед с оружием, с пищальми и с луки, и с копыи, и с косами и стали под город в ближних местах, чтоб им свое прежнее злое намерение исполнить»**.

Осажденный воевода снова направил к восставшим депутацию, состоящую из духовенства, бурмистра и местных богатых людей. Поручил им зачитать указ Сибирского приказа о передаче Кунгурского уезда под верхотурского воеводу и о привлечении крестьян к рудокопным работам. Посланники воеводы уговаривали крестьян прекратить бунт, подчиниться правительственному распоряжению. Но крестьяне не хотели признавать зачитанный указ, они по-прежнему требовали, чтобы воевода покинул Кунгур. Воевода в ответ снова приказал открыть огонь.

Не попав в крепость города, крестьяне пошли «многолюдством для собрания в с. Орду». Туда же воевода направил 20 верхотурских казаков и кунгурских стрельцов. Однако на совете крестьяне решили не отказываться от своих требований.

Воевода А. Калитин боялся выйти из крепости, поскольку все дороги в город находились под охраной восставших крестьян. Он долго отсиживался, не предпринимая ничего. Но в конце концов, боясь нового натиска, тайно вышел из крепости и окольными путями бежал вниз по Сылве-реке в строгановское с. Серьгу. С собой он прихватил плененных у стен крепости А. Пигалева и Т. Печерских. Когда до Серьги дошла весть, что крестьяне всех, кто придет из Верхотурья, «будут убивать бес пощады», воевода решил покинуть Кунгурский уезд. Крестьяне, узнав о бегстве верхотурского наместника, прекратили волнения.

События, произошедшие в Кунгурском уезде в июле 1703 г., воевода А. Калитин подробно описал и челобитную* направил в Москву, в Сибирский приказ. Узнав об этом, крестьяне решили опровергнуть выдвинутые против них обвинения. Они опасались, что за действия, направленные против власти, им грозит смертная казнь. В челобитных, направленных в Сибирский приказ, они писали о произволе воеводы и служилых людей и свое выступление выдавали за мирный приход к воеводе для решения жизненно важных вопросов. Крестьян поддержали бурмистр и староста Кунгурского уезда, а также кунгурские посыльщики, которые находились в Москве.

Правительство намеревалось провести расследование, наказать виновных, но каких-либо сведений по этому поводу в документах не обнаружено. Результата же восставшие добились: в Кунгуре сохранялось бурмистерское управление. Кроме того, крестьяне освобождались от обременительного «рудоконного дела».

Историк А.А. Преображенский, изучивший челобитные воеводы, служилых людей и крестьян, пришел к такому заключению:

«Кунгурское восстание 1703 г. можно с полным правом считать крупным актом борьбы крестьянства против усиливающегося гнета...»**.

** Преображенский А.А. *Очерки колонизации Западного Урала в XVII - начале XVIII в.* - М., 1956. - С. 272.

Кунгурское восстание послужило толчком для выступления зауральских крестьян. Так, А. Калитин, сохранивший должность верхотурского воеводы, писал в 1707 г. в Сибирский приказ:

«А верхотурских слобод крестьяне, смотря на кунгурцев, что они без всякого розыску от той работы отбыли, а наказания им не учинено, и за их приход к городу и за умысел их в убийстве моем, что хотели меня убить, указу ни какова им не учинено ж, тебе, государю, не работать, так же, как и кунгурцы, в работе заводов отказали, и завод остановили, и меня убить хотели ж»***.

*** РГАДА. ф. 214. оп. 18, д. 1069, л. 1.

В челобитной воеводы шла речь о выступлении крестьян, приписанных к Алапаевским заводам. Но, в отличие от кунгуряков, алапаевские крестьяне подверглись жестоким пыткам, беспощадному вооруженному отпору.

После восстановления в 1706 г. в Кунгуре воеводского правления вновь заступивший воевода получил наказ с большим арсеналом приемов царской политики по отношению к населению, открыто выступившему против местной власти. В критическую пору верховная власть государства наказывала:

«Наперед всего сказать кунгурским всяких чинов служилым и жилецким, и торговым, и приезжим людям великого государя... жалованное милостивое слово, что великий государь их... пожаловал, велел беречь и нужды их рассматривать, чтоб им ни от кого ни в чем нужды и тесноты, и убытков, и обид, и продажи, и налоги не было б, и они б... ево царским милостивым призре-нием и жалованьем жили в тишине и в покое безо всякие нужды...»

Но одновременно вменялось в обязанность воеводе «накрепко» проводить о «шатости и измене», поощряя доносы и «придобрять лутчих людей», а также «держатъ... ласку и привет и береженье», «не жесточить население»*.

* РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 968, л. 4-8.

*«...продавались товары с кунгурской
таможенной оценкой»*

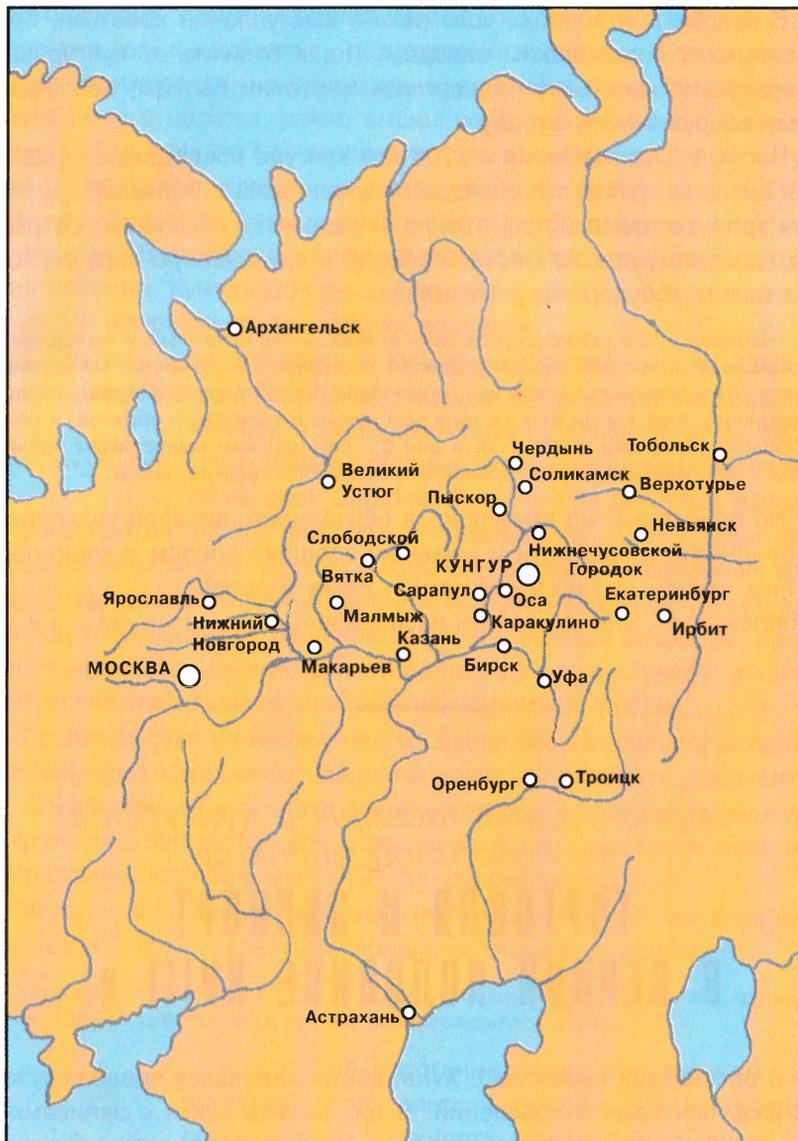
ТОРГОВЛЯ И ЭКСПОРТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В российских таможах с XVI в. контролировался провоз грузов, багажа, почтовых отправок. В них велись книги с записями о результатах досмотра и оценки ввозных, вывозных и транзитных товаров, которые сегодня позволяют погрузиться в многообразный мир российской рыночной экономики.

Откроем книги Кунгурской таможи, чтобы с документальной точностью представить торгово-промышленное развитие Кунгура в начале XVIII в.**.

Основную массу товаров везли в Кунгур с Вол-

** Там же, оп. 18, д. 1043, 1322.

Торговые связи Кунгура по таможенным книгам начала XVIII в.

ги (из Казани и со знаменитой Макарьевской ярмарки), из Вятской земли (с рынков городов Вятки (Хлынова), Слободского, Малмыжа, Сарапула) и даже из Кадашевской слободы Москвы.

По таможенным выпискам, один казанец доставил в 1703 г. в Кунгур такой товар:

«... 600 аршин крашенины ровной, 60 пар обуви, 70 юфтей козловых желтых и черных, чулки, 10 шапок овчинных...»

Другой:

«... 5 шапок суконных с русскими овчинными околышами, 3 фунта олова, 20 снурков шелковых с пуговицами, 10 кумачей красных, 5 фунтов шелку».

Еще одному казанцу удалось продать в Кунгуре:

«25 юфтей уресков красных, 10 обуви сапогов козловых и конинных, 5 юфтей козловых желтых и красных, 5 концов крашенинных, полпуда сандалу красного»*.

Татарин из «казанской деревни Малмыжского городу» привез в Кунгур «8 фунтов шелку, да котлов полпуда красной меди... шелковых тесем, фунт краски черемисской руки**»***.

В ассортименте товаров, ввозимых в 1703 г. с Макарьевской ярмарки, преобладали ткани, одежда, посуда, писчие принадлежности. В одной таможенной записи перечислены:

«1000 аршин – крашенина лосковая сандальная, 150 аршин пестряди русской сандальной, 100 аршин холста средней руки... бумага писчая, бумага красная... 4 шапки овчинные, 6 шапок трухменских», в другой – «100 аршин пестряди русской сандальной, 3 стопы бумаги писчей, 4 шапки трухменские, 5 пар кож с вилками... 5 фунтов бумаги красной... 2 фунта шелку по цветам, 4 святцы печатные, 10 тысяч иголок, 5 понитков серых»****.

Товары с Макарьевской ярмарки привозились как жителями Кунгура, так и торговыми крестьянами Строгановых. Вот какую выписку на товары предъявил в 1703 г. в Кунгурскую таможду строгановский крестьянин:

«3 фунта 2 четверти шелку по цветам, 500 аршин гарусу, 8 снурков шелковых, одну юфть, фат бумажных, 2 фунта бумаги красной, иголки, 50 гребней роговых, ладану кадилного, 40 снурков бумажных, фунт горячей серы, перец, 30 мошень полкумача красного, 1257 аршин тканцу нитного»****.

Многочисленным ассортиментом выделялся товар Вятской земли. Кунгуряки привозили «по Вятской Хлыновской выписке товар: 1000 сосудов щепья, блюд и ставцев 8 десятков, клещей конских хомутных, 1400 ложек простых, 5 ставней решет, 14 ставней сит, 300 стаканов деревянных»****.

У «вятчанина слобожанина Д. Ложкина» были взяты в 1703 г. пошлины со следующих товаров:

«...с 48 котов средних, с 65 башмаков больших и малых, с 30 сапожков малых, с 15 сапогов мужских больших и средних, с 30 шапок овчинных яреновых ветошных с конца сукманины, с 20 аршин сукна яренгу, с 3 концов холсту хряцу, с 6 юфтей баранов по цвету, щепья простого мелкого, со 100 мо-

* РГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 1043, л. 51 об. – 52, 115 об.

** Название краски дано по имени народа, который ее изготовил: черемисы – устаревшее название марийцев, живущих в Среднем Поволжье и Приуралье.

*** РГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 1043, л. 81.

**** Там же, л. 104, 127 об.
Там же, л. 107 об.
Там же, л. 115.

Таможенные книги хранят сведения, что в 1703 и 1708 гг. в Кунгур в большом количестве везли рыбу из городов средней Камы – Бирска, Сарапула, Осы и с. Каракулино*.

В торговле товарами «кадашевцев... по московской таможенной выписке» преобладали галантерейные предметы и зеркала. Кадашевец Яков привез в Кунгур:

* РГАДА, ф. 214, оп. 18, д. 1322, л. 12 об.

«...тысячу мишур сурку мишурного, 5 тысяч аршин галунов мишурных гладких и с городами тридцать, 2 тысячи аршин гарусу, 32 кружка, поясов нитных 15 тысяч аршин, снурку нитного 16 аршин, зеркал счетам хрустальных 5 дюжин, зеркал хрустальных 23 дюжины, зеркал хрустальных малой руки 7 дюжин, фунт без четверти галунов и кружив золотых, 47 коробок стекол зеркальных простых, 25 натрусок роговых, 1 икол, 20 турашек мишуры... 580 аршин тканцу шелкового, 70 поясов шелковых, 100 пряж медных к башмакам, 80 наперстков железных, 25 ножи с оправой оловянною... 120 пар подвязок медных, 39 зеркал круглых...»**.

** Там же, д. 1043, л. 68.

Материалы, содержащиеся в кунгурских таможенных книгах, позволяют установить ассортимент и районы сбыта товаров, а вместе с этим степень развитости товарообмена и процесс слияния отдельных местных рынков в общий всероссийский рынок, на базе которого шла централизация Российского государства.

На кунгурском рынке торговым людям предлагалось купить и увезти для продажи в своих городах железо, слюду, мыло, кожи, меха, косы, муку, зерно, толокно, солод, хмель, сало говяжье и др.

«Железо обжатое» и «железо кришное» постоянно вывозилось в Казань, Слободской, в Пыскорский монастырь, «слюда сибирская» – в Казань, «кожи кунгурские» – в города Ирбит, Верхотурье, Слободской и в строгановские городки и острожки. Достоверную запись по этому поводу обнаруживаем в одной из таможенных книг 1703 г.:

«...казанец... купил на Кунгуре в торгу... 89 лосин, 36 оленин, 2000 белки, 1000 заячин, 20 медведей средних, 10 медведок малых»***.

Из таможенных книг известно, что из Кунгура ушли в Уфимский уезд один раз «400 кос горбуш», а второй – «полтретья ста кос горбуш»***.

*** Там же, л. 57. Там же, л. 63–63 об.

Таким образом, Кунгур в первой половине XVIII в. был одним из наиболее значимых региональных рынков, втянутых в широкие экономические связи общероссийского масштаба.

«В это время завязывался в Кунгуре узел, в пункте, шедшем на смену Соликамску и непосредственно предшествовавшем крупному городу Урала Перми»

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Правительственным указом от 18 декабря 1708 г. была учреждена Сибирская губерния с центром в г. Тобольске. Под власть сибирского губернатора перешел весь Средний Урал. В 1719 г. в Сибирской губернии была образована Соликамская провинция, в состав которой вошел и Кунгурский уезд. С 1734 г. Кунгур стал центром вновь образованной большой провинции, именованной Пермской. В 1737 г. Кунгурский уезд, как и многие западные земли Приуралья, отошел в Казанскую губернию.

В Кунгуре было положено начало формированию системы управления горнозаводской промышленностью Урала. Правительственная комиссия во главе с В.Н. Татищевым, когда обследовала действующие заводы и выбирала места для строительства новых, прибыла 30 июля 1720 г. в Кунгур и создала в нем Кунгурскую горную канцелярию – первый орган горнозаводского управления. Возглавил горную канцелярию В.Н. Татищев. В марте 1722 г. вместо него заступил на должность горного начальника генерал-майор В. Геннин. Когда стал успешно развиваться завод в Екатеринбурге, орган управления уральской горнозаводской промышленностью из Кунгура был переведен туда.

Кунгур сыграл большую роль в создании Егошихинского медеплавильного завода и поселка при нем – будущего города Перми. В.Н. Татищев, прозорливо видевший будущее Урала, в 1723 г. перевел из Кунгура на устье р. Егошихи медеплавильный завод, а вместе с ним арифметическую школу и часть населения города. Но на этом роль Кунгура не заканчивается. Впоследствии, когда на карте Урала появится город Пермь, его первыми городскими головами станут кунгурские купцы.

Помимо правления Пермской провинции и органов управления городом и уездом, в Кунгуре с 1759 г. находилось и Пермское управление горными заводами, которое было переведено сюда из поселка Егошихинского завода после того, как завод был переподчинен из казны графу Воронцову. Пермское управление горными

Карта Пермской губернии конца XVIII в.

заводами находилось в ведении Главного Екатеринбургского управления.

В 1781 г. Кунгурский уезд вошел в состав вновь образованного Пермского наместничества, а в 1797 г. – Пермской губернии.

*«Соликамск приостановил
свое развитие,
а на линии от р. Сылвы до р. Исети
развивался Кунгур»*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В середине XVIII в. более 80% населения Кунгура составляли русские. Представителей других народов – татар, башкир, марийцев, манси – насчитывалось не более 500 человек. По общему числу жителей – а это, например, 5523 человек в 1771 г. – Кунгур занимал пятое место после Оренбурга, Екатеринбурга, Нижнего Тагила и Невьянска. На Среднем Урале Кунгур был на первом месте по числу купцов, уступая по этому показателю только Оренбургу.

Кунгур имел преимущества в сравнении с Соликамском, поскольку у него было более выгодное географическое положение. К концу XVII в. роль Европейского Севера в экономике страны ослабла, и одновременно торгово-транспортный центр Среднего Урала переместился южнее – на среднюю Каму, Чусовую, Сылву.

Торговый путь по южным рекам и официально открытый в 1763 г. Сибирский тракт с Камы через Кунгур на Екатеринбург оказались безусловно выгодными для развития Кунгура с его давно сложившимися торговыми отношениями. Следуя по Сибирскому тракту и попав в Кунгур, можно было дальнейший путь продолжать по р. Сылве (от Кунгура она была судоходной).

Быстрому росту Кунгура способствовали и такие факторы: заводское окружение, природные предпосылки для развития земледелия и скотоводства, успешно развивающаяся кожевенная промышленность.

В 1724 г. в Кунгуре строится первый кожевенный (юфтяной) завод. Вскоре возникло еще несколько подобных предприятий. Сбыт красной юфти в основном шел на Южный Урал – в Оренбург и Троицк. Кроме того, действовало несколько мыловаренных (первый

с 1744 г.) и мукомольных заведений. Промышленность в Кунгуре в начале XVIII в. еще не играла большой роли, но с середины века она приобретает значительное развитие.

Кунгур становится центром кустарных промыслов и ремесла. В 1771 г. 642 человека занимались промыслами, но в производстве кож и шитье обуви их было в 4–5 раз больше. В конце XVIII в. кожевенных заводов насчитывалось около 140. На них ежегодно вырабатывалось различных сортов юфти* на 120 тыс. рублей. Как отмечают исследователи, таких крупных кожевенных центров было немного в России**.

На кунгурские кожи и кожаную обувь был постоянный спрос как со стороны местного населения, так и в Перми, Ирбите, Невьянске, Екатеринбурге. Юфть в силу особого качества сбывалась в основном на рынках г. Оренбурга и среднеазиатских городов. Эти рынки приносили колоссальную прибыль.

Вот какое свидетельство об этом сохранилось в «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н.С. Попова:

«...красная или бухарская юфть выделяется в самом большом количестве в г. Кунгуре, превосходит добротой юфть других кожевенных заводов здешней губернии (Пермской. – Г.Ч.). Но сказывают, что и привозимая в Оренбург из других губерний для продажи красная юфть уступает некоторыми свойствами кунгурской, хотя муромская мерою и тяжестью оной больше, но чистейшая отделка кунгурской, мягкость и цвет заставляяет и самих бухарцев предпочитать оную всем прочим... лучший деготь и дуб, а также сылвенская вода вероятно причиною, что кунгурская добротнее выходит прочим»***.

Из приведенной характеристики видно: кунгурская красная юфть считалась лучшей в России. В Оренбурге и на рынках Средней Азии она ценилась выше, чем привезенная из Тюмени, Симбирска, Казани, Вятки и др.

Затруднений для получения сырья для кожевенного производства в Кунгуре никогда не было. Его приобретали на местных ярмарках и по договоренности у сельских жителей. На месте было и все необходимое для получения высококачественных кож: дубители (кора ивы, тальника, дуба), деготь березовый, известь, зола, мука, вода хорошего свойства.

Издавна в Кунгуре развивалось кузнечное дело. В 1770-е гг. действовало 50 кузниц, в них работало 102 человека. Гвозди и

* Юфть – мягкая дубленая, то есть выдержанная в настое коры ивы или дуба, кожа из шкур крупного рогатого скота, бычков, телят, лошадей, свиней. Разные материалы, применяемые при жировании, придавали юфти различную окраску. Для приготовления красной юфти дубленую кожу смазывали чистым березовым дегтем.

** Юофа Л.Е. Города Урала. – М., 1951. – С. 255.

*** Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – СПб., 1813. – Ч. II. – С. 223.

разные предметы для домостроения и судостроения шли на местный рынок.

Город выделялся еще как центр хлебной торговли. Скупкой зерна, получением и продажей муки занималось большинство купцов. Плодородные почвы благоприятствовали хлебопашеству, и это давало возможность удержаться здесь населению и пережить кризисные ситуации.

В торговле Кунгура большую роль играли товары, привозимые из Среднего Поволжья с Макарьевской ярмарки и из-за Урала с Ирбитской ярмарки. Чаще всего оттуда везли сахар, чай, перец, сандал, шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани.

В экономической обстановке XVIII в. Кунгур нашел свое место, хотя и медленно, но он продолжал расти. На протяжении века его соперником был поселок Егошихинского завода, затем им стала Пермь. Но кунгуряки добивались, чтобы город не снижал темпов развития. Так, число домов за 30 последних лет XVIII в. увеличилось на 20%. Четвертая ревизия 1782 г. отметила жителей 2925 человек, в том числе купцов 337, мещан и крестьян 2267, разночинцев 321*.

* *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния. – СПб., 1864. – Ч. II. – С. 707.*

*«В то смутное время не миновал
и город Кунгур тяжелого испытания
пугачевских шаек»*

ОБОРОНА КУНГУРА В КОНЦЕ 1773 – НАЧАЛЕ 1774 г.

Крупнейшим социальным потрясением в России XVIII в. явилось восстание 1773–1775 гг. под предводительством Е. Пугачева. Пугачев добивался успеха потому, что выдал себя за чудом спасшегося императора Петра III*.

Многие люди из низших слоев верили: царь справедлив, но приближенные не позволяют ему править по справедливости. Е. Пугачев имел широкий круг соратников, в его армию пошли казаки, мастеровые и работные люди с заводов, крестьяне. Повстанцы захватили Южный и Средний Урал. Они подошли к городу Оса и взяли его 21 декабря 1773 г.**. Нависла угроза и над Кунгуром. Началась настоящая осада города. События развивались следующим образом.

В конце декабря пугачевцы стремительно опустошали пригородные места Кунгура. Они большими группами объезжали заводы, села и деревни, склоняли на свою сторону население, грабили и увозили хлеб, сено, скот, кожи, домашний скраб.

В этой обстановке Кунгурский магистрат*** собрал городских жителей и предложил, «чтобы все возложили упование на Бога и на заступничество его Матери Пресвятой Богородицы и всеми силами старались крепко стоять против злодеев, несмотря на их устрашения и обольщения»****. За подкреплением и оружием магистрат обратился к губернатору Казанской губернии, так как в то время Кунгур находился в его подчинении.

Город должен был готовиться к обороне, но его неожиданно покинули воевода Н. Миллер, прокурор, горное начальство, «присутствующие и секретари» Пермской провинциальной канцелярии: «неведомо

* Российский император Петр III (1728–1762) царствовал полгода. В 1762 г. он был свергнут с престола своей женой, которая взошла на царствование под именем Екатерины II (1729–1796).

** Об осаде и захвате Осы войсками Е. Пугачева рассказывается во второй части книги.

*** Магистрат – сословный орган управления городом из купцов и мещан, осуществлял сначала административно-судебные, позднее преимущественно судебные функции. Существовал в России с 1720 г., в 1727–1743 гг. назывался ратушей. Упразднен судебной реформой в 1864 г.

**** Золотов Е.Д. *Большая душа: избранное.* – Кунгур, 2002. – С. 46.

куда из Кунгура, миновав учрежденные караулы, объездными дорогами выехали»*. Поэтому оборону города возглавил Кунгурский магистрат, президентом которого был Иван Хлебников. Купцы и жители пожертвовали деньги и «сами поголовно вооружились».

Кроме того, магистрат направил бургомистра Ф. Кротова на Юговской казенный завод, чтобы городу, в котором «горожане, оставленные начальниками, пришли в отчаяние», была оказана помощь «военной силой, ружьями и порохом». Член заводского правления М. Башмаков «для одобрения кунгурцев послал с Ф. Кротовым шихтмейстера (горного поручика. – Г.Ч.) А. Солнопекова, уделивши ему из своих скудных запасов полпуда пороху, и велел ему принять на себя управление городом и чтоб он по при-

* Золотов Е.Д. Боль души... С. 46-47.
** Там же, с. 48.

бытии в Кунгур объявил, что из Казани за ним идет войска с ружьями и пушками, и дал ему 50 вооруженных человек»**.

Как только из Юговского завода прибыли Кротов и Солнопеков, жители города вдохновились и тут же принялись за сооружение укреплений. Распространившийся среди повстанцев слух о прибытии в Кунгур вооруженных людей сдерживал их наступление. В короткое время город был «обнесен в необходимых и опасных местах лесными заплатами***, снежными валами и батареями», на которых были поставлены пушки местного гарнизона и взятые у купцов. Для укрепления города был «употреблен весь наличный лес и тес, который в то время в городе сыскаться мог у местных жителей».

*** Заплата – стена, в которой бревна закреплялись в продольных пазах столбов, врытых в землю.
Колодники – люди, заточенные в тюрьму.

Под руководством сыновей президента Кунгурского магистрата Ивана Хлебникова – Емельяна и Пантелеймона – быстро создавалось народное ополчение. В целях предосторожности А. Солнопек вывел из местной тюрьмы за Урал, на Кушвинский завод, до 70 колодников***.

Повстанцы подошли к городу, и 31 декабря им удалось завладеть селами Тихановским, Старопосадским и Стефановским. Их предводитель Б. Ишкинев решил склонить жителей города к добровольной сдаче. Для этого он захватил в селах Тихановском и Старопосадском священников Ф. Иванова и И. Лукина и направил их под угрозой казни с «обольстительным письмом и копией с пугачевского манифеста» в Кунгур к протопопу Благовещенского собора И. Пантелеймонову. Священники получили наказ объявить письмо и манифест и уговорить протопопу, чтобы он призвал жителей

Кунгура выйти 1 января 1774 г. в с. Старопосадское на встречу к пугачевцам. За это было обещано «не делать жителям никаких обид и разорения».

В тревожное для Кунгура время неожиданно объявился сбежавший воевода Н. Миллер. В письме, направленном в Кунгурский магистрат 1 января 1774 г., он объяснял, что покинул город для «поощрения живущих в Кунгурском уезде... крестьян, чтобы они во время нападения на жительство их злодейской толпы имели всякий отпор и сильное сопротивление, а при том и лестным бы от разосланных той злодейской толпы людям никто никаким словам не верил, а единственно состояли в надлежащем послушании своей Государыне». Еще воевода сообщал, что из Чусовских городков он направил 300 человек «с домашним оружием», из с. Верхние Муллы «снарядил крестьян 100 человек».

3 января 1774 г. воевода возвратился в Кунгур. На другой день городу пришло еще подкрепление из Екатеринбурга. Подпоручик Посохов прибыл со 100 «оружейными казаками... с которыми были... две пушки и пять пудов пороху». К тому же «из здешних кунгурских доброжелательных крестьян немало число с ружьем, * *Золотов Е.Д. Боль души... С. 58.* какое у кого случилось, в город доставлено»*.

Таким образом, Кунгур приобрел военное положение, и жители, как отмечал летописец, «стали верить в возможность защиты».

Первое нападение на Кунгур пугачевцы организовали как раз 4 января. Когда от перевоза через р. Ирень они начали стрельбу, из города раздалась выстрелы из пушек. Завязался бой, пугачевцы отступили, но «конница и немалое число городских жителей и уездных крестьян... тех злодеев гнали по дороге верст пять». 5 января нападения на Кунгур были предприняты снова, но «бунтовщики были пушечными и оружейными выстрелами отражены».

6 января 1774 г. силы защитников города значительно увеличились. Майор А.В. Папав**, направлявшийся из Кунгура в Казань с партией новобранцев, как только узнал, что кунгурский воевода в конце декабря 1773 г. покинул город, принял решение: 300 человек продолжать путь в Казань, а 386 -- вернуться в Кунгур и участвовать в его защите. Сам А.В. Папав принял активное участие в обороне города***.

9 января 1774 г. пугачевцы начали крупное наступление на Кунгур. Из пригородных сел и деревень они шли по трем дорогам: осинской, казанской и сибирской. Подойдя близко к городу, громко кричали:

** В некоторой литературе его фамилия пишется Попов.

*** *Сивков П. Тяжелые годы, прожитые Кунгуром // Екатеринбургская неделя. - 1890. - № 3.*

* Золотов Е.Д. *Большая душа...* С. 64.

«Что де на что себя и нас мучите? Мы хотим мирно с вами быть, только де вышлите к нашему полковнику воеводу и других начальников, а город сдайте»*.

На защиту города выступили большие силы во главе с майором А.В. Папавом. От стрельбы из пушек и ружей пугачевцы понесли поражение. Затем казаки, рекруты, жители города перешли в наступление. 11 января они вышли за р. Ирень. К ним присоединились гусары, выставленные купцами во главе с Е. Хлебниковым. Под мощным натиском кунгуряков противник вынужден был оставить занятые села и деревни. Летописец писал:

«У злодеев отбито одно знамя, барабан медной один, лат из толстого листового железа две, лошадей тридцать; в полон взято сообщников злодейских: русских два человека... и пленных выручено четыре человека... отбиты у злодеев на татарском языке разные письма и один билет на русском»**.

** Там же, с. 65.

Когда в Кунгуре стало известно, что большой отряд пугачевцев расположился у Покровского острожка (впоследствии – с. Усть-Кишерть), туда двинулись конница, пехота с двумя пушками, и бунтовщики, силы которых были намного выше, чем у кунгуряков, были отбиты. Их гнали по одной дороге 13 верст, а по другой – 3 версты.

Вскоре кунгурякам подоспела помощь с соседних заводов: Юговской завод прислал 170 человек со 108 ружьями и 5 тыс. рублей для пополнения припасов. Жители города готовились к новой атаке пугачевцев. Началась она 23 января 1774 г. Пугачевцы собрали возле Кунгура 7 тыс. человек.

О защите Кунгура в этот день Пермская провинциальная канцелярия доложила казанскому губернатору Фон-Бранту. В сообщении давалась развернутая характеристика сражению и его результатам:

«23 числа в четверток, пополуночи 7 часа со второй четверти, во-первых, появилась большая злодейская толпа близ самого города... и так жестоко устремились, нападая на город, начали иметь пушечную, а потом и оружейную сильную и ужасную стрельбу с обеих сторон часу до 12-го, не давая нисколько покоя; а между тем выезжала с другой западной стороны... из Крестовоздвиженского села другая башкирская и татарская шайка в многочисленном собрании, расположившись по валу по заповорывскому валу, ниже кузнечной слободы, между оными реками Сылвою и Иренью, в поперек более версты, и начали иметь таковую же пушечную большую стрельбу и оружейную, и из луков стреляли, что все сие на обоих местах двух сторонах продолжалось часу до второго пополудни, наезжая и приступая к городу весьма близко, и едва в оный разными местами не ворвались; однако с нашей стороны городовыми жителями и прочими обретающимися в городе людьми ободряясь и имели большое сопротивление и таковой же пушками и мелким ружьем всевозмож-

ный отпор, что, видя из сих злодеев, первоприбывшие на горе с восточной стороны начали ретироваться и вскоре, собравши все свои пушки, коих, как опримечено, было до 6, в том числе знатнейшие большие 2, достигающие выстрельными ядрами по поверхности города, по нагорным улицам, но даже и под гору, и многие ворота и стены пробили... уехали по большой сибирской дороге обратно. Наехавшая же с западной стороны большая толпа, о которой выше сего объяснено, чиня неоднократное покушение, наезжала по крайним дворам городского жительства и самой кузнешной улице и по берегу, а при том с другого краю, от реки Сылвы к кожевному купца Хлебникова двору, делали зажигательство, однако же к тому стрельбою ружейною не допущены, и наконец, видя себя от города сражаемых и всяко недопускаемых, и к вечеру начали убираться, и убрались обратно в село Крестовоздвиженское, кое состоит от города расстоянием на 4 версты...»*.

* Золотов Е.Д. *Большая душка... С. 70-71.*

Официальное сообщение дополнил местный летописец такими примерами. Когда жители города перестали верить в собственные силы, они обратились за помощью к Царице Небесной – Божией Матери. Все жители, не занятые в сражении, молились в храмах, а затем с чтимыми иконами Тихвинской Божией Матери из девичьего монастыря и священномученика Климентия из Благовещенского собора вышли на кремлевский вал. Надежда сбылась, когда молящиеся собрались на молебен на юго-восточной стороне Кунгура у Тихвинской башни. Как пишет летописец, «когда во время приступа к городу, 23 января, жители с крестным ходом вышли на вал, то им, злодеям, показалось на валу многочисленное войско, и они, испугавшись, побежали от города, никем не преследуемые»**.

Икона Тихвинской Божией Матери XVIII в. из Тихвинского храма

** Там же, с. 71.

Нападение на Кунгур пугачевцы предпринимали еще 24 января 1774 г. – «с двух сторон двумя шайками». Но и оно оказалось безуспешным:

«...оные злодеи вскоре убрались в свое гнездо... уехали к главной своей толпе в Ильинский острожек (впоследствии с. Орда. – Г.Ч.)».

Итак, Кунгур был спасен, как отмечал летописец, «с помощью Божиею и заступничества Царицы Небесной и священномученика Климента, усиленными стараниями граждан г. Кунгура и при помощи войск под командою майора Александра Васильева Папава и других лиц».

В победе с пугачевцами жители увидели одно очень важное совпадение. Оказалось, что город спасен в день священикомученика Климента, 23 января. В этот день освящался Благовещенский собор. С этих пор святой Климентий стал еще более почитаем в Кунгуре. Чтобы об этом событии не забывали потомки, по заказу жителей были написаны две иконы с изображением святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Климента, а над ними – образ Тихвинской Божией Матери.

Иконы дополнялись летописными текстами:

«Сей святой образ написан сея ради вины: в лето от Рождества Христова в 1774-е 23 января на память священикомученика Климента, когда город Кунгур от сильных – разбойника и изменника Емельки Пугачева – шаек, собранных из башкир, красноуфимских казаков и здешняго уезда татар и русских крестьян, коих примерно было до 7000 человек, помощью Божиею и молитвами Пресвятыя Богородицы, нарицаемья Тихвинския, от злодейского наступления избавлен, и от града те злодеи отбиты прочь без всякого урона с нашей стороны. А 30 генваря на память трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, те, скопившиеся в Орде, злодейские

* Золотов Е.Д. *Большая душина...* С. 74.

шайки секунд-майорами Папавым и Гагариным вконец разбиты, и все у них орудия и порох отняты»*.

Одна икона была в Богоявленском соборе, а другая – в Тихвинской церкви.

Победа над пугачевцами еще не означала наступления мирной жизни. Доходили слухи, что Кунгур может взять сам Е. Пугачев. Поэтому принимались меры по укреплению города и усилению в нем вооружения. Из Казани привезли 15 пудов пороха, 12 пудов свинца, 90 ружей.

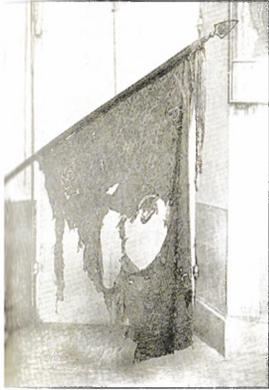
Под руководством вновь назначенного воеводы А. Голубцова началось сооружение земляного вала «позади всего городского жительствова, начав от Иренской, называемой Серебряной, горы... впрямь по оной же горе к р. Сылве по всему тому нагорному жительству». Этот вал был замечен еще в конце XIX в. Он тянулся от р. Ирени на восток к р. Сылве, с внешней стороны обходил Иоанно-Предтеченский монастырь. Возможно, зная о новых укреплениях, Е. Пугачев в июле 1774 г. не подошел к Кунгуру. Из Красноуфимска он направился в Осу и взял ее.

Известно, что на защиту Кунгура жители «жертвовали 1768 руб. 57 коп., более 160 человек мятежников было взято в плен и 50 человек убито; из защитников города был ранен только один мещанин, а убитых совсем не было»**. Императрица Екатерина II наградила достойных: майор Папав был произведен в под-

** *Екатеринбургская неделя.* – 1889. – № 12.

полковники, Кротов и Хлебников пожалованы шпа-

гами, городу же прощены недоимки прежних лет (5069 руб. 95 коп.). При этом отмечались и убытки, которые понесли купцы: на сумму 8549 руб. 95 коп. разгромлены и сожжены амбары с припасами.

Знамя защитников Кунгура.
1773–1774 гг.

В память об избавлении Кунгура от пугачевских войск в городе сложилась традиция местного, внутреннего паломничества.

На месте исторического молебна 23 января 1774 г. возле Тихвинской башни в 1886 г. на средства купца М.С. Хлебникова была построена часовня. К ней ежегодно 26 июня направлялся крестный ход из всех городских церквей. Служился водосвятный молебен* с акафистом* Божией Матери.

Накануне дня почитания священномученика Климения в храмах Кунгура совершалось всенощное бдение*, а 23 января по окончании литургии* начинался крестный ход из Тихвинской цер-

кви в Благовещенский собор, где перед Тихвинской иконой служился молебен с акафистом, причем с дополнительным молебном священномученику Клименту. В процессии крестного хода два члена городской управы несли икону Тихвинской Божией Матери, а мещанский староста – знамя защитников Кунгура от войск Е. Пугачева. Знамя было из шелковой материи, с вышитым вензелем императрицы Екатерины II и с буквами «К.Ю.З.Н.», что означало «Казенный Юговской завод начальников». Местом хранения знамени была Тихвинская церковь.

6 августа с иконами из Преображенского храма шли к деревянной Преображенской башне, которая находилась на Мининской площади.

Еще один крестный ход совершался из Благовещенского собора к Спасским воротам, находящимся возле ограды собора. Здесь каждое воскресенье, начиная с празднования Преполовения* и до 18 августа, служился молебен Спасителю. Молебны служились по просьбе Кунгурской городской управы.

Отмечали избавление от войск Е. Пугачева принесением в Кунгур из с. Кыласово в день Девятой Пятницы по Пасхе чудотворной иконы святителя

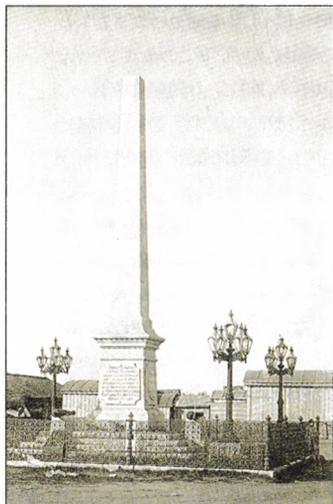
* Молебен – богослужение, совершаемое в какой-либо нужде (потребности): частной или общественной.

Акафист – молитвы, в которых прославляется Иисус Христос, Божия Мать или какой-нибудь святой. Акафисты читаются за молебнами или во время всенощной службы, на утрени перед чтением Евангелия.

Бдение – бодрствование. Всенощное бдение – богослужение, состоящее из вечерни, утрени и первого часа. В древние времена оно совершалось целую ночь, почему и названо Всенощным бдением, или бодрствованием.

Литургия – богослужение, вслед за которым совершается таинство причащения.

Преполовение (Пятидесятница) – половина срока от Пасхи до Троицы, приходящаяся на среду четвертой недели после Пасхи (25-й день после Пасхи). Совершались крестные ходы с водосвятием у рек, родников, на полях.

Памятник защитникам Кунгура от пугачевских войск. Установлен в центре города в 1893 г.

Николая Чудотворца. В течение двух месяцев с ней ходили по домам.

В связи с приближающимся 100-летием защиты Кунгура от войск Е. Пугачева, желая торжественно отметить это событие, городская дума обратилась к императору Александру III с предложением: 1) воздвигнуть памятник на Соборной площади; 2) в одном из высших учебных заведений обучать стипендиата, чтобы он получил профессию врача, стипендию наименовать в честь участвовавших в событиях 1774 г. Ф. Кротова и Е. Хлебникова; 3) в Благовещенском соборе и на площади отслужить торжественный молебен с провозглашением вечной памяти защищавшим город в 1774 г. и убитым в этом сражении. Тогда же Кунгурская городская дума приняла предложение купеческой вдовы А.П. Хлебниковой построить на собственные средства часовню на месте, куда ежегодно 26 июня совершается крестный ход для служения молебнов в честь «чудесного избавления города от злодейского погрома».

Открытие памятника состоялось в 1893 г. Проект его разрабатывал Н.А. Воскресенский – первый «городовой архитектор» Кунгура. Памятник изготовили в Екатеринбурге из серого мрамора. Рядом на мраморных тумбах были установлены две пушки, участвовавшие в сражении. На мраморных плитах, размещенных на основании четырехгранного обелиска, написано:

«Благодарные потомки храбрым предкам» и «Бургомистр Кротов и купец Хлебников, предводительствуя ополченцами своих сограждан кунгурских, победоносно отразили нападение шайки Пугачева на г. Кунгур в царствование Императрицы Екатерины II в лето 1774 г. января 23 дня»*.

* Тексты приведены в современной орфографии.

В настоящее время памятник пребывает почти в первозданном виде (отсутствует завершение в виде двуглавого орла). На основании обелиска, кроме плит с историческими текстами, мраморные плиты с вензелями Екатерины II и Александра III. У основания обелиска лежат стволы пушек.

В художественном облике памятника большое место занимают чугунная решетка, которая ограждает его с четырех сторон, и декоративные чугунные фонари-светильники на высоких стойках.

*«В России XVIII в. создается...
государственная геральдическая система»*

ГЕРБ КУНГУРА

Свой герб – официальный отличительный знак – Кунгур получил в 1783 г. Город тогда оставался центром уезда в составе Пермского наместничества.

В указе императрицы Екатерины II, утвердившем герб, приводилось его описание:

«Представляет собой в голубом поле рог изобилия с сыплющимися из него колосьями разного хлеба во означение, что земледелие с успехом производится в уезде сего города; что изображено в нижней, а в верхней части щита губернский герб».

Герб Кунгура,
утвержденный в 1783 г.

Герб Кунгура никогда в законодательном порядке не отменялся, но после 1917 г. его перестали употреблять и вернулись к нему только в 1994 г. Исторический герб восстановлен решением Кунгурской городской думы и зарегистрирован Государственной геральдической комиссией при Президенте Российской Федерации.

*«...наблюдения соединяются у Лепехина
с практическими соображениями»*

ИССЛЕДОВАНИЕ И.И. ЛЕПЕХИНА

Летом 1768 г. из Санкт-Петербурга в разные районы России выехало несколько научных отрядов во главе с молодыми учеными.

Под руководством географа, академика Ивана Ивановича Лепехина (1740–1802) пролегал по Поволжью и Уралу путь Академической экспедиции. Она получила такое название потому, что ее организовала Академия наук.

В Кунгур И.И. Лепехин приехал 10 августа 1770 г. В его наблюдениях отмечается, что Кунгур весь деревянный, за исключением 6 церквей и «изрядно построенной» ратуши.

* Лепехин И.И. *Дневные записки по разным провинциям Российского государства.* – СПб., 1802. – Ч. II. – С. 223–224.

«Внутри города, на горе, построен кремль деревянный с башнями, который и донныне стоит, хотя нарочито обветшал, и в котором построена каменная соборная церковь, воеводский дом, канцелярия, денежный и питейный выход, также и острог»*.

Побывал И.И. Лепехин в ледяной пещере и оставил ее подробное описание. Вход в пещеру был узким и труднодоступным. По просьбе И.И. Лепехина его расширили. Маршрут путешественника пролегал к большому озеру.

Из Кунгура И.И. Лепехин уехал в г. Красноуфимск.

*«...у него немало вещей,
интересных для города»*

ГОРОД ГЛАЗАМИ А.Н. РАДИЩЕВА

Мыслитель, русский писатель Александр Николаевич Радищев (1749–1802) дважды побывал в Кунгуре: когда ехал в сибирскую ссылку и возвращался из нее. Он останавливался в городе с 28 ноября по 4 декабря 1790 г. и 8–9 мая 1797 г. Причиной его ссылки в Сибирь послужили резкая критика самодержавия и крепостничества, правдивое изображение жизни народа. Широкий круг идей изложен А.Н. Радищевым в главном его произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

По пути следования А.Н. Радищев вел дневниковые записки, которые впоследствии были опубликованы. В них попало буквально все, что интересовало путешественника.

Прибыв в Кунгур, он обратил внимание на расположение и застройку города. Его описание характеризует А.Н. Радищева как проницательного наблюдателя, от взгляда которого не ускользнули важные детали. О местонахождении города А.Н. Радищев писал:

** Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений.* – М., 1952. – Т. 2. – С. 257.

«Проезжая Кунгур, гора высокая. Стоит на Ирени и Сылве... берег Сылвы отделан местами деревом. Место красивое, вокруг поля»**.

Кунгур А.Н. Радищев оценил так: «Город старинный, худо построен. Бывший провинциальный». Окончание провинциального пе-

риода истории Кунгура путешественник связывал, очевидно, с провозглашением уездного статуса города в составе образованного в 1781 г. Пермского наместничества.

Много внимания А.Н. Радищев уделил оборонительным сооружениям. Он отметил:

«На горе старинная деревянная крепость, то есть забор с башнями, в коих ворота. На площади пред собором стоят 20 пушек чугунных на лафете, из коих 3 годных. В сарае, называемом цейггаузом, хранятся пушечки (фальконеты*) Ермаковы и ружья, весом в пуд или в 1½ по крайней мере, ствол чугунный, ложа деревянная простая, замок старинный с колесами».

В крепости, по сведениям путешественника, хранились орудия казни:

«...топор, крюк, которым за ребро вешали, утюг, то есть кривое железо с ручкою, шириною в 2½ пальца, наподобие серпа, железцы или клейма малые»**.

Побывал А.Н. Радищев в воеводской канцелярии, о которой отозвался так:

«...в середине большая комната со столами и скамьями для писцов, в середине два столба, у одного цепь, в прихожей отгородка*** решетчатая, осленистая***, для сажания колодников».

Довольно подробно запечатлел А.Н. Радищев предпринимательство и торговлю местных жителей.

Типичными промыслами кунгуряков он назвал кожевенный, сапожный, хлебный. Некоторые купцы закупали вино в других городах и продавали его в Кунгуре. Хотя купцы имели немало земли «по крепостям»***, но они брали ее в «кортом»*** и обрабатывали силами наемных работников. Платили за поденную жатву 20 копеек.

На судах – *романовках* и *шитиках* – купцы сплавляли хлеб по Каме и Волге до г. Рыбинска. «От Макарья (Макарьевская ярмарка на Волге. – Г.Ч.) берут клады в Пермь». Муку в Кунгуре покупали по 17 копеек за пуд, а «в казну ставят в Рыбинск по 45 к. пуд».

А.Н. Радищева очень заинтересовал местный рынок. Здесь он видел «мелочный товар, но мало... хлеб свой, рыбу из Сибири свежую и соленую, хмель из России, сено, дрова, масло льняное, лен, оглобли, горшки чугунники***, патуку, сало». Его привлекли и книги, которые продавались в Кунгуре: «Пролога***,

* Ф а л ь к о н е т – название артиллерийского орудия калибра 45–100 мм в XVI–XVIII вв.

** Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений*. – М., 1952. – Т. 2. – С. 257.

*** О т г о р о д к а – комната для содержания арестованных людей. О с л е н и с т а я – то есть темная, от слов *осленути, ослепнути*. В данном случае к р е п о с т ь – письменное подтверждение права на владение землей. К о р т о м – наем, аренда земли. Ч у г у н н и к и – чугунные горшки. П р о л о г – одна из древних книг русского происхождения, включала жития святых и церковные поучения на праздники года.

* Четы-минеи – книга для чтения и общественного богослужения (*минея* – от слова *месяц*), включают молитвословия на все службы дня и года.

К в и н т а К у р ц и я – книга «Квинта Курция история о Александре Великом царе Македонском...», которую перевел с латинского языка один из крупнейших деятелей русской науки XVIII в. С.П. Крашенинников. Издана в двух частях в Санкт-Петербурге в 1750 г.

Ф и з и о г н о м и я – имеется в виду книга «Физиогном, или хиромантик совершенной, или хиромантическое зеркало, открывающее таинственные секреты природы, как узнавать нравы и участь каждого, то есть счастье или нещастие человеческое, и в каком роде жизни оною приключится, по членам человеческого тела, чертам лица и рук и прочим признакам, с гравированными для ясности фигурами». Очевидно, эта книга продавалась в Кунгуре в рукописном виде, так как первая публикация ее состоялась в Москве в 1795 г. Бытование этой книги говорит о том, что в Кунгуре проявлялся интерес к физиогномике – учению о выражении характера человека в чертах лица и формах тела.

*** Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М., 1952. – Т. 2. – С. 286.*

Четы-минеи*, Квинта Курция*, Физиогномия*». Для изучения книжной культуры Кунгура это редкое сообщение очень важно.

Возвращаясь из ссылки в 1797 г., А.Н. Радищев встретился с кунгурским городничим, у которого увидел свой антикрепостнический памфлет «Путешествие из Петербурга в Москву». Известно, что с арестом и ссылкой автора книга была конфискована и до 1905 г. распространялась только в списках. Из этого факта можно заключить, что городничий Кунгура был достаточно образованным и смелым человеком. Чтобы не создавать угрозы для него и для себя, А.Н. Радищев оставил в дневнике завуалированную запись: «Городничий... копия с моей книги»**.

Зная об этом, можно с полной уверенностью считать, что книга А.Н. Радищева отвечала интересам той части общества, которая проявляла интерес к жизни крестьянства, задавленного нуждой и крепостническим гнетом, так ярко запечатленными в «Путешествии из Петербурга в Москву».

В честь А.Н. Радищева в Кунгуре установлена мемориальная доска на главном здании музея (ул. Гоголя, 36). Правда, в этом здании, построенном в 1758–1762 гг. для городской ратуши, А.Н. Радищев не бывал. Воеводская канцелярия, в которой останавливался русский мыслитель и писатель, располагалась тогда, как отмечено в его дневниковых записях, в деревянном здании.

*«...должность свою справлял знающим
и примернейшим образом»*

ЛЕКАРЬ П.Ф. ЧАЙКОВСКИЙ

Род композитора П.И. Чайковского берет начало в среде украинского казачества, а впоследствии тесно связывается с Приуралем и Уралом. Есть в истории рода и кунгурская страница.

Велик гений композитора, и огромна любовь к его музыке, поэтому для нас представляет интерес как личность, так и родословие композитора. Сам П.И. Чайковский мало знал о происхождении своего рода и как-то признавался: «В точности решительно не знаю, кто были мои предки (со стороны отца). Мне известно, что дед был врач и жил в Вятской губернии». Но до Вятки дед его служил в Кунгуре, о чем, видимо, Петр Ильич не знал.

Петр Федорович Чайковский (1745–1818) получил образование в Киевской академии и Санкт-Петербургском военно-сухопутном госпитале и был произведен в лекари. Участвовал в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Когда Владимирский пехотный полк, в котором он служил лекарем, был переведен на Урал, Петр Федорович оказался в Перми. В 1776 г. он женился на Анастасии Посоховой – дочери подпоручика Степана Посохова, погибшего в январе 1774 г. при защите Кунгура от войск Пугачева. Оказавшись в Кунгуре, он писал:

«Наконец по прошению моему за болезнью определен от Коллегии (медицинской. – Г.Ч.) в Пермскую провинцию городovým лекарем»*.

** Пролеева В.И. К родословной П.И. Чайковского: жизнь и деятельность П.Ф. Чайковского. – Ижевск. 1990. – С. 14.*

Мы располагаем довольно скудными сведениями о кунгурском лекаре. Очевидно, они имеются в архивах, и историкам еще предстоит взяться за их выявление. Известно, что семье П.Ф. Чайковского жилось нелегко. Жилье было плохим, холодным. Жалованье собирали среди купцов и мещан, причем не всегда набиралась та сумма, которая была ему положена. Да и, наверно, лучших бытовых условий в Кунгуре ожидать в то время не приходилось, поскольку вся жизнь города была ослаблена недавним вооруженным нападением на него войск Пугачева. В Кунгуре у Чайковских родились дети – Василий в 1777 г. и Евдокия в 1780 г.

Для своего времени П.Ф. Чайковский был лекарем высокой квалификации и к медицинским обязанностям относился прилежно. Об этом можно судить по аттестату, выданному пермскими докторами:

«Лекарю Петру Чайковскому дан сей в том, что он состояния весьма доброго, в науке медико-хирургической довольно искусен и знающ и в пользовании больных прилежен и рачителен»*.

В 1782 г. П.Ф. Чайковский перевелся из Кунгура в Вятку. По поводу перевода Медицинская коллегия издала специальный приказ:

* ГАКО, ф. 583, оп. 2, д. 96, л. 5.

** Там же, д. 343, л. 1.

«Пермского наместничества города Кунгура городского лекаря Петра Чайковского по прошению его определить в Вятское наместничество по требованию онаго»**.

В 1789 г. П.Ф. Чайковский оставляет медицину в связи с переходом на чиновничью службу. Медицинская коллегия приняла об этом решение, в котором указывалось: «...по прошению его из службы Ее Императорского величества уволен. Во время продолжения оной должности исправлял и вел себя добропорядочно»***.

Он служит в судах, городничим городов Слободского и Глазова. В Слободском в 1795 г. у него родился сын Илья – будущий отец

*** Там же, оп. 9, д. 791, л. 1.

композитора П.И. Чайковского. Похоронен П.Ф. Чайковский в г. Глазове.

*«Производства и места торговли
становятся планировочными
образованиями»*

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА НА ПЛАНЕ 1797 г.

В 1768 г. выходит указ императрицы Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии»****.

**** Шквариков В.А. Очерк истории планировки и застройки русских городов. – М., 1954. – С. 38.

Правительство стремилось ввести во всех российских городах взамен старой радиальной застройки регулярную планировку, с прямолинейными магистралями и кварталами. Правительственная программа коснулась и уездных городов Пермской губернии. Но процесс смены культурного ландшафта городов происходил постепенно, и при этом свободная, радиальная планировка, которая складывалась ве-

ками, не исчезала бесследно. Ориентирами для пробивки новых магистралей служили, как правило, храмы, торговые ряды, магистраты, каменные усадьбы, оборонительные сооружения и главные видовые точки, с которых просматривается силуэт города.

Сказать с точностью, как выглядели вновь созданные ландшафтно-градостроительные комплексы Кунгура в конце XVIII в., позволяет план 1797 г.

В городе было три центра застройки: Соборная площадь с храмами и примыкавшими к ней новыми административными, торговыми, жилыми зданиями и хозяйственными постройками; нижний посад с храмами, усадьбами, торговыми заведениями купцов и двумя набережными по Ирени и Сылве; слобода за Сылвой-рекой с храмом, купеческими и обывательскими домами. Все три составляющие части города располагались невдалеке друг от друга. Заречная часть, хотя и находилась в стороне от административного, торгового, культового центра, не осознавалась отдаленной, поскольку туда были проложены пути с мостами через реку.

Расширение градостроительства теснейшим образом связано с возросшим экономическим и культурным развитием города. Существенно повлиял на рост Кунгура большой Сибирский тракт, приспособленный для проезда во второй половине XVIII в. Этот тракт проходил через центр Кунгура.

* *Материалы для географии и статистики России... С. 707.*

Жилой и торговый фонд города в 1793 г. состоял из 911 домов, 136 лавок*.

На плане 1797 г. обозначено местонахождение 5 каменных храмов и собора, магистрата, винного магазина, уездного казначейства. Показано также, где предполагалось возвести присутственные места, винные и соляные магазины, строения для кожевенных и мыловаренных заведений, кузницы, мясные ряды, бойни. Торговой площади по-прежнему отводилось место, где издавна находился гостинный двор. На плане 1797 г. здесь отмечены «купеческие каменные амбары».

Местные власти принимают решение о значительном расширении территории Кунгура. Под новую застройку выделяются три участка: первый – к юго-востоку от административного, торгового и культового центра; второй – в междуречье Ирени и Сылвы и в продолжении нижнего посада; третий – по правобережной (заречной по отношению к центру города) Сылве с крутым изгибом.

План, который мы рассматриваем, явился результатом проекта введения первого регулярного плана, разработанного Санкт-Петербургской комиссией каменных дел и строений под руководством

Ивана Лема. По нему предписывалась застройка по прямым улицам и кварталам, но с сохранением исторической части и обязательным строительством каменных зданий. За исключением набережных город огораживался *пряслами* – деревянной изгородью.

Отличительная черта плана 1797 г. – четкая геометрическая сетка. Все последующие планы Кунгура раздвигали границы города, но не меняли его исторической части. Происходило только уплотнение застройки кварталов за счет жилых и производственных зданий. Нынешний план Кунгура сохраняет много черт, предусмотренных на плане 1797 г.

На плане 1797 г. зафиксированы названия 16 городских улиц, в которых запечатлены некоторые особенности развития и топографии города: Успенская, Нижняя кожевенная, Верхняя кожевенная, Заозерская, Фроловская, Александровская, Андреевская, Хлебниковская, Пещановская, Мининская, Преображенская, Спасская, Благовещенская, Никольская, Шавкуновская, Алексеевская.

Главными улицами считались Благовещенская и Успенская (ныне Советская и Ленина)*. Они проходили через обе части города – верхнюю и нижнюю. Их роль в деловой и общественной жизни города подчеркивалась особым оформлением: обе улицы были мощены камнем.

Хотя деревянные стены кремля были разобраны в 1780 г., но земляной вал, который назывался градским, просматривался в ландшафте города. Поэтому он был обозначен и на плане 1797 г.

* Здесь и далее часто приводятся двойные названия улиц (старые и современные), чтобы читателю было легче ориентироваться в истории и топографии города.

*«В этих зданиях проявились
художественные идеалы кунгурцев,
воспитанных на образах деревянной
архитектуры»*

КАМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Возросшее значение Кунгура, а также частые пожары заставляли думать о каменном строительстве. Для главного храма избирается традиционная и наиболее парадная форма культового здания – собор.

Благовещенский собор – первый каменный храм Кунгура – был за-

Благовещенский собор 1700–1704 гг. Фото 1880-х гг.

ложен в 1700 г. Как гласит летопись, освящение его происходило 23 января 1704 г. «на память святого Климента, который в Кунгуре был особо почитаем». Позднее, в 1774 г., в этот же день в Кунгуре произошло еще одно важное событие – «избавление от нападения шайки Пугачева».

«По сказкам кунгурцев, – сообщается в описании Кунгура 1704 г., – в строении та церковь (Благовещенский собор. – Г.Ч.) зачата радением на Кунгуре стольника и воеводы Алексея Иванова сына Калитина»*. Е.Д. Золотов, священнослужитель и один из ярких летописцев города, предполагал, что собор строился под руководством протоиерея Иоанна Антониева, прослужившего в соборе почти 40 лет, и на средства, собранные с городских жителей – «по 25 копеек с души». Для собора крестьянином Сидором Кузнецовым было изготовлено на окраине города 300 тыс. кирпичей.

* РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 8.

К сожалению, Благовещенский собор не дошел до нашего времени. Его уничтожили в 1939 г. Но он, как драгоценный камень, блистал на фоне всех других храмов города. Чтобы нынешние жители и гости Кунгура знали об этом уникальном памятнике, поистине одном из шедевров русской каменной архитектуры рубежа XVII–XVIII вв., расскажем о нем, основываясь на письменных свидетельствах и иллюстрациях.

Образ храма создавался хорошо продуманной компоновкой объемов. Основное в этом образе – мощный куб, увенчанный пятью круглыми барабанами и главами, и колокольня в виде восьмигранной башни. Со всех четырех сторон он был обстроен низкими объемами: с востока к нему примыкала апсида, с севера и юга – каменные крыльца, с запада – трапезная, которая заканчивалась папертью с колокольней. Все эти объемы образовывали цельный монументальный образ. Храмовый куб без столпов, покрыт четырехскатной кровлей. Апсида членилась на три части, на ней была небольшая главка.

Преображенская церковь 1768–1782 гг. Фото 2005 г.

Колокольня с ярусом звона, шатром и главкой с крестом, целиком каменная. Небольшая в длину трапезная, паперть и колокольня смотрелись как один объем. Об этой компактной конструкции летописец в 1704 г. писал: «...над рундуком* построена... каменная колокольня шатровая».

В шатер колокольни были встроены часы, звоном которых обозначались часы, четверти и минуты. На ярусе звона в 1704 г. висело 7 колоколов, «а по примеру один большой колокол весом будет 20 пудов, другой 12 пудов, третий в 6 пудов, четвертый в 4 пуда, а пятый в 3 пуда, шестой и седьмой по 30 фунтов»**.

На фасадах храма особенно выделялись *закомары**** – по четыре на каждой стороне. В них вставлялись рамы, обтянутые холстами, в росписи которых воспроизводились события Священной истории. Летописец об этом художественном достоинстве Благовещенского собора в год его освящения писал: «...в шестнадцати закомарах кондаки*** и икосы*** писаны на холсте». Не нужно понимать, что сами кондаки и икосы были написаны. Здесь воспроизводились иллюстрации к их содержанию.

Собор обладал высоким художественным достоинством, благодаря еще и изразцам с орнаментом и буквами. Это узорочье было здесь к месту, оно

* Рундук – крытая площадка наружной лестницы, чаще всего понимается как крыльцо.

** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 8 об.

*** Закомара – полукруглое или килевидное завершение прясел церковного здания, примерно соответствующее кривизне закрываемого свода.

Кондак – короткое православное песнопение, прославляющее праздник или святого. Икос – церковная песнь, в которой в более развернутом виде, чем в кондаке, прославляется подвиг святого или значение празднуемого события.

придавало строению изящество, прекрасно оттеняя и вместе с тем смягчая гладь стен.

Многорядный изразцовый фриз располагался по всему периметру храмового куба ниже закомар и небольшого карнизного выступа. На зеленом фоне изразцов четко читался текст о возведении собора, набранный церковно-славянскими буквами желтого цвета:

«В лето от сотворения мира 7208, воплощения Господня слова 1700, индикта* 9, месяца августа, построена церковь во имя Благовещения Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, при великом государе нашем отце и великом князе Петре Алексеевиче всея Великия и Малыя и Белья России самодержце и при благоверном царевиче великом князе Алексие Петровиче, при святейшем Кире Адриане Патриархе Московском и всея Руси и по благословию Ионы архиепископа Вятского и Великопермского»**.

* И н д и к т – период в исчислении времени, равный 15 годам, введен в 312 г. византийским императором Константином I, употреблялся до XIX в.

** Золотов Е.Д. *Большая душка...* С. 172–173.

*** Правильное написание – муравленой, от слова *мурава*, которым называли зеленую свинцовую глазурь.

**** РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 743, л. 7 об. – 8.

Еще один текст, набранный изразцами в один ряд, располагался по периметру колокольни ниже яруса звона. К сожалению, ни в одном документе мы не обнаружили записи его содержания. Оба текста – на храмовом кубе и на колокольне – в описании Благовещенского собора 1704 г. названы «лепотисью мурамленой»***,****.

Изразцовыми колонками украшались четыре окна верхнего ряда и углы центрального восьмигранного барабана. Колонками закреплены углы храмового куба, и они тоже обрабатывались изразцами.

Неизгладимое впечатление производил интерьер собора. В стенах храма, обращенных к алтарю и трапезной, были сделаны трехарочные проемы. Естественное освещение обеспечивали окна нижнего и верхнего ряда и круглый фонарь главного барабана. Величественное зрелище являли собой трехъярусный иконостас, фрески, медное паникадило в два яруса с 24 подсвечниками. Вдоль западной стены шли хоры, украшенные золоченой резьбой. Во всех простенках стояли большие киоты с иконами.

В росписи стен собора центральное место занимали сюжеты на темы из жизни Богородицы: Благовещение, встреча Пресвятой Девы Марии с праведною Елизаветой, Рождество и Введение во храм, а также распятие Иисуса Христа и снятие его тела с креста.

В 1860 г. пол в алтаре, храме, притворе был выложен литыми чугунными плитами.

Благовещенский собор славился замечательным колокольным звоном (об этом ниже).

Рядом с Благовещенским собором, на месте разобранный деревянной церкви во имя святой Параскевы Пятницы, в 1740 г. был заложен еще один каменный собор – Богоявленский. Он имел придел в честь Параскевы Пятницы. Храмовый куб собора завершен одним широким куполом с изящной главкой и крестом.

В соборном ансамбле Кунгура Богоявленскому собору отводилась второстепенная роль. Но оба собора на высоте кремлевского холма определяли очень яркий силуэт города. Архитектурный соборный ансамбль органично соединял нагорную часть города с нижним посадом. В 1799 г. соборы были обнесены железной оградой на каменных столбах с тремя арочными воротами. Площадь в ограде сдавалась купцам для торговых лавок, от которых церковный доход ежегодно составлял до 500 рублей.

Над Сылвой-рекой, на утесе, где располагались деревянные строения девичьего монастыря во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской, поэтапно в 1758–1763 гг. возводятся каменный придел во имя Иоанна Богослова и основной каменный Тихвинский храм с колокольной. Средства на строительство выделял воевода Ю.А. Матюнин. В своем первоначальном виде каменный храм просуществовал до 1881 г.

При Тихвинском храме купец Е. Юхнев с сыном Василием в 1775 г. построил каменную богадельню для мужчин. Одновременно в нем размещалось малое народное училище, открытое в Кунгуре в 1789 г.

Старый деревянный Успенский храм сгорел в 1750 г., и на этом месте сразу началось строительство нового храма с приделом в честь святителя Стефана Пермского. Новый храм возвели двусветный, с пятиглавым завершением и колокольной. Он освящался в 1761 г., а Стефановский придел – раньше, в 1755 г. Во второй половине XIX в. храм подвергался значительным изменениям.

Сооружения Успенского храма XVIII в. отличаются строгостью и простотой форм, значительностью объема внутренних пространств с сомкнутыми сводами, точностью расчета конструкций. Стены четверика со всех сторон увенчаны большими закомарами с восьмигранными окнами (световыми с севера и юга, ложными с востока и запада), карниз по периметру украшен зубчатым поясом. В венчающем храм пятиглавии четыре главы с глухими восьмериковыми барабанами поставлены по углам на четырехугольные башенки-постаменты, а пятая возвышается на двух крупных восьмигранных барабанах, из которых нижний открыт в храмовое помещение.

По композиции и декору Успенский храм Кунгура идентичен Воскре-

Воскресенская церковь 1752–1760 гг. (в центре) в Соликамске. Фото начала XX в.

сенскому собору г. Чердыни, который строили в 1750–1785 гг., и Воскресенской церкви г. Соликамска, освященной в 1752 г.*. Возможно, он стал примером для подражания «мастерам каменных дел», построившим в 1772 г. в с. Филипповка, пригороде Кунгура, аналогичной конструкции церковь во имя св. Филиппа митрополита Московского.

* Чагин Г.Н. На древней Пермской земле. – М., 1988. – С. 33, 113.

Успенский храм органично дополняла каменная церковь великомученика Мины. Храм посвящался великомученику, почитание которого в месяцеслове приходилось на 10 (23) декабря. Святой пользовался популярностью как исцелитель «от очной болезни». В Кунгуре храм получил такое наименование, возможно, потому, что закладывался в день почитания святого, или же основатель храма решил увековечить имя святого, который являлся его духовным покровителем.

По сведениям летописца, церковь была заложена в 1774 г. и возводилась на средства купца Л.И. Песьякова. Основу композиции составил двусветный четверик с сомкнутыми сводами, в центре которых встроен восьмигранный световой барабан с главой. С востока к главному

Успенская церковь 1755–1761 гг. в Кунгуре. Фото 2005 г.

объему примыкала пятигранная апсида, а с запада – небольшая трапезная. В архитектурных украшениях церкви были продолжены традиции Успенского храма: прямые лопатки, рамочные наличники, зубчатый пояс в карнизе и др.

Под апсидой находилась часовня, а под храмовой частью и трапезной – кладовые. Вход в часовню был устроен с восточной стороны.

В 1935 г. церковь закрыли и приступили к ее разборке. Объяснили это тем, что она оказалась на подъезде к возводимому тогда автомобильному мосту через р. Сылву.

Бурная жизнь Кунгура не могла не повлиять на застройку правобережной части Сылвы, удаленной от центра города. Под новую застройку отводились не только прибрежные, но и дальние участки. В конце XVII в. отвод был сделан и для деревянного Спасо-Преображенского храма. Возле него в 1763 г. приступили к возведению двухэтажного каменного храма.

На первом этаже престол освящен в честь Казанской Божией Матери в 1768 г., а на втором – во славу Преображения Господня в 1781 г. Летописец отмечает, что строился храм «иждивением заречных жителей, а более всего на средства купца Ивана Хлебникова»*. Подрядчиком выступал купец из Екатеринбурга Даниил Зырянов. Убранство интерьеров создано старанием старост Андрея Пиликина и Петра Васильева. Последний на свои средства украсил верхний храм настенной живописью.

Колокольня сооружалась крестьянином Михаилом Комаровым с 1775 по 1782 г. В середине XIX в. была пристроена крытая паперть, из которой один коридор вел в нижний храм, а другой – в верхний.

Спасо-Преображенский храм значительно отличался от других храмов города по материальному положению. Он был богаче, так как среди его прихожан было немало владельцев кожевенных промыслов. Храму жертвовали серебряную утварь, кресты, одежду, ризы

Воскресенский собор 1750–1785 гг. в Чердыни. Фото начала XX в.

* Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – СПб., 1813. – Т. 3. – С. 211.

на иконы и даже каменные дома для причта. Самое драгоценное пожертвование братьев Пиликиных, относящееся к 1846 г., – храмовая икона Казанской Божией Матери, написанная в Троице-Сергиевой лавре.

В наше время Спасо-Преображенский храм находится в хорошем состоянии. Сохранились элементы старого интерьера, не изменена планировка. Окна в кованых решетках. Обращают на себя внимание и поражают размеры храма: высокий куб с пятиглавым верхом, пятигранная апсида, стройная ярусная восьмигранная колокольня на двухэтажной трапезной. Главки утонченной формы, одна в центре, а четыре не по углам куба, как это встречается на храмах чаще всего, а в середине сторон, то есть с ориентацией по сторонам света. Вокруг церкви сохранился первоначальный декор ограды.

Стены снаружи и внутри штукатурены. Оконные наличники в виде прямоугольных рам и с утонченными ажурными завершениями, выложенными резным камнем. Наибольшим изяществом отличаются

* О ч е л ь е – надоконная часть наличника. очелья* наличников окон верхнего яруса.

Иоанно-Предтеченский храм разместился возле старого кладбища на юго-восточной окраине Кунгура. Он состоял из двух приделов, расположенных по одной линии. Восточный придел с престолом в честь Иоанна Предтечи освящался в 1787 г., а западный – в честь святителя Николая Чудотворца – в 1792 г. На его месте в конце XIX в. началось строительство Никольского храма, освященного в 1917 г. (см. ниже).

В здании, построенном в 1758–1762 гг. на высоком берегу Сылвы, размещался магистрат – орган городского самоуправления (ул. Гоголя, 36).

Двухэтажное каменное здание – прямоугольное. Длина его 25 м, ширина 17 м, толщина стен 115–130 см. Пилястрами оформлены углы и стены. Внутреннее строение здания обозначено на фасадах пилястрами: две на южной и северной стенах показывают три палаты, расположенные вдоль них, по одной – на западной стене, по две – на восточной. Между этажами идет горизонтальный пояс. Ступенчатый карниз украшен аркатурой из лекальных кирпичей и жучковым орнаментом**. Цоколь гладкий, завершен валиком.

** Жучков ы й о р - на м е н т – кирпичная кладка из фигур, напоминающих жука или букву «ж» и поставленных в один ряд.

На каждом этаже по шесть квадратных палат с анфиладным расположением. Палаты перекрыты сводами с железными связями. Они различаются лишь расположением оконных и дверных проемов. В се-

веро-западном углу здания межэтажные перекрытия отсутствуют. Здесь устроена деревянная лестница на второй этаж.

Здание магистрата известно в Кунгуре еще под названием *дом воеводы*. С 1835 г. в нем находился пересыльный острог. В наше время здесь располагается музей.

*«...открылась школа,
названная народным училищем»*

ОБРАЗОВАНИЕ

На Урале по инициативе начальника заводов В.Н. Татищева в 1721 г. были открыты две арифметические школы – при Уктусском заводе (ныне г. Екатеринбург) и в Кунгуре. Главное их назначение заключалось в подготовке детей к заводской службе. Программа обучения арифметике предусматривала освоение действий сначала с целыми числами, а затем с дробями. Позднее арифметическая школа из Кунгура была переведена в поселок Егошихинского завода.

Одним из первых учебных заведений в Кунгуре стало малое народное училище, начавшее действовать 24 ноября 1789 г. Такие учебные заведения открывались в соответствии с «Уставом народным училищам в Российской империи», подписанным 5 августа 1786 г. императрицей Екатериной II. В Пермской губернии ими ведал специально учрежденный орган – приказ общественного призрения. На него возлагалась обязанность обеспечения училища учебниками, учебными пособиями и учителями*.

** ГАПО, ф. 82, он. 1,
д. 15, л. 32-32 об.*

Как полагалось по Уставу 1786 г., смотрителями малого народного училища определяли городничих, которые заботились о содержании здания училища и контролировали выплату жалования учителям. Первые учителя являлись выпускниками Вятского духовного училища. Среди учителей были Иван Калашников и Иван Суворов. Ивану Калашникову в 1797 г. объявлялась благодарность за хорошие знания учеников.

Малое народное училище обслуживало все сословные группы населения. В него принимались дети разных возрастов. Предполагалось готовить грамотных, умеющих писать и считать детей. Курс

* Катехизис – книга с изложением христианского вероучения в форме вопросов и ответов.

обучения был рассчитан на два года. В первом классе учились чтению и письму, начальной арифметике, рисованию, основам православия. Во втором классе изучали книгу «О должностях гражданина и человека», а также грамматику, продолжали осваивать чистописание, рисование, сокращенный катехизис*.

Но не все ученики проходили полный курс училища. Так, в первый год существования училища из 46 поступивших учеников 34 перестали посещать занятия. В 1796 г. обучалось 10 человек. В целом охват детей обучением в конце XVIII в. был еще незначителен.

XIX – начало XX в.

«...люди в Кунгуре ...почти поголовно ремесленники и пользуются доброй славой»

РЕМЕСЛЕННИКИ, ТОРГОВЦЫ, ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Кунгурские ремесленники усиленно занимаются кожевенным производством. Для этого были все необходимые условия: сырье высокого качества, водные ресурсы, производственные навыки населения, частный капитал, рынки сбыта продукции.

В 1803 г. в городе действовало 139 кожевенных заведений, на которых было занято до 75% всех кунгуряков, работающих в промышленности. По сведениям С. Бувеского, в 1854 г. в городе насчитывалось почти 130 заводов. Крупный завод имел обычно 112 чанов, а мелкий – 2. На этих заводах вырабатывалось до 300 тыс. кож*. Подобных промышленных центров в России тогда было мало.

Профессии кожевенной промышленности были весьма многочисленны. По некоторым данным, в Кунгуре в 1860-е гг. кожевенным производством занималось до 2,5 тыс. человек и до 1,9 тыс. человек, считая женщин и подростков, – шитьем кожевенных изделий. В той части города, где интенсивно развивалось кожевенное производство, появились улицы с на-

* Иофа Л.Е. Города Урала. – М., 1951. – С. 328.

званиями Кожевенная (ныне Просвещения) и Малокожевенная (ныне Ильина).

В связи с этим вспомним свидетельства очевидцев, что для Кунгура чрезвычайно характерен был запах кожи.

Путешественник Р. Попов писал:

«...в Кунгуре сильно процветает кожевенная промышленность, это прежде всего чувствует нос. Кислая, пропитанная запахом дуба и юфти атмосфера висит над городом. Еще далеко, в окрестностях города чувствуется этот специфический запах и все усиливается по мере углубления в центр селения»*.

Писатель В.И. Немирович-Данченко**, посетивший Кунгур в 1876 г., записал такой разговор с жительницей города:

«Всюду запах кожи, видимое дело, город этим живет.
– Этот запах скусный! – объяснила мне спутница.
– Отчего?..
– Здоровый, сказывают... он от внутренних болезней чудесно действует...»***.

Кожи мочили и промывали в реках, поэтому характерным запахом кожи обладала и речная вода, которая «имела вредные последствия».

Рынками сбыта кунгурских кож и обуви по-прежнему оставались города Пермь, Ирбит, Оренбург, почти все уральские заводские поселки. В Оренбурге красная юфта обменивалась на бухарские товары или продавалась за деньги. Привезенные в Кунгур бухарские ткани расходились по всему Прикамью. Кунгурские купцы продавали кожи, сапоги, башмаки, коты, рукавицы на Ирбитской ярмарке и в своих магазинах в Тобольске, Омске и других городах Сибири****.

В характеристике Кунгура, данной Р. Поповым в начале 1870-х гг., выделены следующие яркие черты развития кожевенно-го производства:

«Еще не так давно Кунгур выделял в огромном количестве сафьян***** для Китая, красную юфть для Бухары и Хивы. Ныне же с упадком кяхтинской торговли и с уменьшением вывоза в Среднюю Азию красной юфти он стал выделять в огромном количестве черную юфть и перерабатывать ее, по преимуществу, в простонародную обувь и теперь снабжает ею через Ирбит почти всю Сибирь. В кунгурский сапог и в кунгурскую рукавицу одевается, без малого, все простонородье Сибири, и их встретите вы и в далекой тайге, на приискском рабочем и на казаке, поселенном на богатых берегах Амура и Усури».

* Попов Р. *Чрез Урал до Балтики // Гражданин: газета-журнал политический и литературный.* – 1872. – № 24.

** В.И. Немирович-Данченко (1844–1936) – писатель, публицист, автор около 250 книг. В своих очерках «Кама и Урал», написанных в ходе путешествия по Уралу в 1876 г., рассказал о встречах с людьми, памятниках культуры, своеобразии природы. В 1921 г. эмигрировал, жил в Праге. В последние годы жизни много работал над мемуарной прозой.

*** Немирович-Данченко В.И. *Кама и Урал: очерки и впечатления.* – СПб., 1904. – С. 254.

**** *Кожевенное дело в Кунгуре // Екатеринбургская неделя.* – 1891. – № 13.

***** Сафьян – тонкая, мягкая, обычно ярко окрашенная кожа, выделанная из шкур коз и овец. Использовалась для изготовления обуви, галантерейных изделий, обивки мебели. Название идет от г. Кяхты, возникшего в начале XVIII в. на границе России и Монголии как центра русской торговли с Китаем.

Приведенную характеристику Р. Попов подкрепил данными о предприятиях Кунгура, на которых изготавливалась кожевенная продукция. Так, в начале 1870-х гг. в нем насчитывалось 468 чеботарных мастерских, 20 сыромятно-кожевенных заведений, 71 кожевенный завод. В 34 мастерских шили рукавицы и перчатки, в 12 – коты или чирки.

Зафиксирован один интересный пример из истории сбыта кунгурских сапог:

«Сибиряки при покупке обращают внимание на тщательную отделку подошвы. В Сибирь идет так называемый черный сапог, для рабочего класса... который не будет носиться в калошах. На тщательную отделку подошвы сапожник тратит столько времени, сколько нужно для приготовления сапог без этой совершенно не нужной, даже вредной отделки. Вредной потому, что при такой отделке подошва быстро изнашивается. И еще бы быть ей прочной, когда с кожи разными шкурками, брусками, притирками снимают четверть дюйма толщины; взамен этого подошву разрисовывают какими-то специями, делают ее блестящей, как зеркало. Но этот блеск на один день: походи в сапогах по влажной земле, и весь нелегкий труд пропал...»*.

* Кунгур: что такое блестящие подошвы у сапог? // Екатеринбургская неделя. – 1895. – № 5.

Кунгурские сапожники знали о низком качестве таких сапог, но раз скупщики обуви требовали отделки подошвы, то им «поневоле приходилось удовлетворять требование». Чем же была вызвана мода на блестящие подошвы, мастера не знали.

В говоре местных кустарей часто произносилось слово *сбава*. Оно появилось в связи с тем, что приходилось слышать от скупщиков товара «требование о сбавке цены». По отзыву одного наблюдателя, «сбава – это самое неприятное слово для кунгурских сапожников, потому что отзывается самым плачевным образом на их шкуре»**.

** Сивков П. Нужды кунгурских сапожников // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 11.

Во второй половине XIX в. кожевенное производство в Кунгуре сокращается: сбыт продукции ухудшается из-за появившихся конкурентов. Так, в 1889 г. работало 27 заводов, выпускавших 35% всех кожевенных изделий Пермской губернии. По данным 1899 г., на них поступало 32 070 кож рогатого скота, 4126 телячьих, 6102 конских, 686 верблюжьих, 850 овчин***. Хотя число купцов первой и второй гильдии сократилось (их стало вдвое меньше, чем в Перми), однако Кунгур по-прежнему относился к самым промышленным городам Пермской губернии****.

*** Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 47.

**** Материалы для географии и статистики России... С. 709.

Профессиональные занятия многих кунгуряков были связаны с обслуживанием 6 мыловаренных, 3 свечных, 4 салотопенных, 2 клейных, 18 кузнеч-

ных, а также нескольких канатных, лесопильных, мукомольных, маслобойных, экипажных, медноделательных, механических, гончарных, кирпичных, промышленных заведений*.

** Промыслы Кунгурского уезда // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 3, 5, 6, 8, 9.*

Кунгуряки издавна пользовались собственной поливной посудой. Она удовлетворяла как хозяйственные, так и художественные потребности. Ее изготавливали старинным способом ручной формовки. Знали здесь и способ так называемой обварки керамики. Раскаленное в печи изделие опускали в мучной раствор, который вскипал на его поверхности, оставляя узор из темных пятен с разводами. Таким же способом получали чернолощеную керамику. Черный цвет достигался завершением обжига посуды в сильно кипящем пламени без доступа кислорода.

Но больше всего в Кунгуре пользовались поливной посудой, которая снаружи и внутри покрывалась глазурью. Глазурь получали из окислов металла. Она давала коричневые, зеленые, желтые поливы, делавшие сосуды прочными и влагонепроницаемыми.

Некоторые мастера пользовались сухим способом глазурования: перед обжигом сосуды покрывали смолой и посыпали порошком свинца с добавлением меди. В печи смола выгорала, а порошок расплавлялся и застывал блестящим стекловидным слоем.

В музеях Прикамья сохранилось немало образцов старой керамики, которая несет на себе печать времени создания.

Много из того, что рождалось в кунгурском керамическом производстве, было связано с мастерами подмосковной Гжельской волости Агаповыми, Бузинами, Кочаевыми, которые в 1830–1840-е гг. приехали в Кунгур и основали мастерские по производству фаянсовой посуды.

Народное гончарство явилось благодатной почвой для создания в городе крупных керамических предприятий. В начале XX в. здесь работали посудо-гончарный завод А.В. Федосеева и гончарно-изразцовый завод М.И. Агапова. Они делали чашки, кружки, кувшины, блюда, банки, горшки, тарелки, причем не только глиняные, но и фарфоровые и фаянсовые. Изделия имели большой спрос как в Кунгуре, так и далеко за его пределами.

Как и везде, изготовление посуды сопровождалось формовкой глиняных игрушек, чаще всего свистулек.

Высокого уровня гончарства достигли в Кунгуре на заводах и фабриках Е.Г. Зыряновой, Г.Е. Бузина, В.П. Ширяева, Г.И. Федорова, В.И. Аксенова, А.В. Федоровой. На заводе Е.Г. Зыряновой, у

Клейма фаянсовых фабрик Кунгура XIX в.

которой работало 24 мастера, ежегодно изготавливалось разной фаянсовой посуды на 6 тыс. руб. Для изучения кунгурского керамического производства большую ценность имеет посуда с фабричными клеймами.

Как торговый город Кунгур издавна славился не только в Прикамье, но и за его пределами. В начале XIX в. купцы продолжали посещать самую крупную тогда в России Макарьевскую ярмарку на Волге. Торговые контакты развивались по нарастающей, и во второй половине XIX в. купцы совершали крупные операции на известных ярмарках – Нижегородской, Ирбитской, Московской. Каждый из этих товарных потоков имел свою особенность, свой, сложившийся в течение времени видовой состав продукции.

Значительная часть товаров продавалась в Кунгуре на местных базарах, ярмарках и торжках. Городская дума стимулировала их развитие, что давало возможность кунгурякам свободно реализовывать кустарные изделия и продукты сельского хозяйства. В сфере

Рынок Кунгура. Гончарные ряды. Конец XIX в.

рынка товар из рук производителя попадал в руки потребителя, это удешевляло его стоимость.

Базары и торжки проводились еженедельно на постоянно отведенном месте. Ярмарки организовывались в строго установленное время. Самыми крупными были три: Богоявленская с 6 по 13 января, Пятницкая в девятую пятницу после Пасхи (июнь, в редких случаях начало июля) и Мининская с 11 по 18 ноября. Торговым пунктом первых двух ярмарок были рядом расположенные Соборная и Торговая площади, а третьей – площадь в нижней части города возле двух рядом стоящих храмов, Мининского и Успенского.

Чаеразвесочная фабрика М.И. Грибушина

ряды сапожников, горшечников, шубников, кузнецов, ряды свечные, рыбные, соляные, фруктовые и др.

На рубеже XIX–XX вв. начали появляться новые торговые заведения – магазины, в основном с привозными товарами: готовой одеждой, тканями, украшениями, косметикой, чаем, конфетами и др.

Очень важную роль в жизни Кунгура играла поставка чая, начавшаяся в 1840-е гг. Инициатором ее стал купец А.С. Губкин. Впоследствии он сделался одним из крупнейших отечественных чаоторговцев. О нем ходили легенды как о крупном владельце капитала.

Вторым крупным чаоторговцем в Кунгуре был купец первой гильдии М.И. Грибушин, создавший в 1856 г. свою фирму. Торговля чаем

Чайная реклама Грибушина

Помимо этого, оптовая и розничная торговля происходила на усадьбах в лавках и на базарах. В Кунгуре главным местом торговли являлся каменный гостиный двор, построенный в 1865–1876 гг. возле Соборной площади. В нем каждый торговый ряд имел какую-то специализацию: были

сосредоточивалась в построенном им малом гостином дворе (в народе он получил название *грибушинские ряды*).

Чай в Кунгур привозили доверенные лица из Китая и Цейлона. Его сортировали и фасовали, затем отправляли на рынки Перми, Уфы, Вятки, Нижнего Новгорода, Казани и многих других городов. Чаеоторговым городом Кунгур стал по двум причинам: из-за расположения на Сибирском тракте и наличия богатых купцов, искавших применение своему капиталу. Ускорен этот вид предпринимательства был еще тем, что развитие кожевенного производства стеснялось конкуренцией.

В начале XX в. Кунгур приобрел новое значение в связи с тем, что через него прошла железная дорога Пермь – Екатеринбург. С ее открытием в 1909 г. значительно улучшились торговые связи. В 1900-е гг. оборот кунгурского рынка составлял 2 млн. руб., а после пуска железной дороги, к 1912 г., увеличился до 6 млн. руб. в год.

Об участии купцов в городских торговых делах писали многие путешественники и исследователи. Приведем лишь одно свидетельство, которое включил в 1876 г. в свои путевые очерки писатель В.И. Немирович-Данченко:

«Кунгур играет громадную роль в торговле этого края. Едва ли это не самый богатый город. Одного перечисления фирм его довольно, чтобы получить некоторое понятие... вот главнейшие из них: Кузнецов, отправляющий ежегодно за границу сала на 10 миллионов рублей; Губкин, занимающийся чайною торговлею с 6-ю миллионным оборотом; Грибушин, из писцов почтовой конторы ставший миллионщиком; кожевщики Фомин, Чуватов, Пиликин, Турицын, торгующие кожей от 300 до 100 тысяч в год каждый, и многие другие»*.

* Немирович-Данченко В.И. *Кама и Урал...* С. 250-251.

В городском строительстве, в том числе частном, работали каменщики, плотники, столяры, печники, маляры, специалисты по выжиганию извести и обжиганию кирпича. Город имел рабочих, обслуживающих водопровод, водостоки, уличное освещение. Неплохой заработок имели жители, занимавшиеся распилкой и расколкой дров.

Многие ремесленники изготавливали разнообразные предметы домашнего обихода. Это были бондари, ложечники, посудники, скорняки, шубники, пимокаты, обувщики, ткачи, портные, швеи, занимавшиеся изготовлением одежды, обуви, головных уборов.

В специальных красильнях окрашивали холсты и сукно. Здесь рано отпала надобность в домотканых материалах, что было связано с распространением более дешевых и качественных тканей фабричного производства и готовых костюмных изделий.

Кунгур также славился серебряниками и медниками. В начале XIX в.

в «серебряном» цехе работали 1 мастер, 2 подмастерья, 6 учеников, а в «медиволочном» – 10 мастеров, 7 подмастерьев, 13 учеников*.

Серебряники держали горны из «набитой в липовое дупло глины с прибавлением потребного количества песка, плавильные горшочки, сделанные из пеньковой глины, ручной мех и разные орудия»**. Их изделия – запонки, серьги, перстни, колечки, пуговицы – пользовались большим спросом.

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии.* – Пермь, 1804. – Ч. II. – С. 282.
** Там же, с. 283.

Медники, которых в Кунгуре еще называли *медиволятниками* и *медилитейщиками*, сооружали в снях своих домов кирпичные горны. Производственный процесс состоял из следующих этапов:

«Положив медь в горшочки и поставив оные в горн на приготовленный уголь, растопляют при содействии меха, выливают в разные опоки*** и обтачивают разными орудиями при помощи колеса»****.

*** Опоки – формы для отливки в песке.

**** Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии.* – Пермь, 1804. – Ч. II. – С. 283.

Основной продукцией медников была посуда. Жители Кунгура, как отмечалось в литературе начала XIX в., «старались иметь посуду медную в изобилии».

Естественно, в городе работало немало ремесленников, обеспечивавших население продуктами питания. Здесь всегда было много пекарен и квасных заведений. Среди хлебных изделий преобладали караваи, прямоугольные буханки, фигурные крендели, пряники, различные пироги. Много вкусной выпечки делали по праздникам: тогда она пользовалась особым спросом. Имелись изготовители сладких ягодных напитков и кваса.

В середине XIX в. появились специализированные колбасники. Они не были многочисленны и потому очень выгодно продавали свою продукцию.

Большая часть изделий местных ремесленников поступала на кунгурский базар, где их приобретали не только городские жители, но и приезжие из разных городов, сел и деревень.

Ряды городских ремесленников постоянно пополнялись за счет отходников – тех, кто приходил в Кунгур на отхожий промысел. Часть из них работала только один сезон, а некоторые жили здесь в течение нескольких лет. В основном отходниками были плотники, пильщики, каменщики, штукатуры, носильщики, красильщики, лудильщики, в редких случаях ювелиры.

Приходили в город торговцы-коробейники, главным образом крестьяне Вятской и Казанской губерний. Среди них было немало татар. Многие расходились по селам и деревням. Товары у них были

разнообразные: ситцы, нитки, тесьма, пояса, кружева, пряжки, пуговицы, иголки, булавки и даже картины и книги.

Значительная часть жителей занималась рыболовством. Рыбаки вылавливали судаков, щук, сомов, форель, линей, лещей, язей, окуней, ельцов. Приспособления для рыбной ловли были самые обычные: удочки, сети. О том, что рыболовство было широко распространено, говорит такой пример. На Иренской горе появилась деревня, которую стали называть Рыбы. Все ее жители занимались рыболовством и рыбу продавали на городском базаре. Давно деревня слилась с пос. Нагорный, но до нашего времени ее название не забывается.

Рассказывая о хозяйственных занятиях кунгуряков, нельзя умолчать о таких видах, как земледелие и скотоводство. В начале XX в. в городскую черту вошло немало пригородных деревень, и за счет этого увеличились площади хозяйственных угодий.

Земледельческий труд всегда имел главное значение. В городе было много частновладельческих земельных участков, которые использовались под огороды и сады. Продукция их не только шла на домашние потребности, но и выгодно сбывалась на местном базаре, принося производителям немалый доход.

Поставку зерна, муки и крупы на кунгурский базар осуществляли главным образом жители близлежащих сел и деревень, которые полеводством занимались более широко. Часть зерна и муки привозили издалека. Тем не менее определенную лепту в снабжение городских жителей продуктами полеводства вносили и сами кунгуряки. Они выращивали пшеницу, рожь, овес, ячмень, просо. Так, в 1897 г. на 230 десятинах земли было посеяно 410 четвертей пшеницы.

Землю обрабатывали двуральничной сохой, но с конца XIX в. сохой нового типа – *курашимкой*, изобретенной в с. Курашим Пермского уезда. Как и во многих местах Прикамья, курашимку в Кунгуре называли *сабаном*. У нее был железный треугольный лемех, установленный в неподвижном состоянии. К нему плотно прилегал отвал.

В начале XX в. входила в употребление соха-косуля. Она имела цельный лемех с отвалом, железный нож для разрезания почвы. Правая оглобля делалась с вгибом (была косой), и за счет этого лошадь шла не по вспаханной земле, а рядом. Зажиточные горожане заводили сабаны с двумя колесами. На пашне такие сабаны стояли устойчиво и распахивали глинистые почвы равномерно. Запрягали в них пару лошадей.

Достаточно развитым подсобным хозяйством было огородничество. Выращивали капусту, огурцы, редьку, редис, свеклу, морковь, лук, чеснок, перец. Картофель начали разводить с 1850-х гг.

Развитию скотоводства способствовало наличие неплохих пастбищ в поймах рек Сылвы, Ирени и Шаквы. Содержали крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей. В 1905 г. их насчитывалось до 2,5 тыс. голов. Лошадей использовали для транспортировки грузов и вспашки полей и огородов.

Молочная и мясная продукция в основном употреблялась в домашнем хозяйстве горожан, но сбывалась и на базаре.

Как видим, хозяйственные занятия жителей Кунгура были весьма многочисленны, они удовлетворяли разнообразные потребности горожан. По своим занятиям городское население распадалось на ряд групп, каждая из которых отличалась рядом специфических особенностей быта. Отличия эти в большей степени касались материальной обеспеченности семьи и домашнего уклада жизни. Специфичность уклада жизни и неоднородность занятий вели к закреплению социальной структуры городского общества.

*«Извоз при благоприятных
обстоятельствах составляет промысел
довольно благодатный»*

ИЗВОЗ И ИЗВОЗЧИКИ

Кунгуряки всегда довольно много занимались извозом, содержали лошадей, телеги, дрожки, пролетки, сани, фаэтоны. Но в связи с официальным открытием в середине XVIII в. Сибирского тракта, объединившего Пермь и Екатеринбург, получают наибольшее распространение грузовые и пассажирские перевозки.

Этот вид занятий становится важным источником дохода местного населения, а для ряда семей, как отмечалось в литературе, основным, «отодвигая на задний план земледелие». Путешественник, посетивший Кунгур в начале 1870-х гг., писал:

«Не одна, вероятно, тысяча людей промышляет извозом на Сибирском тракте; стоит только сообразить, какая масса грузов ежегодно передвигается здесь, чтобы убедиться, что должно быть так»*.

При оценке размеров только пассажирских перевозок следует учитывать такие сообщения:

«...в среднем пассажирским движением занимается от 200 до 350 лошадей, под одних арестантов требуется от 15 до 20 троек и более, а во время проведения ярмарок Нижегородской, Ирбитской, Шадринской – и более. Ежедневно занято ездовых от 50 до 75 человек»**.

* Попов Р. *Чрез Урал до Балтики...*

** Там же.

Тройка на Сибирском тракте. Худ. А.Н. Тумбасов. 1975 г. Холст, масло.
Из собрания Осинского краеведческого музея

Бесчисленные обозы попадались навстречу писателю В.И. Немировичу-Данченко, когда он в 1876 г. ехал из Перми в Екатеринбург:

«...только минуешь один – за ним в сотню телег растянулся другой, за ним третий – и конца им нет... Однообразно скрипят здоровые кунгурские колеса, медленно идут рядом понурившиеся крестьяне... Это все в Кунгур, объясняют мне. Ивовую кору для кожевен везут...»***.

*** Немирович-Данченко В.И. *Кама и Урал...* С. 240.

Значение извозного промысла уменьшается после завершения строительства к 1909 г. железной дороги из Перми в Екатеринбург, однако он не утратил свои позиции полностью.

Высока была доля грузовых перевозок, которые осуществляли

артели извозчиков. В артели объединялись люди, хорошо знакомые друг другу, чаще всего «односельцы или, по крайней мере, однообщественники». Очень часто к такой форме труда прибегали в случае, когда подряжались везти большие партии ценного груза. Выбирали руководителя артели, который назывался подрядчиком. Он вел расчеты по дороге на постоянных дворах, при сдаче товаров и получении денег. Доходы делились поровну, «на коня», а в случае пропажи «всегда отвечали за нее с обоза, артелью».

Во время перевозок извозчики останавливались в местах постоя, так называемых постоянных дворах, специально оборудованных для отдыха людей и лошадей, принятия еды, корма, а также для ночевки. В одном из таких постоянных дворов пригорода Кунгура в начале 1870-х гг. остановился Р. Попов и в своих записках оставил весьма интересное наблюдение:

«Обширный двор, устланный деревянным полом и покрытый тесом, был сплошь заставлен огромными возами с тюками среднеазиатского хлопка. В обширной и довольно опрятной избе за исполинским самоваром сидело вокруг стола более десятка ямщиков. Веселый говор, вероятно вследствие осушения стоявшего тут же совсем пустого штофа, доносился до меня в другую комнату, где я также занялся чаем. Шутки и прибаутки то и дело пересыпались, и среди этих разговоров то и дело слышались названия далеких городов, как Казань, или Томск, или даже Москва и Иркутск. Все это был, по-видимому, бывалый народ, сделавший, вероятно, на своем веку уже не один десяток верст по большой дороге, – одним словом, коренные ямщики»*.

** Попов Р. Чрез Урал до Балтики...*

Известно, что каждая профессия накладывает отпечаток на характер и поведение человека. Так и извозный промысел, по наблюдению очевидцев, тоже сформировал характерный тип людей. Интересны, как сами по себе, так и с точки зрения выяснения причин идентичности извозчиков, заключения все того же Р. Попова, проехавшего по Сибирскому тракту. Они являются очень точными и редкими, поэтому приведем их полностью:

«Это, по большей части, здоровый и крепкий малый, шутник и зубоскал, не лязящий, как говорится, за словом в карман. Любит он иногда прихвастнуть (слабость общая всем русским, выдавшим виды), любит хорошо поесть и в меру выпить. Но, во всяком случае, извозчик по профессии один из самых интеллигентных членов народной массы, что легко объясняется тем, что во время своих передвижений он имеет множество случаев видеть и слышать много из того, о чем другому, сидящему весь век дома, и в голову не приходит. Во всякое время дня и года можно встретить такого извозчика на большом Сибирском тракте: идет он под тридцатиградусным холодом, и под таким же жаром, подле своих крепких и сытых лошадей, запряженных в роскошную с золотом дугу и убранную блестящими медными бляхами и длинными кистями

упряжь, тихо посвистывает или перебрасывается шутками с товарищами; а то тихо качается он из стороны в сторону, погруженный в дремоту, приткнувшись где-нибудь на облучке телеги, пока наскакавшая почтовая тройка своим громом и звоном не выведет его из забытья, и он, позевывая, затынет какую-нибудь длинную-длинную, как лежащая перед ним дорога, песню. Не слишком-то много он обращает внимания на неприятности погоды и прочаго; он знает, что на первой же кормежке он согреется, плотно наестся жирных щей и масляной каши и даже соснет, где и как придется»*.

* Попов Р. Чрез Урал до Балтики...

*«Забываясь о своих прибылях,
кутцы и горожане ратовали
за стабильность развития города»*

БЮДЖЕТ ГОРОДА

Картину социально-экономической и культурной жизни города дополняют сведения о наполняемости бюджета и его использовании. В разные годы финансовое обеспечение города приобретало свои особенности. Зависело это от роста числа горожан, экономической обстановки, торгово-транзитных оборотов, спроса населения. Чтобы иметь конкретное представление о формировании бюджета и его воздействии на развитие Кунгура, воспользуемся сведениями за 1888 г., опубликованными в газете «Екатеринбургская неделя». Данный вопрос не исследовался в исторической литературе.

При населении в 1880-е гг. почти 20 тыс. человек в городскую кассу поступало немногим более 50 тыс. руб. Этой суммы не хватало, чтобы удовлетворять необходимые потребности. Бюджет всегда испытывал дефицит. В этом случае прибегали к займам у состоятельных лиц. Так, к 1888 г. у города оставался долг Е.С. Зырянову 16,5 тыс. руб., из которых 14 тыс. руб. были беспроцентными и 2,5 тыс. руб. – с 5% годовых. На погашение этой суммы выделялась 1 тыс. руб. в счет 14 тыс. руб., еще 500 руб. для покрытия 2,5 тыс. руб. и 125 руб. в проценты на последнюю сумму**.

Основными статьями дохода в 1888 г. являлись: 1) от городских общественных имуществ – 30 тыс. 521 руб. 75¹/₂ коп.; 2) сборы, установленные в пользу города, – 17 тыс.

** Екатеринбургская неделя. – 1888. – № 47.

115 руб. 23 коп.; 3) доходы вспомогательные – 6 тыс. 144 руб. Всего в бюджет набиралось 53 тыс. 780 руб. 98¹/₂ коп.*.

Расходная часть бюджета выстраивалась следующим образом:

1. Содержание мест и лиц городского управления – 10 тыс. 30 руб.; из них жалование городскому голове – 1,5 тыс. руб., трем членам управы – 2,4 тыс. руб. (по 800 руб. каждому), городскому секретарю – 1 тыс. руб., на наем служащих управы, сторожей, рассыльных и пр. – 3,1 тыс. руб.; всего 8 тыс. руб. Остальная сумма шла на жалование городскому врачу, чертежнику, двум торговым смотрителям и 60 руб. повивальной бабке**.

* Екатеринбургская неделя. – 1888. – № 47.

** Повивальная бабка – женщина, принимавшая младенца, акушерка. Повивальная – от слова *повивать*, то есть обертывать в пелены, а сверху еще завязывать повивальником – широким поясом.

2. Содержание городских общественных зданий и имущества – 7 тыс. 740 руб. 18 коп.

3. Пособие и содержание разных учреждений – 6 тыс. 855 руб. 29 коп.; из них на содержание полицейских управлений и 18 стражников – 2 тыс. 911 руб. 49 коп., на отопление двух тюремных замков – 826 руб. и на их освещение – 225 руб., на содержание сиротского суда – 1,1 тыс. руб.

4. Содержание учебных заведений – 10 тыс. 387 руб.; из них на четырехклассное городское училище – 2 тыс. 885 руб., женскую гимназию – 1,7 тыс. руб., народные училища – 3 тыс. 802 руб.

5. Выполнение воинской, квартирной и подводной повинности – 1 тыс. 397 руб. 40 коп.

6. Содержание общественной пожарной команды – 2 тыс. 606 руб.; из них жалование брандмейстеру – 430 руб., на наем пожарных служителей и караульных на колокольнях соборной и успенской – 1 тыс. 156 руб., на содержание 10 пожарных лошадей и конюхов – 700 руб.

7. Благоустройство города – 4 тыс. 726 руб.; из них на поддержание улиц, площадей, береговых укреплений – 1,2 тыс. руб., на содержание переправы через Сылву – 2 тыс. 350 руб., на освещение города (104 фонаря) – 614 руб.

В бюджете резервировалось 18 тыс. 839 руб. 18 коп. на «необязательные расходы»: на покрытие дефицитов – 6 тыс. 89 руб. 28 коп.; для покрытия займа у М.И. Грибушина – 4 тыс. руб.; на жалование врачу – 2 тыс. 144 руб. и «на прочие мелочные расходы».

Всего расходная часть бюджета составляла в 1888 г. 62 тыс. 581 руб. 5 коп., что превышало доходы на 8,8 тыс. руб. 6¹/₂ коп.***.

*** Екатеринбургская неделя. – 1888. – № 47.

«...славился Кунгур еще парходами»

СУДОСТРОЕНИЕ

Во второй половине XIX в. в Кунгуре работал механический завод, на котором строились парходы. Располагался завод на окраине города, при впадении Шаквы в Сылву.

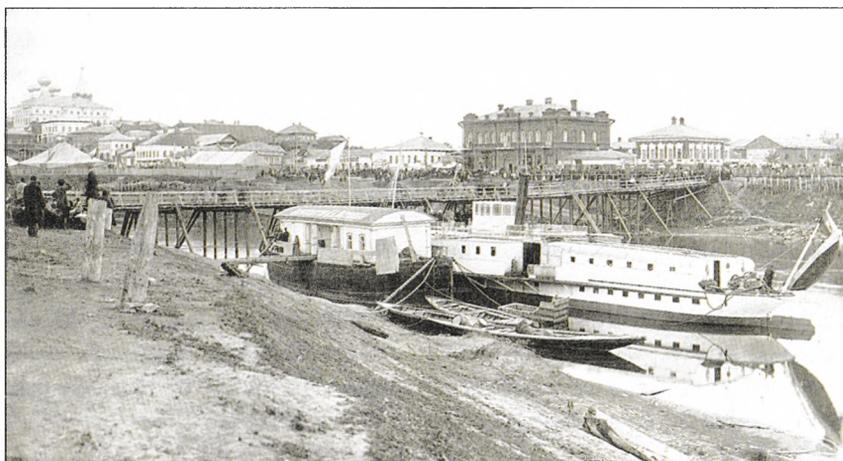
Завод открывал в 1861 г. П.В. Гакс, англичанин по происхождению, долго живший в России и принявший русское подданство. Владелец завода характеризовался как «человек, превосходно знающий техническую сторону своего предприятия, крайне гуманный, неусыпно трудолюбивый и честный»*. Именем П.В. Гакса был назван 123-й выпущенный заводом парход. В разгар работ, в 1870 г., П.В. Гакс умирает, и заводладельцем становится его сын Э.П. Гакс.

* Судьба парходо-
дельного завода в
г. Кунгуре // Екате-
ринбургская неделя. –
1888. – № 48.

** Кессон – камера
для образования под
водой или в водонасы-
щенном грунте про-
странства, свободного
от воды.

В экономике города завод играл большую роль. На нем действовали литейный, механический и другие цеха. За границей приобретались лучшие марки станков. Наряду с парходами выпускались отдельные паровые машины и котлы для парходов, водокачек, мукомолен, а также мосты и кессоны** для железной дороги. Металлические отливки находили применение в различных сферах бытовой культуры кунгуряков.

В 1870-е гг. на заводе насчитывалось до 700 рабочих. Это были главным образом жители Кунгура и крестьяне близлежащих сел и де-

Парход на р. Сылве. Начало XX в.

ревень, приезжавшие на заработки. Продукция завода пользовалась спросом по всей России. В 1876 г. ее изготавливалось на 450 тыс. руб.

В «Екатеринбургской неделе» отмечалось, что «пароходы, существующие на Каме, были почти все сработаны на его (Гакса. – Г.Ч.) заводе». В официальном «Списке паровых судов, плавающих по внутренним водным путям Европейской России в 1885 г.» приведены данные о 60 пароходах, построенных в Кунгуре.

При Э.П. Гаксе завод продержался на высоте только четыре года. Владелец его в 1874 г. был объявлен несостоятельным. Завод назначается к продаже с торгов. Причину закрытия завода объясняли «плохими денежными делами»: «возвышением зарплаты сравнительно с платою, полученной за производство». Дело в том, что были приглашены рабочие из Нижегородской губернии, у которых «задельная плата в полтора раза превышала зарплату местных». Предполагалось, что нижегородские рабочие должны работать «гораздо скорее и чище местных», но оказалось совершенно противоположное: «Такое повышение задельной платы должно бы быть, конечно, урегулировано с платою на производство, без чего, как известно, никакое предприятие не мыслимо, но эта последняя, то есть плата, почему-то была оставлена прежняя».

Кунгурский механический завод в 1878 г. был временно остановлен, когда произошла задержка в оплате за паровые котлы нового образца, выписанные Э.П. Гаксом из Парижа, а затем началась переделка этих котлов, рассчитанных на топку каменным углем, на топку дровами. У хозяина завода на все это ушел почти весь оборотный капитал, и он вынужден был законсервировать цеха, хотя они были «при полной исправности оборудования».

В 1879 г. завод перешел в собственность кунгурского купца первой гильдии, представителя известной чайной фирмы Г.К. Кузнецова. В 1882 г. завод возобновил работу. В первый год на нем было занято 335 человек, в дальнейшем – около 600. Но проработал завод недолго, в 1886 г. его закрыли по причине «неумелого руководства». За пять лет было выпущено только 7 пароходов, «все легкие, для перевозок пассажиров и транспортировки чая своей фирмы».

Оборудование закрытого завода разошлось в основном по кожевенным предприятиям.

*«...соединили свои старания
о попечении нуждающихся»*

БОРЬБА С НИЩЕНСТВОМ

В записках путешественников содержатся упоминания о людях, которые живут «подаванием», «доходами от церкви». Эти случаи, очевидно, свидетельствуют о нищих. В архивах сохранилось немало документов с просьбами бедных горожан о помощи*.

Е.Д. Золотов в пору пребывания дьяконом Благовещенского собора, в 1888 г., писал об «ужасающем развитии нищенства в Кунгуре со всеми неблагоприятными последствиями». «Неблаго-

* ГАПО, ф. 65, оп. 1, д. 346; ф. 297, оп. 3, д. 246, 260.

** Золотов Е.Д. *Боль души...* С. 21.

приятными последствиями» он считал чрезмерную милостыню, приведшую к тому, что было «трудно разобрать, кто из просящих более заслуживает действительной помощи»**

Путь избавления от нищенства в Кунгуре видели в общественной благотворительности. По инициативе городской думы и при участии священнослужителей 2 марта 1888 г. состоялось открытие специального Комитета по разбору и призрению нищих:

«...после Божественной Литургии в Благовещенском соборе граждане Кунгура и все городское духовенство собралось в здании городского общественного дома. Городской голова Я.А. Колпаков сказал несколько слов о необходимости иметь в Кунгуре правильную общественную благотворительность... он же зачитал правила комитета...»***.

*** *Пермские губернские ведомости.* – 1888. – № 40.

Появление Комитета по разбору и призрению нищих – не только свидетельство существования необеспеченного слоя населения Кунгура, но и официальное признание его обществом. Комитет собирал средства и направлял их «на доброе дело на пользу беднякам». Особой помощью пользовались те жители города, которые страдали от наводнения. На поправку домов ежегодно выделялось пособие более чем 300 домохозяевам****.

**** *Екатеринбургская неделя.* – 1891. – № 29.

В 1873 г. купец второй гильдии Е.С. Зырянов начал строить богадельню, которая содержалась на проценты учредителя и других жертвователей. Строительство богадельни было завершено в 1884 г. по проекту архитектора Р.И. Карвовского. После смерти ее основателя по решению городской думы богадельню назвали Зыряновской. На втором этаже здания был освящен храм в честь архистратига Михаила и великомученика Георгия, а на прилегаю-

Богадельня Е.С. Зырянова. 1874–1884 гг. Фото 2006 г.

шей территории разбит Александровский сквер со службами. В 1907 г. в богадельне содержалось 106 человек. Здание сохранилось до наших дней, в нем размещается поликлиника (ул. Гоголя, 3).

Помимо этого, еще одна организация – Комитет попечительства о бедных, созданный на базе Комитета

по разбору и призрению нищих, – открывает в Кунгуре ночлежный приют. Необеспеченной части населения оказывалась помощь как купцами, так и благотворительными заведениями.

Таким образом, меры борьбы с нищенством в Кунгуре предпринимались разные, но полного искоренения его не наступало. Точные сведения о размерах слоя городской бедноты определить невозможно из-за отсутствия учета такой категории населения, но можно предположить, что этот слой был достаточно велик.

«Своеобразие облика Кунгура во многом объясняется его местонахождением»

УЛИЦЫ И ПЛОЩАДИ

В начале XIX в. Кунгур превосходил по общему числу жилых домов г. Пермь. Деревянных домов было 1122, а каменных – всего 4. Но на протяжении первой половины XIX в. интенсивно ведется каменное строительство, что было связано с успешной деятельностью местных предпринимателей. К 1852 г. в городе насчитывалось 84 каменных дома, причем число деревянных домов в этот период почти не увеличилось.

В первой трети XIX в. по проекту губернского архитектора П.Т. Васильева строятся два примечательных здания, сохранившихся до сих пор. Это часть тюремного замка (1827) (ул. Гоголя, 1в) и

городская больница (1830–1832) (ул. Гоголя, 3а). Городская больница строилась на средства городского головы К.Е. Кузнецова. Здание больницы и ныне используется по прямому назначению. Кроме того, можно увидеть еще одно здание этого времени – дом женской общины, выстроенный в 1820 г. (ул. Гоголя, 12).

Тюремный замок и больница возведены на юго-восточной окраине города, куда подходил Сибирский тракт со стороны Екатеринбургa. В застройке этого квартала во второй половине XIX в. стали доминировать еще два здания: уже упомянутая массивная Зырянская богадельня из красного кирпича, строительство которой завершилось в 1884 г., и Никольская церковь тюремного замка (1894) (сегодня она выделяется среди более позднего строительства своим куполом). Здесь же на средства купчихи А.И. Грибушиной был построен в 1898–1899 гг. родильный покой.

О впечатлении, которое производил городской ландшафт, узнаем из записок путешественника, в начале 1870-х гг. проезжавшего по Сибирскому тракту из Екатеринбургa:

«Был уже вечер, часов этак около шести, когда я подъезжал к Кунгуру. Уже за несколько верст чулось присутствие значительного и деятельного города. По сторонам частенько попадались заимки (так называются здесь загородные дома, соединенные обыкновенно с каким-нибудь промышленным заведением), показались городские экипажи, а под тенью деревьев, образующих бульвар по обе стороны дороги, частенько попадались пешеходы. До ушей доносился какой-то тысячный гул. Это тысячные колокола звонили ко Всенощной, так как дело было под праздник. Вскоре показался вдали самый город, или, вернее, часть его нагорная, так как другая, расположенная под горой, стала видна только уже ближе к городу»*.

* Попов Р. *Чрез Урал до Балтики...*

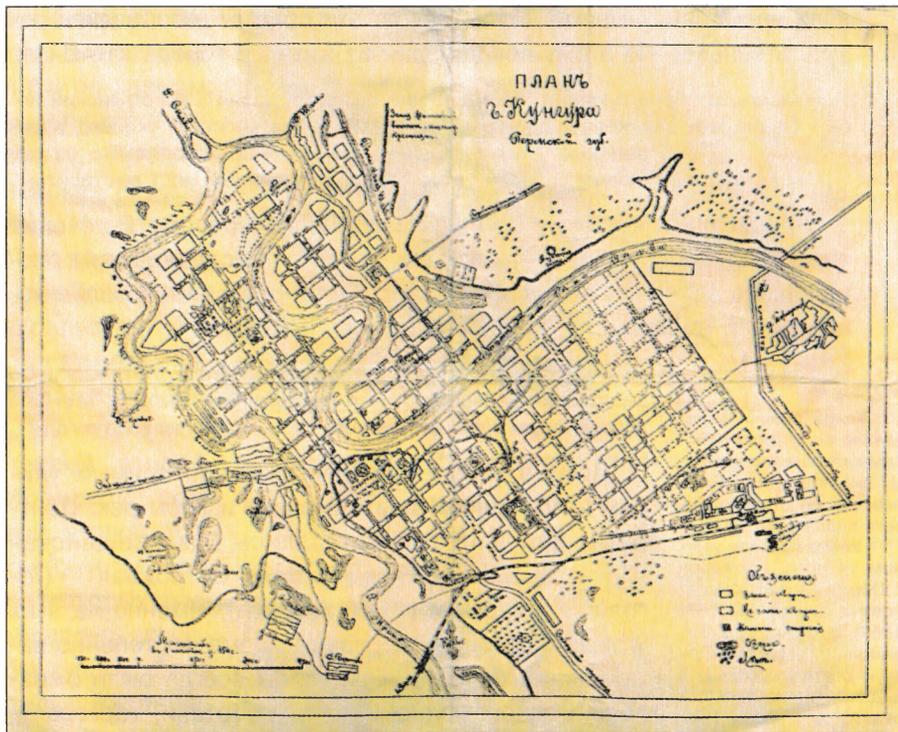
Во второй половине XIX в. темпы каменного строительства замедляются, но в начале XX в. они вновь растут. В 1907 г. город имел почти 2 тыс. усадеб с каменными и деревянными домами.

Ход строительства Кунгура постоянно контролировался представителями городской управы. Они принимали меры для предотвращения беспорядочной застройки города. В правилах содержания города неоднократно предписывалось:

«...впредь строить не позволяется без особого утверждения плана, и ныне строящимся людям подать ведомость для нашего личного осмотра места».

Со временем городской управой был создан Комитет по приведению города Кунгура в лучшее состояние, преобразованный в 1888 г. в Кунгурскую строительную комиссию.

Внешний облик и планировка Кунгура на рубеже XIX–XX вв. были типичны для многих уездных городов России, но по-прежнему свое-

План Кунгура 1910 г. ГАПО

образе облика города во многом объяснялось его местоположением. Реки Сылва и Ирень пересекали его на несколько частей и оставались важнейшими элементами планировки. Они придавали ему необычайную привлекательность. Одна часть города располагалась на возвышенности и называлась *нагорной*, или *городской*, другая – в низине, ее называли *подгорной*, или *заводской*. Была и третья часть – *заречная*, на правом берегу Сылвы.

Вид на центральную часть города с берега Сылвы. Фотооткрытка 1900-х гг.

Однако те же реки заставляли постоянно заботиться об укреплении их берегов. Строили бревенчатые стены, забивали сваи, закреп-

ляли промоины камнями. Но не всегда эти приемы оказывались результативными. По этому поводу один из жителей города заключал:

«Укрепляли берега Ирени, но нынешний разлив показал... крестьянский левый берег рвет так же основательно, как было и без крепии. А сколько тысяч земских денег ухлопано на эти крепии! Говорят, что на эти деньги на Ирени можно было постоянный мост выстроить»*.

* Екатеринбургская неделя. – 1894. – № 21.

Прибегали и к такому не совсем обычному способу. В течение зимы сваливали навоз в тех местах, которые быстрее других размывались весенней водой. Этот способ становится еще более ясным, если обратимся к мнению городского жителя:

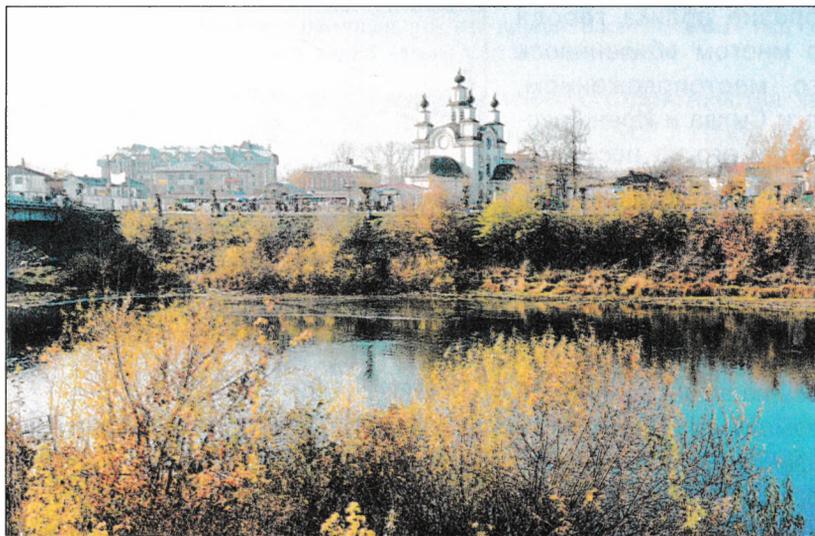
** Там же. – 1890. – № 16.

*** Улица получила название по острогу – тюремному замку, к которому она подходила. Гоголевской ее стали называть задолго до 1917 г.

**** Улица названа именем ученого, уроженца г. Перми Модеста Яковлевича Киттары (1820–1880), который в 1848 г. выполнил топографическую съемку Кунгурской ледяной пещеры и составил ее подробное описание.

«Навозом-то принято у нас крепить берега... Эти навозные укрепления весной уносятся разлившейся Сылвой, а зимой добрые люди опять навалют его горы – и так из года в год»**.

Дома в городе располагались по прямым улицам и по линиям, повторяющим изгибы рек. Центральными улицами оставались Благовещенская (Советская), Успенская (Ленина), Острожная*** (Гоголя), Киттарская**** (К. Маркса). Именно на этих улицах почти все деревянные дома постепенно заменили каменными. Эти улицы всегда были оживлены и многолюдны. На них работали, торговали, гуляли. Кроме того, в старой части города важны-

Вид на р. Сылву и нижний посад. Фото 2005 г.

ми были улицы, которые назывались по храмам: Мининская (Гагарина), Предтеченская (Свободы), Никольская (Октябрьская), Преображенская (Уральская). Украшением набережных улиц Сыловенской первой, второй, Иренской первой, второй, третьей, четвертой, на которых размещались усадьбы купцов, были сады. Разрешение на создание садов выдавала городская дума.

В Кунгуре сформировалось 6 площадей: Соборная, Острожная, Мининская, Торговая, Кожевенная, Приходская. Все они обозначены на планах города XIX – начала XX в. Каждая площадь имела характерные особенности.

Символом уездного города являлась Соборная площадь с храмами и двумя гостиными дворами. К ним близко располагались здания городской управы и бывшего магистрата. Все вместе они образовывали центр города и составляли его органическую часть с ее неповторимым колоритом. На Острожной площади со стороны р. Ирени размещались здания больницы, богадельни, тюремного замка, казармы местного гарнизона и управление воинского начальника. От этой площади продолжался Сибирский тракт в направлении на Екатеринбург.

Центральной части города был свойствен ярко выраженный торговый колорит. Его создавали гостиные дворы и многочисленные

Усадьбы в центральной части Кунгура. Фото начала XX в.

Деревянный мост через Сылву. Фото начала XX в.

торговые строения, тяжеловесные, а порой легкие, некоторые вычурные. Они принадлежали купечеству и зажиточному мещанству.

В гостиных дворах предлагалось покупателям все, что было необходимо человеку, живущему в Кунгуре. Продавцы придавали торговым лавкам и рядам красочный, призывный вид. Для этого товары выкладывались в виде высоких пирамид, выставлялись в витринах и на открытых стойках, в качестве украшений развешивались гирлянды красного перца. В воспоминаниях современников кунгурские базары предстают как одно из наиболее колоритных мест города. «В этих местах, – писал один из них, – сразу чувствуешь бойкую жизнь города... здесь все работает и потрясает на разные тона и голоса...»

На территории нижнего посада, прилегающей к Успенскому храму, продавали не только съестные припасы, фабричные и ремесленные товары, бытовые предметы, но и дрова, сено, солому, зерно, скот.

Неотъемлемой частью Кунгура были мосты, которые издавна строились деревянными, на сваях. Один мост соединял берега Сылвы, другой – Ирени. К Иренскому мосту подходил Сибирский тракт. Третий мост, который назывался Кузнецким, пролегал через овраг. Сылвенский и Иренский мосты ежегодно сносились половодьем. В этом случае устраивались паромы, плавучие мосты, передвигались и на лодках. Только в 1913 г. возводится постоянный мост через р. Ирень.

Д. Домославский, проявлявший большой интерес к истории Кунгура, в статье «Нужен ли Кунгуру постоянный мост» писал:

«Левобережье Сылвы – активная часть города, на правой стороне – до двух тысяч человек небогатого мещанского населения, оно лишено многого... здесь нет лавок, огнегасительных орудий, не существует рынка, не живет ни один доктор... нет скотского выгона, то есть правая засылвенская сторона зависит от центра города... паром и лодки-душегубки не обеспечивают людям хорошее сообщение, поэтому нужен постоянный мост»*.

Был приглашен инженер Ренкуль, который составил смету и план на постройку моста. Известно, что купец М.И. Грибушин внес 25 тыс. руб.**. Такую же сумму на мост через Сылву пожертвовал купец А.Г. Кузнецов. Но их пример не получил поддержки.

В связи с прокладкой железной дороги в 1909 г. появился железобетонный мост через р. Ирень. Первые поезда, к тому же еще следовавшие по мосту, вызывали среди жителей переполох. Они выходили из домов

* Екатеринбургская газета. – 1889. – № 25.

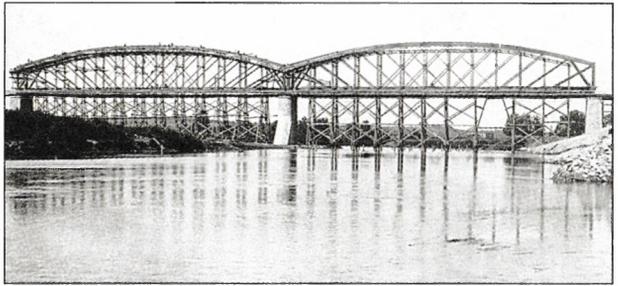
** Там же.

с криками: «Смотрите, едут без лошадей!»

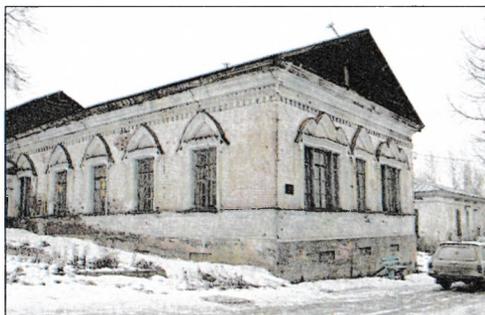
На средства купца первой гильдии М.И. Грибушина в 1872 г. в городе устанавливаются первые уличные фонари. В 1873 г. их насчитывалось более 50,

в конце 1880-х гг. – свыше 100. Причем часть их вывешивалась не на деревянных, а на железных столбах. Довольно яркое освещение получила центральная часть города. Использовались в фонарях газ и керосин.

В 1913 г. Кунгур вступил в век электричества. Сначала электрическое освещение появилось в техническом, Губкина училище, затем в домах купцов и общественных зданиях города. Городская дума приобрела несколько динамо-машин*, и к 1915 г. электричество пришло во все центральные районы города. Один из путешественников, побывавший в Кунгуре в 1916 г., отметил, что «город уже издали светился яркими электрическими огнями». Однако в домах простых людей сохранялось керосиновое освещение. Немало было и таких, кто продолжал пользоваться лучиной.

Железнодорожный мост через Ирень. 1909 г.

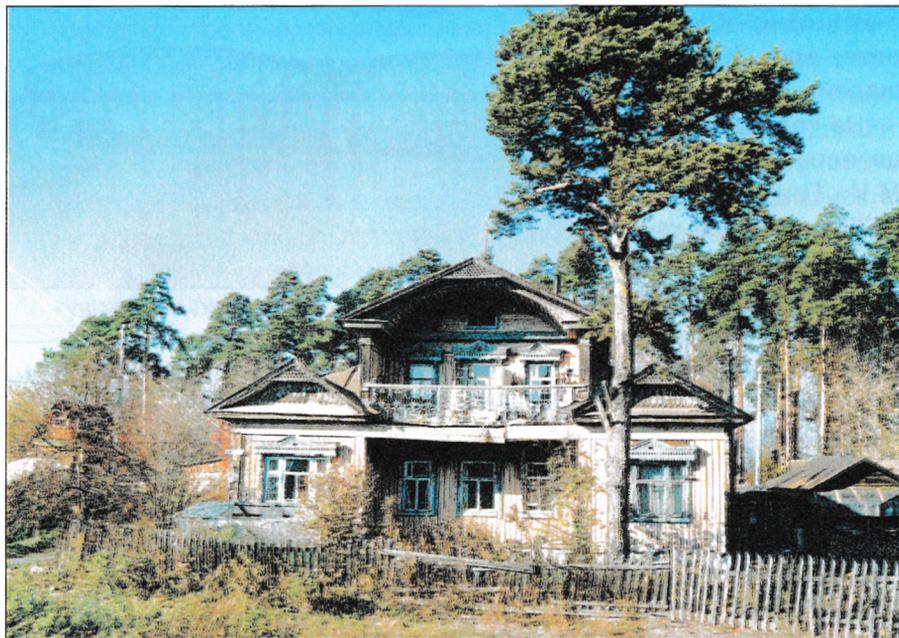
Здание родильного покоя. Построено в 1898–1899 гг. на средства А.И. Грибушиной

улицы окраин города были «большую часть года чрезвычайно грязны», поэтому «езда в городе в самых легких экипажах» была «возможна не иначе как парой»**.

* Д и н а м о – греческое слово, соответствующее значению слова сила; м а ш и н а – латинское слово, обозначающее сооружение; д и н а м о - м а ш и н а – генератор (производитель) постоянного электрического тока.

Мощением улиц Кунгура по-настоящему занялись в начале XX в. Проезжую часть мостили булыжным камнем, а пешеходные пути – плитами. Новые кварталы, которые возникли в начале XX в. на окраинах города, оставались без мощения и освещения. Не случайно в литературе о Кунгуре сообщается, что

** *Материалы для географии и статистики России... С. 708.*

Загородная дача. Начало XX в. Фото 2005 г.

В связи с этим обстоятельством вспоминается случай, произошедший с одним иностранным путешественником, следовавшим в середине XIX в. в Сибирь. В губернской печати сообщалось:

«Под вечер экипаж подъехал к городу, и сидевший в нем господин спросил: какой впереди город? Ему ответили: Кунгур. Проснулся господин ночью и опять спросил: в каком городе едем? Ему ответили: в Кунгуре. Утром господин проснулся и вновь спросил: какой город мы только что проехали? Ему ответили: Кунгур. Приехав по назначению, господин сообщает родным: всю Европу и Сибирь проехал, и самый большой город, который встретил, был Кунгур. Большим Кунгур показался потому, что экипаж всю ночь пробирался по грязным улицам города».

Развитие города иллюстрируют данные официальной статистики за 1913 г. К этому времени город занимал более 2 тыс. десяти^{*} земли, в нем было 35 улиц, 5 площадей. На этой территории

* Десятина – основная дометрическая русская мера площади, равная 2400 кв. саженьей, или 1,09 гектара.

располагалось почти 2,5 тыс. строений. Город освещали свыше 150 масляных и спиртоскипидарных уличных фонарей, которые постепенно заменялись керосиновыми.

С 1909 г. жители пользовались водой из водопровода, но колодцы и реки оставались важными источниками водоснабжения. Насосная

станция и водонапорная башня того времени сохранились до нашего времени. Тогда же была устроена ливневая канализация.

В городе имелись два кладбища. Начало одному из них, находящемуся на юго-восточной окраине города, было положено во второй половине XVIII в. В 1772 г. по всем городам и селениям Российской империи был разослан указ Екатерины II, запрещающий «погребать тела умерших при приходских храмах». Во исполнение высочайшего указа в Кунгуре было отведено для кладбища специальное место на выгонных землях, «обнесенное плетнем и забором для удержания скота».

По свидетельству очевидцев, Кунгур выглядел зеленым городом. С внешней стороны у него был значительный зеленый пояс в виде березовых рощ по склонам гор. На многих усадьбах имелись сады. Так, возле Елизаветинской женской рукодельной школы был разбит сад, который «с густой листвой своих лип и кленов» подходил «прямо к крутому берегу Сылвы». Засылвенскую часть города украшал Мининский сад-парк.

Но регулярное озеленение города – обсаживание деревьями городских улиц и площадей, устройство скверов и бульваров – проводилось весьма медленно.

Хотя контрасты в застройке центра и окраин проявлялись в значительной степени и достаточно четко выражалась социальная топография Кунгура, в нем непрерывно шло развитие черт, присущих российским городам конца XIX – начала XX в.

*«Кунгур едва ли не более всех городов
Пермской епархии славится численностью
и украшением храмов Божиих»*

КАМЕННЫЕ ХРАМЫ

Богоявленский собор, построенный в 1740 г. возле Благовещенского собора, подвергся реконструкции и к 1840 г. предстал «более вместительным и изящно украшенным».

Когда в конце XIX в. приступили к расширению собора второй раз, неожиданно обрушились стены. После этого стали возводить новый

Благовещенский собор 1700–1704 гг. и Богоявленский собор 1840 г. (справа)

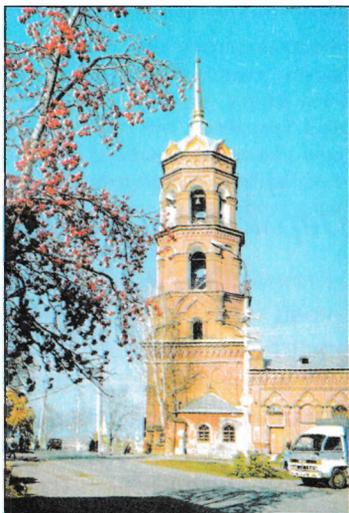
Архитектор А.Б. Турчевич

собор с тремя приделами. Собор освятили в 1917 г., но в новом виде он простоял до 1939 г. Обращали на себя внимание и поражали его внушительные размеры, диаметр барабана и пропорции пяти глав, возвышавшихся над храмовой частью. Редко в каком городе можно найти храмы подобных габаритов. Изюминка храма – его четыре боковых крыльца с восьмигранными шатрами, столбы которых были созвучны крыльцам Благовещенского собора.

В Кунгурском музее экспонируется макет Богоявленского собора, дающий более ясное представление об объемно-пространственной композиции и архитектурных достоинствах утраченного собора.

На пожертвования, в значительной степени купца А.С. Губкина*, была произведена реконструкция Тихвинского храма. Здесь появились просторная трапезная с притвором, ярусная колокольня, ограда и ворота. Создавал новый об-

лик храма архитектор А.Б. Турчевич.

Тихвинская церковь. 1758–1765, 1882–1884 гг. Фото 2005 г.

* В этом храме похоронены родители А.С. Губкина.

До наших дней Тихвинский храм дошел с двумя новыми приделами, посвященными апостолам Иакову (с северной стороны) и Иоанну Богослову (с южной стороны). Пятиглавие – завершение основного храма – было уничтожено после закрытия храма в 1935 г., но в 2006 г. приступили к его восстановлению.

Обращает на себя внимание 58-метровая колокольня из красного кирпича. Ее привлекательной особенностью были килевидные

кокошники над арками яруса звона и на завершающем карнизе, золоченый шпиль, господствующий над городом. Профилированные аркатурные пояса, зубчатые карнизы, жучковый орнамент, барочные волюты* наличников, ажурные решетки ворот также большая редкость церковного памятника.

Святыней храма, и в целом всего Кунгура, являлась чудотворная икона Тихвинской Божией Матери, которая защитила город от пугачевских войск. Но с закрытием храма следы ее затерялись.

Во второй половине XIX в. подвергается значительным изменениям Успенский храм. С северной стороны пристраивается придел в честь Покрова Богородицы. Разбирается колокольня, и на ее месте появляется более вместительная трапезная. Строится новая 28-метровая колокольня. Помимо этого, перестраивается Стефановский придел, создается новая паперть с галереей, расширяются окна.

Успенский храм по внутреннему убранству и церковной утвари считался одним из лучших в Кунгуре. Он был обнесен железной оградой на каменных столбах с двумя воротами. При воротах, обращенных к р. Сылве, стояла каменная богадельня для женщин. Реконструкция храма стала возможной благодаря усилиям купца М.И. Грибушина, являвшегося старостой прихода в течение 23 лет (1866–1889), а также пожертвованиям многих других купцов.

К сожалению, ныне Успенский храм пребывает без колокольни и крестов. Не однажды начинали его реставрировать, но всякий раз не хватало средств. Без сомнения, храм необходимо использовать по прямому назначению, он должен продолжать формировать «духовную оседлость людей» (термин академика Д.С. Лихачева).

Николаевская церковь тюремного замка 1894 г.
Построена на средства Ф.С. Столбовой.
Подверглась перестройке в 1970-е гг. Фото 2006 г.

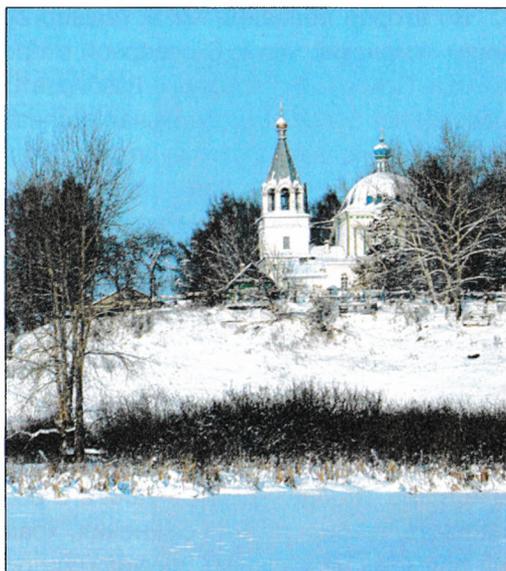
* Волюта – орнамент, скульптурное украшение в виде завитка, спирали.

Вид на Никольскую церковь и Иоанно-Предтеченский монастырь. XIX – начало XX в.
Рис. Р. Абляшева

Частью ансамбля Соборной площади явилась каменная Алексеевская часовня, построенная в 1893 г. Она посвящалась митрополиту Московскому Алексею. Позднее к ней была пристроена трапезная. Часовня дошла до нашего времени. Длительное время в ней размещалась библиотека, в 2006 г. ее передали местной общине верующих людей. Часовня украшает широкий простор площади, образовавшейся на месте, где стояли Богоявленский и Благовещенский соборы.

В 1870-е гг. началась перестройка Никольского храма, которая продолжалась с большими трудностями до освящения его в 1917 г. В результате получился новый храм с тремя приделами: во имя Алексея человека Божия, во имя святителя Николая Чудотворца и главный, в честь Иоанна Предтечи. Кроме того, еще оставался старый придел во имя святителя Николая Чудотворца, который примы-

Церковь Всех Святых. 1847 г. Фото 2003 г.

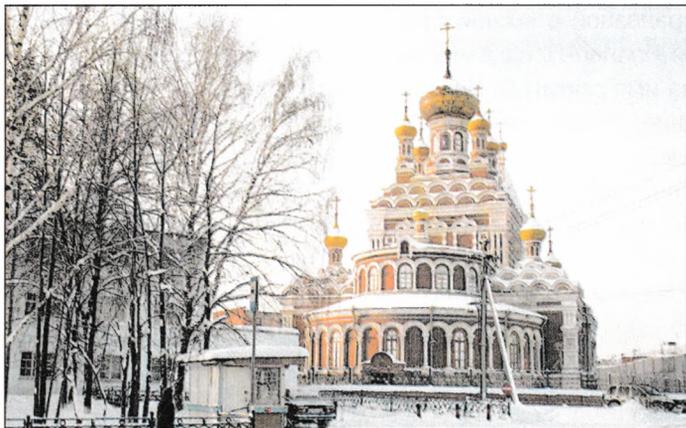
кал к трапезной с южной стороны. По главному престолу храм именовался Иоанно-Предтеченским, но так как в нем оказалось два престола во имя святителя Николая Чудотворца, то он получил второе наименование – Никольский. Под этим названием он и стал известен среди прихожан.

Проектировал окончательный вариант храма пермский архитектор А.Б. Турчевич. Росписи и иконы для иконостаса выполнял академик живописи Е.Н. Харламов. Средства на возведение храма выделяли многие купцы, но наиболее крупный взнос сделал почетный гражданин г. Кунгура А.Г. Кузнецов, у которого здесь были похоронены дед А.С. Губкин, бабушка А.И. Губкина и дочь.

Вознесенская церковь. Фото начала XX в.

Объемы храма выполнены очень изобретательно и изящно. Высокий четверик с пятиглавым верхом, приделы с севера и юга с одноглавым завершением, трапезная с шатровой колокольной украшены в два, а то и в три ряда полукруглыми кокошниками. С востока примыкает полукруглая двусветная апсида, которая своими большими габаритами и наличниками, создающими аркатурные пояса, формирует монументальный вид храма. Декор придает храму облик, во многом созвучный русской архитектуре XVII в. Живописный облик памятника подчеркнут широким применением белого цвета. Белые ленты выделяют карнизы, наличники, кокошники, аркатурные пояса барабанов, углы здания.

Никольская церковь. 1917 г. Фото 2005 г.

Никольский храм обозначает в силуэте города место пересечения важных улиц. Зодчий сумел органично ввести здание в «ткань» уже сложившихся кварталов и сделал его доминантой южного района города. Необычайно выразительный вид Никольского храма позволяет отнести его к лучшим памятникам архитектуры, созданным на Урале в начале XX в.

Составной частью ансамбля Никольского храма являются двухэтажные корпуса Иоанно-Предтеченского женского монастыря и отдельно стоящий храм во имя Иоанна Предтечи. Храм был построен в 1914 г. взамен домово́й Владимирской церкви 1858 г.

С постройкой Иоанно-Предтеченского храма Кунгур получил очень важную доминанту. Здание подчинило себе пространство монастырского ансамбля и связало его с другим ансамблем, находящимся на Соборной площади. Глядя на храм, нельзя не почувствовать некоторой его громоздкости, тяжеловесности, отличающих это здание от других гармоничных храмов города. Но высоко поднятый купол удачно вписался в панораму берегов Ирени. Благодаря этому кажется, что он свободно парит на огромной высоте, придавая своеобразию облику города. К сожалению, Иоанно-Предтеченский храм дошел до нашего времени не в первоизданном виде. Отсутствуют четыре главы, благодаря которым храм представлял собой гармоничное архитектурное произведение. Его дополняла колокольня с шатровым завершением, крытым переходом соединявшаяся с храмом.

На новом северо-восточном кладбище, за чертой города, в 1847 г. был освящен Всесвятский храм. Купец П.С. Фоминых поставил его на средства, доставшиеся ему от тестя, купца Ф.Л. Шмакова.

Общая композиция храма построена на свободном сочетании разнообразных объемов, образующих величественное сооружение, возвышающееся на Ледяной горе. Ядром храма является высокий двусветный четверик с пологим куполом, увенчанным глухим восьмериковым барабаном с главой. К главному объему пристроена с востока полукруглая апсида, а с запада – трапезная, притвор, над которым поставлена колокольня. Колокольня ярусная, низ в виде четверика, а верх восьмериковый. Над ярусом звона возвышается шатер с луковичной главой и крестом.

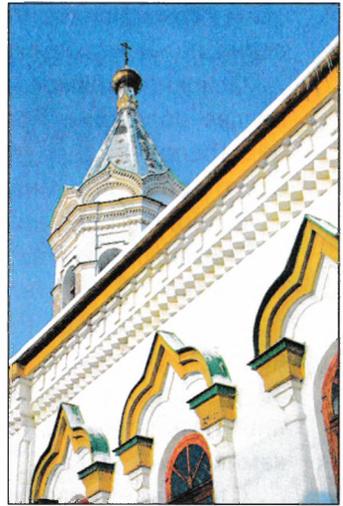
В оформлении окон, дверных проемов, яруса звона часто используются полукруглые формы. В шатре колокольни на четырех стороны прорезаны люкарновые* окна.

В 1955 г. к основному храму с севера и юга были пристроены деревянные приделы. В 1955–1956 гг. осуществлен проект росписи интерьеров. В алтаре появились композиции «Тайная вечеря», «Господь Саваоф», «Моление о чаше», «Благовещение Божией Матери», «Нерукотворный Спас», в левом приделе – «Адам и Ева», в правом – «Страшный суд», «Панорама Иерусалима» и др. В живописном оформлении интерьеров принимали участие студенты Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина из Санкт-Петербурга и бывшая послушница Бахаревского монастыря в г. Перми А.Ф. Бурилова.

В XIX в. в Кунгуре появилось еще два каменных храма – Вознесенский и Скорбященский.

Вознесенский храм строился на юго-восточном кладбище с 1833 по 1844 г. по плану, утвержденному строительным комитетом Священного синода. Он сохранился до наших дней, но по прямому назначению не используется.

Основу общей храмовой композиции составляет сочетание монументального четверика с одним широким куполом без барабана, высокой апсидой и трапезной. Трапезная связана с папертью, над которой двухъярусная колокольня. Колокольня состоит из кубического нижнего яруса и цилиндрического верхнего яруса. В основании верхнего яруса – открытая обходная галерея с металличе-

Никольская церковь. Фрагмент северного фасада. 1917 г.

* Л ю к а р н а – оконный проем в чердачной крыше или купольном покрытии, часто украшен снаружи наличником.

ским ограждением. Необычайную целостность храму придают высокие полукруглые окна.

Основное храмовое помещение разделено капитальной стеной на две половины. Престол в одной половине посвящен Вознесению Господню, в другой – Иоанну Златоусту. Иконостас Вознесенского храма первоначально использовался в Успенском храме.

В продолжение нижнего посада в 1860 г. между Иренью и Сыловой появился храм во имя иконы Скорбящей Божией Матери (Скорбященский). Строителем, а затем старостой вновь образованного прихода стал купец Г.М. Шаровьев. Купец первой гильдии П.Е. Кузнецов, известный в Кунгуре благотворительными делами, выделял 18 тыс. руб. на возведение храма и 6 тыс. руб. на его содержание. На его же средства строилась церковная железная ограда на каменных столбах.

Строители отказались от привычных архитектурных форм и возвели основную часть в виде восьмерика, а над нею – восьмигранную крышу с люкарновыми окнами на четыре стороны и главу на световом барабане. К основной части храма с севера и юга пристроены арочные входы. Полукруглый алтарь имел полуциркульные окна. Такие же окна были и у других частей храма. Над папертью поместилась колокольня с ярусом звона, шатром и главой.

В ограде храма в 1863 г. появилась часовня, посвященная Кириллу и Мефодию – славянским просветителям, создателям славянской азбуки.

Скорбященский храм был в 1932 г. закрыт и вскоре разрушен до основания.

В Заиренской слободе, на берегу Ирени, на средства крестьян в 1868 г. была сооружена каменная часовня в память «избавления Императора Александра II от руки злодея 25 мая 1867 г.». Часовня завершалась небольшим куполом и колокольней.

*«Молясь, православные проникаются
идеей инобытия, наглядно отраженной
в иконах»*

ИКОНЫ И ИКОНОПИСАНИЕ

Немало произведений кунгурской иконописи издавна выполнялось местными мастерами. Общую картину иконописания рубежа XVIII–XIX вв. находим в следующей характеристике художественно-го развития города:

«Иконописцы, имея в числе своих орудий мраморную доску, куранд*, паплетру, сделанную из березового или букowego дерева, разные кисти и треножник, а из материалов употребляя разные краски, вареное и невареное конопляное и льняное масло, пишут больше иконы по заказу и подрядам для церквей, редко портреты по написанным образцам, а не с натуры, раскрашивают разные вещи, иконостасы и золотят, приобретая чрез всё сие посредственный достаток»**.

* Куранд, курант – каменная плита и пест для растирки на ней красок.

** Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 282.

Провести исследование живописи кунгурских храмов – задача сложная и почти невыполнимая. Время до неузнаваемости изменило первоначальный облик интерьеров храмов, а некоторые храмы подверглись полному разрушению. Мало что из церковного убранства попало в музейные собрания. Чтобы увидеть кое-что примечательное в кунгурской церковной живописи и местном иконописании, обратимся к некоторым из письменных свидетельств.

Стены ряда каменных храмов были покрыты фресковой росписью. Когда после пожара 1857 г. восстанавливался интерьер Благовещенского собора, строители и заказчики, стремясь придать величие и роскошь одному из главных в городе культовых зданий, пригласили талантливых иконописцев пермяка П.В. Суханова и кунгуряка Н.Е. Головина, которые заново расписали стены.

Возведенный к 1917 г. Никольский храм расписывал академик Н.Н. Харламов со студентами Петербургской академии художеств. Фрески стен выполнялись «по образцам XVII в. в древнегреческом стиле». Кроме того, Н.Н. Харламов написал иконы «Св. апостол Андрей Первозванный», «Мученица царица Александра», «Богоматерь».

Основное живописное богатство храмов сосредоточивалось в иконостасах.

Иконостас Благовещенского собора, сооруженный заново в

Иконостас церкви Всех Святых. XIX в. Фото 2005 г.

1860-е гг., включал иконы трех ярусов, разделенных колонками. Он украшался изящной резьбой – «тонкою и густою и очень глубокою». Необыкновенной декоративностью отличались царские врата. Их резьба включала листья, цветы, кисти винограда и ко-

лосья пшеницы. Иконостас Благовещенского собора состоял из икон, написанных в конце 1850-х – начале 1860-х гг. непосредственно для него московским художником Черновым. Возобновление иконостаса производилось в основном на средства купца первой гильдии А.С. Губкина.

По просьбе прихожан из старого иконостаса в новый были перенесены четыре иконы «древней живописи» из местного ряда: «Господь Вседержитель», «Благовещение Божией Матери», «Божия Мать «Неувядаемый цвет», «Вход Иисуса Христа в Иерусалим». Эти иконы украшались «сребропозлащенными ризами» и помещались в изящные золоченые киоты. Икона «Божия Мать «Неувядаемый цвет» выделялась венцом и цветком, украшенными «дуплетами*», аметистами и стразами*».

Подлинным богатством Преображенского храма была местнотимая икона Казанской Божией Матери, которая была написана в Троице-Сергиевой лавре. Она рассказывала о жизни и деяниях Казанской Божией Матери не менее полно, чем самая точная хроника или летопись. Художник с максимальной достоверностью изобразил историю явления и прославление образа во всей России, поместив на иконе лики 16 святых. Еще одно отличие иконы – набор используемых украшений: жемчуг на ризе из фольги, стразы и камни на венцах, «сребропозлащенная» риза по краям. Икона снабжалась подножием, украшенным финифтью, стразами и «сребропозлащенным» окладом. Венец иконы выделялся изящным серебряным венком в виде митры. Необыкновенно красивая икона была пожертвована в Преображенский храм в 1846 г. купцами братьями Пиликиными.

Известно, что в Кунгуре издавна проживали как местные, так и приезжие мастера резного дерева и иконной живописи.

Когда Синод в середине XVIII в. регистрировал иконописцев с целью упорядочения местного иконописания, в Кунгуре были учтены два мастера – крестьянин из с. Старый Посад И. Святухин и

Икона в окладе. XIX в.

* Дуплет, дублет – поддельный драгоценный камень, склеенный из двух частей, из которых лишь верхняя является настоящим драгоценным камнем.

Страз – искусственный камень, изготавливаемый из хрустала с примесью свинца, по блеску и игре похожий на драгоценные камни, назван по имени изобретателя конца XVIII в. Ж. Страсса.

Храмовая икона Всех Святых. XIX в.

крестьянин из Слободского уезда Вятской губернии И. Пономарев, которые были «в художестве своем не неискусные»*.

По сведениям Н.С. Попова, относящимся к началу XIX в., в Кунгуре работали в иконном цехе 2 мастера, 5 подмастерьев и 4 ученика. Из этого же сообщения узнаем, что мастера писали по заказам и подрядам большие иконы для церквей, а также изредка «портреты по написанным образцам, а не с натуры». Они же, далее пишет Н.С. Попов, «раскрашивают разные вещи, иконостасы и золотят, приобретая чрез всё сие посредственный достаток»**.

* Труды Вятской ученой архивной комиссии 1910 года. - Вятка, 1910. - Вып. II-III. - С. 83.

** Там же, с. 282-283.

Когда в 1857 г. началось устройство домово́й церкви во имя Божией Матери в женском Иоанно-Предтеченском монастыре, для нее иконостас делал В. Андронов, а иконы писал Н.Е. Головин. Оба они являлись кунгурскими мещанами*. Известно также, что Н.Е. Головин расписывал Благовещенский собор.

Мастер живописи из Москвы И.Г. Налетов поселился в Кунгуре в 1887 г. и создал мастерскую «резных, позолотных и столярных работ, русско-византийской и древнегреческой живописи». В ней писали образы «на дереве, на простых фонах и по золотому чеканному фону, на левкасе, на стекле и вечную живопись на зеркалах, по металлу». Иконы, созданные в мастерской И.Г. Налетова, расходились по храмам не только Пермской, но и Екатеринбургской, Московской и Ярославской епархий**.

В Кунгуре в 1911–1914 гг. работала иконописная мастерская под руководством В.М. Морева. В ней писали иконы не только в храмы, но и для частных лиц и почетных гостей города.

Таким образом, Кунгур имеет свою страницу в иконописании Прикамья.

* Золотов Е.Д. *Боль души...* С. 162.

** Ренева О.А. *Из истории православной культуры живописи Кунгура и Кунгурского края // Грибушинские чтения-2004. – Кунгур, 2004. – С. 144.*

«Кунгур славится колоколами и ворами»

КОЛОКОЛА И ЗВОНЫ

Цитата, вынесенная в заголовок главки, считается поговоркой. Как отмечает в начале 1870-х гг. путешественник Р. Попов на страницах петербургского журнала «Гражданин», «так говорит молва по Приуралью». Трудно судить о справедливости последней характеристики, колокола же городских храмов, по мнению тех, кто их слышал, «действительно были замечательны по своей величине», и, рассказывая о православной культуре Кунгура, стоит остановиться на его колокольном искусстве.

Кунгур обладал большим собранием колоколов, «тысячным», как отмечали современники. Часть этого богатства отливалась в кунгурской литейной мастерской Шишкина. Немало колоколов было пожертвовано городскими купцами. При их активной помощи орга-

низывался подъем колоколов на колокольни. В середине XIX в. братья Пиликины на своих заводах изобрели специальные устройства, при помощи которых колокола подвешивались на Преображенскую, Успенскую и Тихвинскую церкви.

Колокола и колокольные звоны занимали существенное место в традиционной культуре православного народа. Звонком привлекался человек к храму и Богу. Звук колокола всегда устремлялся в небесный мир, он будил сознание человека. Колокольный звон служил ориентиром, когда не было часов. Большое число рассказов, в которых фигурируют колокола, относятся к типу повествований о социально-утопических легендах и кладях. Колокола прятали от захватчиков.

Самым большим набором колоколов обладал Успенский храм. Но, как пишет Е.Д. Золотов в начале XX в., «звон соборных колоколов своею звучностью, приятностью и гармонией выдается из всех звонов в гор. Кунгуре».

Благовестный колокол Благовещенского собора весом 1025 пудов отливался в 1844 г. на заводе братьев Бакулевых в г. Слободском Вятской губернии. В оформлении колокола широко использованы изображения святых. В записках летописца обнаруживаются примеры обобщающего наблюдения о звоне этого колокола: «Тон колокола *ре* (нижнее), звук приятный и сильный», «...звон его вблизи очень сильный, потрясающий вдали, очень приятный для слуха»*.

* Золотов Е.Д. *Большой колокол*. Сам же колокол снабжен надписью:
души... – С. 173-174.

«Услышавшие глас звука его в благовести и вере укрепятся, к церкви же на молитву и славословие святого имени Божия во дни и в ноши спешно, яко же ведомы – да ведутся. Благовестите день от дне Бога нашего».

Полиелейный колокол Благовещенского собора был украшен рельефными изображениями святых и текстом:

«Лит сей колокол при державе благочестивейшей самодержавнейшей Государыни Екатерины Алексеевны и наследнице ея благоверном государе великом князе Павле Петровиче – богоспасаемый град Кунгур в собор Благовещения Пресвятыя Богородицы. Лил мастер Иван Серебряков при Суксунском благородного дворянина Александра Григорьевича Демидова заводе 1769 г. в 202 пуда».

О звоне этого колокола распространялось такое представление: «Тон колокола *ля* с диезом, звук весьма приятный, мягкий; по преданию в колокол при литье было положено много серебра»**.

** Там же, с. 175.

В летописи Благовещенского собора упоминают-

ся еще два повседневных колокола: весом в 151 пуд, тон у которого «ре верхнее», и весом в 99 пудов с тоном «до с дизезом».

К сожалению, старинные колокола Кунгура с закрытием храмов почти все были уничтожены, и многие факты их изготовления и появления на колокольнях навсегда остались забытыми.

«Торговые ряды принимают на себя не только торговые, но и в какой-то степени градостроительные функции»

ГОСТИНЫЕ ДВОРЫ

Середина XIX в. – время закладки и строительства новых каменных торговых зданий. Появление их в Кунгуре знаменует важный период городской жизни и ее переустройство.

Главный гостинный двор был построен в 1865–1876 гг. взамен старого. Автором проекта является архитектор Р.И. Карвовский, работавший в строительном отделении Пермского губернского правления.

Здание в плане имеет форму замкнутого многоугольника, поскольку у него нет прямых углов. Внутреннее пространство занято открытым двором-площадью для торговли. По всему периметру двора идут торговые ряды, склады и ледники. Уличные фасады торговых рядов окружены открытыми галереями-аркадами, которые придают монументальность и праздничность гостинному двору. Здание его двухэтажное, с размерами 85,6 м в длину, 15,6 м в ширину, 8,7 м в высоту. Сложено из кирпича, на бутовом фундаменте, крыша железная.

Фасады здания прямые, без украшений. Но ритм аркады на фасадах гостинного двора образует главную примечательность.

За состоянием и использованием главного гостинного двора, который в Кунгуре называли еще *верхними торговыми рядами*,

Архитектор
Р.И. Карвовский

Общий вид гостиного двора 1865–1876 гг. Фото 2005 г.

Малый гостиный двор М.И. Грибушина.
Фото 2007 г.

чаеторговец М.И. Грибушин. Вскоре он передал его городу, но с условием, чтобы доход, получаемый от торговли, использовался на городские нужды и на стипендии тем детям из бедных семей, которые будут учиться в высших учебных заведениях. Торговали здесь в основном бакалейными товарами, чаем, сахаром.

Одноэтажный малый гостиный двор имел 12 торговых лавок, сдаваемых в аренду. По фасаду над входами в лав-

постоянно следила городская дума.

Напротив гостиного двора, на повороте улицы Острожной (ныне ул. Гоголя), на гребне высокого левого берега Сылвы в 1874 г. открывается малый гостиный двор. Строил здание купец-

Галерея гостиного двора

ки устанавливались на столбах металлические козырьки-зонты. К стене примыкали каменные тротуары.

Ступенчатый карниз здания выделен поребриком – орнаментальной кирпичной кладкой, выполненной путем установки кирпича под углом к поверхности фасада. Над крышей по центру фасада возвышается массивный парапет со слуховыми окнами. По краям фронтона когда-то стояли две башенки, но они утрачены.

*«Выстроили для управы новое здание,
которое представляет значительный
художественный интерес»*

ЗДАНИЕ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ

Здание занимает угловое положение на северо-западе Соборной площади. Оно является крупной пространственной доминантой, господствующей в центральном городском ансамбле. Построено в 1867 г. в стиле позднего русского классицизма.

Вид на здание городской управы. Фото 2005 г.

В плане здание прямоугольное, трехэтажное, с многочисленными деталями внешнего убранства декоративного оформления. Нижний этаж оштукатурен под рустовку. Этажи по всему периметру отделены профильными поясами. Второй и третий этажи выделяются парадностью декора.

Окна всех четырех сторон (по 11 на двух сторонах и по 7 на двух других) с наличниками двух вариантов. На втором этаже по сторонам окон пилястры* с капителями*, а сверху треугольные

* Пилястра – пристенная полуколонна прямоугольного сечения, имеющая базу (основание) и капитель.

Капитель – верхняя часть колонны, пилястры, являющаяся отличительным элементом стиля.

* С а н д р и к – декоративная деталь над оконным или дверным проемом в виде карниза или фронтона.

сандрики*. Наличники третьего этажа в прямоугольных рамах, пространство между которыми заполнено пилястрами с капителями.

Декоративное убранство имеется в верхней части здания. Ступенчатый карниз выложен из резного кирпича. По периметру крыши идет парапетная решетка с кирпичными столбиками, украшенными вазонами.

В фасадном решении важное место занимает ложный мезонин с треугольным фронтоном и слуховым окном.

*«...вошел в ансамбль,
оформляющий станцию»*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ

Вид на железнодорожный вокзал. Фото 1910 г.

Движение по железной дороге через Кунгур началось в 1909 г. К этому времени и появился в городе каменный вокзал, который стал главной достопримечательностью юго-восточной части города и одним из интересных памятников архитектуры начала XX в.

Согласно народной молве, которую вспоминают и нынешние жители Кунгура, в выборе места для вокзала сыграли роль такие обстоятельства: строители не пошли на предложение купцов воздвигнуть станцию рядом с городом, поскольку не получили от них взятку, и выбрали участок далеко за городской чертой.

Здание вокзала строилось по специально разработанному проекту инженера И. Быховца. Оно отражает поиски рациональных архитектурных форм на рубеже XIX–XX вв. Монументальное двухэтажное, в

стиле модерна и эклектики здание играет важную роль в облике не только станции, но и железнодорожного поселка. Важной частью архитектурного ансамбля его делают прилегающие утилитарные строения, прежде всего восьмигранная водонапорная башня.

В наше время вокзал не претерпел каких-либо изменений и используется по прямому назначению.

«Среди строений оказались весьма интересные здания провинциальной архитектуры»

ЖИЛИЩЕ

Основным типом жилища, которое принадлежало купцам и другим состоятельным людям, были двухэтажные дома, каменные, иногда полукаменные с деревянным верхом. Дом с подвалом и под четырехскатной крышей стал преобладающим вариантом постройки. Часто непосредственно при домах устраивали лавки для торговли. Почти все дома имели дворы, огороженные каменными стенами или деревянными заборами. Парадное крыльцо выходило на улицу, а черный ход – во двор. Некоторые дома имели открытую веранду или балкон, на которых хозяева отдыхали в теплое время.

Сохранившиеся дома показывают, что им присущ в основном однотипный вариант. Различия проявлялись лишь в размерах и этажности построек, количестве окон и помещений, оформлении фасадов. В целом новые и старые постройки Кунгура показывают преемственность форм народного жилища, сохранявшуюся на протяжении длительного времени. Эта преемственность выражается и в наличии в деревянном жилище горницы – светлого и парадного помещения. Зимой, как правило, жили в избах, а горницы отапливали тогда, когда ожидали к празднику гостей*.

В жилище Кунгура мы имеем соединение двух компонентов – городского и деревенского. Последний компонент играл важную роль, так как город постоянно пополнялся выходцами из сельской местности. Это отражалось как в типологии, так и в строительном материале.

** Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии... С. 284.*

Хотя в городе много кирпичных построек, но из леса строили всегда много. И сегодня хорошо внешне отделанные деревянные дома прочны и удобны для жителя: в них хороший воздухообмен, много света, чистого воздуха. Когда в такой дом возвращаются воспоминаниями, чаще всего слышится: «В нем нам легко дышалось». Люди утешают себя, переживая прежнюю защищенность пространством деревянного дома.

Для городского жилища характерны поиски новых объемно-пространственных структур зданий. Их композиционные схемы формировались свободно, исходя из целесообразности распределения помещений.

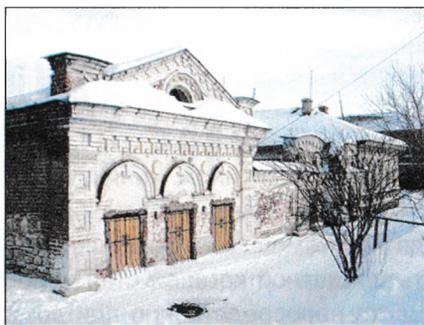
Учитывая разные категории городского населения той поры, выделим наиболее характерные виды жилища.

В усадебных комплексах отражались занятия горожан торговлей. Они различались не по сословной принадлежности (торговой деятельностью занимались купцы, мещане, разбогатевшие крестьяне, переселившиеся в город), а по капиталу, которым хозяева располагали. На таких усадьбах обязательно имелись помещения для хранения товаров и торговли. Преуспевающий торговец строил специальный торговый дом, выходящий фасадом на улицу. Достаток хозяина находил отражение в размерах и отделке фасадов дома. В этом отношении очень показательны, например, усадьбы по улицам Никольской, Успенской и Киттарской (Октябрьская, Ленина и К. Маркса).

Основную массу домов рядовых мещан составляли деревянные, небольшие по объемам одноэтажные дома. На усадьбах таких домов обязательно стояли дворы, погреб, были огороды и сады.

Дом трехкамерной связи, окна со ставнями. 1880-е гг. Принадлежал протоиерею Преображенского храма В. Конохову (Уральская, 33)

Усадьба И.И.Рязанова. Конец XIX в. (Ленина, 9)

Более или менее состоятельные мещане сооружали двухэтажные жилые дома, в которых первый этаж превращали в кухню, а некоторые – в торговую лавку (ул. Пугачева, 15а).

Примерами усадьбы ремесленника начала XX в. могут служить дома, сохранившиеся по нынешним улицам Свободы, Гоголя, Гагарина. Большая группа таких домов стоит по улице Пугачева между улицами Ленина и Гоголя. Здесь для производственных целей использовался нижний этаж (дома 13–15).

Выходцы из крестьян продолжали строить дома по типу, господствовавшему на рубеже XVII–XVIII вв. (о них мы уже писали). Местный учитель С. Бувеский, который был корреспондентом Русского географического общества, сообщал, что эти дома «состоят из избы и клети, соединенных между собою глухими сенями и покрытых одною, но большей частью тесовую крышей на два ската»*.

** Бувеский С. Жители Кунгурского уезда // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. – Казань, 1858. – Кн. 1. – С. 152.*

Лоджия на столбах

Вход в дом из двора через лоджию. 1889–1902 гг. (Разина, 172)

Жилище городских жителей, не занятых в производственной сфере – служащих разных учреждений, учителей, духовенства, – обладало некоторыми общими чертами. Постройки для каких-либо трудовых процессов отсутствовали, и стояли лишь строения, связанные с сельскохозяйственным занятием, – сарай и хлев для животных.

Неотъемлемую часть усадеб купцов-промышленников составляли небольшие, порой даже черные деревянные избы, предназначенные для сезонных работников.

Несмотря на интенсивность добротной застройки, в Кунгуре сохранялось немало ветхого жилья, особенно в подгорной, заиренской и засылвенской частях города. Оно принадлежало беднейшему населению из разного рабочего люда и отставных нижних чинов. Каж-

Дома по улице Шавкуновской (Пугачева) начала XX в. Фото 2006 г.

дую весну во время наводнения такое жилище более всего страдало, порой даже уничтожалось до основания.

В этнографическом описании Кунгура, составленном Н.С. Поповым в 1804 г., о существовании старого жилища находим такие сведения:

«С Иренской горы представляет сей город весьма прелестный вид в летнее время, украшаясь извне прилежащими к нему белеющими алебастровыми горами, на коих как бы искусственно насаждены приятные березовые рощицы, – протекающими по тучным лугам двумя реками и видимыми в окрестностях селениями, а внутри каменными церквями и расположением градских домов по косогористому мысу; однако ж совсем противное производят чувство старинные и по большей части ветхие дома, узкие, кривые и беспорядочные улицы, когда въезжаешь в сам город»*.

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 278.

Контрастность застройки Кунгура поражала многих гостей города. В.И. Немирович-Данченко, оказавшись во время путешествия в 1876 г. возле Тихвинского храма, заметил:

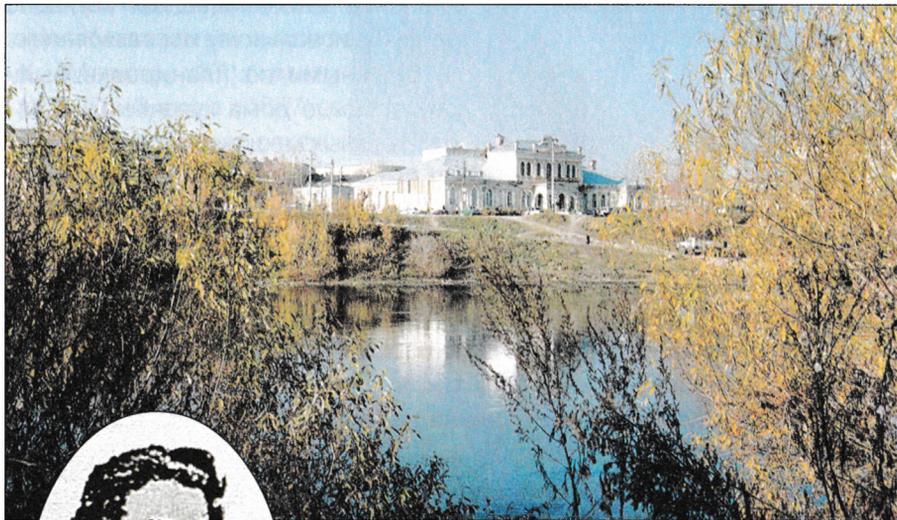
«Сверху видны, как на ладони, дворы со всем их неприхотливым обиходом, кучи детей, баб, лошадей... налево масса белокаменных домов, с зелеными кровлями, высокие колокольни, церкви, точно глядящиеся сверху в красивую и чистую Сылву. А за нею, за Сылвой, опять-таки целое море всевозможных мелких построек и домиков»**.

** Немирович-Данченко В.И. *Кама и Урал...* С. 253.

У путешественника Р. Попова, побывавшего в Кунгуре в начале 1870-х гг., когда в нем еще не появились многие купеческие дома, занявшие в наше время почетное место в ряду памятников архитектуры, сложилось свое представление об особен-

ностях застройки города и о взаимосвязи ее с занятиями и характером поведения людей:

«На всем на нем [Кунгуре] лежит отпечаток какой-то патриархальности, чего-то, так можно выразиться, азиатского, особенно если сравнить его с шумным Екатеринбургом. В Кунгуре часов в 10–11 все уже засыпает, плотно закрытые ставни домов не глядят на наблюдателя приятным светом. Даже сама архитектура домов имеет характерный отпечаток, как деревня Собаке-

Особняк купца Г.К. Кузнецова. 1870 г. (К. Маркса, 27). Фото 2006 г.

Архитектор
Н.Н. Черницкий

вича: видно, что они приспособились не к шумной жизни, а к мирному прозябанию в тесном кругу семьи. Это, по большей части, нескладные здания, с маленькими окнами, глухими, застроенными многочисленными амбарами и кладовыми дворами с массивными, но плотно запертыми воротами. Да и не мудрено, что Кунгур производит такое тяжелое впечатление: здесь господствует купечество и зажиточное мещанство самой старинной закваски, а кому неизвестно, какими качествами обладает эта среда»*.

* Попов Р. *Чрез Урал до Балтики...*

Занятия владельцев домов, их материальные возможности и вкусы отражались на внутреннем убранстве жилища. Во второй половине XIX в. комнаты обставлялись шкафами, комодами, столами разных размеров, венскими стульями, подставками для цветов, зеркалами с резными рамами. Состоятельные хозяева заводили гардеробные шкафы, диваны, тахты, ковры, этажерки с книгами, чай-

Интерьер дома Г.К. Кузнецова.
Фото начала XX в.

ные и туалетные столики, лампы под абажурами, висячие и напольные часы.

У жителей, занятых в сфере духовной культуры, определенная особенность сложилась во внутренней планировке жилища – более дробное членение жилой площади согласно ее функциональному использованию.

Сложными по планировке были двухэтажные дома купеческих и состоятельных мещанских семей. Внутри были «зала», гостиная, столовая, кухня, спальни, кабинет хозяина, комнаты для детей и прислуги. Рас-

пространялись два вида планировки домов – коридорная и анфиладная.

Отопительная система в домах была печной. Печи голландского типа встраивались в стены так, что они обогревали два, а иногда и три помещения. Устраивали печи с открытым очагом и аркой в верхней части. Широко применялась облицовка печей белыми изразцами, но в богатых домах – цветными и рельефными. Кухни всегда были с русской печью.

Вполне типичной для внутреннего устройства дома была следующая картина, запечатленная в конце XIX в.:

Общественное здание купца А.М. Пономарева. 1880-е гг.
(Свердлова, 72)

«Открываем дверь в переднюю – стоит ломберный стол, диван, шкаф, комод, зеркало, в углу киоты с иконами, а в прихожей – вешалка, скамья со спинкой, стол. На другой стороне – приемная хозяйина с письменным столом, спальня с гардеробом. Возле спальни – уборная со шкафом и зеркалом»*.

* Екатеринбургская неделя. – 1894. – № 6.

Городские дома вели экономно, кухню отделяли от «людских комнат».

Для Кунгура последней трети XIX в. были характерны бога-

тые особняки, которые включены в реестр памятников архитектуры местного значения. Среди них дом Губкина–Кузнецова (1870), возведенный по проекту архитектора Н.Н. Черницкого (ул. Киттарская, ныне К. Маркса, 27), дом М.И. Грибушина (1867), построенный по проекту архитектора Р.И. Карвовского (ул. Киттарская,

Усадьба Е.Я. Дубинина. 1880-е гг. (Советская, 26)

ныне К. Маркса, 16), дома Е.Я. Дубинина (1883) (ул. Благовещенская, ныне Советская, 26), М.Я. Софронова (1882, предполагаемый архитектор Р.И. Карвовский) (ул. Острожная, ныне Гоголя, 40), А.М. Пономарева (1889) (ул. Антоновская, ныне Свердлова, 72),

Фасад дома М.И. Грибушина (К. Маркса, 16).
Середина XIX в. Обильно оснащен декором.
Фото 2005 г.

М.В. Щербакова (XIX в.) (ул. Благовещенская, ныне Советская, 22). Знакомство с этими и другими зданиями позволяет лучше понять организацию жилого пространства, выработанную в нескольких поколениях кунгурского купечества.

Пока не ясна степень распространения в интерьерах купеческих особняков росписи

стен и потолков, поскольку особняки, оставшиеся после 1917 г. без хозяев, подвергались реконструкциям и никто не стремился сохранять интерьеры в первозданном виде. Но в качестве образца искусства интерьерной росписи сегодня предстает роспись потолков нескольких комнат в доме владельца кожевенного завода и крупного торговца А.М. Пономарева по Иренской набережной (ул. Свердло-

* О роде Пономаревых см.:

Мушкалов С.М. Пономаревы: хроника одной династии // Грибушинские чтения – 2006: ист.-культ. и природное наследие как фактор развития территории. – Кунгур, 2006. – С. 58-68.

** О.А. Ренева – заместитель директора Кунгурского музея по научной работе, продолжительное время изучает архитектуру и монументальное искусство Кунгура, автор многих интересных публикаций. Она поделилась некоторыми своими открытиями, которые использованы в нашей работе, за что приносим ей благодарность.

заборы, столбы, ступеньки, мостовые. Фасады многих каменных домов украшались белыми полуколоннами, вырезанными из камайского камня.

Кунгур невозможно представить без усадьбы купца Е.Я. Дубинина***

*** О Е.Я. Дубинине см.: *Мушкалов С.М. Забытое кунгурское купечество. – Кунгур, 2001. – С. 27-28.*

(1883), в которой размещается Кунгурская городская управа (ул. Советская, 26). Высказано предположение, что автором проекта дома и всей усадьбы мог быть пермский архитектор А.Б. Турчевич, который в 1881–1884 гг. перестраивал Тихвинский храм, расположенный рядом с усадьбой. Дом и храм занимают высокую отметку левобережной Сылвы. В панораме города они выглядят единым градоформирующим ансамблем.

Усадьба расположена на обширном угловом участке квартала исторической части города. Она завершает собой застройку улицы Благовещенской (Советская). Включает в

ва, 72)*. По мнению искусствоведа О.А. Реновой**, роспись выполнялась в начале XX в. в стиле модерн. Для нее присущи натюрморты и орнаментальные мотивы.

Композиции уличных фасадов многих домов формировались самыми распространенными средствами: рустовка, фигурный кирпич, балконы, кованые решетки, карнизы, полуколонны, пилястры, барочные волюты, навесы над входными дверями, мезонины с фронтонами на оси дома, парапеты. Кирпич местного производства составлял основной материал, из которого возводились дома, надворные постройки, заборы, ворота. Стены домов были почти в метр толщиной. Нередко арочный вход во двор напоминал вход в крепость. Из необработанного камня строились за-

Решетка на воротах усадьбы Е.Я. Дубинина. 1883 г.

Решетки крыльца особняка Е.Я. Дубинина. 1883 г.

себя каменный двухэтажный с мезонином дом на высоком цоколе, каменный двухэтажный флигель, ворота и разные складские помещения, службы и конюшню. Все каменные строения расположены так, что усадьба в плане приобретает замкнутый прямоугольник. Дом в усадебном комплексе занимает центральное положение и выделяется наличием мезонина, высокого многоступенчатого парапета, балконов и крыльца с ажурными металлическими решетками. Оригинальность дома – в декоративном оформлении фасадов в стиле эклектики.

В центральной части Кунгура особенно выделяются два каменных особняка отца и сына Ковалевых*, построенные в конце XIX – начале XX в. Один из них, принадлежавший Г.И. Ковалеву (сыну), расположен при пересечении улиц Успенской (Ленина) и Никольской (Советская, 20). В государственном списке памятников Пермской области он обозначен как «банк городской общественный» и в истории города получил известность тем, что принадлежал купцу С.О. Фоминых и его потомкам, которые владели банком. Как показали последние исследования искусствоведа О.А. Реновой, купцы Фоминых к этому особняку не имели никакого отношения. Эту ошибку придется исправить и записать подлинную принадлежность здания и более точное время его возведения – 1910-е гг.

Особняк Г.И. Ковалева является памятником жилой архитектуры в псевдорусском стиле. Фасады, обращенные на две улицы, оформлены одинаково. Главную роль играют фризы, полуколонны, пилястры, межэтажные тяги и равномерно ритмические ряды окон с упорядоченным размещением наличников.

Вытянутый по периметру всего здания длинный фриз повторяющихся арочных и прямоугольных форм содержит небесную символику. Важными деталями наличников верхнего ряда являются профильные навершья (очелья), имитирующие арки с гирьками. Ложные арки опираются на полуколонны, которые с двух сторон обрамляют окна. Верхняя часть полуколонн усилена рельефным кругом – мотивом соляного знака, а нижняя – усеченной книзу базой, имитирующей каплю воды. Полуколонны посередине опоясаны тремя валиками.

Окна нижнего этажа арочные, двух видов: с гирьками и полукруглые. Рельефы арок украшены шнуровым орнаментом. Арки справа и слева от окон опираются на межоконные пилястры. На пилястрах по два крупных рельефных квадрата – знаки земли, а в центре каж-

* О предпринимательской и общественной деятельности семьи Ковалевых см.:

Мушкалов С.М. Забытое кунгурское купечество... С. 37–40.

дого квадрата ажурная розетка – знак солнца. Такими же квадратами, но сдвоенными парами, выделены углы нижнего этажа. Квадраты – знаки земли – обнаруживаются и под всеми окнами.

Получается так, что общим элементом всех наличников здания являются арки (ложные и настоящие). Простенки между окнами верхнего этажа заполнены сдвоенными полуколоннами, между окнами нижнего – одной широкой пилястрой. Вход в здание сбоку, обрамлен аркой с гирькой и гранеными полуколоннами. Рядом с ним высокие кирпичные столбы, удерживающие большие ворота в открытый двор.

Второй особняк построен И.Т. Ковалевым (отцом) в 1897 г. рядом с первым в линии улицы Успенской (Ленина, 25). В истории города

он известен как мануфактурный дом. Нижний этаж занимали торговые помещения. Фасад разделен пилястрами на три части, каждая из которых имеет одинаковые пропорции и равное число окон: вверху по четыре, внизу по два. Верхние окна прямые, а нижние – с лучковыми перемычками. Размеры, число и отделка окон подчеркивают функциональное использование помещений. Если первый этаж был торговым, то второй – жилым. По центру здания возвышается парапет, а по углам – башенные завершения-столбики.

В декоративном убранстве карниза и верхнего этажа мануфактурного дома использованы такие же приемы и мотивы декорирования фасада, которые мы видим на угловом особняке Г.И. Ковалева. Это

Дом И.Т. Ковалева (Ленина, 25). 1897 г.

Дом Г.И. Ковалева (Советская, 20).
Конец XIX – начало XX в.

А.В. Перевощиков – председатель Кунгурской уездной земской управы, депутат Государственной думы I (1906) и IV (1912–1917) созывов. Судьба после 1917 г. неизвестна

позволяет предположить, что фасады отделялись по вкусу одного заказчика и одними мастерами. Богатая орнаментальность верхнего этажа создается арочным карнизом и наличниками, которые увенчаны профильными арками с гирьками и килевидными выступами сверху, опирающимися на межоконные полуколонны. Широкие окна нижнего этажа обрамлены лучковыми арками на тонких полуколоннах и разделены пилястрами. Межэтажные и подоконные профильные тяги вместе с чередующимися выступающими квадратами между ними образуют изящный декоративный пояс. В отделке пилястр имеются квадратные ниши с розетками.

Заметно выделяются в засылвенской части города усадьбы купцов Чердынцевых, Пиликиных, П.В. Васильева.

На углу улиц Мининской и Сылвенской (Гагарина и Ситникова, 62) купцы из г. Осы Чердынцевы в 1886 г. построили завод по производству вина, двухэтажный каменный дом, склады и торговую лавку. Завод являлся составной частью «Торгового дома братьев Чердынцевых» (см. вторую часть книги). В 1907 г. усадьба была продана Кунгурской уездной земской управе, в которой она размещалась до 1918 г. В доме находился кабинет председателя земской управы А.В. Перевощикова, который являлся депутатом Государственной думы первого (27.04.1906 г. – 8.07.1906 г.) и четвертого (15.11.1912 г. – 6.10.1917 г.) созывов*.

Первый этаж дома Чердынцевых с низкой посадкой окон, второй этаж почти в две высоты нижней.

Дом Чердынцевых (Ситникова, 62). 1880-е гг.
Фото 2007 г.

* Кирьянов И.К. Пермские депутаты Государственной думы. – Пермь, 2006. – С. 61.

Дом на усадьбе Пиликиных (Труда, 73). Середина XIX в.
Фото 2007 г.

Этажи разделены профильной тягой. Кладка стен «под руст». Сильно выступающие карнизы выложены кирпичной кладкой с зубцами. Над карнизами возвышаются парапеты, установленные по центру фасадов, обращенных в улицы. Парапеты с круглыми чердачными окнами. Главный вход и парадная лестница располагаются в боковом пристрое, который на уровне второго этажа имеет балкон, а над карнизом – парапет. Рядом с парадным входом ворота во двор. Угол здания на пересечении улиц выделен на уровне второго этажа балконом с ажурными железными решетками, а над карнизом парапетной башенкой-столбиком.

Лучковые окна первого этажа обрамлены узкими наличниками. Сверху окна обведены лучковым карнизом. Над окнами имеются замковые камни. Окна второго этажа высокие, сдвоенные, с арками, гирьки которых поддерживаются кирпичными перемычками, разделяющими окна. Зрительное увеличение в высоту окон достигается путем устройства приподнятых сандриков на профильных арках. Выразительность декоративной отделки фасадов достигается и цветовым контрастом: обрамление наличников, карнизов и межэтажного пояса белого цвета, а стены красные.

Дом Чердынцевых – типичный памятник жилой архитектуры в стиле эклектики классицистического направления.

Усадьба Пиликиных* возведена в середине XIX в. на северо-западной окраине Кунгура, на выходе из него Гороблагодатского тракта

(Соликамское шоссе). Усадьба включает две зоны: жилую с двумя особняками (ул. Труда, 69 и 73), вспомогательным корпусом (ул. Труда, 71) и производственную, которая распространялась до р. Малая Шаква. Особняки выходят фасадами на линию улицы Александровской (Труда), между ними сад, огражденный железными решетками на каменных столбах и высоком цоколе. Двухэтажный вспомогательный корпус стоит в глубине усадьбы.

* По семейному преданию, записанному Л.В. Федоровой со слов деда А.Г. Пиликина, сначала Пиликины имели фамилию Пиликан, а «Пиликины – собственно укоренившееся за ними прозвище. Их было очень много братьев. Детьми, сделав из трубок растения зоря флейты, они пиликали на них, а обы-

Особняки Пиликиных двухэтажные, с мезонинами. На особняке (ул. Труда, 73), главные фасады которого обращены на две улицы, мезонин расположен по центру. В плане он крестообразный, имеет четыре фасада – на трех три окна и на одном два. Два противоположных фасада выложены из кирпича. Продолжением особняка являются с одной стороны каменная служебная постройка в один этаж (сохранилась не полностью), а с другой – каменная стена и столбы ворот (сами ворота отсутствуют). Зданию присущи строгость и простота композиции, незначительный декор, прямые окна. Верхний этаж решен как парадный: окна его выделены прямыми наличниками и сандриками. Карниз подшит досками. Окна нижнего этажа без отделки. Этажи разделены прямой тягой.

Второй двухэтажный особняк (ул. Труда, 69) по размерам меньше первого. Уличный фасад получил симметричное решение за счет мезонина в два окна, расположенного на центральной оси. Обрамлены только три верхних окна, которые ниже мезонина. Стены обоих особняков оштукатурены, гладкие. Усадебный комплекс Пиликиных – памятник архитектуры в стиле позднего классицизма.

В настоящее время усадьба Пиликиных выглядит не слишком привлекательно. Особняки обветшали, ворота и частично ограждения отсутствуют, производственных зданий нет совсем, о саде напоминают отдельные деревья.

Краткую (но хотя бы такую!) характеристику усадьбе оставила внучка Андрея Григорьевича Пиликина Людмила Васильевна Федорова**:

«У деда было два трехэтажных дома (с мезонинами они действительно такие. – Г.Ч.), которые разделялись садом с чистым и задним дворами и с громадным пространством под заводами. У деда был свой конный завод. Сначала дед жил в меньшем доме, как младший и с большой семьей, пока не перемерли все его старшие братья. Другой дом гораздо больше и другое впечатление. Тут смена нескольких умерших поколений... Завод деда кончался забором, в нем были ворота, соединяющие соседний завод паровозов англичанина Гакса (о судозаводе см. выше. – Г.Ч.). Для сокращения пути Гакс ездил через ворота и наш двор»***.

Усадьба П.В. Васильева построена во второй половине XIX в. на красной линии квартала по улице

вательские мальчики плясали и пели: «Пиликины, пиликины...» Так с тех пор эта фамилия закрепилась за ними»

(Федорова Л.В. *Наши будни, радости и горести: воспоминания.* – М., 1992. – С. 13).

Предки Пиликиных известны в истории Кунгура как летописцы. Летопись, которую они написали, получила их имя (см. ниже). О роде Пиликиных см.:

Елтышева Л.Ю. *Купцы Пиликины // Гривушинские чтения.* – 2006... С. 49-54.

** Л.В. Федорова (1851–1936) – жена известного геолога, минералога и петрографа Е.С. Федорова (1853–1919), изучавшего в 1880-е гг. Кунгурскую ледяную пещеру и различные провалы на склоне Ледяной горы, обращенной к усадьбе Пиликиных, и на самой усадьбе

(Федоров Е.С. *Заметки о кунгурских пещерах // Материалы для геологии России: издание Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества.* – СПб., 1883. – Т. XI. – С. 222-240).

*** Федорова Л.В. *Наши будни, радости и горести...* С. 18-19.

Андреевской (Коммуны, 60). Она состоит из двух двухэтажных зданий, объединенных въездом во внутренний двор. Ворота на каменных столбах и с высоким арочным парапетом. Ворота и примыкающее к ним крыльцо главного здания образуют центр усадьбы.

Дом А.И. Клементьевой на правом берегу Сылвы. Середина XIX в. Фото 2007 г.

Усадьба П.В. Васильева (Коммуны, 60). Вторая половина XIX в. Фото 2007 г.

Оба здания с симметрично расположенными парапетами, на главном здании их три, а на втором – один по центральной оси, но с дополнениями в виде башенок-столбиков по углам. Общими элементами украшений являются угловые пилястры, карнизы вдоль всего фасада с прямоугольными свесами.

Отделка главного здания более сложная: на первом этаже рустовка, над окнами замковые камни, фриз всего периметра заполнен объемной лепниной в виде меандра*, ажурные решетки между парапетами.

Усадьба П.В. Васильева – памятник жилой архитектуры эклектики позднего классицизма. В архитектурном на-

* М е а н д р – геометрический орнамент из непрерывной кривой или ломаной под прямым углом линии (на доме Васильева второй вариант орнамента), образующий ряд спиралей. Этот орнамент разработан в искусстве Древней Греции.

следии Кунгура она занимает особое место, что в большей степени достигается орнаментальным фризом с меандром.

На засылвенской набережной привлекает внимание двухэтажный каменный особняк, построенный не позднее 1868 г. мещанкой А.И. Клементьевой (ул. Воровского, 13). С 1902 г. особняк принадлежал наследникам, у которых он был национализирован в

1920 г. К сожалению, некоторые усадебные постройки оказались утраченными.

Нам не известно имя архитектора, но, судя по тому, как он рас-

положил здание на набережной Сылвы и какие нашел пропорции, можно предположить, что им владело чувство меры, художественного вкуса и понимание значения места, выбранного для усадьбы. Здесь с набережной, повторяющей линию реки, начиналась улица, ведущая к недалеко находящемуся Преображенскому храму. Поэтому применен прием скругления объема углового здания. Причем, смягчая угол, композиционным центром двух фасадов дома в застройке у пересечения улиц архитектор избрал не объем, например парапет или полуротонду, возвышающиеся над остальной частью сооружения, а широкое трехчастное окно с высокой аркой в его средней части, напоминающей полусолнце как своей формой, так и рельефной имитацией солнечных лучей. Значимость этого окна усиливается пилястрами, на которые опирается арка.

Смягченный характер здание имеет за счет слабо вынесенного профилированного карниза и межэтажной тяги с узким железным козырьком. Все окна расставлены равномерно и снабжены сандриками – небольшими прямыми выступами, причем на первом этаже одинаковыми, а на втором – разными. У двух окон, ближних к широкому окну, сандрики с имитацией гирлянд, а остальные прямые и каждый с тремя небольшими консолями – опорами. Прямые линии сандриков, карниза и горизонтальный межэтажный выступ усиливают смягченный характер фасадов. В целом мы видим здесь памятник жилой архитектуры классицистического направления.

Усадьбы богатых хозяев славились украшениями из железа: решетками-парапетами на фасадах зданий по краю крыши, коваными кронштейнами, поддерживающими крышу крылец и балконы, навершиями печных труб и водостоков, а также решетками и воротами с

Дом 1907 г. в стиле модерн (Ленина, 43). Фото 2007 г.

датами их изготовления и инициалами владельцев домов. Например, Н.А. Пономарев, владелец полукаменного дома на углу улиц Шавкуновской и Успенской (Пугачева и Ленина, 10), использовал в отделке решетки над въездными воротами не только элементы

Решетка на воротах дома
Н.А. Пономарева (Ленина, 10).
Начало XX в.

Фасад дома в стиле модерн (Ленина, 43).
Фото 2007 г.

растительного орнамента, но и декоративные буквы «НАП» – начальные буквы имени, отчества и фамилии.

В Кунгуре издавна был распространен кузнечный промысел. И хотя не все кузнецы выпускали художественные изделия, но большинство из них, особенно в конце XIX – начале XX в., декорировали железными изделиями водосточные и печные трубы, карнизы, лестницы, ворота. Орнамент многих украшений одинаков, и это дает повод говорить о едином художественном стиле кованых и просечных деталей. Примерами использования декоративного металла (кованого и отлитого) являются особняки купцов Е.Я. Дубинина (ул. Советская, 26), Г.К. Кузнецова (ул. К. Маркса, 27), здание технического, А.С. Губкина училища (ул. Просвещения, 9).

Не обошлось в Кунгуре и без взаимовлияния искусства деревянной резьбы и просечки по металлу. Очевидно, это направление развивалось в связи с тем, что мастера обоих видов искусств искали пути создания наиболее выразительных традиционных образов и сюжетов. Особо отметим, что развитие этого направления совпало с внедрением новой техники обработки дерева – пропильной резьбы – и нового декоративного материала – просечного железа.

В начале XX в. в Кунгуре появились здания с элементами модернистских направлений в архитектуре, чему немало способствовали новые рациональные и художественные запросы жителей города.

Одним из лучших примеров модерна, причем новаторского, для которого характерен полный разрыв со всеми предыдущими традициями архитектуры, является деревянный двухэтажный особняк на высоком каменном цоколе, возведенный в 1908 г. в нижнем посаде города (ул. Ленина, 43). Строил его нотариус А.К. Глушков. В нем он жил и держал свою нотариальную контору. Накануне 1917 г. хозяин продал особняк, а вскоре тот был национализирован в фонд городского хозяйства.

Асимметричная композиция плана и объема здания, разнообразная облицовка фасадов, одинаковые пропорции окон, но различ-

ная их отделка наличниками, а также большое окно парадного зала с арочным очертанием, которое значительно оживляет объем здания, – вот средства, придающие особняку индивидуальный, бросающийся в глаза облик. Ценность этого здания еще и в том, что оно служит ярким примером для характеристики развития модерна в российских провинциях.

Кстати, в Кунгуре обнаруживается еще одно жилое здание в стиле модерна, построенное в 1931 г. в засылвенской части города (ул. Уральская, 23). Композиция его симметричная (прямоугольная в плане), окна прямые и с лучевыми наличниками. Князек двускатной крыши «притуплен» за счет срезки. Первоначальное крыльцо стояло справа по фасаду. На причелинах* и досках, прикрывающих фронтон дома, встречается орнамент, напоминающий либо непосредственно воспроизводящий традиционный мотив падающих капель воды.

* Причелины – доски на фронте деревянной постройки, прикрывающие торцы слег тесовой кровли и предохраняющие их от намокания.

Явно, что это дом среднего достатка. Лишних изяществ модерна явно мало, но тем не менее факт его появления удивляет и говорит о популярности модерна в провинции еще в начале 1930-х гг. Дом строился как частный. Имеется предположение, что задумано было строительство еще до 1917 г., но по причине неустойчивой жизни тогда его соорудить не смогли.

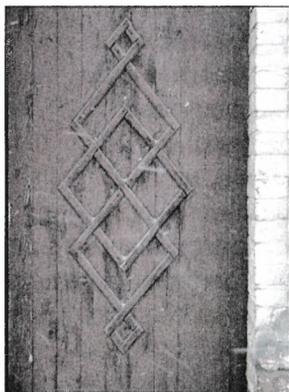
*«Резьба позволяет убедиться
в удивительной живучести знаковой среды»*

СИМВОЛИКА ДЕКОРА

Стоит только начать знакомиться со старыми домами Кунгура, как сразу убеждаешься, что в нем сохранились в большей мере, чем в других городах Пермского края, яркие образцы декора жилища из архитектурных стилей разных эпох. Здесь использованы формы русской архитектуры XVII–XVIII вв., псевдорусского и неорусского стилей, эклектики и модерна второй половины XIX – начала XX в. Многие дома обшивались рустованным тесом, карнизы оформлялись резными подзорами, углы и выступы внутренних стен дополнялись пилястрами с накладными деталями, налични-

Декор фасадов

Пилястры с накладными деталями

Двери с солнцем

Ворота с резным деревянным солнцем

Навершие наличника

Наличник со знаками солнца. Начало XX в.

Ворота с солнечными розетками:
солярные символы на воротах –
обереги от темных сил

Резная обшивка фасадов

ки и ворота оформлялись глухой или пропиленной резьбой с украшениями, почерпнутыми из различных видов народного искусства. Нередко деревянные дома украшались лепкой, кирпичной кладкой и выглядели как каменные.

Декоративные мотивы могли иметь и не иметь смысловой оттенка. Если имели, то они чаще всего обуславливались языческими представлениями. С другой стороны, они возникали в русле общей культурной традиции, лишенной твердого религиозного смысла. В этом случае они становились только декоративными элементами, и тоже очень полезными: создавали дух города, не допускали обезличенного пространства.

Ни в одном исследовании о Кунгуре не указывается и не анализируется знаковая система символов декора жилища. Город видят все, здания видят все, а то, что они наделены системой знаков, не видят. К сожалению, не имеют представления о них и владельцы домов. Как показал опрос населения, они, как правило, не обращают внимания на эти элементы. Можно объяснить, что на уровне обыденного сознания не всегда воспринимается как ценность покосившийся одноэтажный домик с непонятными кругами и квадратами на нем. Но знаковая тема и ее мифопорождение должны иметь для Кунгура такое же значение, как все остальные свидетельства истории и культуры. Жители и гости города получают уникальный материал о мощных корнях, связывающих их с основами, заложенными в генетической памяти народа.

Во время нашего натурального изучения кунгурского жилища пришлось убедиться не только в богатстве декоративных приемов кирпичных и деревянных домов, но и в удивительной живучести знаковой среды (о декоре некоторых домов уже рассказывалось в предыдущей главке). Кроме того, мы стали свидетелями того, как быстро исчезает знаковый слой архитектуры вместе с ветшающими домами или со сносом еще добротных домов под новое строительство. Если еще сегодня список домов с декоративной резьбой достаточно велик, то можно представить, сколь много выразительной архаической символики было в Кунгуре в прошлом. Известно, что в 1960–1970-е гг. старые дома сносились десятками, чтобы возвести типовую застройку из силикатного кирпича.

Попытаемся прочесть и идентифицировать некоторые знаки для современного человека. Начнем с сюжетов, иллюстрирующих триаду мироздания с иерархией миров – нижнего (земного), верхнего (небесного). Трехъярусная символика кунгурских домов обо-

значала небо, землю и солнце, выступающее посредником между ними.

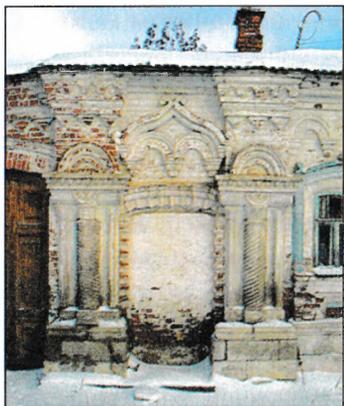
Знаки верхнего мира представляют собой вытянутый вдоль всего фасада здания длинный фриз повторяющихся прямоугольных, квадратных или треугольных, с обращенным вниз углом, рельефных форм, а порой даже зигзагов-меандров (ул. Красноармейская, 8; Коммуны, 60). Располагаются эти формы под крышей над окнами или на самом карнизе. На рубеже XIX–XX вв. прямоугольные формы скругляются, зубчатые линии превращаются в волнистые, а порой появляются комбинации из прямоугольных, круглых и треугольных форм (ул. Пугачева, 34; Ленина, 28 и 31). Система построения этих форм неразрывно связана с идеей наличия в верхнем небе воды и передачи ее на землю. В металле на ограждениях балконов, козырьков над дверями появляется меандр, который также несет смысл нахождения воды на небе.

Земной мир – а он посередине неба и земли – заполняется кругом, квадратом и ромбом – символом солнца. На кирпичном оштукатуренном фасаде это выпуклый или углубленный рельеф, в кирпичной кладке – ступенчатый ромб, в дереве – квадрат большой, разделенный на четыре квадрата, в металле – геометрические окружности. Причем знаки солнца никогда не помещались над верхним небом, которое заполнялось небесно-водной символикой.

В изобразительном плане солярные знаки представлены во многих местах зданий: над окнами и дверями, между окнами, часто в комбинации с квадратами, ромбами. Порой на доме не одно, а три солнца. Солнца-розетки имеются во многих кованых металлических решетках. К солярным символам следует отнести часто встречающийся элемент – спиральный знак бесконечности. В этом отношении чрезвычайно интересны навес над входной дверью и решетка, соединяющая кирпичные воротные столбы, в особняке купца Е.Я. Дубинина (1883) (ул. Советская, 26).

Знаки нижнего мира – ромбы и квадраты – укореняли жилище, связывали его с землей, наделяли плодородной силой. Традиционное размещение знаков земли на фасаде дома – внизу под окнами: прямоугольники с прямыми и вогнутыми боковыми сторонами, прямоугольники с мелкой резьбой и прямоугольники без всякого заполнения.

Жилище кунгуряков всегда ограждалось забором. Были ворота, удерживавшиеся железными крюками на каменных или деревянных столбах. Столбы возвышались над воротами и соединялись аркой. Ворота часто снабжались знаками солнца, при-

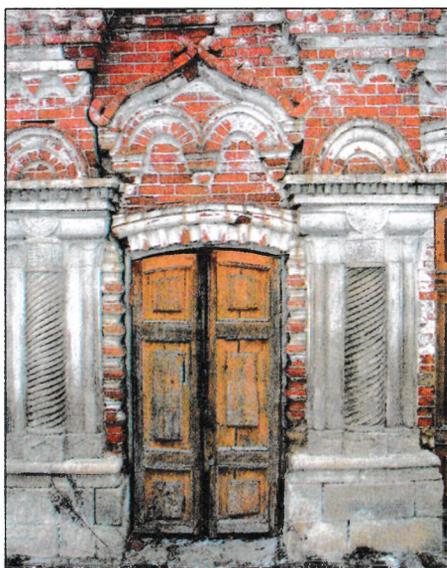
Традиционные элементы декора

Мощные воротные столбы с колоннами

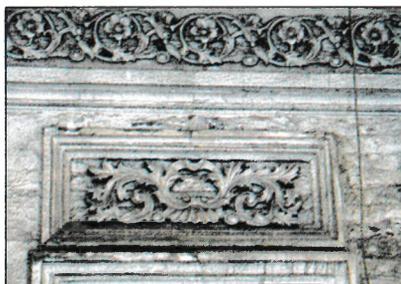
Верхняя часть ворот содержит три солнца –
утреннее, дневное, вечернее

Обрамление входной двери

Над окнами знаки неба (воды)

Фасад обильно оснащен растительными
мотивами

Наличники с солнцем и в окружении квадратов

Оформление карниза дома

Здание орнаментировано знаками неба и воды

Декор полукаменного дома

Декор фасада каменного дома. Начало XX в.

званными оградить человека от вредных сил (ул. Воровского, 7; Пугачева, 30).

Особой энергетической силой обладало мощное изображение солнца, которое мы увидели в центре ворот в засылвенской части Кунгура (ул. Разина, 172). Это солнечный диск со значением «светоносного космоса»: он с резными лучами и полуовальными обрамлениями. Несомненно, это дневная позиция солнца. Выше и ниже его размещены еще две небольшие солнечные розетки. Расшифровка этой композиции открывает нам картину макрокосма в микрокосме жилища. Три позиции солнца, представленные в вертикальном расположении, обеспечивают показ его движения: в верхнем ярусе – на восходе, в нижнем – на закате, а посередине, где розетка самая крупная, – в полдень. Эта картина солнечного мира в архитектурном убранстве кунгурского жилища обнаруживается и в другой, горизонтальной форме: посередине крупная солнечная розетка, а слева и справа поменьше (ул. Пугачева, 30). Встречаются ворота и двери, на которых по одной солнечной розетке.

В убранстве домов находим и примеры, показывающие новые творческие искания кунгуряков. Так, очень часто между окнами на фасадах появляются полуколонны, а на углах и выступах внутренних стен – пилястры, которые символизируют столбы галерей. В наверхьях наличников доминантной становится гирлянда, хотя продолжают использоваться и другие знаки. Пилястры декорируются накладными квадратами, ромбами, причем часто с продленными сторонами. Окна завершаются арками, иногда с имитацией гирьки. Солярные символы в модерне приобретают развитую лучевую структуру и цветочную розетку, выражающую принадлежность солнца миру природы.

Все эти архитектурные элементы рассчитывались на сохранение представительской функции города. Появились полуколонны, пилястры, гирлянды, арки, лучевые формы неспроста, если вспомнить, что в XIX – начале XX в. роль Кунгура как центра большого региона Приуралья постоянно возрастала.

*«Привычный ход мыслей связывает
ценность костюма с достатком людей»*

КОСТЮМ ГОРОЖАН

Одежда кунгуряков в XIX – начале XX в. сочетала в себе переплетение древних и новых, европеизированных комплексов. Связывалось это с изменениями в социально-экономическом укладе страны и Кунгура, в быту и сознании народа. Вытеснение традиционных комплексов в разных социальных, профессиональных и половозрастных группах населения протекало с разной степенью быстроты и интенсивности.

До середины XIX в. одежду в основном шили в самом городе. Имелись мастера, которые принимали заказы на изготовление одежды, в том числе «европейской». Впоследствии ее все чаще привозили на продажу готовой.

Мещане. Начало XX в.

Остановимся на характерных чертах народного костюма.

Основу населения Кунгура составляли русские, поэтому получили распространение варианты общерусского, преимущественно северо-русского костюма. Специфические черты резче всего проявлялись в женском костюме, но и в мужском сказывались на своеобразии покроя.

Купцы в традиционных костюмах.
Начало XX в.

Костюм мужчин состоял из рубахи, портов, кафтана. Рубахи были длинные. Шили их с «подплечьем» – подкладом на плечах – и с разрезом, застегивающимся на левой стороне. В описании одежды начала XX в. сказано, что мужчины в Кунгуре носили не только косоворотки, но и рубахи с прямым разрезом ворота. Рубахи и штаны шили как из холста и пестряди, так и из сатина, кумача, плиса.

Крой кафтанов был разным. Архаичным являлся кафтан прямой, у которого талия обозначалась кушаком. Другой покрой – роскошный: к цельной или отрезной со сборами спинке пришивались боковые клинья. Этот вид кафтана оказался более удобным, он не стеснял движений. Кафтан мог быть длинным, коротким, с рукавами прямыми и зауженными к запястью, с клиньями широкими и узкими, с воротником, обшлагами, застёжками. Шили эту широко распространённую верхнюю одежду из сатина, атласа, плиса, сукна.

Новацией одежды купцов и состоятельных мещан во второй половине XIX в. явились пиджаки с отложными воротниками, карманами. Носили шапки суконные с овчинной опушкой, валяные шляпы с цилиндрической тульей. В купеческой среде привились картузы суконные. Из обуви чаще всего носили сапоги.

Современники отмечали, что мужчины в Кунгуре подстригали волосы так, чтобы на лбу они спускались почти до бровей, а на затылке до плеч. При этом было немало тех, кто стрижся «по-крестьянски в кружок». Но некоторые мужчины носили другую причёску – распу-

шенные волосы, окаймляющие голову наподобие шапки. Многие не брили бороды и усов, «оставляли их в природном виде». В условиях города, с присущей ему спецификой новой моды, мужчины, которые не имели бороды, «надевали на шею галстуки, состоящие из платков»*.

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 224.

Зимой мужчины носили меховую одежду: шубы и полушубки из овчин, кафтаны на лисьем и рысьем меху. Состоятельные горожане покрывали шубы сукном и даже бархатом. Дополнялась меховая одежда шапками с суконным верхом и меховым околышем.

Судя по документам XIX в., перечень одежды, бытовавшей у крестьян, ремесленников и большей части мещан Кунгура, был невелик.

Непреренной частью женского костюма были рубаха и сарафан. Сарафаны носили все слои общества. Они различались покроем и отделкой. Были сарафаны прямыми, косоклинными, распашными, застегивающимися на петли и пуговицы. В состоятельной среде получил распространение так называемый московский сарафан. Его шили из 5–7 полотнищ, собранных мелкими складками. Декоративность подчеркивалась пришитыми кружевами, галунами, лентами, пуговицами и петлями.

В женском костюме наиболее отчетливо сказывался характер следования моде. Например, пожилые женщины предпочитали в одежде темные цвета, а молодые – «всякие другие приятные цвета в своих нарядах с золотом и серебром, обложенных бахромою или гасами** с их же металлов»***.

** Г а с – позумент, галун, золотая или серебряная мишурная тесьма.

Сарафаны шили из шелка, штофа, домотканины, использовали китайку и крашенину. Шелковые и штофные сарафаны называли *щеголеватыми*. Шелковые сарафаны носили по праздникам почти все, а в будни – только зажиточные горожанки и купчихи. Богатые дополняли их душегреями, епанечками, шугаями, которые по покрою были близки к кофте****. В начале XX в. их продолжали носить в основном купчихи.

*** Там же, с. 284.
**** Бувеский С. *Жители Кунгурского уезда...* С. 148.

Живущие в городе бедные мещанки и крестьянки, по сведениям Н.С. Попова, одевались «в праздники почти так, как богатые в простые дни, сверх сего некоторые носят и сарафаны китайчатые и крашенинные, надевая на голову платки шелковые и бумажные низко, также шамшуры, повязываясь... фатами»*****.

***** Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 285.

Наиболее ярко социальное, семейное, возрастное положение отражалось в головных уборах.

У замужних женщин для комплекса одежды с сарафаном наиболее характерны кокошники и чепцы (в Кунгуре их еще называли *шамшурами*). У девушек волосы были открытыми, заплетенными в одну косу. В будни девушки повязывали голову простыми лентами, но в праздничные дни надевали нарядные повязки, украшенные бисером, жемчугом, серебряными и золотыми нитями.

Просватанная девушка отличалась от подруг нарядным овалом – *наметником*, которым прикрывала макушку. Свадебным головным убором была *коруна*. Купчихи и мещанки покрывали голову платком и повязывали его в форме так называемой *головки*, чтобы кончики соединялись надо лбом.

О своеобразии женского головного убора кунгурских женщин начала XIX в. свидетельствует такое описание:

«...золотые или по шелковой материи золотом и серебром вышитые, широкие кверху с развалом лент» – вместо платка, «такие же ленты» носили и крестьянские девушки, «повязываясь или в подражание городским или распуская концы позади к заплетенной косе, оканчивающейся обыкновенными шелковыми ленточками»*.

Разнообразной была женская обувь. Обычно носили сапоги, коты, но купчихи – башмаки парчовые, сафьяновые.

В большом употреблении у женщин были разного покроя шубы: длинные и короткие, с высоким перехватом или лифом сзади и множеством мелких складок. Они разделялись на повседневные и праздничные. Нарядные шили на дорогом меху: «на белых мерлушачьих

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 224.
** Там же, с. 284.

или заячьих и белых мехах»**. Их покрывали шелковой или китайчатой тканью. В семьях крестьян и ремесленников разновидностей теплой одежды имелось значительно меньше, чем у мещан и купчих.

Наиболее употребительными были кафтаны и нагольные шубы, не покрытые материей.

Процесс трансформации народного костюма, что было связано с общей европеизацией бытовой культуры Кунгура, привел к появлению нового комплекса – парочки, состоящей из юбки и кофты. В литературе начала XIX в. он описывался так: женщины «все более носят длинные шугаи и юбки из различных материй, особливо грезету, объари, гарнитуру, а богатейшие из парчи и штофов, прочие из тафты, ситцов и пр.»***.

*** Там же.

Женщины стали обращать внимание на европейскую обувь, отдавая ей предпочтение перед традиционной. А. Смирнов, посетивший Кунгур в 1904 г., писал:

«Европейская обувь теперь употребляется во всех высших кругах без исключения и даже очень распространена между средними слоями».

В купеческом и мещанском быту находят широкое применение шали, шарфы, косынки, перчатки, зонты, многие городские предметы туалета, вплоть до вееров.

Яркое представление о бытовании одежды новой традиции дает список имущества, погибшего при пожаре в 1913 г. В нем числятся салопы с меховым воротником, казакины, перчатки кожаные и шелковые, ботинки, шарфы, «немецкое» верхнее платье, жемчужные ошейники с золотыми пуговицами, коленкоровые рубашки, атласные поддевки, «европейские» вуали*.

* ГАПО, ф. 297, оп. 4, д. 121.

Таким образом, в начале XX в. в Кунгуре развивалась тенденция европеизации костюма при сохранении приверженности населения к старорусской одежде. По мере нивелировки данной сферы культуры и быта некоторые элементы старого костюма приобретали знаковое содержание. Сарафаны и кокошники, серьги и кольца, например, сохранялись в семьях как зримый символ этнической принадлежности, напоминание об отошедшем в прошлое старинном быте.

Несмотря на значительные изменения в народном костюме, процесс его европеизации в Кунгуре оставался незавершенным вплоть до 1920-х гг.

Приведенные сведения дают представление об основных направлениях развития одежды в условиях г. Кунгура. Для нее характерны как единство северно-русских форм, так и различия, обусловленные социальной и профессиональной принадлежностью и возрастным статусом населения. Однако все ее развитие протекало на фоне сохраняющихся традиционных комплексов мужской и женской одежды в рамках конкретных социальных групп городского населения.

*«Намечалось всех живших
в городе сделать полноправными
жителями...»*

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Кунгур искони формировался и развивался как русский город. На эту особенность обращали внимание все исследователи и бывавшие в нем путешественники. Однако в нем селились представители нерусских народов, которые жили не только на Урале, но и далеко за его пределами.

Русские. Начало XX в.

При переписи 1860 г. в Кунгуре числилось 9,5 тыс. человек. В дальнейшем пополнение населения происходило в основном за счет естественного прироста. Подавляющее число приезжих составляли крестьяне, уходившие из сел и деревень в поисках работы. В 1897 г. в Кунгуре проживало 14,3 тыс. человек, а в 1920 г. – 17,6 тыс. человек. По численности населения Кунгур занимал в Прикамье второе место после Перми.

В XIX – начале XX в. в этническом составе населения происходили значительные изменения. Статистические материалы 1897 г. свидетельствуют, что доля русских в населении Кунгура достигала 93,7%*, а в 1920 г. – 90,4%**.

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 31: Пермская губерния. – СПб., 1904. – С. 2-3.

**Итоги Всероссийской переписи 1920 года по Пермской губернии. – Пермь, 1921.

Статистика Кунгура за 1897 г. фиксирует на втором месте в городе коми-зырян (3,3%), а за 1920 г. – евреев (2,7%). В 1920 г. в городе жили татары (1,7%), немцы (1,7%), поляки (0,9%), белорусы (0,8%), латыши (0,7%), коми-зыряне (0,6%), а также украинцы (0,3%), литовцы (0,3%), эстонцы (0,2%), башкиры (0,1%). Кроме них в составе населения имелись коми-пермяки, марийцы, удмурты, манси, но численность их была незначительной*.

Интересны показатели по месту рождения жителей Кунгура. Так, среди проживавших в 1897 г. было 62,6 % местных уроженцев (Кунгурский уезд), 17,2% прибыли из других уездов Пермской губернии, 20% – из других губерний**.

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 2-3.

** Там же.

Выходцы из западных губерний Российской империи селились преимущественно компактно и, как правило, были заняты в какой-то одной отрасли. В Кунгуре в 1920 г. литовцев, латышей, эстонцев насчитывалось 219 человек. Они занимали вторую позицию в абсолютных цифрах среди остальных выходцев из Прибалтики. На первом месте была Пермь (1185 человек). В Кунгуре литовцы, латыши, эстонцы занимались служебными делами, ремеслом, работали учителями.

Марийцы. Начало XX в.

Появлялись в городе и временные жители: поляки, казахи, цыгане, австрийцы, армяне, грузины.

Переселение поляков в Кунгур происходило в русле общих миграций этого народа в Россию. Они начали формироваться в 1830-е гг. после первого националь-

но-освободительного восстания в царстве Польском, входившем в состав Российской империи. Когда в 1863 г. произошло второе восстание, в Кунгур был сослан 41 человек, но вскоре прибыли еще 127 человек, причем многие из них были семейными. Поляки выселялись из западных губерний: Могилевской, Гродненской, Виленской, Динабургской, Волынской, Минской и из царства Польского.

Татарская семья. Начало XX в.

* ГАПО, ф. 297, оп. 3,
д. 245, л. 85, 160.

Ссылные поляки происходили преимущественно из дворянского сословия. За ними был установлен полицейский надзор, чаще всего гласный и бессрочный. Среди поляков оказалось 58 женщин и 72 ребенка*. Многие женщины приехали к мужьям добровольно, даже с грудными детьми. В некоторых семьях насчитывалось до 6 детей. В этом проявилось стремление сохранить семью и семейные традиции на новом месте.

Бытовая повседневность «кунгурских» поляков описана в воспоминаниях участницы польского восстания 1863 г. Ядвиги Прендовской, опубликованных в 1962 г. в Кракове. Из них мы узнаём, что поляки размещались сначала, когда их много шло через Кунгур, в сараях в лесу, но те, которые оставались в городе, жили на квартирах. Жили дружно, делились новостями, поступавшими из родных мест, справляли католические праздники, свадьбы, организовывали похороны. Дискуссии о борьбе за свободу были самыми животрепещущими. Большинство поляков в Кунгуре не работали, жили на государственное пособие или на свои средства. Некоторые, однако, занимались «письмоводительством», то есть поступали на канцелярскую или делопроизводственную службу, обучали детей грамоте. Небольшая часть поляков занималась ремеслом: красильным, столярным, портняжным делом, вышиванием одежды, – а также фотографированием и лечением.

По-разному складывались отношения поляков с местным купечеством. Г.К. Кузнецов, являвшийся городским головой, относился к ссылным доброжелательно, а М.И. Грибушин и А.С. Губкин избегали общения с ними.

По окончании срока ссылки полякам разрешалось вернуться на родину, но некоторые остались жить в городе навсегда. Жизнь их в Кунгуре протекала в основном так же, как и остальных горожан соответствующего социального положения, но в то же время они

оставались представителями иного подданства (гражданства) и иного сообщества (профессионального, конфессионального, языкового).

Бывший секретарь губернатора Гродненской губернии Э.М. Олихимовский подал в 1867 г. прошение императору Николаю II и в Министерство внутренних дел «о дозволении сколько пожелаю оставаться в Кунгуре». Получив разрешение, он пригласил в Кунгур жену, дочь и служанку, обзавелся хозяйством и занялся торговлей. П.Г. Андрузский, участник восстания 1863 г., приобрел усадьбу в засылвенской части города, на улице Мининской (Гагарина, 11), и построил пивоваренный завод. Его дети учились и работали в городе, служили в армии, сын Анастасий завел фотоателье. Историю рода Андрузских изучила О.А. Ренева и подробно о нем рассказала на страницах местной печати*.

В метрических книгах г. Кунгура 1870-х гг. обнаруживается такой пример. Взрослые поляки имели русские имена и нерусские отчества. Русские имена получали и дети, родившиеся в Кунгуре**.

Такая двуименность воспринималась как нечто вполне естественное. И это понятно. Ссылные поляки в русской среде не хотели выделяться: свои имена они меняли на русские или подбирали им варианты, похожие на русские. Позднее поляки вернулись к традиционным польским именам, когда, очевидно, убедились, что местные жители принимают их доброжелательно. Пример с именами показывает один из путей приспособления поляков к жизни в иноэтнической среде.

* *Добрый день. – 2006. – 20 июля.*

** *ГАПО, ф. 688, оп. 1, д. 1-7.*

*«...жители Кунгура
хорошо были знакомы с положениями
вероучений»*

КОНФЕССИИ В ГОРОДЕ

В Кунгуре проживали в основном представители одной конфессии – православия. В православные общины входили русские, но наряду с ними коми-зыряне, украинцы, белорусы, поляки. В 1897 г. последователи православия составляли 97,7%. Среди них 0,7% приходилось на долю жителей, исповедовавших православие в старообрядческой форме*.

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 2-3.

Культовые потребности православных жителей Кунгура обслуживали в первой четверти XX в. 17 церквей, в том числе 5 домовых, и 15 часовен, разбросанных в разных частях города. Наиболее значительным православным храмом был Благовещенский собор, основанный в 1704 г. Многие храмы неоднократно расширялись, в основном за счет приделов, что является показателем роста религиозности городского населения.

Вид города с православными храмами. Фото 2006 г.

Второй конфессией, которую в начале XX в. исповедовала часть жителей Кунгура, было мусульманство. В 1897 г. мусульман насчитывалось 1,2%. Последователями мусульманства являлись татары и башкиры.

Третьей конфессией, распространенной в городе, был иудаизм (0,6%). Эта община включала небольшую группу евреев. Следующие места в ряду конфессий города принадлежали католицизму (0,4%) и протестантизму (0,1%)**.

** Там же.

Все конфессиональные общины, в том числе и православные, не были однородны в этническом и языковом плане. 98,8% русских

исповедовало официальное православие, а 1,2% – православие в старообрядческой форме, католицизм, протестантизм и иудаизм. Немцы исповедовали не только протестантизм, но и католицизм, православие, а поляки, кроме католицизма, – протестантизм и православие.

Отражая профессиональную действительность, необходимо помнить, что за ней стоят определенные черты общественной жизни, досуга и быта жителей Кунгура.

*«Особенно в середине XIX века
усилилось стремление народа
к грамотности»*

ГРАМОТНОСТЬ ГОРОЖАН

По переписи 1897 г. грамотность населения Кунгура предстает в таком виде.

Среди дворян и чиновников грамотных было 81,8%, из них окончивших учебные заведения: высшие – 4%, технические – 2,3%, военные – 1,3%, средние – 36,9%*.

Статистика выделила 75% грамотных священников, из которых высшие учебные заведения оканчивали 1,7%, технические – 0,1%, средние – 69,4%.

** Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 250–260.*

Купцы и мещане оставались самой многочисленной сословной группой кунгурского населения. Среди них грамотными были 58,1%. Окончивших учебные заведения было немного: высшие – 0,2%, технические – 0,1%, средние – 9,5%.

Традиционную прослойку для Кунгура составляли крестьяне. Перепись 1897 г. признала грамотными 43,9% крестьян; процент окончивших учебные заведения здесь был самым низким – 1,8%.

Самый высокий показатель грамотности был у поляков (93%), украинцев и белорусов (80%), за ними шли евреи (68%), русские (47%). Наименьший процент грамотности имели татары и башкиры (27%), коми-зыряне и коми-пермяки (18%)**.

*** Там же, с. 276–280.*

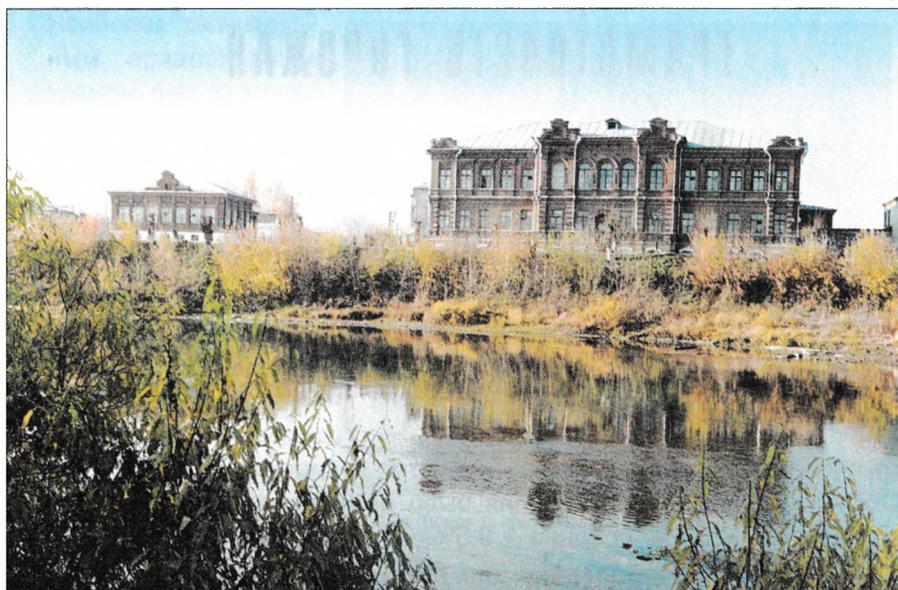
«...главный признак пробуждения Кунгура –
расширение образования»

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

На Урале Кунгур являлся в известной мере центром распространения грамотности. Здесь можно было получить не только начальное, включая церковное, но и среднее, и специальное техническое образование. Таким разнообразием учебных заведений, как

** Елтышева Л.Ю. Полезны всегда, полезны нам науки: из истории развития народного образования г. Кунгура XVIII – нач. XX в. – Кунгур, 2004.*

Кунгур, не обладал ни один из уездных городов Пермского края. История развития образования в нем впервые наиболее подробно рассмотрена Л.Ю. Елтышевой – заведующей отделом истории Кунгурского музея*.

Здание городского четырехклассного училища. Фото 2005 г.

НАЧАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

В начале XIX в. продолжало работать малое народное училище, открытое в 1789 г. Смотрителями училища были кунгурские городничие. В соответствии с Уставом 1786 г., в училище проходили публичные и частные испытания учеников. На публичные испытания обя-

зательно приглашались служащие городской думы и авторитетные местные жители. Часто публичные испытания проходили в присутствии директора училищ Пермской губернии Н.С. Попова.

В 1804 г. император Александр I провел реформу образования в России. Как полагалось по утвержденному Уставу учебных заведений, подведомственных университетам, Кунгур вошел в Казанский учебный округ, возглавляемый Казанским университетом, и малое народное училище преобразовали в уездное училище. Новое учебное заведение торжественно открылось 30 августа 1816 г. Оно содержалось на государственные средства, но «с дополнением от общества». Здание для него было оборудовано на частные пожертвования.

Когда в 1828 г. в России началось введение новой реформы образования, Кунгурское уездное училище было преобразовано в трехклассное учебное заведение.

Между малым народным училищем и уездным училищем осуществлялась преемственность: некоторые ученики народного училища продолжали обучение в уездном, ими использовалось одно учебное здание, в них работали одни и те же учителя. Но программа обучения в уездном училище была значительно шире, чем в малом народном: Закон Божий, языки русский и церковно-славянский, письмо, арифметика, геометрия, история, география, черчение, рисование.

Надзор за учебной и воспитательной работой осуществлял штатный смотритель И.Л. Суворов. На этой должности в 1840–1850-е гг. успешно трудился С.П. Бувевский, имевший чин коллежского асессора. Следует заметить, что гражданский чин коллежского асессора ценился в России очень высоко и достичь его было нелегко даже дворянину: требовался, как правило, университетский или лицейский диплом, либо необходима была сдача специального экзамена. Свои служебные обязанности С.П. Бувевский успешно сочетал с исследовательской работой, оставив публикации и рукописи по истории и этнографии Кунгурского края (см. ниже).

Когда встал вопрос о расширении уездного училища, купец С.О. Фоминых пожертвовал для него в 1841 г. свой каменный двухэтажный дом. За этот дар его отметили золотой медалью на Аннинской ленте. В 1869 г. училище начало работать в новом каменном двухэтажном здании. Его купил и подарил купец, потомственный почетный гражданин* Кунгура А.Г. Кузнецов.

* Звание потомственного почетного гражданина введено в России в 1832 г. для лиц, которые не имели права на ряд дворянских званий и привилегий; звание давало им право на льготы и привилегии, сходные с дворянскими.

Кунгурское уездное училище считалось всесословным. При приеме не предъявлялось формальных ограничений для детей нерусских народов, но они были представлены буквально единицами. Училище имело приготовительный класс и два основных. Первоначально приготовительный класс выполнял функции приходского училища. Численность учащихся во второй половине XIX в. не превышала 200 человек в год.

Почти все учителя имели специальное образование. Они окончили гимназии, семинарии, частные школы, педагогические курсы. Врач училища 1870-х гг. Я. Мейер учился на медицинском факультете Казанского университета. Он имел чин коллежского советника (гражданский чин, равный чину армейского полковника).

К концу XIX в. уездное училище располагало большим набором наглядных пособий, предметов для рисования и черчения, имело почти 900 томов учебников и около 500 книг для чтения.

Согласно Уставу учебных заведений, подведомственных университетам 1804 г., в Кунгуре должно было появиться приходское училище, но открытие его затянулось до 1836 г. Дело в том, что приходские училища не финансировались из государственного бюджета, их открытие по всей России зависело от благотворительных пожертвований.

Основой Кунгурского приходского училища послужил приготовительный класс уездного училища.

В приходском училище обучались в основном мальчики из мещанских семей, и называлось оно мужским, но в 1850 г. при нем открывается женское отделение. В 1863 г. женское отделение преобразовывается в новое учебное заведение – Кунгурское двухклассное женское приходское училище.

Многие преподаватели училища подходили к делу творчески, создавали новаторские программы и курсы. Так, учитель И.А. Щелконогов составил свою «азбуку», соединив материал уроков с «взаимным обучением и повторением». Его пособие прошло апробацию в других училищах и по решению Казанского учебного округа в 1856 г. было издано тиражом 1600 экземпляров. Пособие поступило в качестве методического материала во все приходские училища Пермской губернии.

Во второй половине XIX в. население города увеличивается, потребность в начальном образовании возрастает и в Кунгуре открываются новые приходские училища. В 1899 г. здесь было уже 4 мужских и 3 женских приходских училища. Все они находились на содержании городского общества. В женских училищах большое внимание уделяли рукоделию: шитью, вышиванию, вязанию, плетению, лепке из глины.

ЦЕРКОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

По всей России в 1880-е гг. открываются церковно-приходские школы, что было вызвано ставкой правительства на резкое усиление влияния церкви в обществе. Для управления ими был создан Пермский епархиальный училищный совет с отделениями в уездных городах, в том числе в Кунгуре.

Церковно-приходские школы открывались и существовали на средства церковных попечительств и приходов. Стефановская школа находилась в ведении совета Братства св. Стефана Пермского. Монастырская школа существовала при Иоанно-Предтеченском женском монастыре, Алексеевская – в приходе Благовещенского собора, Успенская – при Успенском храме. Церковность охватывала всю учебную программу этих школ. Преподавались Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской литературы, письмо, начальная арифметика. Велись уроки рукоделия. Учебный год продолжался с 15 сентября по 20 мая.

Одновременно в Кунгуре действовало 8 приходских училищ (5 мужских, 3 женских) и 2 частных. Эти школы не регламентировались, не имели единой программы, учителями туда назначались просто достаточно грамотные люди.

Для детей из татарских семей в Кунгуре работала мусульманская школа. В 1915 г. было открыто русско-татарское училище.

Всего в городе церковным обучением было охвачено более 500 человек. Все изменилось в 1918 г., когда вышел декрет Совнаркома об отделении церкви от государства.

СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В России предусматривалась преемственность образования, то есть после приходского училища можно было поступать в уездное училище, затем в четырехклассное городское училище, женскую гимназию и в разные специальные учебные заведения. В Кунгуре такая преемственность успешно воплощалась. С 1870-х гг. начинает формироваться система среднего и специального образования, потребность в котором постоянно росла.

В 1884 г. открывается городское четырехклассное училище. Оно разместилось в здании уездного училища и в пожертвованных домах купцов, а в 1903/04 учебном году занимало уже специально построенное двухэтажное кирпичное здание на улице Киттарской (К. Маркса, 23) с 9 классными комнатами, залом, двумя коридо-

рами вдоль всего здания, комнатами для учителей, библиотеки, врача, инспектора, архива. В цокольном этаже оборудовались комнаты для служителей. К зданию училища примыкал обширный сад.

Содержалось училище за счет городской и уездной казны и пожертвований купцов. Кроме того, поступали средства от платы за обучение. Распоряжением Министерства народного просвещения от 14 июня 1914 г. училище было преобразовано в высшее начальное училище и отныне обеспечивалось из государственной казны. В 1915/16 учебном году на содержание училища ушло 15,8 тыс. руб.

Учебный процесс училища постоянно совершенствовался и обновлялся, в том числе за счет введения новых дисциплин. Так, в 1913 г. педагогам разрешили углубленно преподавать предметы по их усмотрению. Вводилось преподавание немецкого языка и бухгалтерии. Лучшие ученики получали стипендии земства и имени купцов города. Число учащихся к 1917 г. достигало 350 человек.

Кунгурская городская дума в 1870 г. выступила с инициативой открыть в городе женскую прогимназию. Начала она функционировать в 1874 г. на базе одного из женских приходских училищ на средства городской казны и пожертвования многих купцов.

В конце XIX в. женское образование в Кунгуре было на подъеме: постоянно росла численность учащихся, все больше становилось среди них представителей низших слоев общества. Обучались дети не только из Кунгура, но и из многих уездов Пермской губернии. Поэтому в 1902 г. прогимназия была преобразована в семиклассную гимназию. Скоро она стала действовать в составе восьми классов. В 1917 г. учениц здесь было уже около 500.

В 1908 г. приступили к разработке проекта нового здания для гимназии. Строительную комиссию возглавлял купец первой гильдии, председатель попечительского совета С.Л. Сартаков. Во всю мощь развернулись подготовительные работы: изыскивались средства, изготавливались кирпичи, закладывался фундамент, заготавливались дрова. Активно участвовало Министерство народного просвещения, выделив за три года 89,9 тыс. руб. Но события 1917 г. не позволили сбыться мечте кунгурских подвижников народного образования.

Развивалась гимназия в русле земско-общественной инициативы. В ней готовили учителей для начальных училищ. Девочки из бедных семей учились бесплатно (в 1908 г. таких насчитывалось более ста). В помещении гимназии часто давались спектакли и

концерты, устраивались благотворительные вечера, собиравшие большую городскую публику.

Педагогический коллектив гимназии был высокопрофессиональным. Начальница гимназии баронесса Е.В. Брюгген окончила Петербургскую женскую гимназию. Русский язык преподавала В.П. Удинцева, а математику – Н.А. Удюрминская (Обновленская), обе выпускницы Петербургских высших женских курсов. Выпускник Казанских художественных курсов Императорской академии художеств А.М. Русанов работал учителем графических искусств. Должность врача исполнял В.С. Печатальщикова, выпускник Казанского университета.

В 1916 г. в Кунгуре зарождается еще одно женское учебное заведение – высшее женское начальное училище. Оно было открыто по распоряжению Министерства народного просвещения. Министерство выделило средства для училища, немало их собрали и в городе. Но этого все равно было недостаточно, прежде всего из-за отсутствия собственного помещения. Высшее женское начальное училище не получило развития и в 1918 г. прекратило существование.

Первое реальное училище – мужское среднее учебное заведение – было открыто в Кунгуре 26 сентября 1908 г. на средства городской управы в составе первых четырех классов. Находилось оно в ведении Министерства народного просвещения. Размещалось училище в зданиях, которые предоставляли ему разные учебные заведения на арендных условиях. Городская дума выделяла средства на обучение мальчиков из бедных семей.

Реальное училище было школой для городских детей, социальный состав учащихся не ограничивался. В 1917 г. в училище обучался 201 человек. Основных классов было семь, но иногда открывался так называемый приготовительный класс, чтобы подготовить детей к поступлению в училище.

Учебный план реального училища включал Закон Божий, русский и иностранные языки, математику, географию, историю, естественную историю, физику, механику, чистописание, рисование, черчение, пение.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Развивающийся город давно нуждался в подготовке профессионально грамотных специалистов.

Инициативу в этом направлении проявил почетный гражданин

Кунгура, купец первой гильдии А.С. Губкин. В 1877 г. он открыл первое профессиональное училище в доме, специально им выстроенном в нижней части города, недалеко от р. Сылвы, на улице Кожевенной (Просвещения, 9).

Вскоре училище разместилось в большом комплексе зданий. Главное двухэтажное здание было площадью 446 кв. сажен, правый двухэтажный флигель, предназначенный для мастерских, – 193 кв. сажени, левый двухэтажный флигель, используемый под квартиры, – 97 кв. сажен. В отдельных зданиях находились погреба, баня. Еще в одном отдельно стоящем здании хранились газовые приборы. В корпусе, примыкавшем к правому флигелю, были установлены паровые машины и паровые котлы. Здесь же находились химическая лаборатория, литейный цех, кузница. Во все здания подавалась вода по трубам из водокачки, установленной на берегу р. Сылвы. Помещения обогревались духовыми голландскими печами.

Появление в Кунгуре специализированного учебного заведения горячо поддержали Министерство финансов, Санкт-Петербургский и Московский технологические институты, Пермское губернское правление, многие ученые и именитые люди из разных городов Урала.

Согласно Уставу, училище именовалось «Кунгурское техническое, Губкина училище». В 1883 г. оно было принято под покровительство государя императора Александра III. Находилось оно в ведении Министерства финансов, затем Министерства народного просвещения. Устав допускал обучение 300 человек, причем 40 человек из бедных семей, 80 – «приходящих» с платой 50 руб. в год, 180 человекам предоставлялась возможность жить в училище и платить по 230 руб. в год.

Сначала училище состояло из шести классов, но в 1883 г. оно было преобразовано в четырехклассное. Поступать туда имели право юноши с первоначальным образованием в объеме не менее четырехклассных городских училищ и не моложе 14 лет. Первый выпуск состоялся в 1884 г., окончили полный курс 88 человек.

Интерес представляет география мест, откуда прибывали ученики. Так, на 1 января 1895 г. обучалось 125 учащихся, из них из Пермской губернии было 56 человек, Оренбургской – 16, Казанской – 13, Вятской – 10, Уфимской – 7, Ярославской – 6, Тобольской – 5, Вологодской – 4, Костромской – 3, Бессарабской – 3, по

* Екатеринбургская не- одному ученику было из Московской и Сыр-Дарьинской губерний*.
деля. – 1895.– № 17.

Училище имело собственные мастерские с паровыми машинами, кузнечными горнами, слесарными, сверлильными, токарными станками, а также лаборатории с приборами и разными механизмами. Часть машин была завезена из Англии и Германии. Все помещения, как главного здания, так и мастерских, отапливались голландскими дугowymi печами, имели водопровод и вентиляционные каналы. Главное здание, в котором размещались учебные классы, спальня и больничные комнаты, столовая, кухня, механические мастерские, освещалось газовыми рожками, но позднее появилось электрическое освещение.

Училище работало по программе, приближенной к программе Московского Императорского технического училища. В нем преподавали дисциплины как общей, так и специальной направленности: алгебру, тригонометрию, черчение геометрическое и проекционное, черчение и рисование техническое, технологию, счетоводство. По избранной специальности ученики осваивали машины и их оборудование, занимались в литейной мастерской. Практику они проходили на различных заводах Прикамья*.

Обязательными предметами были русский язык и литература. В конце учебного года учащиеся выполняли письменные работы. Так, в 1892 г. в первом классе предлагалось сделать переложение статьи С. Соловьева «Древняя Москва», во втором – написать рассказ на тему «Поездка на каникулы», а в третьем – на тему «Дерево и его значение в природе». В четвертом классе учащиеся характеризовали Гринева-сына из повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»**.

В учебных мастерских изготавливались токарные и сверлильные станки, ручные и столовые тиски, гаечные ключи и замки, сенокосилки, молотилки и веялки, винтовые и колесные дрели, а также кругло- и плоскогубцы, лобзики, ножи для колки сахара, пепельницы, спичечницы, сапожные клещи. От этой продукции училище получало существенный доход, в среднем ежегодно от 2 до 3 тыс. руб.

Лучших учащихся поощряли стипендиями. Так, в начале 1890-х гг. постоянными стипендиями были: Государя Императора – 15, графа Игнатьева – 1, Трапезникова – 1, Андреевского – 1, по Уставу училища – 1, почетного попечителя – 1, Кунгурской городской управы – 1, Костромского губернского земства – 1, Алапаевского завода – 2, Сысертского завода – 2***.

* Домославский Д. Кунгурское техническое училище и результаты его деятельности // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 50.

** Сивков П. Кунгурское техническое училище по отчету за 1892 г. // Екатеринбургская неделя. – 1893. – № 35.

*** Там же.

Учащиеся участвовали в различных выставках. Так, на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 г. в Екатеринбурге они получили большую серебряную медаль за молотилку и малую серебряную за чертежные работы.

Педагогический коллектив училища формировался из инженеров и служащих с общеобразовательной и технической подготовкой. В нем 25 лет работал воспитателем, инспектором, с 1902 по 1907 г. директором Ф.Ф. Скурский. Когда в 1894–1895 гг. вводился курс электротехники и не было готовых учебников, Ф.Ф. Скурский написал учебник «Курс электротехники», который впоследствии дополнил и в двухтомном варианте издал под названием «Краткий курс электротехники». Оба учебника по рекомендации Министерства народного просвещения использовались в учебных заведениях России.

Училище выпускало специалистов по многим специальностям: механик и мастер механического завода, мастер пароходостроения и эксплуатации пароходов, мастер железнодорожных мастерских, помощник и смотритель железнодорожных заводов, машинист и помощник на железных дорогах и пароходах, техник по строительству железных дорог, учитель ремесленных школ, заведующий электростанцией и др. К 1914 г. было подготовлено 643 специалиста. Большая часть выпускников направлялась на заводы, электростанции, в железнодорожные мастерские. Отдельные выпускники руководили земскими ремесленными мастерскими, преподавали в училищах.

А.С. Губкин не увидел полного расцвета своего училища. В 1882 г. он переехал в Москву, где и умер год спустя. После него почетным попечителем училища стал его внук А.Г. Кузнецов. Следующим попечителем в 1895 г. стал Г.К. Ушков, правнук А.С. Губкина. Попечители перечисляли средства на укрепление материальной базы училища и содержание педагогического и вспомогательного персонала.

В 1918 г. Кунгурское техническое, Губкина училище стало базой для создания механического техникума.

Составной частью профессионального образования Кунгура явилась Елизаветинская женская рукодельная школа. Ее зарождение было связано с детским приютом, который в 1874 г. открыл при Иоанно-Предтеченском женском монастыре все тот же известный благотворитель А.С. Губкин. На это его подвигла смерть дочери Елизаветы, память о ней он решил оставить в названии и назначении приюта.

Здание Елизаветинской женской рукодельной школы. Фото 2007 г.

Принимались в приют девочки с 7 лет. Они обучались рукоделию одновременно с прохождением программы приходского училища. По распоряжению Министерства народного просвещения в 1883 г. приют преобразуется в Елизаветинскую женскую рукодельную школу. Трехэтажное здание для школы на улице Успенской (Ленина, 79) строил А.С. Губкин. Оно отапливалось «гретой водой», имело газовое освещение, водопровод, рядом размещались сад и огород. В здании находились квартиры для учителей. Школа имела дачу, построенную попечителем А.Г. Кузнецовым, продолжателем дела А.С. Губкина. Летом ученицы жили на даче.

В Елизаветинскую женскую рукодельную школу принимались дети преимущественно из семей мещанского сословия. Учебная программа включала рукоделие, домашнее хозяйство, заготовку материала и шитье обуви, а также предметы, которые проходились в трехклассных женских прогимназиях. Обучение длилось пять лет. По окончании пятого класса ученицы привлекались к выполнению заказных работ «белешвейной» и «модной» мастерских. Каждая ученица имела книжку для учета заработанных денег, которые выдавались ей при выходе из училища.

Выпускницам, прошедшим испытание по избранной специальности, вручались аттестаты. Особо отличившиеся по успеваемости получали звание «ученой мастерицы». После полутора лет работы помощниками учителей в начальном училище они получали звание «первоначальных и народных учительниц». Способные выпускницы имели возможность остаться в школе и продолжить совершенствовать свое мастерство.

Все ученицы были заняты и в сфере обслуживания школы. Они дежурили на кухне и в столовой, убирали помещения, чинили белье и одежду, работали в саду и на ферме. Девушки готовили себе приданое (шубы, пальто, белье, обувь), а некоторые заводили и швейные машины. Очень ценились девушки, владевшие чеботарным мастерством, так как они помогали мужьям делать заготовки для красивой обуви.

В печати особо отмечалось, что школа «спасла от нищеты, болезни, преждевременной смерти сотни молодых людей»*.

* Сивков П. Женский приют в Кунгуре // Екатеринбургская неделя. – 1893. – № 42.

После 1918 г. в здании Елизаветинской женской рукодельной школы перебивали детский дом, клуб кожевников, художественные мастерские и художественный техникум. В 1926 г. в нем открывается педагогический техникум. В наше время здесь размещается педагогический колледж.

Образовательным учреждением, сочетающим программу начального училища и профессионального обучения, являлся Михайло-Антонино-Кирилловский сиропитательный дом на 50 детей. Основал и содержал его почетный гражданин г. Кунгура, купец первой гильдии М.И. Грибушин.

Начало сиропитательному дому было положено в 1866 г. Он открывался с целью «призрения и религиозно-нравственного воспитания бедных детей-мальчиков, преимущественно сирот из среды местных жителей». Здание сиропитательного дома-приюта выстроено в 1891 г. по проекту архитектора Р.И. Карвовского на улице Предтеченской (Свободы, 116). В 1895 г., уже после смерти М.И. Грибушина и переезда воспитанников в собственное здание, сиропитательный дом был передан в подчинение Министерства народного просвещения.

Ремесленное обучение шло в двух мастерских – столярной и сапожной. Сапожная мастерская располагалась в главном здании, а столярная – в специально построенном доме. В них выполнялись заказы по изготовлению мебели, дверей, рам для окон и картин, мольбертов, верстаков, парт, по шитью детской и взрослой обуви.

В ведении сиропитательного дома имела домовая Михайло-Архангельская церковь. Из числа воспитанников создавался церковный хор. В этом хоре был замечен талант Степана Важенцева. Его пригласили петь в церковные хоры Уфы и Казани. В Казанском кафедральном соборе на пение талантливого юноши обратил внимание кардинал из Рима и предложил ему уехать в Италию. По

окончании итальянской консерватории Степан много лет пел в оперном театре г. Неаполя. В музыкальном мире он получил известность под именем Стефани. В самостоятельном произведении, которое он часто исполнял в театре, звучали слова: «В туманной юности бельканто мой пленил Неаполь и прославил, я для Италии, страны чужой, Россию милую оставил». Степан Важенцев (1882–1954) участвовал в Первой мировой войне. Приглашался на гастроли в США. В Париже преподавал и служил регентом в церковном хоре. Участвовал во французском Сопротивлении в годы Второй мировой войны. Похоронен в Париже*.

* Шардин А.П. Гавот Стефани // Искра (Кунгур). – 1992. – № 80.

При сиропитательном доме успешно действовал духовой оркестр. Музыканты одевались в форменные суконные костюмы. Оркестр выступал на всех городских праздниках и общественных концертах.

После смерти М.И. Грибушина сиропитательный дом продолжал развиваться под неусыпной заботой его наследников: супруги Антонины Ивановны, сыновей Сергея, Михаила, Николая и дочери Анны. Они поочередно являлись почетными зрителями, выделяли капиталы на содержание дома, приобретали новое оборудование и музыкальные инструменты, заботились о техническом оснащении, учили одаренных детей в четырехклассном городском училище и техническом, Губкина училище.

Наследники М.И. Грибушина успешно сохраняли воспитательный и профессионально-технический характер учебного заведения. В 1916 г. они ходатайствовали о преобразовании сиропитательного дома в ремесленную школу и о присвоении ей имени М.И. Грибушина. Но решение этого вопроса затянулось.

В склепе под церковью сиропитательного дома в 1889 г. был похоронен основатель уникального учебного заведения М.И. Грибушин**. Позднее здесь же нашли последний покой его супруга и три сына.

** Екатеринбургская неделя. – 1889. – № 47.

В 1918 г. Михайло-Антонино-Кирилловский сиропитательный дом преобразовали в Кунгурский детский дом социальной помощи, а ремесленное отделение – в ремесленные классы. В наше время в здании размещается общеобразовательная школа № 2. Церковь не восстановлена, а помещение склепа, насколько было возможно после его разрушения, превращено в мемориальный комплекс рода Грибушиных.

С целью профессионального обучения действовали в Кунгуре частные школы Л.П. Удинцевой и Т.В. Агеевой.

В школе-приюте Л.П. Удинцевой, основанной в 1895 г., обучались до 30 девочек из бедных семей. Учредительница, движимая исключительно любовью к делу, обратилась за помощью в «высшие сферы». Откликнулись о. Иоанн Кронштадский (Сергиев), бывший министр народного просвещения Деляков, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и др.

Размещалась школа-приют в собственном двухэтажном доме с мезонином. Она содержалась на средства Л.П. Удинцевой и выделяемые из бюджета города и уездной земской управы. Кроме того, ей постоянно оказывали помощь благотворители.

По программе, одобренной в Министерстве народного просвещения, девочки обучались садоводческому и молочному хозяйствам, кулинарному искусству, ткачеству, шитью, вязанию. Знания получали в объеме начальной школы, но некоторые воспитанницы одновременно учились в женском училище.

Отзывы о школе-приюте Л.П. Удинцевой были только положительные. Инспектор Оренбургского учебного округа заявлял: «...здесь есть все, и ожидать чего-либо большего трудно». Известна и такая оценка:

* *Пермские губернские ведомости.* – 1900. – № 190.

«Этот приют – одно из тех самых филантропических учреждений, которых так мало у нас»*.

Одноклассное училище, открытое Т.В. Агеевой, действовало в 1902–1910 гг. В нем учились дети, родители которых работали на кожевенных заводах. Т.В. Агеева была дочерью купца первой гильдии В.Е. Фоминского, владевшего в Кунгуре самым крупным кожевенным заводом. Она закончила с золотой медалью пермскую Мариинскую гимназию, была слушательницей Высших женских курсов в Санкт-Петербурге. Училище размещалось в собственном доме Т.В. Агеевой и содержалось на средства, которые она выручила от продажи кожевенного завода.

Успешному развитию образования в Кунгуре, как видно из всего предыдущего повествования, способствовали благотворители, среди которых наиболее существенным был вклад почетных граждан города А.С. Губкина, М.И. Грибушина и их наследников. Но его развитию способствовало также открытое в 1888 г. Общество пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и Кунгурском уезде. Оно открылось с целью оказания материальной помощи учащимся, но вскоре занялось закупкой книг и пособий для учебных заведений.

В кассу общества поступали средства от попечителей, купцов, земства, нередко довольно значительные. В 1903 г., перейдя в ведение Министерства народного просвещения, общество занялось еще и широкой просветительской деятельностью, в частности постановкой спектаклей, проведением публичных чтений, литературных вечеров, лотерей, от которых набирались собственные средства.

При участии общества в 1910 г. начала работать летняя детская площадка. По вечерам здесь собиралось до сотни детей, которые играли и занимались гимнастикой. Руководила площадкой слушательница Санкт-Петербургских Фребелевских курсов* Е.И. Плетнева. Зимой общество открывало каток и ледяные горки, привлекая для этого учебные заведения.

* Фребелевские курсы (по имени немецкого педагога Ф. Фребеля) – педагогические заведения в ряде городов России (1872–1917) для подготовки воспитательниц детей дошкольного возраста в семьях и детских садах.

По инициативе общества в 1907 г. в Кунгуре появился педагогический музей. На его содержание поступали пожертвования от частных лиц и земства.

Чтобы повысить профессиональное мастерство учителей, в Кунгуре систематически организовывались педагогические курсы и съезды учителей. Любимой формой развлечения учителей являлись литературно-музыкальные вечера**.

** Екатеринбургская неделя.–1891. – № 36.

В рядах общества состояло около 300 человек. Отчеты о его деятельности публиковались ежегодно, и сегодня они являются замечательным источником познания многогранной жизни подвижников народного образования в Кунгуре.

*«...дать возможность
грамотному человеку пользоваться
литературно-художественным
и научно-популярным материалом»*

БИБЛИОТЕКИ

Большой вклад в развитие образования и культуры населения Кунгура вносили библиотеки. Старейшими из них были две: при уездном училище (ее формирование началось с момента открытия училища в 1816 г.) и городская общественная библиотека, открытая 16 апреля

Автограф в книге К.Т. Хлебникова
из собрания Кунгурского музея

1840 г. на пожертвования и по завещанию
К.Т. Хлебникова.

К.Т. Хлебников (1784–1838) – уроженец
г. Кунгура. Дом, в котором он провел дет-
ство и юность, находится в центре горо-
да, на улице Киттарской (К. Маркса, 11).
С 1800 г. К.Т. Хлебников работал в Россий-
ско-Американской компании в Иркутске,
Охотске, на Камчатке. Впоследствии 16 лет
служил управляющим главной конторой

компании в Ново-Архангельске – столице Русской Америки. Сыграл
большую роль в освоении Аляски и многих других русских владений
на американском континенте. В 1833 г. Хлебников возвратился в Рос-
сию. В Санкт-Петербурге он служил правителем дел Российско-Аме-
риканской компании, в 1835 г. стал ее директором. К.Т. Хлебников
посетил многие страны мира, собрал для Петербургской академии наук
уникальные этнографические и зоологические коллекции, опублико-
вал ряд научных трудов. Родному городу завещал свою библиотеку,
архив и денежные средства на открытие приюта для детей-сирот.

В духовном завещании К.Т. Хлебников писал:

«Русские и иностранные книги, по каталогу, как наличные, так и подписанные
по билетам, карты, картины, трубу зрительную и микроскопы прошу переслать
к Кунгурскому градскому главе для основания публичной библиотеки... Я на-
деюсь, что Кунгурское градское общество не будет невнимательно к желанию
моему способствовать образованию нового поколения моих сограждан и на-
значить для хранения книг особую комнату и, поручив под
надзор честному человеку, будет стараться о умножении и
содержании в порядке библиотеки»*.

* *Екатеринбургская не-
деля. – 1894. – № 45.*

Уникальное собрание К.Т. Хлебникова не сразу получило достой-
ную оценку. Сначала его поместили в архиве Кунгурского градско-
го общества, но в 1840 г., как уже отмечено, на основе этого за-
мечательного наследия открывается библиотека, которая с самого
начала называлась Хлебниковской. Впоследствии она приобрела
официальное название «Кунгурская городская общественная, Хлеб-
никовская, библиотека».

Городская дума назначала библиотекаря и попечителя библио-
теки. Последних стремились подобрать из среды купцов, чтобы они
оказывали библиотеке материальную помощь. Каких-либо привиле-
гий эта должность не давала, поэтому попечители часто сменялись.
Но есть примеры длительной заботы о библиотеке. Например, по-
томственный почетный гражданин Кунгура Н.И. Ковалев исполнял

обязанности попечителя более десяти лет. Находясь на этой должности, немало средств жертвовали М.И. Грибушин, П.А. Тупицын, В.А. Юхнев. К.И. Хлебников, также один из попечителей, способствовал подготовке и изданию каталога библиотеки в 1878 г.

В начале XX в. в Хлебниковской библиотеке насчитывалось более 10 тыс. изданий. Многие книги были пожертвованы из личных собраний кунгурских купцов.

Известно, что эта библиотека являлась средоточием и древних исторических предметов, обнаруженных в кунгурской земле. Так, местный любитель старины Е.Н. Косвинцев вспоминал, как ему в 1896 г. удалось увидеть там сасанидский серебряный сосуд, который вскоре «был вытребован в Эрмитаж»*.

В середине XIX – начале XX в. библиотеки возникают во всех учебных заведениях. Четырехклассное городское училище получило возможность открыть даже две – фундаментальную и ученическую. Литература технического профиля концентрировалась в библиотеке Кунгурского технического, Губкина училища.

В 1902 г. приступило к созданию публичной библиотеки Общество пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и Кунгурском уезде. Впоследствии она была названа Некрасовской в честь писателя Н.А. Некрасова. В 1914 г. в ней насчитывалось 2,6 тыс. изданий.

В православных храмах сохранялись и активно использовались книги не только для богослужения, но и для чтения. Приходская община следила за хранением и использованием книг. По ее решению выделялись средства на приобретение новых изданий. Богатейшим собранием книг обладала община Иоанно-Предтеченского монастыря и Благовещенского собора.

Во всех библиотеках Кунгура в 1916 г. насчитывалось до 17 тыс. книг и журналов. Значительная часть книжного фонда состояла из пожертвованных изданий. Газета «Пермские губернские ведомости» за 1916 г. извещала:

«Население очень сочувственно относится к библиотекам, и число читателей увеличивается с каждым днем».

После 1917 г. библиотеки в учебных заведениях были закрыты. В 1918 г. действовала только Хлебниковская библиотека, то есть та, которая создавалась в 1840 г.

* Косвинцев Е.Н. К истории кунгурской археологии // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1926. – Вып. II. – С. 181.

«В Кунгуре были благоприятные возможности для музеев»

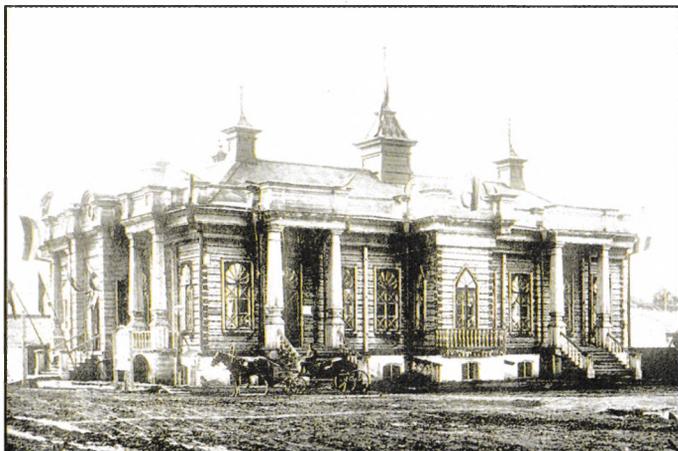
МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Как уже отмечалось, в 1907 г. Обществом пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и Кунгурском уезде был открыт педагогический музей. Экспонаты учебного профиля приобретались для него в Санкт-Петербургском передвижном музее. Существенно пополнялось собрание музея за счет даров земляков. Много усилий для его становления приложили Т.В. Агеева, Ф.И. Предтеченский, И.Н. Баранов и др. Т.В. Агеева преподнесла уникальную минералогическую коллекцию, состоящую из 325 камней, а Ф.И. Турицын – гербарий из 400 образцов растений.

Т.В. Агеева (1880–1918)

За первые четыре месяца работы музей посетило почти 300 человек. Музей снабжал учебные заведения книгами, пособиями и приборами, а через свои экспозиции

Здание пчеловодного музея. Начало XX в. (Не сохранилось)

знакомил учащихся с полезными ископаемыми, растительным и животным миром края. В 1916 г. пособиями музея пользовались почти 30 учебных заведений не только города, но и уезда.

В здании Кунгурской городской управы 19 февраля 1911 г. открылся городской музей имени К.Т. Хлебникова. Церемония открытия проходила торжественно, при многочисленном стечении жителей города. Открытие было приурочено к празднованию 50-летия отмены крепостного права в России.

Однако начиналось создание музея по решению городской думы в 1909 г. В музейный фонд вошли мемориальные вещи К.Т. Хлебникова, нумизматическая коллекция владельца Кунгурской типографии и книжного магазина М.Ф. Летунова. По решению городской думы М.Ф. Летунов стал первым «почетным попечителем городского музея пожизненно».

Развивался музей под руководством специального комитета, назначенного городской думой. В его составе были люди разных профессий и занятий, например инженер путей сообщений А.Г. Агеев и его жена, известная кунгурская благотворительница Т.В. Агеева. В 1915–1916 гг. возглавлял работу комитета городской голова В.А. Накаряков.

Действовали в Кунгуре еще два музея – пчеловодный и кустарный при уездной земской управе (он еще назывался сельскохозяйственным). Пчеловодный музей был основан в 1896 г. Кунгурским обществом пчеловодов, он «считался лучшим из всех пчеловодных музеев Урала». Музей и Общество пчеловодов распространяли знания рациональных методов ведения пчеловодства, организовывали выставки, издавали журнал.

Для пчеловодного музея в 1900 г. было построено специальное здание. В большой комнате читались лекции, на ее стенах висело много наглядных рисунков. В других комнатах экспонировались все необходимые пасечные приборы.

При музее была большая пасека «с посаженными различными травами, с которых мед бывает особенно обилен и вкусен». Здесь же неотлучно жил сторож, который хорошо знал пчеловодство. Когда отсутствовали сотрудники музея, он объяснял посетителям, как нужно устроить пасеки, улья, какие травы разводить и как ухаживать за пчелами. «В каждый торговый день, – пишет очевидец, – крестьяне, продавши свой товар, целыми толпами отправляются в музей, долго там остаются, выслушивают внимательно объяснения»*.

* Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 146.

Кунгурское общество пчеловодов имело склад предметов по пчеловодству. Им пользовались пчеловоды всех уездов Пермской губернии, а также Тобольской и Уфимской губерний*.

* *Пермские губернские ведомости.* – 1900. – № 229.

После 1917 г. все музеи Кунгура были объединены в один городской музей широкого профиля. Но первые советские годы стали не лучшими для его существования: музей не имеет постоянных помещений и достаточного числа сотрудников, наиболее ценные коллекции увозятся в Москву, Екатеринбург, хранятся по частным квартирам.

*«...бывали в нем
из-за любопытства»*

КИНЕМАТОГРАФ

Здание кинематографа «Звездочка». Начало XX в. (Не сохранилось)

В 1913 г. в Кунгуре открылись кинематографы «Олимп» и «Люкс». Кинотеатр, где показывали картины, назывался «Звездочка». Эта новинка привлекла внимание жителей города, особенно представителей деловых кругов и лиц, окончивших училища и гимназию. Но центром культурного досуга кинематограф в то время еще не стал. Сюда приходили из любопытства и ограничивались одним или двумя посещениями. Как отмечалось в печати, «билеты стоили дорого, и картины были примитивными».

*«Летопись – это последняя ступень,
ведущая к познанию мира»*

ЛЕТОПИСИ И ЛЕТОПИСЦЫ

В любом обществе появление летописей является показателем потребности в осмыслении истории. Их авторов интересует связь прошлого с настоящим. Они стремятся найти черты сходства между тем, что было, и тем, что стало.

Известно, что своих летописцев имел и Кунгур. Но не все их летописные повести сохранились. Расскажем о тех, которые стали достоянием нашего времени благодаря тому, что были опубликованы.

Известный летописец и картограф С.У. Ремезов откликнулся в 1696 г. на предложение Сибирского приказа составить чертежи уездов («городовые» чертежи) и одновременно провести исторические и этнографические изыскания. Завершив подготовку атласа Сибири, получившего позднее название «Чертежная книга», он с сыном Леонтием в 1703 г. прибыл из г. Тобольска в г. Кунгур. Город и его округа интересовали правительство в связи с развертыванием заводского строительства на Урале.

Кунгурский период деятельности С.У. Ремезова был успешным. В течение двух месяцев ученый объехал уезд, изучил переписные книги, изготовил чертежи и описания к ним: «Чертеж города Кунгура и посадов», «Чертеж земли Кунгурского города», «Дело Кунгурскому городу и уезду чертежа» (о значении чертежа Кунгура 1703 г. см. в первой части книги).

Важнейшим творческим результатом стала «Летопись Сибирская краткая Кунгурская», переписанная, переработанная и проиллюстрированная С.У. Ремезовым. Рукопись летописи приобрел в 1744 г. в г. Тобольске исследователь Сибири Г.Ф. Миллер и доставил в г. Санкт-Петербург в Академию наук.

Уникальное летописное сочинение, проиллюстрированное 154 рисунками (статьями), в 1880 г. было полностью издано Археографической комиссией под названием «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)». Подлинные экземпляры летописи и чертежей хранятся в эрмитажном собрании отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Летопись С.У. Ремезова содержит историко-поэтическое повество-

вание о походе дружины Ермака в Сибирь, представляющее, по заключению археографов, «сложный сплав традиций летописного жанра, воинской повести, житийной литературы, вобравшее в себя многочисленные фольклорные сюжеты»*. Реальные исторические события, запечатленные в тексте, сопровождаются рисунками. Таким

* *Тобольский биографический словарь. – Екатеринбург, 2004. – С. 414.*

образом, летопись создает письменную и изобразительную историю похода дружины Ермака в Сибирь.

К числу фактов, имеющих отношение к Кунгуру,

летописцем отнесено пребывание Ермака на Сылве-реке, поскольку дружинники «обмишенились, не попали по Чусовой в Сибирь». Им пришлось строить городище с часовней, зимовать в нем и только на следующий год продолжить путь в Сибирь. Сюжет этот не вымышленный, так как дей-

ствительно на правом берегу Сылвы, на Ледяной горе существует городище с земляными валами, и оно не только в летописи, но и в устной и письменной истории Кунгура называется Ермаковым. О том, как события, связанные с Ермаком, запечатлелись в устной памяти кунгуряков, мы расскажем ниже (см. главу «Устная культура»).

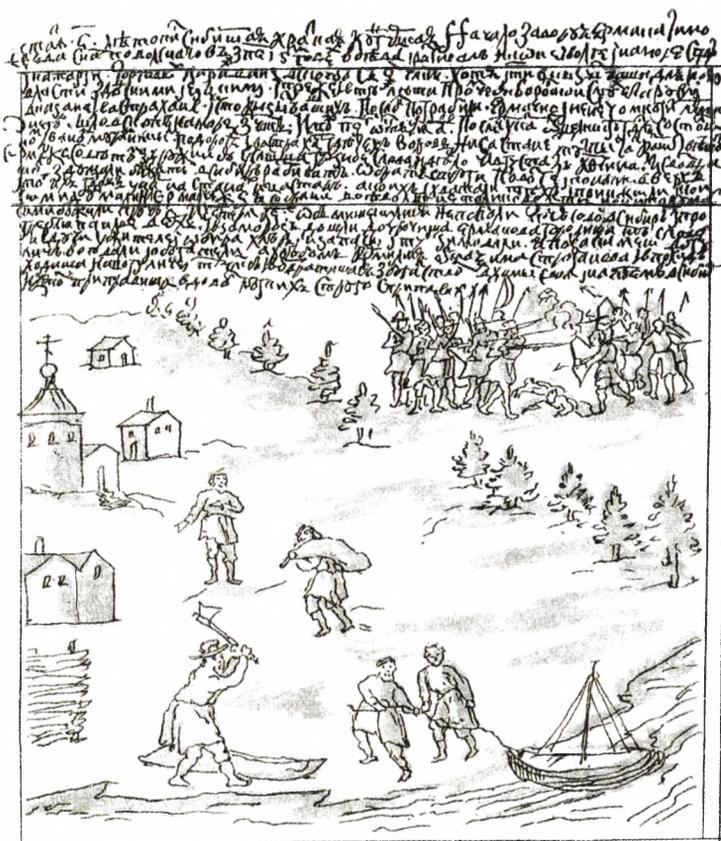
Титульный лист издания «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)». 1880 г.

СТАТЬЯ 5 «КРАТКОЙ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСИ (КУНГУРСКОЙ)»

О ПРЕБЫВАНИИ ДРУЖИНЫ ЕРМАКА НА Р. СЫЛВЕ.

ПЕРЕВОД ТЕКСТА НАД РИСУНКОМ

«Начало заворуя Ермака Тимофеевича сына Поволскаго. В 7085 и 6 годах (1577 и 1578 гг. – Авт.), воевал и разбивал на Оке и Волге и на море суды и катарги торговых караванов в скопе с 5000 человек, хотя идти в Кизылбаши для своей власти с донскими и яйцкими. И преже в тех летах промчесь воровской слух его в Руси, в Казане и в Астрахане, и что кизылбашских послов пограбили Ермачко именем со многими людьми. У него ж было в скопе на море 7000 человек. И того ж 85 году (1577. – Авт.), октября 1 дня послан указ от вели-

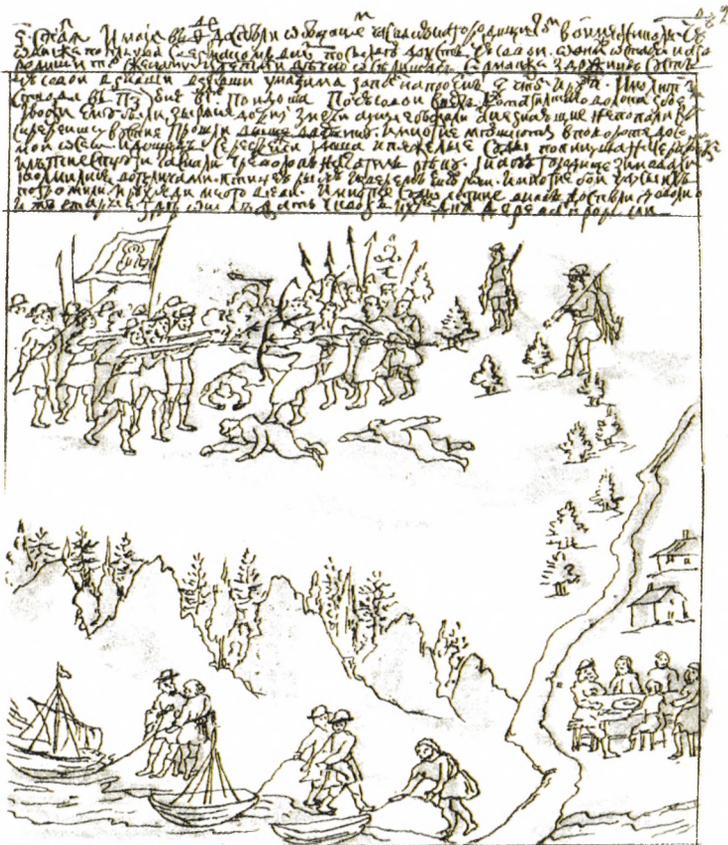

кого государя со столником Иваном Мурашкиным по дороге в Астрахань, где тех воров ни застанет, тут пытать, казнить и вешать.

Ермак же советом с дружиною, услыша грозное слово и дело, августа с 29 числа, и с возвратом здумали бежать в Сибирь разбивать, обратя струги по Волге и по Каме вверх. И тот их государев указ на станах не застал; а коих схватили, тех и приказнили, и кои с ними думали на Ермака же, то собрание воеводы не толико взятии, но ни подумать, сами бежали прочь.

И сентября 26 день обмишенилися (перепутали. – Авт.), не попали по Чусовой в Сибирь, и прогребли по Сылве вверх, и в замороз дошли до урочища, Ермакова городища ныне словет. И идучи, у жителей обирали хлеба и запасы и тут зимовали и по-за камни вогулич воевали и обогатели. А хлебом кормилися от Максима Строганова; и в поход ходиша на вогуличей 300 человек, возвратишася с богатством в дома своя и на подъем в Сибирь, и к тому приправиша вдоволь легких стругов с припасы».

СТАТЬЯ 6 «КРАТКОЙ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСИ (КУНГУРСКОЙ)»
О ПОСТРОЙКЕ ЕРМАКОМ ЧАСОВНИ НА СЫЛВЕ НА ЕРМАКОВОМ ГОРОДИЩЕ.

ПЕРЕВОД ТЕКСТА НАД РИСУНКОМ

«И мая в 9 день доспели обещанием часовню на городищи том, во имя Николы чудотворца. Овии же поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чюсовой; овии же, остався на городищи том с женами и с детьми вечно оселившася. Ермак же с дружиною с усть Чюсовой, взявши у Максима запас на проем 5000 человек, и ружье, и молитствова, в 87 (1579 г. – Авт.), июня 12 день, поидоша по Чюсовой вверх до Тагилскаго волока с боем, и вожи ему были зыряне добрии змерли, а иные бежали, а незнающие не попали в Серебренку в устие, прошли выше в вершину и многие мешкоты в повороте до самой осени.

И дошед Серебренки, идоша и тяжелые суды покинуша на Серебренке, и легкие струги таскали чрез волок на Тагил реку, и на Бую городище зимовали и кормилися вогуличами, птицею, рыбою, и зверем, яко ж и они и многие бо и улусы их погромили и рухледи много взяли и многие суды легкие вновь доспели довольно; и те старые, где они лежат, сквозь их дна дерева проросли!».

В конце XVIII – первой половине XIX в. летописанием занимались купцы Пиликины – Григорий Иванович (1775 г. р.) и его сын Дмитрий Григорьевич, – выходцы из старинного рода, владевшего в городе кожевенными, канатными, лесопильными и мукомольными заводами, а также «коллекцией оружия времени похода Ермака в Сибирь»*.

В доме Пиликиных побывал известный историк Урала А.А. Дмитриев и услышал такую характеристику родоначальнику летописания Григорию Ивановичу:

«Он любил слушать рассказы о былых временах, прибирать старые вещи, читать бумажное старье. Все местные архивы были ему доступны, и он доискался в них до самых старинных актов, повествующих о начале родного города»**.

Окончательный вид летописи Г.И. Пиликин оформил в 1802 г., назвав ее «Историческим описанием г. Кунгура». Григорий Иванович начал хронику событий с основания города в 1648 г. Продолжателем летописания Дмитрий Григорьевич довел историю города до 1874 г. Он включил в нее имена 28 городских голов – с 1781 по 1874 г. А.А. Дмитриев опубликовал летопись Пиликиных в полном виде дважды: в «Пермских губернских ведомостях» (1887. – № 13–17) и отдельной книгой. Были и другие, не совсем полные издания летописи.

Не стоит преувеличивать значение летописи Пиликиных, но сам факт появления ее весьма значителен. Летописцы не ведут изысканий истории Кунгура и далеки от научного понимания существа примеров. Но они осознают очень важное положение: факты и имена – свидетельство исторического прошлого, источник познания родного края. Особенно привлекает летопись Пиликиных достоверностью примеров, доступной всеобщему обозрению.

Летописным памятником может рассматриваться книга «Кунгур: материалы для истории города XVII и XVIII столетий», изданная в Москве в 1886 г. Она важна в том отношении, что наполнена текстами переписных книг XVII–XVIII вв., извлеченных из московских архивов. Эти документы предназначались, конечно, не для широкой публики, а для «чисто ведомственного употребления». В них были вписаны имена жителей города с указанием возраста и занятий, сведения об «использованных землях и лесах», названы плательщики по «росписи взимаемым окладным*** и неокладным*** сборам».

Исторический взгляд составителей книги выра-

* Елтышева Л.Ю. *Купцы Пиликины // Гривушинские чтения – 2005: ист.-культ. и природное наследие как фактор развития территории. – Кунгур, 2006. – С. 49.*

** Дмитриев А.А. *Предисловие: Кунгурская летопись Пиликиных // Пермские губернские ведомости. – 1887. – № 13.*

*** Окладные сборы – твердая норма внесения налога. Неокладные – то есть что удастся с кого взять.

зился в понимании ими документов прошлого как потенциального источника для тех, кто пожелает познать раннюю историю города. Но в то же время ими руководила, видимо, собственная любознательность, приближающаяся к научному интересу. Примечательно, как отмечено в предисловии книги, что она публиковалась на средства кунгурского потомственного почетного гражданина (одновременно московского первой гильдии купца) Александра Григорьевича Кузнецова, «род которого виден из помещаемых документов в непрерывной последовательности с XVII столетия». Кстати, А.Г. Кузнецов способствовал изданию еще одного сборника документов, хранящихся в архиве Императорской археографической комиссии, – книги «Кунгурские акты XVII века (1668–1699 гг.)» (СПб., 1888).

В последующее время, вплоть до наших дней, подобных документальных изданий по истории Кунгура не появилось.

*«Праздничная жизнь
составляет особую главу города»*

ПРАЗДНИКИ, УВЕСЕЛЕНИЯ, ДОСУГ

Празднично-досуговая культура жителей Кунгура содержала два пласта: первый – традиционные праздники и обряды календарного круга; второй – развлекательный и досуговый. Праздники и обряды не затевались сами по себе, а были строго приурочены к церковному месяцеслову. Религиозным сознанием людей они воспринимались как время приобщения к сакральным ценностям и внутреннего единения друг с другом. Такое осознание праздников закреплялось в целом ряде ритуалов, которые усваивал человек к зрелому возрасту.

КАЛЕНДАРНЫЙ ЦИКЛ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ

Годовой празднично-обрядовый круг открывался Рождеством. К нему готовились заранее. В домах проводили генеральную уборку, готовили ряд традиционных блюд и непременно *сочиво* – суп из зерна, лапши, сухофруктов, а иногда из семян конопли и лапши. Это блюдо предназначалось для угощения гостей. Но в Кунгуре сочивом его называли редко, чаще *кутьей* или *супчиком*.

Для многих жителей города центральным событием являлся праздник у елки, который организовывало Попечительство о бедных людях в здании с официальным названием «Общественное собрание». Кроме того, вечера с рождественской елкой проходили в техническом, Губкина училище. Здесь же ставились спектакли, например по пьесе М. Горького «Мещане»*.

** Кунгурские письма // Пермские губернские ведомости. – 1905. – № 8.*

Ранним утром в праздник Рождества Христова славильщики начинали ходить по домам. Молодежь постарше пели рождественский тропарь, а подростки – детское присловье для христославления, известное по всей России:

«Здравствуйте, с праздником! Славите, славите, вы нас не знаете, открывайте сундучок, доставляйте пяточок или гривеничок».

С Рождества начинались Святки. В Кунгуре они назывались «святыми вечерами». На протяжении 12 дней, до самого Крещения, ходили ряженые, развлекались гаданиями. Иногда под Крещение во дворах зажигали костры, используя для этого солому одного из последних снопов, часто дожиночного.

Благодаря записям, сделанным в 1850 г. учителем С. Бувеским, мы знаем, что в Кунгуре преобладали гадания об урожае, женихе и замужестве. Например, выходили во двор, отворяли ворота, в них ставили сани. Девушки шли с завязанными глазами к воротам, и той, которая попадала в сани, суждено было выйти в новом году замуж, а если миновала сани – значит, это случится нескоро. Популярным было гадание с исполнением подблюдных песен: в блюдо с водой девушки клали кольца и под пение вынимали их. Верили, что высказанное в песне пожелание обязательно должно исполниться.

Крещенская обрядность наделялась очищающими и охранительными свойствами. Особое значение имели крестный ход на реку к прорубленной иордани, освящение воды и купание в ней. Как писал С. Бувеский, «купаются, чтобы смыть беззакония прошлого и потопить болезни». Из церкви крещенскую воду приносили домой и «брызгали ей дома и дворы». Впоследствии эту воду употребляли в религиозно-бытовых целях. Широкое распространение имел обычай ставить крест на воротах, дверях и окнах, чтобы защититься от вредных сил. После Крещения и до Великого поста разрешалось играть свадьбы.

Следующим праздником была Масленица. Игры и веселья на масленой неделе пользовались популярностью, в них участвовали

Масленица в городе. Начало XX в.

все жители Кунгура. Самым излюбленным развлечением было катание с гор и на лошадях. Взрослые проводили время в угощениях и беседах. Последним всплеском праздничного веселья перед наступлением Великого поста было шумное и веселое Прощеное воскресенье. Люди, встретившись дома или на улице, просили прощение за «явные и неявные» плохие поступки. Это был день заговенья на Великий пост.

С наступлением Великого поста кунгуряки, как все христиане, отказывались от празднеств и развлечений. В некоторых домах считалось необходимым повесить в переднем углу специально подготовленную подушечку и воткнуть в нее семь куриных перьев. Число семь символизировало семь недель Великого поста. Как только заканчивалась одна неделя, перо вынимали и сжигали в печи. Вынули последнее перо – значит, окончился пост, и наступила Пасха.

Подготовка к Пасхе наполнялась различными ритуалами, установленными официальной церковью. Встречали Пасху торжественной службой во всех церквях. В пасхальную ночь жгли несколько костров около церквей. Этому было такое объяснение:

«Надо согреть мертвых, у которых Христос забрал тепло, чтобы воскреснуть».

Ритуальным колокольным звоном сопровождалась вся пасхальная неделя. Священнослужители совершали пасхальные молебны

и водосвятия по домам своих приходов. Пасхальный прием званых и незваных гостей был традицией гостевания.

Все желающие, независимо от возраста, занимались катанием крашенных яиц. Для этого делали желоба из коры березы или липы, а иногда использовали крутой берег реки. Как отмечал в 1910 г. священник Тихвинского прихода, «обычай этот держится с прежней силой». Любимым развлечением были качели. Они собирали молодежь и людей среднего возраста.

На следующей неделе после Пасхи – Фоминой – праздновалась Радуница. Это поминальный день, когда на кладбище приносили еду и крашенные яйца. Говорили в старину:

«Надо родителей поминать и не работать в этот день, чтобы на руках не выросла мертвая кость».

Большую роль в жизни кунгуряков играли праздники и обряды семицко-троицкой недели, приходящейся на седьмую неделю после Пасхи. В этом цикле были три важных дня: Семик – четверг перед Троицей, Троицкая суббота и сама Троица (воскресенье). Праздник во имя Троицы, то есть Троицкого Божества – Отца и Сына и святого Духа, – стал популярным благодаря тому, что время его проведения совпадало с древним 12-летним периодом ритуалов, обрядов и игр, посвященных культу предков и сил природы. Семик и Троицкая суббота, то есть день накануне Троицы, считались большими поминальными днями. Сначала совершали моления и ритуалы в церквях, а затем шли на кладбища, раскладывая на могилах пироги, яйца, блины.

Традиция поминать в Семик – древняя, она связана с поминовением покойников, умерших не своею, «напрасною» смертью. «Утопленников и удушенных», не разысканных родственниками, свозили в так называемые убогие дома. Подобный дом был и в Кунгуре (о нем мы писали, когда характеризовали чертеж города 1703 г.). Императрица Елизавета в 1753 г. такие дома закрыла, но кое-где они существовали и в XIX в. Когда приближался семицкий четверг, старшие по возрасту люди с одеждой, гробами приходили в убогие дома, извлекали умерших, одевали и хоронили. Совершив богоугодное дело, справляли на могилах поминки.

Обратим внимание: в XIX – начале XX в. старинные поминальные обряды Семика исполняло в основном старшее поколение. Основная часть жителей Кунгура посещала могилы в Троицкую субботу или в саму Троицу. Соблюдался обычай после Троицкой обедни

прийти на могилы с освященными в храмах ветками и цветами, «чтобы не обижались мертвые на живых».

Одновременно украшали зелеными ветками березы помещения дома и двора. Соблюдалась традиция приносить березу из леса и ставить в улице невдалеке от дома. Береза, как известно, была у русских самым популярным «троицким» деревом. Она персонифицировалась с девушкой или женщиной.

Утром в Троицу кунгуряки приносили букеты цветов и ветки березы с распустившимися листьями в храмы. Украшали их, подчеркивая этим, что Троица еще связана с культом сил природы, прежде всего земли, леса, воды.

После Троицкой обедни разворачивались в Кунгуре гулянья. Их ритуально значимыми моментами являлись завивание венков на лугах и в садах, катание яиц, игры и хороводы вокруг березки. С венками подходили к реке и бросали их в воду. Зачерпывали воду из середины венка и ею умывались.

Приведем наиболее интересное описание Троицкого гулянья в Кунгуре:

«...девушки нарядные, в сарафанах в загородной роще завивали венки, садятся там хороводным кружком, поют песни, потом начинают полднеть – есть принесенное кушанье. С венками на голове водят по роще круги, напоследок идут в город, там еще ходят вокруг березки. Снимают венки и бросают в Сылву, узнают свою участь. Парни и девушки качались на качелях, пели песни».

Из летних праздников в Кунгуре очень почитался день святых апостолов Петра и Павла. В числе отмечаемых праздников был день Ильи-пророка. В храмах в эти дни совершались молебны.

Старшее поколение хранило наблюдение: «С Петрова дня трава не растет». По традиции после праздника начиналась сенокосная страда. Семьями отправлялись на луга, в гаревые места, располагаясь на полевых станах на всю сенокосную пору. Среди традиций этого дня – хождение с песнями по пригородным полям.

По старинным представлениям, Ильин день осознавался календарным порубежьем между летом и новым сезоном года. С Ильина дня прекращали купание в реке.

Любимый праздник предосеннего периода – Успение Пресвятой Богородицы. Многие спешили на службу в Успенский храм, в котором она проходила более торжественно, чем в других храмах. Принимали участие не только в богослужении, но и в крестном ходе вокруг храма.

В день праздника улица, идущая из верхней части города в нижнюю, где стоял Успенский храм, представляла сплошную вереницу людей, спускающихся к храму либо поднимающихся после богомолья и совершения ритуальных действий. Это было подмечено в воспоминаниях старожилов Кунгура, наблюдавших праздник в 1910-е гг.:

«Пестрая публика городских жителей мелькает беспрестанно перед глазами, пестрят и оживляют картину. Как обычно, многие шли семьями, некоторые во исполнение обета брели босыми, кто богаче, ехали в экипажах».

Успенье было сроком окончания Успенского поста, поэтому готовили особенный праздничный стол. На нем обязательно присутствовали блины из муки нового урожая.

Еще в конце XIX в. сохранялся обычай в день святых Фрола и Лавра (18 августа по старому стилю) приводить для «окропления святой водой» лошадей к часовне Кирилла и Мефодия. Святые Фрол и Лавр считались покровителями животных, поэтому праздник еще назывался *лошадиным* и *конским*.

В народном календаре отмечался день Семена-летопроводца, приходящийся на 1 сентября по старому стилю. Традиция эта идет от того времени, когда в течение длительного периода, до 1700 г., 1 сентября было началом нового года. Время, которое наступало после Семенова дня, называлось *бабьим летом*. Издавна было замечено, что в течение двух недель погода стояла еще теплая.

В условиях Кунгура веяние зимы чувствовалось уже с октября. Рубеж осени и зимы соотносился с праздником Покрова Пресвятой Богородицы, приходящимся на 1 октября по старому стилю. Стремилась к этому дню убрать все на полях и в огородах. Как и по России, в Кунгуре Покров день считали благоприятным днем для заключения брака. Девушки посещали храмы и молились: «Святой Покров! Покрой землю снегом, а меня, молодую, хорошим женишком». К Покрову дню мужики возвращались домой из отхожих промыслов.

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Составной частью образа жизни и традиционной духовной культуры кунгуряков являлись храмовые (приходские, престольные) праздники православной общины, члены которой объединялись вокруг какого-то определенного храма. Проводились они в дни памяти тех святых и событий Священной истории, которым посвящался храм. Известный знаток практического богослужения

* Булгаков С.В. Настольная книга для священнослужителей: сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. – Киев, 1913. – С. 829.

С.В. Булгаков по этому поводу писал: «Для прихода престольный праздник составляет как вторую Пасху»*.

Прихожане называли храмовый праздник «нашим праздником». Это означало, что празднуют все, но особенно «мы празднуем». К храмовым праздникам готовили угощение, пиво, покупали вино и принимали гостей из других приходов. Полагалось гулять возле храма не один день и до поздней ночи. Молодые люди угощали девушек сладостями, купленными у торговцев.

Чрезвычайно выраженный коллективный характер праздников, видимому, связан еще с древней общинной организацией, успешно сохранявшейся длительное время. Впечатления от этих праздников долгое время сберегала память кунгуряков. *«На такие праздники и богатый, и бедный приезжал к нам, и все родственники, даже «седьмая вода на киселе». Когда обедня отойдет, стекаются люди в дом. Каждый может поесть, выпить, закусить. Всех, кто не сидел за столом, обносили пивом и квасом. Еще праздничная жизнь была на торжище. Здесь была карусель. Детям покупали разные игрушки. Неоскудевающая рука раздавала милость»**.

* Екатеринбургская неделя. – 1885. – № 15.

Приходская церковь играла большую роль в жизни своих прихожан не только в дни престольных праздников, но и в обыденное время. В храмах совершались крещение, венчание, отпевание, исповедь. В церковной трапезной и на паперти люди знакомились и объяснялись между собой. Регулярное посещение храма являлось показателем добропорядочности.

Службы сопровождалась колокольными звонами. Они напоминали русскому человеку о его обязанностях христианина. К обычной службе звонили в один колокол – благовест, а к праздничной – во все колокола сразу. Прихожане отличали красивые ритмы и звуки колоколов своего прихода от звонов другого прихода. Благовест – медленный и размеренный звон одного колокола – не только собирал прихожан на очередную службу, но и отмечал значительные события, например приезд почитаемого лица, известие о победе и др. Обычно он производился самым большим колоколом, но в седмичные дни Великого поста использовался меньший по величине.

В Кунгуре проживало немало знатоков колокольного звона. В.И. Немирович-Данченко, слушавший звон кунгурских колоколов в 1876 г., отмечал: «...человек воспринимает их с изумлением».

В Кунгуре были распространены домовые «моленные» комнаты, в которых чаще всего молились престарелые и больные люди.

КРЕСТНЫЕ ХОДЫ

Издавна сложилась в городе своя система крестных ходов. Наблюдалась их связь с четко выраженным почитанием мест и святынь, имеющих отношение к гражданской и духовной истории города. Надо полагать, что традиция этих крестных ходов сложилась во времена набегов неприятелей на Кунгур.

Корреспондент газеты «Екатеринбургская неделя» в 1896 г. отмечал:

«Кунгурские крестные ходы, совершаемые периодически, по своей торжественности, многолюдности и подъему религиозного настроения представляяют собой из ряда вон выдающееся явление».

Самым значительным являлся крестный ход в честь святой Параскевы Пятницы. В народном почитании она нередко соотносилась с образом Богородицы. Принято было ходить по обету на поклонение в те храмы, где находилась икона, «нареченная Параскевой Пятницей». К ней обращались с молитвенными просьбами о содействии по разным обстоятельствам: молили об избавлении от неприятелей и исполнении желаний семейного благополучия.

Празднование дня этой святой было подвижным, оно приходилось на пятницу девятой после Пасхи недели. Поэтому святая Параскева стала называться Пятницей. Накануне праздника в Кунгур стекалось множество людей, причем не только из ближней округи.

Этому празднику издавна придавалось большое значение как в городе, так и в сельской округе. Известно, что святой Параскеве Пятнице посвящался первый деревянный храм города, а впоследствии придел в Богоявленском соборе.

Церемония проведения крестного хода включала несколько статей. В богослужении под статьями понимались службы и каноны, которые исполнялись в честь святого или праздника.

В четверг перед вечерней службой под колокольный звон собиралось духовенство на Соборной площади, чтобы идти за р. Ирень встречать приносимые в город иконы: из с. Кыласово святителя Николая Чудотворца, из с. Стефаново (ныне с. Ленск) Иоанна Предтечи и Тихвинской Божией Матери. По преданию, записанному в церковной летописи, икона святителя Николая Чудотворца защитила Кунгур и Спасский монастырь от нашествия татар. На месте встречи икон, которое издавна обозначалось часовней во имя Николая Чудотворца, служился молебен. Затем процессия направлялась в город.

О духовном подъеме в момент «первоначального перезвона», созывающего православных людей идти навстречу иконам, летописец и священник Е.Д. Золотов засвидетельствовал так:

«Как бы слышится в звуках тысячного соборного колокола незримый зычный призыв к гражданам кунгурским и всем прибывшим на это церковное торжество: “Придите, православные, на поклонение св. Угодникам Божиим и Пречистой Его Матери! Придите, дабы увидеть: крепка ли еще вера на св. Руси! Есть ли ревнители и поборники православной веры! Есть ли читатели св. Угодников Божиих и Пречистой Его Матери!” И вот, когда после молебствия пойдут обратно с крестным ходом, то при виде многотысячной массы народа, шествующего при знаменах православной веры, в сопровождении св. чудотворных икон, в радостном звоне на всех городских церквях, как бы слышится и ответ в звучных переливах колоколов: Крепка еще вера на св. Руси! Есть ревнители и поборники православной веры, подъемлющие труд прийти из-за сотен и тысяч верст почтить святыню, облобызать святые иконы и излить благодарность Господу Богу за ниспослаемые житейские невзгоды с упованием на милосердие Божие..»

Иконы приносили в Благовещенский собор. Сюда же крестным ходом из Тихвинского храма доставляли главную святыню Кунгура – чудотворную икону Тихвинской Божией Матери, которая, как известно, защитила город от войск Пугачева. Начиналось всенощное бдение – богослужение, состоящее из вечерни, утрени и первого часа. Прихожане городских и сельских приходов стремились не пропустить молебны в честь Параскевы Пятницы, Тихвинской Божией Матери, Николая Чудотворца, Иоанна Предтечи. Как пишет летописец, во время богослужения «церковь наполняется поклонниками до тесноты», и если бы Благовещенский собор «был просторнее втрое или вчетверо, то и тогда все молящиеся не могли поместиться в нем». Часть прихожан переходила в Богоявленский храм, где тоже шла служба.

В девятую пятницу под благовестный звон прихожане вновь собирались на службу. Сначала обходили Благовещенский собор крестным ходом, а затем служили молебен с акафистом святой Параскеве Пятнице. После шла литургическая служба с участием всего духовенства города.

Следующий крестный ход устраивали в воскресенье этой же недели. Выносили из собора принесенные иконы и направлялись с ними за 6 км на Спасскую гору. Здесь служился молебен с акафистом Христу Спасителю и совершалось водоосвящение. По преданию, у Спасской горы икона Николая Чудотворца защитила людей от нашествия татар и сохранялась здесь, пока не была построена новая церковь в с. Кыласово, куда ее и перенесли*.

* Екатеринбургская неделя. – 1888. – № 27.

На Спасскую гору бывал крестный ход с участием большого числа прихожан и многочисленных икон из городских и сельских приходов. В летописи Кунгура находим сообщение, что в 1833 г. приходили богоносцы с 68 образами, молилось с коленопреклонением более 16 тыс. человек.

Помимо трех описанных крестных ходов, в XIX – начале XX в. их проходило в Кунгуре еще восемь. Надо полагать, что традиция этих крестных ходов сложилась во времена ранней истории города.

Три крестных хода совершались к историческим местам. Из Благовещенского храма с иконами святых Климентия и Параскевы Пятницы шли к Спасским воротам бывшего кремля, а из Преображенского храма с иконами Казанской Божией Матери и Преображения Господня – к деревянной Преображенской сторожевой башне. 26 июня, когда молились чтимой иконе Тихвинской Божией Матери, ходили в пригород на «пугачевский приступ», где она остановила наступление вражеских войск на Кунгур.

Кроме того, 23 января – а это день почитания св. Климента и избавления Кунгура от войск Пугачева – из Тихвинской церкви с иконой Тихвинской Божией Матери шли в Благовещенский собор. Вместе с духовенством и прихожанами полагалось идти городскому голове со знаменем защитников Кунгура от войск Пугачева. (Это знамя хранилось тогда в Тихвинском храме, но в 1920-е гг. его передали в Кунгурский музей. В 1932 г. знамя передается в Свердловский областной краеведческий музей, откуда оно в Кунгур не вернулось. Есть сведения, что знамя утрачено.)

Из Успенского храма два раза в год ходили к часовне св. Кирилла и Мефодия: 18 августа, в день св. Фрола и Лавра, и в день сошествия святого Духа на апостолов. В эти дни в часовне служили молебны. Из этого же храма ходили 1 августа к часовне за р. Ирень, где молебен посвящался Христу Спасителю, Божией Матери и всем святым Русской православной церкви.

Еще один крестный ход совершался в первое воскресенье после Пасхи из Всехсвятского храма к часовне св. Симеона Верхотурского и апостола Фомы.

Сложилась в Кунгуре традиция проведения крестных ходов во время длительной засухи. Так, очевидец информирует:

«...крестным ходом шли на Спасскую гору, просили у Бога дождя. В первый раз 27 июня икон было 38, кроме хоругвий, а во второй раз 2 июля уже 68, а народу прибыло 8 тыс. человек»*.

** Сивков П. Тяжелые годы, прожитые Кунгуром // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 3.*

К сожалению, отсутствуют документальные свидетельства, по которым можно было бы реконструировать бытовые стороны крестных ходов и показать народное представление о паломничестве: подготовку к ним, костюм, атрибутику, питание, проявление норм этического свойства среди людей разных сословий.

ПРАВОСЛАВНЫЕ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

При безусловном господстве в Кунгуре православия еще в начале XX в. здесь сохранялась вера в дохристианские духи и боже-ства. Домовые, лешие, русалки, оборотни, боги животных и огня – вот основные демонологические персонажи древ-ного пантеона. Вера в них ярко выступала во вре-мя засухи, голода, пожара, эпизоотий*. В этих си-туациях очень часто переплетались вера в магиче-скую силу древних обрядов и церковный обряд.

* Э п и з о о т и я – болезнь животных со значительным превыше-нием обычного уровня заболеваемости на оп-ределенной территории.

Церковная власть нередко вырабатывала правила, как надо по-ступать при несчастьях. Так, следовало «пройти крестным ходом вокруг города», а если «обширный голод или пожар, то пройти на другой и третий день».

Или такой обряд. Трением сухих брусьев получали в одном доме так называемый деревянный огонь. Им зажигали печь. Угли разно-сили по другим домам, в которых тоже топили печи. Затем дымом горящих углей окуривали не только жилые, но и хозяйственные строения, обязательно дворы. Действенным средством остановки пожара считали пасхальные яйца. Их как можно больше стремились бросить в огонь.

Много поверий связывалось со здоровьем людей и удачей в жизни. Так, для защиты от болезней в доме молились и ставили перед иконами свечки. Одновременно существовало много загово-ров – от порчи, кровотечения, зубной боли. В заговорах, чтобы ско-тина водилась, рыба и звери ловились, содержалось упоминание Христа, Богородицы, «божьих угодников».

Любопытен, например, такой заговор, записанный в Кунгуре:

«Стану я, Раб Божий (имя рек), помолюся и покорюся самому Иисусу Хри-сту, Матери Пресвятой госпоже Богородице. Сохрани и соблюди меня, Раба Божия (имя рек), закрой и зашей меня своей нетленной ризой, своим венцом золатым, великого своего Иисуса Матере Христово от еретика, от колдуна, от ведуна, от колдуни, от ведуньи, от злого, от лихого человека.

Есть море Окиян. На том море Окияне остров. На том острове стоит со-борная церковь. В той соборной церкви сидит на престоле сам Иисус Хрис-тос, Мати Пресвятая Богородица, Михаило архангел, Никола святитель, Илья

пророк, соловецкие чудотворцы Зосима, Савватий, Мартелей и Мартемьян, святые отцы.

Я пойду поближе, поклонюся пониже самому Иисусу Христу, Матери Пресвятой Богородице: и ты сам Иисус Христос, Мати Пресвятая Богородица не ходите вы по острову, не разбивайте дубы на четыре мелкие верения, в ножны черения, стреляйте в Раба Божия, горячку, торцу, порцу, хомутца, хапку, притку, белу грыжу, жиленную грыжу... брани ребячной муки и стреляйте из Раба Божия, из головы, от сердца, от костей, от тела, от внутренних жил, ставных жил.

Ключ в море, замок в устах. Аминь»*.

* *Богословский П.С. Кунгурские рукописные заговоры и их научное значение // Кунгурско-Красноуфимский край. – Кунгур, 1925. – Вып.3. – С. 26-27.*

ГУЛЯНЯ

Народные гулянья часто приурочивали к ярмарочным дням. Предоставлялась возможность отдохнуть и развлечься, причем многие формы организации досуга преемственно сохранялись с давних пор. Освободившись от торговых и домашних дел, кунгуряки любили посидеть вечерами возле домов, пройти по набережным улицам. Важным центром гуляний были площади, расположенные возле соборов и гостиных дворов, набережные рек. Мининский городской сад привлекал летним театром, игрой духового оркестра.

В торговые дни по площадям и улицам ходили шарманщики и музыканты «с гармониками и балалайками», за соответствующую плату готовые продемонстрировать свое искусство.

По наблюдениям современников, они были местными и приезжими**.

** *Немирович-Данченко В.И. Кама и Урал... С. 254.*

Важную сторону праздничной жизни составляли хороводы. С. Бувеский, наблюдавший их в середине XIX в., писал:

«Употребительнейшая пляска – кружком схватившись руками с мужчинами, девки общим хором запевают песню и начинают плясать. Весной до полевых работ, а осенью по окончанию их»***.

Развлекались катанием на санях, хождением на ходулях, качанием на качелях. Играли в горелки, лапту, упоминаются также «ручечек», «завивать капусту», «казаки». Каждая игровая церемония собирала толпы зрителей. Полное описание игр было прислано С. Бувеским в 1848 г. в Санкт-Петербург, в Русское географическое общество****.

Способы качания на качелях были разнообразными. «Скакать на доске» С. Бувеский описал так:

«Под длинную толстую доску подкладывали бревно. На один конец становился один качающийся, а второй прыгал

*** *Бувеский С. Жители Кунгурского уезда // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. – Казань, 1858. – Кн. 1. – С. 145.*
**** *Архив РГО, р. 29, оп. 1, д. 61, л. 1-32.*

с разбегу на второй конец доски, отчего он опускался, а первый взлетал в воздух. Поочередно друг друга подбрасывали в воздух».

На стационарных качелях садились на доску, которая привязывалась к перекладине, закрепленной на столбах, врытых в землю. Тот же С. Бувеский отметил, что «подобными качелями занимались по праздникам: прислужники держат сиденья и за несколько копеек одалживают желающим».

Необходимым компонентом развлечений являлась совместная борьба мещан Кунгура и крестьян подгородных сел и деревень:

«Те и другие, собравшись в известный день на известное место в большем числе, назначают со своей стороны борцов. Кто в схватке со своими товарищами остается победителем, тот почитается борцом, на которого противная сторона должна приискать и вывести другого, а победительный в тот день не должен уже во второй раз ни с кем бороться. Такая борьба продолжалась с обеда до вечера».

О победителе, которого никто не в состоянии «преодолеть», говорили, что он «унес круг». После этого «товарищи с триумфом ведут его в питейный дом и подчивают вином столько, сколько он хочет».

Любимой игрой юношей и даже взрослых была игра в бабки. Играли в Кунгуре по-особому. Бабки расставляли в кон и по ним не били битой-свинчаткой – костью, заполненной свинцом, – а стреляли стрелами из лука. Первым стрелял тот, «кому удавалось забросить стрелу рукой далее кона».

Берега рек давали возможность устраивать горки. Но обычными горками не удовлетворялись. Сооружали специальные постройки с высоко поднятым помостом, на который поднимались по лестнице. Иногда такие горки устраивали на площадях и на льду реки. Катались и по главным улицам, «идушим с горы». «Со страстью предавались этой старинной забаве» дети и взрослая молодежь, но «не брезговали люди и старших возрастов»*.

Но не всем слоям населения удавалось равным образом поучаствовать в праздниках и развлечениях. Ремесленники, например, после богослужения отправлялись к своим работам.

В XIX – начале XX в. в жизнь кунгуряков входили праздники, не связанные с верованиями. Это были так называемые царские дни:

* Архив РГО, р. 29, оп. 1, д. 61, л. 1–32.

** Екатеринбургская неделя. – 1891. – № 36.

празднование дней рождения, коронавания, бракосочетания и кончины царей, цариц и других членов царской семьи**.

ГОСТЕВАНЬЕ

Разнообразилась жизнь горожан приемами гостей. «Кунгуряки любят гоститься», – отмечала в 1890 г. газета «Екатеринбургская неделя». Но еще прежде, в литературе начала XIX в., сообщалось, что в Кунгуре мещане и крестьяне «гостеприимны, любят обходиться с чиновниками и за честь ставят их посещения; они без сомнения больше бы имели с ними связи, если бы несколько не были бережливы, исключая праздники, в своих расходах». Вечеринка, по мнению наблюдателя, отличалась тем, что чиновники, мещане и крестьяне «разглагольствуют с великим удовольствием о всем, что видели или слышали от проезжавших чрез город знатных людей»*.

** Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии... С. 285.*

В основном гостевания проходили в праздничные дни. Но особенно любили «ходить друг к другу на праздники, учрежденные при церквях и часовнях». В доме принимающего хозяина их организовывали по традиционным обычаям. Приглашал гостей лично хозяин. Соглашаться прийти с первого раза считалось дурным тоном. Нужно было заставить звать несколько раз. Приходить первым тоже не считалось хорошим тоном.

«Не в гости идешь, а по гостей», – поговаривали в Кунгуре, то есть в следующий праздник гости должны пригласить к себе тех, у кого гостили. Знатных гостей встречали у ворот, крыльца, сеней, а обычных – непосредственно у двери в горницу. Хозяева и гости кланялись друг другу земными поклонами. Раздельного гостевания мужчин и женщин, наблюдавшегося в некоторых российских городах, в Кунгуре не допускалось.

Сначала гости молились, а потом их рассаживали вокруг стола, но самых почетных – в передний угол, под образа, рядом с хозяином. Рекомендовалось в гостях есть нежадно и не позволять капризов. Каждый гость пил вино из своей рюмки, но пиво, по некоторым данным, из общей специальной чаши. Хозяйка выносила чашу, пригублялась к ней, а потом ее примеру следовали все гости. Этот обычай, видимо, был отголоском какого-то древнего ритуала.

«Как стол отходил», начиналось веселье – песни, пляски, музыка. В это время хозяин подносил мужчинам чарки с водкой, от которых не принято было отказываться. Пир обычно начинался с полудня и длился до вечера. Для угощения готовили от 10 до 15 рыбных пирогов, холодных блюд от 2 до 4, горячих – от 3 до 5, разных селянок до 4 и, наконец, киселя ржаного блюд до 6. При этом столе подается хлеб, обыкновенно пшеничный»**.

*** Бувеский С. Жители Кунгурского уезда... С. 148.*

Провожали гостей так же, как и встречали: «...до ворот, до крыльца, до дверей и с земными поклонами».

Традиционный обычай гостевания еще в начале XX в. был устойчив, но в 1920-е гг. от него стали отходить.

ВЕЧЕРКИ

Эти сборища молодежи у кого-либо на дому называли не только вечерками, но и посиделками, беседами, копотихами, супрядками, капустками. Они были известны как в городе, так и в селах и деревнях.

Как отмечают исследователи, эти формы общения родились из хозяйственной необходимости. В давние времена молодежь звали для какой-нибудь работы, в частности со льном, пряжей, капустой, и устраивали ей угощения. После ужина молодежь пела, плясала.

В середине XIX – начале XX в. кунгурские вечерки уже не всегда означали собрание для какого-то дела. Встречались просто для того, чтобы пообщаться, повеселиться, выглядеть пару.

Молодежь начинала собираться с Покрова и заканчивала Масленицей, исключая время рождественского поста. Наиболее часто собирались в святочное время.

Вечерки устраивали в складчину у одной из девушек или в специально выкупленном доме. Было в обычае являться в нарядной одежде и с угощением. Присутствовали и матери девушек – «для порядка». Позднее приходили парни, и начинались «песни, танцы шли всю ночь, бывали и игры, кончавшиеся поцелуями».

Каждому пришедшему парню исполнялась величальная песня «А кто у нас холост, а кто неженатый». После этого его поздравляли: «С песенкой тебя», – а он одаривал деньгами, которые шли хозяйке дома. Среди песен были и свадебные напевы.

ИМЕНИНЫ

По православному обычаю, праздновался не день рождения, а день того святого, в честь которого был назван человек. Это правило стало применяться далеко не всегда в 1920-е гг.

Именины назывались еще «днем ангела». В этот день посещали храм, слушали обедню. Если в день именин по какой-то причине невозможно было побывать в храме, то накануне заказывали молебен святому покровителю, чтобы он помог в жизни.

С утра родственники посылали большой пирог – «именинник».

После полудня полагалось принимать гостей и устраивать именной стол. Сначала молились, затем рассаживались за столом. Произносили заздравные речи, пили круговую чашу, раздавали именные калачи. Игры не устраивались.

«...народ здешний очень любит театр»

ТЕАТР

Традиция любительского театра была заложена в первой половине XIX в. Судя по отзывам в печати, спектакли пользовались популярностью, а для некоторой части населения они стали настоящим увлечением. Спектакли ставились в здании Общественного собрания и во всех учебных заведениях.

В связи с тревожными событиями на Дальнем Востоке местный комитет Красного Креста, желая оказать материальную помощь больным и раненым русским воинам в Китае, 20 августа 1900 г. устроил в городском саду народное гулянье и спектакль. В саду играл усиленный духовой оркестр, выступал хор военных песенников. Сад был украшен национальными флагами, арками, зеленью, цветами, а вечером иллюминацией. Работал буфет, устроенный на красиво украшенной веранде летнего помещения Общественного собрания. Артисты «играли свои роли старательно». В печати это празднество получило такую оценку:

«Весьма приятно отметить сочувственное отношение кунгуряков, с готовностью откликнувшихся на доброе братское дело: сбор в театре был полон... в пользу наших христианских воинов»*.

Известная в городе благотворительница Т.В. Агеева создала свой театр. У нее выступали не только любители, но и профессионалы. У посетителей ее театра любимым был спектакль по пьесе А. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского». Временами здесь могли наслаждаться спектаклями по пьесам А.Н. Островского и А.П. Чехова*.

* *Пермские губернские ведомости. - 1900. - № 186.*

* *Спектакли в Кунгуре // Пермские губернские ведомости. - 1905. - № 39.*

Спектакли, как обычно, надолго оставались в памяти городских жителей. Например, «литературно-вокально-музыкальный вечер» (так он назывался), состоявшийся в феврале 1900 г. в городском учи-

лице, о котором было подробно рассказано в губернской печати. Читались стихи, басни, выступал хор, играли на гитаре и балалайке. Ученики «исполнили отлично» одноактную комедию И.С. Тургенева «Лакейская» и две сцены из «Недоросля» Д.И. Фонвизина. Успех спектаклей объясняли главным образом тем, «что, во-первых, роли были распределены очень удачно, а во-вторых, между учениками актерами оказались такие, у которых обнаружился сценический талант»*.

«Кунгуряки были весьма охочи до заезжих артистов», – отмечалось в «Екатеринбургской неделе» за 1890 г. В летнее время постоянными были гастроли цирковых трупп. В 1894 г. «усердно посещаемым публикою» был балаган, устроенный на Сылвенской площади А.Г. Кузнецовым и носивший весьма громкое название «волшебного-магического кабинета». Пользовались успехом здесь выступления фокусников**.

* Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 41.

** Екатеринбургская неделя. – 1895. – № 31.

*** Хор находился под покровительством князя Карагеоргиевича – представителя княжеской династии в Сербии.

В Кунгур постоянно приезжали хоры. Например, проездом через Кунгур в сентябре 1888 г. дал несколько концертов известный в России хор Карагеоргиевича***.

*«Хорошее поведение является
честью и уважением»*

ЭТИКА И ЭТИКЕТ

Поведение в обществе сопровождалось соблюдением установленных норм нравственного поведения.

Н.С. Попов, обобщавший в своей книге начала XIX в. сведения о нравственности населения Кунгура, отметил значение поклонов при встречах людей:

«Все здешние купцы и мещане, особливо лучшие, приветливы, учтивы, предпочитая старейших и богатейших; но вообще женский пол мещанского и

**** Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии... С. 285

крестьянского звания предворяет своим низким поклоном при встрече каждого мужчину знакомого и незнакомого»****.

У купцов было принято подавать милостыню, при этом они «с восторгом возвещали» о ней своим согражданам.

Особый стиль общения складывался у купцов с гостями города. Купцы за обязанность считали «изъявлять квартирующим проезжим чиновникам всевозможное усердие и почтение». Причем при всех случаях общения, как видно из наблюдения Н.С. Попова, купцы проявляли «в себе старинную простоту», которая была свойственна жителям городов северной России, а также «отличную набожность»*.

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 285

Много фактов народной этики приводит писатель В.И. Немирович-Данченко, посетивший Кунгур в 1876 г. Один из них – разговор с женщиной, которую писатель встретил около церкви:

«Ходил я, ходил по улицам Кунгура и запутался. Наконец выбрался к какой-то церкви. Около, прямо на улице, столик, на столике кружка для сбора пожертвований. За кружкой сидит духовная особа женского пола, несомненно, просвирия или что-либо в этом роде. Лицо – широкая масленица, сама – толще колокольни...

– Как пройти, – спрашиваю, – в «Константинополь»**?

– А ты из приезжих будешь? Молодой какой... Что ж ты в наш Кунгур по делу либо проездом?

– Проездом.

– А ты поживи... у нас люди хорошие, богобоязненные. Наш город красивый. Одних храмов сколько.

– А не скучно у вас? Тут, я думаю, взбесишься от тоски.

– Чего скучно. В Москву от нас не захочешь, если мы тебе полюбимся.

У нас какие купцы живут, знаешь ли ты?

...– А ты не гордыбачься... Они озолотить человека могут... И женим мы тебя здесь. У нас невесты белые, рассыпчатые, мягкие... Около ее, что около печи – тепло будет... Оставайся-ко!

** «Константинополь» – название гостиницы.

Я расхохотался, засмеялась и она. Наконец указала куда идти...

– Да вот Фекла в ту сторону... Фекла, проводи господина!»***.

*** Немирович-Данченко В.И. *Кама и Урал...* С. 253–254.

«Не медведя в дом везем – полную хозяйку»

БРАК И СВАДЬБА

Браки в Кунгуре заключались, по-видимому, в пределах своего города. Но на городских праздничных гуляньях, о которых рассказывали, происходили знакомства с сельской молодежью****.

**** Буевский С. *Жители Кунгурского уезда...* С. 155–164.

Местами знакомств оставались храмы и реки. Девушки-горожанки

любили ходить с ведрами за водой на Сылву и Ирень. Иногда сговаривались носить воду по пять-шесть пар девушек. Там, где брали воду, задерживались, судачили о своей судьбе. Нередко тут их поджидали парни, но чаще всего сводницы.

Познакомившиеся молодые люди могли завязать прочные отношения. По местному выражению, они становились «занимальщиком» и «занимальщицей». Это выражалось в том, что молодые продолжали встречаться и развлекаться на вечерках и гуляньях.

Серьезных запретов браков не наблюдалось, но практически социальные слои населения представляли собой замкнутые круги, в рамках которых допускались браки с «ровней», то есть с молодыми людьми определенного социального статуса. Эти ограничения прежде были строгими, но в начале XX в. они стали слабее.

Самым лучшим временем для заключения брака считался возраст от 18 до 22 лет. По понятиям родителей, это было «не рано и не поздно». Браки посредством умыкания в Кунгуре не наблюдались.

Молодые обязательно получали благословение родителей и крестных. С. Бувеский наблюдал в середине XIX в., как благословляли сына в родительском доме накануне поездки за невестой, и оставил такое описание:

«...в доме жених получает родительское благословение в красном углу. Постилают войлок, кошму, на них стоят отец, мать, сын. Сын троекратно кланяется иконе в землю, а четвертый раз в ноги отцу. Потом отец изображает над головой сына троекратное знамение креста, после дает ему ее целовать. После передает икону матери, от которой сын принимает, таким образом, благословение, как от отца. После этого на места отца и матери заступают крестный отец и крестная мать, они благословляют жениха. Обряд сопровождается слезами. Икона передается одному из больших бояр, и весь поезд, помолившись Богу, выходит во двор»*.

* Бувеский С. Жители Кунгурского уезда... С. 158-159.

Церковь позволяла брак одному лицу только три раза. Торжественный обряд венчания совершался при первом браке. Если один из венчающихся женился второй раз, то при венчании венец возлагался не на голову, а на правое плечо, а при третьем браке – на левое. Невенчаные браки церковь не признавала. Священник участвовал не только в венчании, но и в самом свадебном пире.

Кунгурская свадьба наполнялась всеми составными частями русского свадебного обряда. В ней было сватовство через профессиональную сваху и предсвадебье, когда договаривались обе стороны – жениха и невесты – о дне сговора, рукобитья, о порядке проведения самой свадьбы. Обязательно проводился девшишник. Не-

веста прощалась с красотой – лентами, символизирующими девичество, – и «каждой девице отдавала по ленте».

Обычно свадьбу праздновали три дня. Начиналась она с разрешения отца сыну ехать по невесту и с проводов невесты к венцу. Большое значение придавалось пиршественным столам и наряду молодых.

Городская свадьба проходила с музыкантами и песнями. Об этих песнях существует целая литература. Молодые сидели на овчине или вывернутой шубе, что диктовалось верой в магию плодородия. К магии плодородия относится осыпание молодых зерном, хмелем, деньгами. Тогда же проводились обряды, подчеркивающие неравноправное положение супругов. Например, вместо венца надевали женский головной убор, считавшийся символом подчинения жены мужу, по окончании венчания невеста падала жениху в ноги, тот покрывал ее голову полой кафтана, невеста разувала и раздевала жениха перед первой брачной ночью.

В богатых семьях свадебные угощения не ограничивались тремя днями. За большим свадебным столом бывало не менее 12 перемен. Во время так называемых хлебин молодые навещали многочисленных родственников, от которых принимали поздравления и угощения. «После свадьбы едем на хлебину к родителям невесты, а потом хлебину у того и другого... сколько людей на свадьбе было, ко всем ходили», – так говорили молодые о веселом варианте свадьбы*.

У городской свадьбы, о которой рассказали, много общего со свадебным обрядом сельского населения Кунгурского уезда**.

Основываясь на анализе сходных черт, нетрудно заметить, что кунгурская свадьба – городская и сельская – имеет северно-русские традиции. И это оправданно, поскольку формировалось русское население Кунгурского края из тех русских, которые приходили из районов Европейского Севера.

* Буевский С. Жители Кунгурского уезда... С. 155.

** Чагин Г.Н. Свадьба кунгурских крестьян середины XIX века глазами священника // Словесность и современность. – Ч. 3: Фольклорный текст. – Пермь, 2000. – С. 3–8.

*«В Верхотурье рубятся –
в Кунгур щепки летят»*

УСТНАЯ КУЛЬТУРА

Знания, передаваемые памятью, образуют бесписьменную, то есть устную, культуру. Но многое бережно хранимое памятью записывалось и потому не погибло, стало достоянием последующих поколений. Немало фольклорных текстов дошло до нашего времени в записках кунгурского учителя С. Бувеского, приславшего их в

1848 г. в Русское географическое общество*.

* Архив РГО, р. 29, оп. 1, д. 61, л. 1–36 об.

Среди населения Кунгура создавались и бытовали произведения разных фольклорных жанров: предания, легенды, сказки, былички и бывальщины, песни, частушки, поговорки и пословицы. Порой они еще и сохраняются в живой народной среде. Расскажем только о некоторых из них.

Установку на достоверность имели в Кунгуре предания о Ермаке. Несомненно, они выросли из реальных истоков. Ермак – личность популярная на Среднем Урале. Путь его дружины в Сибирь проходил по р. Чусовой. Жителям Кунгура было известно обстоятельство легендарного похода Ермака, связанное с р. Сылвой. Как записано в начале XVIII в. С.У. Ремезовым в «Краткой Сибирской летописи (Кунгурской)», Ермак по ошибке повернул с Чусовой в Сылву и приплыл в верховья реки, где зазимовал. «На пути следования в Сибирь, – пишет в XIX в. на основании преданий другой летописец, Е.Д. Золотов, – Ермак устраивал на защищенных природой местах острожки и крепости и оставлял в них по небольшому числу своих ратников, чтобы, в случае возвращения назад, пройденный путь был свободен»**.

** Золотов Е.Д. Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уезда // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1893. – Вып. 2. – С. 41.

В других преданиях рассказывалось, что «часть дружины Ермака не пошла в Сибирь, а осталась на житье в бассейне р. Сылвы и, таким образом, превратилась в колонистов края»***.

*** Богословский П. Русская колонизация Кунгурского края 1570–1670 гг. // Сборник Кунгурского общества краеведения. – Кунгур, 1925. – Вып. 1. – С. 7.

Жители Кунгура и его окрестностей указывали на ледяную пещеру, в которой будто бы останавливался Ермак, проплывая по р. Сылве. Над входом в пещеру расположено городище, издавна называемое Ермаковым.

Устные примеры – показатели знания истории,

Портрет Ермака.
Конец XVIII – начало XIX в.
Металл, масло. Неизв. худ.

но при этом оценка и осмысление Ермака народом в преданиях, которые известны в Кунгуре, не приводятся. Возможно, Ермак не стал предметом воспевания, как это наблюдалось у населения, проживавшего по рекам Чусовой, Тоболу, Иртышу, потому, что покорение Сибири Ермаком проходило далеко от Кунгура.

Историческая память о Ермаке нашла свое выражение в истолковании важного вопроса – о появлении русского населения по р. Сылве. После зимовки Ермак ушел к Строгановым, некоторые

его люди разбежались, «а другие на том зимовье при р. Сылве жить остались – и это было первым началом русского поселения в нынешнем Кунгурском уезде, которое после более размножилось»*.

Эти устные сведения находят подтверждение в археологических находках. На Ермаковом городище были найдены русский бердыш** и обрывок кольчуги XVI в., а у д. Филипповка, расположенной на 1 км выше по р. Сылве, исследован могильник, где умершие лежали в гробах, куда положены наконечники стрел и копья, обломок ножа. По предположению археолога В.А. Оборина, здесь были похоронены казаки из дружины Ермака, не выдержавшие зимовки или умершие позднее***.

Отголоском заслуг Ермака в освоении русскими Кунгурского края явилось присловье *Кунгуряки – Ермаковы крестники*. Это присловье можно принимать с равносильным понятием *христианизация*. На Сылве-реке и в Кунгуре с образом Ермака осознавалось начало миссионерской деятельности Русской православной церкви. Так народная молва сделала из завоевателя миссионера.

Устные сюжеты с Ермаком включены в «Краткую Сибирскую летопись (Кунгурскую)» начала XVIII в., о которой уже шла речь. На фоне изображения исторического похода Ермака в Сибирь есть все: дружина движется на стругах по Чусовой и попадает на Сылву-реку,

* *Богословский П. Русская колонизация Кунгурского края 1570-1670 гг.*

** *Б е р д ы ш – холодное оружие, широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца на длинном древке. Был на вооружении русской пехоты в XV–XVII вв.*

*** *Оборин В.А. Городки изначальное // Вокруг света. – 1979. – № 6. – С. 33.*

возводится городище с церковью Николы Чудотворца, и зимует в нем Ермак, часть дружины навсегда остается жить по берегам Сылвы.

Исторический оттенок имеет поговорка *Канул как в камский мох*, которую, по словам очевидцев XIX в., можно было услышать от жителей Кунгура. Помимо потока русских крестьян с Европейского Севера на сылвенско-иренские земли, регулируемого правительством, на обширные и таежные места устремлялись беглые, разыскать которых местным воеводам было достаточно сложно. Вот тогда, вероятно, и появилась эта поговорка, кстати, не забытая в наши дни, причем не только в Кунгуре, но и в других местах по р. Сылве.

В XVII в. русские активно заселяли земли двух уездов: в Зауралье – Верхотурского, а в Приуралье – Кунгурского. Территориальная и экономическая близость вновь осваиваемых земель нашла воплощение в поговорке, которую можно услышать еще и теперь, *В Верхотурье рубятся – в Кунгур щепки летят**.

За жителями Кунгурского края закрепилось прозвище *кунгурские пиканники*. Оно пошло оттого, что в Петропавловский пост крестьяне заготавливали *пиканы* (научное название растения *дудник*, или *дягиль лесной*) и возами отправляли их в г. Кунгур, так как в городе любили их есть в вареном виде. К тому же сохранилось предание, что «пришельцы (первые русские, осваивавшие сылвенские земли. – Г.Ч.) довольное время питались только этими (наравне с луком. – Г.Ч.) произведениями природы»**.

В середине XIX в. А.Н. Зырянов слышал от жителей Кунгурского края объяснение происхождения этого названия, относящее его появление ко времени заселения края русскими:

«По народному преданию, в эпоху первого заселения русскими земель кунгурских татар сильный голод постиг этот край, вследствие чего кунгурцы вынуждены были питаться разными дикими полевыми растениями, в числе их и молodyми стеблями борща и дягиля «пиканами»***.

Ввиду близости Кунгура к Сарапулу по роду занятий населения – в обоих городах занимались шитьем обуви – сложилось присловье *Кунгур и Сарапул – шилокопы*. Без шила, как известно, обувь не сошьешь.

Важным явлением устной культуры являются народные знания о явлениях природы, поведении животных, растений, насекомых. В этой области творчества природное начало обусловило массу при-

* Чагин Г.Н. *История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. – Пермь, 1999. – С. 120.*

** Золотов Е.Д. *Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уезда... С. 46.*

*** Зырянов А.Н. *Путевые заметки от Каменского завода до г. Перми, составленные в 1855 году // Пермские губернские ведомости. – 1856. – № 12.*

мет, проверенных опытом нескольких поколений и ставших важной частью мировоззрения людей.

В обрядности, приуроченной к созреванию хлебов, широкую известность имела поговорка *Калинники – хлебные дозоры, хлеба зреют*. Ею обозначались зарницы, всполохи на небе без грома и молнии, которые якобы изобилуют силами, ускоряющими созревание хлебов. Поговорка, которая употреблялась жителями Кунгура, выделяла в народном календаре сакральное время. Если люди становились свидетелями такого природного явления, то можно было надеяться на хороший урожай. В народных говорах слову *дозоры* близко выражение *зорить хлеба*, то есть спешить делать их спелыми. *Калинники хлеба зреют* – значит, зарницы способствуют созреванию хлебов.

В Кунгуре, как и в любой местности, существовали свои приметы, связанные со спецификой окружающей среды. Этим они и ценны для понимания духовной культуры народа. Приведем некоторые из них.

На хороший урожай можно было надеяться в таких случаях:

В феврале первая сосулька дольше – овес больше.

На Василия Капельника с потока каплет – к урожаю.

Весной вода большая – к урожаю.

Тает снег весной от солнышка – к урожаю.

Громы яркие – хлеба ядреные.

Первое яйцо крупное – яровые ядреные.

Вместе с тем кунгуряки знали приметы, предупреждающие о плохом урожае или о неурожае:

Журавль прилетит на наст – к неурожаю.

Кукушка скуковала на голый лес – к неурожаю.

Весной при таянии снега снеговая дорога останется – к неурожаю.

После таяния снега появится плесень – должно, родится черемухи много, а ржи хуже.

По многим приметам предугадывали предстоящие явления природы:

Перед ненастьем летом и осенью рыба плохо ловится.

К хорошей погоде рыба скачет из воды, «мечется».

Лед замерзнет кучкой – к холоду, с ямкой – к теплу.

Низко птицы отлетают – скоро зима.

Рябины много – осень дождливая.

Особую категорию составляли астрологические приметы:

Месяц в кругу – к снегу.

Месяц на кончике, «на копытцах» – к ясной погоде, зимой – к холоду.

Месяц на спинке – к теплу и к дождю или снегу.

Круги вокруг солнца – к снегу или дождю.

Частые звезды сильно мерцают – к хорошей погоде.

Практический опыт применения примет показывает, что были среди них достоверные и неверные, но и в том, и в ином случае они всегда занимали важное место в сознании людей.

Наиболее значимые приметы, бытовавшие среди жителей Кунгура и его пригорода, в начале XX в. записал местный летописец Е.Д. Золотов. Впоследствии они были опубликованы*.

* Кунгурско-Красноуфимский край. – 1925. – № 1.

*«Слышал у многих кунгурских людей,
что они говорят по-своему»*

ГОВОРЫ

Под говорами принято понимать живую разговорную речь народа, насыщенную местными словами и выражениями. В наше время говоры сохраняются преимущественно среди сельских жителей, но тем не менее они звучат и в городской среде.

Ученые-лексикологи в поисках слов, особенностей их произношения и употребления отправляются в диалектологические экспедиции. Народной речи они посвящают свои труды, описывая в них фонетические и грамматические особенности говоров. Фундаментальной фиксацией становятся словари говоров.

В Кунгуре и его окрестностях издавна звучала русская, татарская, марийская речь. Было время, когда говорили здесь и на мансийском, коми-пермяцком, удмуртском и чувашском языках.

Сылвенские марийцы разговаривают на особом диалекте восточного наречия. Его называют кунгурским. На нем стали говорить марийцы, переселившиеся в бассейн Сылвы и Ирени в XVII в. из

левобережной Волги. Здесь восточное марийское наречие претерпело значительные изменения, во многом благодаря влиянию со стороны татар, в меньшей степени – русских. В речи марийцев много тюркских слов (например, *айран* – топленое молоко, *шлык* – головной убор, *шайтан* – злой дух), хотя не забыты слова родного языка. Различия коснулись звукового строя и грамматики. На особенности языка местных марийцев повлияли не только контакты с соседним населением, но и длительное отсутствие связей с материнской частью народа.

Анализ говора пермских татар дал основание Д.Б. Рамазановой, лингвисту из Казани, выделить по Сылве и Ирени четыре подговора: верх-иренский (Октябрьский и Ординский районы, бывшая Верх-Иренская четверть* Кунгурского уезда), карьевский (Кунгурский район, бывшая Карьевская четверть Кунгурского уезда), шаквинский (Березовский и Кишертский районы, бывшая Шаквинская четверть Кунгурского уезда), сылвенский (Суксунский район, бывшая Верх-Сылвенская четверть Кунгурского уезда)**.

* Четверть – территориальная единица у нерусских народов.

** *Пермские татары.* – Казань, 1983. – С. 137.

Марийка. XX в.

Доказано, что решающая роль в формировании говора пермских татар принадлежит поволжско-татарскому компоненту. Диалектные явления локального характера связаны с географической разобщенностью татар и ослаблением культурно-экономических связей между носителями говора. Но не обошлось и без того, что в формировании подговоров участвовали представители различных татарских говоров. Не исключает Д.Б. Рамазанова и участие языкового компонента «иштеков», «остяков», упоминаемых в русских письменных памятниках конца XVI – начала XVII в., в которых мы в большей степени договорились видеть угорские элементы. Некоторые

Татарин. Начало XX в.

диалектные особенности могли появиться от соприкосновения татар с проживавшими в бассейне Сылвы и Ирени финно-уграми – марийцами и удмуртами.

Формирование русских говоров шло одновременно с освоением русскими территории Сылвенско-Иренского поречья. Чтобы увидеть особенности русской речи, нужно вспомнить, откуда приходили русские на Сылву и Ирень.

Первые очаги расселения русских создавались там, где соликам-

ские солевары Ф. Елисеев, И. Суровцев, а также Соликамский Вознесенский и Пыскорский Спасо-Преображенский монастыри обрабатывали земли, переселяя на них своих крестьян. Кроме того, сюда направлялся поток беглых крестьян из северных поморских уездов. Так, в 1648 г. 385 семей беглых крестьян, бобылей и посадских людей (1222 чел.) поселились по р. Кунгур*.

* Чагин Г.Н. *Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века.* – Пермь, 1995. – С. 43.

В Кунгурском уезде в 1704 г. крестьян и бобылей было 3896 человек, на посаде – 291 человек мужского пола. В 24 населенных пунктах главы семей указали место рождения. Из 912 таких семей 514 (56,4%) пришли из поморских, в том числе прикамских, уездов, а 398 (43,6%) родились в Кунгурском уезде. Эти сведения позволяют увидеть две существенные тенденции в формировании населения: в начале XVIII в. продолжался приток населения из Поморья и складывалась категория старожильцев, то есть потомков новоприходцев**.

** Там же, с. 45.

В ситуации, когда земли по Сылве и Ирени заселялись преимущественно поморскими крестьянами, закладывались говоры на северно-русской основе. Но так как сылвенско-иренская земля ос-

ваивалась русскими позже, чем чердынско-соликамская, то, по мнению профессора Е.Н. Поляковой, говоры здесь приобрели отличительный оттенок от чердынских и соликамских. По этому поводу Е.Н. Полякова приводит много примеров, которые ей удалось распознать на материале памятников письменности XVI–XVIII вв. Например, в чердынских и соликамских памятниках часто встречаются слова *редрой* (название масти крупного рогатого скота), *лезмог* (мера сыпучих тел), *холуй* (старое имущество), которые не обнаруживаются в памятниках кунгурских*.

* Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь, 2006. – С. 32–33.

Когда в начале XVIII в. вокруг Кунгура стали возникать медеплавильные и железоделательные заводы, появляются русские из средней европейской полосы, прежде всего из Поволжья. Они являлись носителями другого, среднерусского диалекта. Принесенные элементы нового говора взаимодействовали со старым, северно-русским диалектом. В этих условиях происходило развитие говоров при одновременном сложении новых особенностей живой разговорной речи.

По наблюдению крестьянина с. Торговижского Красноуфимского уезда (ныне с. Торговище Суксунского района, на р. Сылве) А.Н. Гладких, относящемуся к 1913 г., проявлялось отличие речи крестьян от речи населения заводских поселений. Конкретно оно выразилось в следующем:

«Здесь нужно сказать, что, помимо окающего вообще наречия крестьян, употребляется женщинами еще «цеканье»; например, вместо общеупотребительного *что* или *што* бабы говорят «це», а мужики «чо», или же «цю» вместо *чу* и т. п. Но это только среди земледельческого населения. Соседние же заводские жители эти звуки произносят совершенно иначе: «ше» и «шо» вместо «це» и «цю» и т. д. Те и другие произношения служат нередко для выражения надсмешек сторон друг над дружкой. Заводские, например, дразнят и обзывают крестьян за слова: *цярь*, *цярница*, *дьяконица*, *курица*, *ейца*, *молоцьке*, *вымицьке*, *це*, *цево*, *цюцево*, *черна немощь*, *цюця мокрая*; или (мужские выражения) *дьяконица*, *курица*, *ейча*, *чо*, *чево* и т. п. Заводских же в свой черед дразнят так: *сарь*, *сариса*, *дьякониса*, *куриса*, *яиса*, *молошко*, *вымишко*, *ше*, *шово*, *шю-шево*, *шерна намощь*, *шюся мокрая* и т. п.»**.

** Гладких А.Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского Красноуфимского уезда Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1913. – Вып. 10. – С. 24.

Языковые различия, о которых писал А.Н. Гладких, знают современные жители Кунгура и его окрестностей. Так, те из них, которые считают себя потомками заводского населения, в разговоре, на-

пример, «шокают и сокают», то есть употребляют «ш» и «с» на месте «щ» и «ц» (*экспедиционные наблюдения автора 1990-х гг.*). По этому поводу исследователи делают такое заключение: «шоканье» и «соканье» не характерны для тех мест, откуда пришло на Сылву и Ирень северно-русское население. Это явление они признают финно-угорским элементом, с чем следует согласиться, так как нам известно, что контакты русских с марийцами, удмуртами, коми-пермяками и манси в районе г. Кунгура были давними и достаточно близкими.

Начало исследованию живой обиходной речи жителей Кунгура и пригородных крестьян положил все тот же учитель С. Бувевский. Результатом этой кропотливой работы стал словарь «провинциальных слов», который С. Бувевский представил в 1848 г. Русскому географическому обществу (Санкт-Петербург)*. Руко-

* *Архив РГО, р. 29. оп. 1, д. 61.*

писный словарь дошел до нашего времени, и чтение его даже при отсутствии развернутых словарных статей доставляет истинное удовольствие. Обратимся к некоторым словам и примерам, объясняющим их понятие и естественное употребление.

Вот, например, кунгурские слова, использовавшиеся в разговоре о хозяйственных занятиях: *присадные места* – луга, которые заливаются водой, *долбнь* – гумно при овине, *побегало* – барашекольцо у бороны при дуге, *рбспуск* – двои колеса с дрогами, *трясогúзка* – телега на одних колесах, *одор* – ящик у трясогúzки, *волокуша*, *волока* – оглобли с копыльями и с колодкой для возки бревен, *капаруля* – ральник на крюку для копания земли, *молотяга*, или *молотяги*, – работники для молотьбы хлеба, *лоушка* – морда, которой ловят рыбу.

Жилище характеризовалось словами: *бымы* – двойные сени, *подмост* – под сенями подполье, *грядка* – полка глухая у печи, *голубец* – лежанка у печи, *на голубнице* – на полке, *кут* – угол у печи, где стряпают, *западня* – залавок, шкаф.

В словаре С. Бувевского много слов, которыми обозначались одежда, обувь, головные уборы, рукавицы: *тяжелко* – кафтан, обшитый сверху холстом, *надергиш* – запон с наплечниками, *дубас* – женское верхнее платье, сарафан из крашеного холста, *вёрхница* – сарафан из тонкого крашеного холста, *улиги* – бахилы, *катанки* – валенки, обшитые холстом, *скуты* – онучи шерстяные, *тюни* – шерстяные полуваленки, *малахай* – шапка с ушами, *наклонник* – кокошник, *шамшúра* – чехол на голову, сшитый из старой материи, че-

пéц – то же, что шамшура, но с золотой вышивкой, *шубницы* – рукавицы из овчин, *исподки* – варежки, *вáchиги* – обшитые на ладони варежки, *кушанiцы* – кожаные рукавицы.

Предметы домашнего обихода: *тренóк* – кадка на трех ножках, *кóвшик* – плетеная ложка, которой вынимают пельмени, *падúнники* – маленькие отлогие ложки, *прóстень* – веретено с пряжей (говорили: «Она в один вечер направила три простеня»), *рукотёрник* – тряпича, которой вытирают руки, *горшéвник* – тряпка, которой вынимают из печи горшок.

Сам человек и его поведение характеризовались словами: *шиша* – бедный от лени человек, *лóпа* – болтун, не заслуживающий доверия в истине, *ловыга* – высматривает, нельзя ли чего украсть, *сóвкой* – суется во все стороны, *кудёлник* – обшивающий мертвых.

*«Знаем тебя, кунгуряка, из Кунгура ты,
кунгуряки на тебя челом били...»*

НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ

Связь человека с конкретной местностью выражается в живой обиходной речи и литературном языке разными способами. В Кунгуре применен способ с помощью существительного, причем использовано шесть суффиксов: *-як* (кунгуряк), *-ец* (кунгурец), *-ки* (кунгуряки), *-ка* (кунгурячка), *-цы* (кунгурцы), *-ята* (кунгурята). При таком разнообразии иногда трудно определить, как чаще всего называют себя жители. В Кунгуре более предпочтительными являются следующие слова-названия: мужчина – *кунгуряк*, женщина – *кунгурячка*, все вместе – *кунгуряки*. Особенностью этих слов-названий является лаконичность их употребления.

Если обратиться к письменным памятникам, художественной, мемуарной литературе, современной периодике, то можно заметить существование слов во времени и их историческую сменяемость. По этому поводу приведем цитаты из источников:

«*Кунгуряк* рассудителен и толков в практическом смысле»*. «*Кунгурец*, посадский человек Иван Фро-

* *Пермские губернские ведомости*. – 1888. – № 40.

* *Летопись занятий Археографической комиссии за 1861 г.* – СПб., 1862. – С. 387.

** *Екатеринбургская неделя.* – 1890. – № 35.

*** *Из летописи земли Кунгурской.* – Пермь, 1967. – С. 55.

лов, подал прошение на подьячего Шубина»*. «Несколько слов о кунгуряках»**. «Кунгуряки чтут память активного борца за советскую власть»***.

Заслуживает внимания еще один любопытный пример употребления слова *кунгур*. Нам известно, что оно закрепилось за территориальными группами нерусских народов, которые прежде проживали в обширном Кунгурском уезде. Но у этих народов оно получило свою фонетическую форму. *Кенгыр мари* – это кунгурские мариЙцы. Так в наше время продолжают называть себя мариЙцы не только Суксунского, но и Ачитского, Красноуфимского районов Свердловской области. Они используют это название, чтобы подчеркнуть свое происхождение от мариЙцев Кунгурского уезда и выделить себя от живущих недалеко мариЙцев *юпоныш* – уфимских (*Юпо* – по-мариЙски р. Уфа).

Татары Мечетлинского района Башкортостана (на границе с Октябрьским и Красноуфимским районами) считают себя «перешедшими из Кунгурского уезда» и поэтому называются *кенгер татар* – кунгурские татары. А одну часть татарской деревни Абдуллино именуют *кенгер ягы* – кунгурская сторона (*экспедиционные наблюдения автора 1999 г.*).

Названия жителей по месту их жительства и происхождения – один из широко употребительных разделов современной лексики языков. Их можно встретить не только в живой речи, но и в художественной и публицистической литературе. Однако некоторые из них используются только в неофициальных языковых стилях.

Словам-названиям жителей Урала (охватив наравне с городами поселки, села и деревни) можно посвятить специальный словарь-справочник, снабдив его богатым текстовым материалом.

XX – начало XXI в.

*«Пора и нам присоединиться
к нашим сознательным товарищам
социал-демократам»*

ИНЫЕ ИДЕИ, ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

На рубеже XIX–XX вв. не обошли стороной Кунгур распространявшиеся в России революционные идеи. Их в большей степени поддерживали учащиеся технического, Губкина училища. В 1896 г. они организовали нелегальное Общество самообразования и самовоспитания кунгурских техников, из которого выделился марксистский кружок.

Члены кружка 1 мая 1898 г. проводят маевку – первую в Кунгуре и на Урале. Маевка поднимает революционный дух рабочих, служит росту революционного движения. Огромную помощь кружку оказывают пермские социал-демократы. За участие в маевке 27 учащихся получают наказания: административные ссылки, аресты, подписки о невыезде.

1898 год считается годом зарождения Кунгурской партийной организации большевиков*, а о значении кружка позднее было сказано так:

«Кружок был вырван с корнем. Но арест его, первый еще арест «за политику» кунгурских сапожников и столяров, произвел ошеломляющее впечатление на наших рабочих. Вокруг пострадавших рос ореол мученичества, приковывалось внимание, зарождались новые запросы. В этом – воспитательное влияние кружка на последующее революционное движение»**.

В календаре революционных дат Кунгура запечатлены многие события, но мы приведем лишь некоторые из них.

23 октября 1905 г. состоялась первая городская массовая демонстрация, приуроченная к Всероссийской политической стачке. Делегаты от кунгурских большевиков участвуют в работе I Пермской окружной конференции РСДРП***. В феврале 1907 г. Уральская областная партийная конференция утверждает Кунгурский комитет как самостоятельную организацию в составе Уральского областного комитета

* Большевики – представители политического течения (фракции) в РСДРП (с апреля 1917 г. самостоятельная политическая партия), возглавляемые В.И. Лениным. В 1917–1952 гг. слово *большевики* входило в официальное название партии: РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б).

** *Кунгурский округ Уральской области. – Пермь – Кунгур, 1925. – С. 50.*

*** РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия, возникла в 1898 г., с весны 1917 г. – РСДРП(б), с 1918 г. – РКП(б), с 1925 г. – ВКП(б), с 1952 г. – КПСС. В октябре 1917 г. руководство РСДРП(б) осуществило захват власти.

РСДРП. Комитет издает журнал «Кунгурский рабочий», выступает против сокращения заработной платы рабочим, особенно кожевникам и сапожникам. 20 апреля 1908 г. на окраине Кунгура проходит митинг рабочих кожевенных предприятий и учащихся технического, Губкина училища. Кунгурская организация РСДРП активно сотрудничает с газетой «Правда», направляет в редакцию свои резолюции, распространяет большое число листовок, отпечатанных на гектографе.

Революционная работа активно ведется среди железнодорожников. В мае 1916 г. проходит забастовка рабочих депо станции Кунгур с экономическими требованиями. 27 февраля 1917 г. здесь создается социалистический союз рабочей молодежи.

— — — — —

*«Надейтесь, дорогие товарищи,
что вы получите все, что желаете»*

ЧЕРЕДА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Февральская революция и отречение 3 (17) марта 1917 г. императора Николая II от престола стали полной неожиданностью для жителей Кунгура. Распространялись слухи о событиях в Петрограде, и никто не знал, какой должна быть дальнейшая жизнь.

Первыми отреагировали на события члены городской думы, члены земской управы, собственники и предприниматели. По их инициативе создается совет общественных организаций – опора Временному правительству России. Совет заявил, что «все власти остаются на своих местах, и законы сохраняют свою силу... нужно энергично продолжать работу на промышленных предприятиях города».

В газете «Кунгурский листок» печатается уведомление председателя Пермской губернской земской управы о том, что комиссаром Кунгурской земской управы назначен бывший председатель земской управы Перевозчиков, а городской думы – Накаряков.

Одновременно на станции Кунгур создается Совет рабочих депутатов. Его деятельность поддерживается комитетом Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), открыто за-

явившим о себе 6 апреля 1917 г. При поддержке офицеров Кунгурского гарнизона активизируют свою деятельность представители других партий: кадетов*, эсеров*, меньшевиков*.

Пробуждение политического сознания выразилось в создании в апреле 1917 г. профсоюзов служащих, кожевенных рабочих, железнодорожников, металлистов. 20 апреля на первый уездный съезд собрались учителя. Эти организации советовали населению «соблюдать спокойствие и порядок». 10 июля 1917 г. образовался Кунгурский уездный Совет крестьянских депутатов, который вскоре переименовывается в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Во главе его становятся большевики.

Как только из Петрограда пришла весть о свержении Временного правительства и победе социалистической революции, исполнительный комитет Кунгурского совета рабочих и солдатских депутатов 28 октября 1917 г. заявил о взятии власти в городе и уезде. За резолюцию большевиков голосовало 55 делегатов при 10 против. Тогда же был создан Военно-революционный комитет для борьбы с контрреволюцией. Об этих важных решениях население Кунгура было оповещено специальным выпуском газеты «Кунгурский листок» 29 октября 1917 г. Городскую думу распустили. На следующий день потерпевшие поражение кадеты, меньшевики и эсеры спровоцировали в городе погром. Они склонили на свою сторону солдат гарнизона и уголовные элементы. Погром был ликвидирован усилиями Военно-революционного комитета. Газета «Кунгурская жизнь», выражающая интересы контрреволюционных элементов, была закрыта.

Органы советской власти приступили к национализации купеческих капиталов. В сложной обстановке исполком Кунгурского Совета решал вопросы о земле, лесе, положении крестьян и бедноты. В декабре 1917 г. началось формирование Красной гвардии. Оружия и денег не хватало, и большевики пошли простым путем:

«Были пущены в ход большие коллекции старинного оружия... частных торговцев Губкина, Кузнецова, Грибушина. Не было денег – провели два, один после другого, принудительных займа среди буржуазии и кулачества»**.

* Кадеты, конституционные демократы – конституционно-демократическая партия в России в 1905–1917 гг. В 1-й и 2-й Государственных думах кадеты занимали главенствующее положение. Преобладали в первом составе Временного правительства. После октября 1917 г. партия кадетов запрещена.

Эсеры, социалисты-революционеры – политическая партия, существовавшая в России в 1901–1923 гг. После февраля 1917 г. эсеры входили в Советы, Временное правительство, занимали руководящее положение во ВЦИК, после октября 1917 г. участвовали в антибольшевистских выступлениях, впоследствии большинство эсеров репрессировано и уничтожено.

Меньшевики – представители политического течения в РСДРП, с 1917 г. – самостоятельная политическая партия. В 1924 г. меньшевизм как организованная сила прекратил существование на территории СССР.

** *Кунгурский округ... С.:*

В селах и деревнях Кунгурского уезда советская власть устанавливалась в острой классовой борьбе. Зажиточные слои выступали против Советов и большевиков, убивали активистов новой власти. 1 февраля 1918 г. на общем собрании Кунгурского уездного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 106 голосами за, 25 против и при 6 воздержавшихся была «принята резолюция о признании советской власти и желательности таковой на местах»*.

С признанием власти Советов было предложено распустить уездную и волостные земские управы. Вскоре служащие советских органов власти отмечают:

* Из летописи земли Кунгурской. – Пермь. – 1967. – С. 24.

** Там же, с. 58.

«Теперь работать стало легче. Из деревни шли вести более благоприятные, чем раньше. Партийная организация крепла и росла. Организовались ячейки среди крестьянства»**.

Городское население, недовольное новой властью, объединялось в нелегальную организацию. Оно призывало готовиться к тому, чтобы уничтожить советских работников, восстановить прежнюю власть. Борьба обострялась, и Кунгурский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился за помощью к Пермскому городскому Совету. Эта помощь пришла скоро. Она выразилась в уничтожении «контрреволюционно настроенных людей». А именно, прибыл в феврале 1918 г. вооруженный отряд под командованием А.Л. Борчанинова и расстрелял тех, кто выступал против советской власти. Расстреливали в центре города, на льду р. Сылвы, тела были спущены в воду. Среди убитых оказались супруги Агеевы, известные в городе благодетели***. Таисия Васильевна, как уже мы писали выше, обучала детей в своей школе, создала театр, активно участвовала в организации музея. Кожевенный завод, который ей достался от отца В.Е. Фоминского, продала и денежные средства пустила на нужды родного города.

*** Быстрых Т.И. Пьяный обыск // Вечерняя Пермь. – 1990. – 7 июля.

Из воспоминаний дочери Агеевых Валерии, которая в 13 лет осталась без родителей, мы узнаем, какое это было страшное время в истории Кунгура:

«...папу, а особенно маму знал и любил весь город, и можно себе представить, какое потрясающее впечатление произвело на всех их внезапное убийство. Сейчас же бросился в собор служить панихиду. Церковь была полна народу. Когда услышали: «убиенных Арсения и Таисию», – то вся церковь рыдала. Еще так недавно Агеевых все видели на собраниях – и вдруг приходится молиться за упокой душ...

Когда кончилась панихида, весь народ бросился в городскую управу к го-

родскому голове, которым тогда был Суслов, злейший враг наших. Выбрали несколько делегатов, которые отправились к Суслову и чуть не с кулаками требовали выдать трупы или сказать, куда их дели. В числе делегатов была Матреша. Она, совершенно не помня себя, бросилась на Суслова, затопала на него ногами и закричала, чтобы он сию минуту подавал тела ее хозяев. Суслов побледнел и позеленел от страха, видя такое множество возмущенного народа. Многие пошли в Совет и требовали того же. Но добиться толком ничего не удалось. Вину всю сваливали на карательный отряд, который скрылся и увез с собой папу и маму, живыми или мертвыми – неизвестно. Народ не удовлетворился этим ответом, и С. Ал. Носов попросил позволения осмотреть все здание кузнецовского дома. Никто не верил комиссарам, все смутно надеялись, что мама и папа сидят где-нибудь в подвале взаперти. Но даже при самом тщательном осмотре не оказалось никаких следов их»*.

** Назаровский: к 100-летию со дня рождения Б.Н.Назаровского, журналиста и краеведа. – Пермь, 2004. – С. 9-10.*

Для борьбы с контрреволюцией взамен Военно-революционного комитета 27 июня 1918 г. создается Чрезвычайная комиссия. 10 июля в Кунгуре проводится первая уездная конференция большевиков, которая призывает к «наглядной пропаганде преимущества советской власти». Программа советской власти по разрушению прежнего режима продолжалась.

Осенью 1918 г. Кунгурский уезд становится ареной масштабных военных действий. Когда положение Красной армии стало критическим, в Кунгур, прорвав линию обороны белых, вступила с Южного Урала сильная партизанская армия под командованием В.К. Блюхера. Она соединилась с 3-й армией, и положение под Кунгуром стабилизировалось.

Но с востока, из-за Урала, шла Сибирская армия под командованием А.В. Колчака. В Кунгуре было объявлено осадное положение. На защиту города уходят многие организаторы советской власти, рабочие и крестьяне.

В середине декабря 1918 г. войска белых приблизились к Кунгуру и 21 декабря его захватили. Как только город оказался в руках белых, был отслужен благодарственный молебен, выпущено воззвание к населению, создана следственная комиссия из представителей восстановленных городской и земской управ, духовенства для «ловли красных», то есть для развертывания террора. Как сообщалось в «Кунгурском вестнике», за первую неделю было «вынесено 768 приговоров». Купцы и промышленники приветствовали новый режим, при котором им было обещано возвращение капиталов.

Хотя активных революционеров в городе не оставалось, но в нем развертывалась подпольная борьба с белыми. На станции Кунгур

возникла ячейка молодежи, сочувствующей красным. Она выпускала на печатной машинке газету «Луч социализма» и распространяла ее среди солдат. Провела, «как во времена самодержавия», празднование 1 мая – за городом, в большом логоу. В хронике «колчакщины в Кунгуре» отмечалось:

«Когда красные наступали на Кунгур, то железнодорожники (наступление шло с горы. – Г. Ч.) служили им проводниками, подносили патроны, пищу, платье, затаскивали красноармейцев в свои квартиры, ликовали, вступали в партию»*.

* *Кунгурский округ... С. 60.*

Белые не смогли удержаться в Кунгуре. 1 июля 1919 г. город был взят войсками 3-й армии Восточного фронта. Вскоре была освобождена вся территория Кунгурского уезда.

«Уже подули ветры добрых перемен»

НОВАЯ ЭКОНОМИКА

После 1917 г. началось формирование нового экономического порядка.

Первостепенное значение в Кунгуре имела кожевенная промышленность. В 1918–1921 гг. она переживала сильный упадок. 18 заводов были разрушены в Гражданскую войну. Впоследствии несколько частных предприятий объединились в один завод. Он выпускал ежегодно до 42 тыс. кож, 115 тыс. пар обуви, 2 тыс. сбруй для лошадей.

В Кунгуре были сосредоточены кустарные предприятия по обработке животных продуктов, растительных материалов, металлов. Кустарная промышленность развивалась в направлении кооперации и организации трудовых артелей. В 1920 г. был создан союз кустарно-промысловых кооперативов («Кустарсоюз»). В 1926 г. начинает действовать кожевенно-промысловый кооператив по сапожному производству, в 1929 г. – кожевенно-обувная артель «Вперед».

Мастера-гончары объединялись в «Гончарную трудовую артель».

В начале 1920-х гг. в городе работало около 500 торговых предприятий. Еще в 1924 г. частная торговля значительно преобладала над государственной и кооперативной. По состоянию на 1 октября 1924 г., доля частного капитала по торговле мануфактурой определя-

лась в 30%, галантерейными товарами – в 50, бакалейными – в 35, табачными изделиями – в 15, железоскобяными товарами – в 75, стеклом – в 5, керосином – в 5, мясом – в 85%*. * Кунгурский округ... С. 86.

Торговля сахаром, солью была сосредоточена исключительно в государственных и кооперативных магазинах. Торговля хлебом, молоком, жирами, яйцами, овощами находилась целиком в частных руках. Хлебные продукты, которые заготавливались государственными и кооперативными организациями, вывозились за пределы Кунгурского района.

Цены на продукты питания и предметы первой необходимости на городском рынке были различны. Так, в 1924 г. максимальным колебанием подвергались цены на лошадей (от 35 руб. в октябре до 425 руб. в апреле), а минимальным – на керосин (от 4 до 6 коп. за фунт)**.

** Там же. с. 87–88.

Первоочередной проблемой, вставшей перед исполнительной властью, стал местный бюджет. Он формировался за счет налогов и сборов – как государственных, так и местного значения. Тяжелые финансовые условия заставили встать на путь строжайшей централизации расходования средств. Соблюдалась строгая очередность в удовлетворении нужд. В первую очередь выдавалась заработная плата, во вторую – отпускались средства на питание детей, больных, в третью – на ремонт зданий, дорог. В официальных документах констатировалось, что в середине 1920-х гг. «финансовые перспективы Кунгура улучшаются»***.

*** Там же, с. 102.

Важным событием, повлиявшим на экономическое развитие Кунгура, стало открытие в 1932 г. постоянного металлического моста через р. Сылву.

«...был уездным, стал районным городом»

ГОРОД ОБЛАСТНОГО ПОДЧИНЕНИЯ

В 1923 г. была упразднена Пермская губерния, существовавшая с 1796 г. Тогда же уездные административные единицы заменили районами. Территория Пермской губернии вошла в состав Уральской области, образованной 3 ноября 1923 г. Кунгур стал центром вновь созданного Кунгурского округа. В составе округа было

13 районов: Кунгурский, Ординский, Березовский, Усть-Кишертский, Суксунский, Юго-Осокинский, Богородский, Уинский, Красноуфимский, Ачитский, Артинский, Шамарский, Манчажский. Общая площадь округа равнялась 24,7 тыс. кв. км.

Кунгурский округ был упразднен в 1930 г. Кунгур оставался центром Кунгурского района сначала Уральской области (она просуществовала до 1934 г.), затем – Свердловской, а с 1938 г. – Пермской области.

В 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Кунгур выделен из состава Кунгурского района и отнесен к категории городов областного подчинения.

*«Вся эта деятельность проходила
на новой социальной основе»*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Об особенностях общественной, политической и экономической жизни в послереволюционное время кунгурякам рассказал на многотысячном митинге Председатель ВЦИКа* М.И. Калинин, прибывший

* В Ц и К – Всероссийский центральный исполнительный комитет, высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти РСФСР в 1917–1936 гг.

в Кунгур летом 1921 г. на агитационном поезде «Октябрьская революция».

Митинги и собрания вообще становятся единственно возможной формой удовлетворения потребностей людей в информации о положении в стране и городе, как и формой выражения их отношения к происходившим событиям. Активность рабочих, желающих добиться своевременной выдачи зарплаты, проявляется в проведении собраний.

В 1920-е гг. в Кунгуре стала развиваться коллективная деятельность по оказанию помощи голодающим, беспризорным детям, пострадавшим в войне.

Большое значение в общественной жизни города занимали субботники. Около 7 тыс. жителей Кунгура приняли участие во Всероссийском субботнике 1 мая 1920 г., который превратился в массовый народный праздник.

Титульные листы краеведческих изданий:
«Сборник Кунгурского общества краеведения»,
«Кунгурско-Красноуфимский край». 1925 г.

ется газета «Искра». 1 июля 1923 г. появляется первый отряд юных пионеров.

Как и по всей стране, в Кунгуре создаются добровольные общественные организации: Общество друзей воздушного флота (ОДВФ), отделение Международной организации помощи борцам революции (МОПР), Общество друзей химической обороны и промышленности (Доброхим). Общество «Долой неграмотность» (ОДН) в 1925 г. насчитывало 539 членов в 13 ячейках.

Эти общества вели широкую воспитательную работу, организовывали шефство, выявляли и обучали неграмотных, распространяли агитационную литературу. Окружное отделение Доброхима вело кампанию по протравливанию формалином семенного зерна. Организация МОПРа переписывалась с борцами революции, находящимися на острове Ява.

В общественной жизни все большее участие принимали женщины. Они вступали в ряды партии, комсомола, участвовали в собраниях, субботниках, осуществляли общественный контроль в торговых и детских учреждениях, занимались беспризорными. Немало женщин выдвигалось на руководящие посты. Но далеко не везде в то время проявлялось терпимое отношение к активной деятельности женщин. Поднятию авторитета женщины-общественницы немало послужила первая окружная конференция женщин, состоявшаяся в Кунгуре 8 марта 1924 г.

Наиболее активные молодые люди вошли в комсомол. Они объединялись в различные кружки: политического просвещения, драматические, музыкальные. Некоторые из них становились культурмейцами, вели антирелигиозную агитацию.

С 14 ноября 1920 г. городом стал управлять Кунгурский городской Совет. С образованием Кунгурского округа в 1923 г. общественная жизнь значительно активизировалась. В городе проходят окружного значения конференции и съезды партии, комсомола, советов, профсоюзов, женщин. С 1921 г. изда-

Большим событием в общественной жизни города и края явились открытие в 1925 г. Кунгурского общества краеведения и выпуск краеведческого ежемесячника «Кунгурско-Красноуфимский край». В уставе общества указывалось, что оно «имеет целью объединение в пределах Кунгурского округа лиц научно работающих и содействующих изучению местного края, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде»*.

* *Сборник Кунгурского общества краеведения. – Кунгур, 1925. – Вып. 1. – С. 1–2.*

Много нового в общественную жизнь внесли изменения в праздничной культуре. В январе 1918 г. декретом Совнаркома был осуществлен переход на григорианский календарь, так называемый новый стиль. Православная церковь не приняла этого перехода и продолжила вести летоисчисление по юлианскому календарю, что привело к несовпадению времени празднования основных христианских праздников в Европе и России.

Введение нового календаря (стиля) стало одним из ключевых направлений в культурной политике Советского государства. Исследователи отмечают, что переход со старого стиля на новый был частью идеологической борьбы того времени и стал одним из решающих факторов, приведших в 1920-е гг. к изменениям в культуре России, в частности к разрушению традиционной праздничной культуры.

С вводом нового стиля времяисчисления началось внедрение новых праздников как способа формирования нового мира. Этот сложный процесс получил отражение в содержании календарей, которые издавались с 1918 г.

Достаточно перелистать календарь, изданный в 1925 г., чтобы убедиться: советские праздники полностью завоевали все его пространство, вытеснив православные**. Сам календарь как вид печатной про-

** *Кунгурский округ... С. 1–12.*

дукции превратился в одну из форм агитационной литературы. Информация, заложенная в нем, теперь была нацелена на формирование нового общества и нового человека. Все исторические события, представленные в календаре, относились в основном к российскому и кунгурскому революционному движению; факты и персоналии российской культуры, представленные на его страницах, подавались только в советско-революционном контексте. Такое выстраивание календарной информации отрывало советскую эпоху от христианской и российской истории.

В 1929 г. выходят официальные распоряжения об изъятии из массового пользования всех религиозных календарей, указывается на недопустимость сосуществования религиозных и советских праздников. В утверждении новой праздничной культуры решающую роль сыграл агитационный отдел Кунгурского городского комитета ВКП(б). В дни местных храмовых дней рекомендовалось проводить различного рода антирелигиозные мероприятия.

В 1930-е гг. местная власть пошла на открытый разрыв с прошлым. Сначала храмы закрывались, а затем и уничтожались. Город, таким образом, лишался сакральных центров, которые в течение нескольких веков являлись структурообразующими в его духовном пространстве. Стерли с лица земли Благовещенский и Богоявленский соборы, Скорбященский и Мининский храмы, разобрали колокольню Успенской церкви, лишился четырех глав Владимиро-Богородицкий храм. Более благосклонно местная власть отнеслась к Всехсвятскому храму, находящемуся возле загородного кладбища. В нем служба прерывалась только на период с октября 1940 по ноябрь 1943 г.

Отказ от всего старого выразился в изменении наименований улиц и площадей Кунгура, особенно тех, которые запечатлели православную историю города. Новые названия были связаны с определяющими понятиями и событиями революционной истории. Так, Благовещенская улица стала Советской, Никольская – Октябрьской, Предтеченская – Свободы, Успенская – Ленина.

Соборной площади присваивается имя Е. Пугачева. Обелиск, посвященный защитникам Кунгура от пугачевцев, потерял первоначальный вид. На нем появились надписи совсем другого значения: на одной стороне – «1703 и 1774 гг. В память первых вспышек протеста кунгурских крестьян против крепостничества», на другой – «Вечная память сынам Урала, гордо павшим и первый стяг борьбы поднявшим». К тому же сняли венчающий символ обелиска – двуглавого орла – и на его место поставили красную звезду. Конечно, в текстах и на этот раз отразились события кунгурской истории, но стоило ли отказываться от слов, начертанных во славу предков – храбрых земляков, не сдавших Кунгур войскам Пугачева?

Однако полностью преобразовать традиционную праздничную культуру кунгуряков советской власти не удалось. Закрыли храмы, но места проведения обрядов переместились в домашнее пространство, активизировалась роль мирских людей, заменявших священ-

нослужителей. Значительная часть населения не отказывалась от крещения, венчания, отпевания.

Новые формы общественной жизни во многом стали традицией и определили на последующие десятилетия деятельность общественных организаций и органов местного самоуправления. В Кунгуре сложился круг людей, благодаря которым утверждались эти новые формы. Они горячо верили в торжество нового общества и искренне стремились внести свой вклад в общее дело.

«В труде, как в бою»
В ВОЕННУЮ ПОРУ

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. кунгуряки, как и жители всех городов и сел страны, встали на защиту Отечества. Они проявили подлинную самоотверженность и мужество в тылу и на фронтах.

Многим пришлось оставить мирный труд и с оружием в руках защищать родную землю. Воины-кунгуряки сражались на всех фронтах. Они стали кавалерами боевых орденов, награждены медалями, девяти из них присвоено высокое звание Героя Советского Союза, в том числе Г.Ф. Сивкову – дважды.

С первых дней войны в городе собирали для фронта теплые вещи и подарки. Так, в 1941 г. собрали 17,2 тыс. вещей, в том числе 471 пару валенок, 218 полушубков, 1289 свитеров. На строительство танков и самолетов кунгуряки внесли почти 12,5 млн. руб.*.

* *Кунгур в четырех веках: 1662–1984 гг. – Кунгур, 1987. – С. 7.*

В Кунгуре с марта по май 1943 г. находился штаб танковой бригады Уральского добровольческого танкового корпуса. От жителей города поступило более 300 заявлений с просьбой принять их в ряды танкистов.

Напряженно работали все предприятия города. Значительно возросла производительность труда на машиностроительном заводе и кожевенно-обувном комбинате, бесперебойно работал железнодорожный транспорт.

Ввиду резкого сокращения кадров пришлось заменить отцов на производстве, освоить тяжелые мужские профессии совсем юной

Мемориал на Соборной площади. Фото 2005 г.

молодежи и женщинам. Энтузиазм, горячее желание приблизить победу над врагом были залогом многих трудовых достижений. 6819 тружеников тыла Кунгура награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Эвакуированные в Кунгур жители западных районов встречали поддержку и сочувствие у населения. Город заботился о раненых, находящихся в военных госпиталях.

Напряженную жизнь Кунгура в годы войны направляли городской комитет Коммунистической партии и городской Совет. Им помогали различные общественные организации, среди которых большая роль принадлежала профсоюзу и комсомолу. В военные годы с новой силой пробудилась общественная активность женщин. Они во всем заменили ушедших сражаться мужчин, нередко оставались единственными кормильцами в семье.

Большую поддержку оказывали кунгуряки районам, освобожденным от врага, пострадавшим от войны. В Волгоград (тогда Сталинград) отправили около 244 тыс. единиц одежды, обуви, мебели, станков, оборудования, инструментов. На Украину поставили промышленных и продовольственных товаров на сумму 289 тыс. руб., а в Белоруссию – на 184 тыс. руб.

В Кунгуре сооружены мемориальные комплексы в честь воинов-машинистроителей, обувщиков, железнодорожников, а также город-

ской мемориал «Скорбящая мать». Особый памятный знак говорит о самоотверженности героев тыла.

На Беркутовском (Исаковском) кладбище установлен памятный знак безымянным жертвам войны – жителям блокадного Ленинграда и других городов России, умершим в поездах во время эвакуации. В Кунгуре эту часть кладбища называют Пискаревкой, по аналогии с Пискаревским кладбищем Санкт-Петербурга. Вскоре здесь появится настоящий памятник.

«...у города специфическая сфера бытия»

НАЧАЛО ВЕКА

На всем протяжении истории Кунгура здесь жили наряду с русским и другие народы. Мы уже обращали внимание на это, рассказывая его историю конца XIX в. Полиэтничность города – его закономерное состояние в Прикамье, отличающемся этнической мозаичностью населения.

Обратимся к итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., которые позволяют увидеть этнический облик современного Кунгура.

На момент переписи в городе проживало 68,9 тыс. человек, в том числе русских – 65,3 тыс. (94,8%). Вторыми по численности были татары (1,5 тыс.), третьими – украинцы (441). Из народов, которые давно живут в Прикамье, в Кунгуре были коми-пермяки и башкиры (по 187), удмурты (143), марийцы (64)*. Представлены также белорусы (163), немцы (146), азербайджанцы (93), армяне (89), чувашаи (62), чеченцы (39), узбеки (35), молдаване (33), евреи (30).

Всего в таблицу распределения населения Кунгура по национальности включено 57 народов. Кроме того, в этой таблице сообщается, что 7 человек принадлежат к «другим национальностям» и 44 человека «не указали свою национальность».

* Национальный состав населения Пермской области. – Пермь, 2004. – С. 53–54.

Однако при широчайшем многообразии этнического состава населения было нечто общее и существенное для всех народов: они живут в русском городе, им приходится знать русский язык и приспособляться к культуре и быту русских. Во взаимодействии на-

родов неизбежно идут процессы ассимиляции нерусского населения, в большей степени характерные для контактной среды русских с родственными по происхождению белорусами и украинцами, а также с коми-пермяками, удмуртами, марийцами, в некоторой степени с татарами и башкирами, общение с которыми является многовековым. Современная этническая среда Кунгура представляет большой интерес и достойна пристального изучения.

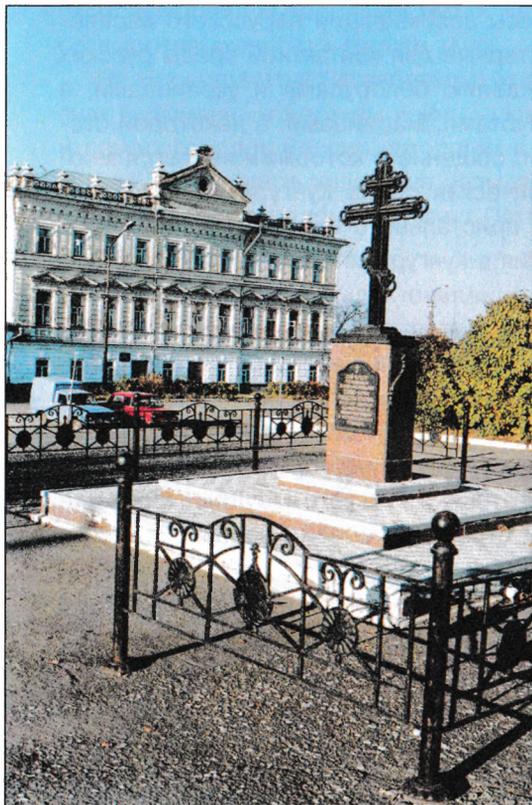
В последние два десятилетия в Кунгуре много сделано для оживления производственной и социально-культурной сферы жизни.

Промышленность города остается разнообразной: работают предприятия машиностроения, легкой и пищевой промышленности, строительной индустрии, энергетической отрасли, производится специальная обувь. Потенциал Кунгура находится под пристальным вниманием российских и иностранных инвесторов.

Свыше 1500 буровых агрегатов Кунгурского машиностроительного завода направлено в 39 стран Восточной Европы, Ближнего Востока, Африки, Южной Америки.

В связи с тем что в окрестностях Кунгура имеются большие запасы гипса, в 2004 г. здесь появилось новое предприятие «КНАУФ-Кунгур», которое принадлежит международной фирме «КНАУФ». «КНАУФ» – это семейная фирма, основанная в 1929 г. братьями А. и К. Кнауфами. Их идея состоит в переработке гипса таким образом, чтобы люди могли строить дома быстрее, лучше и с меньшими затратами. Фирма имеет свыше 130 заводов и учебных центров в более чем 30 странах Европы, Азии, Америки. Строительные системы предприятия «КНАУФ-Кунгур» соответствуют стандартам Европейского союза. Его продукция – гипсовые плиты и картон – пользуется большим спросом. Поэтому предприятие является успешно развивающимся.

В Кунгуре существует широкая сеть профессиональных образовательных учреждений. Работают колледжи: автотранспортный, лесотехнический, сельскохозяйственный, педагогический, художественно-промышленный, промышленных технологий, управления и дизайна. В них можно получить специальности, востребованные в современном обществе. Например, в автотранспортном колледже готовят специалистов по ремонту и эксплуатации автомобилей, автоматическим системам управления, менеджеров, в художественно-промышленном колледже – камнерезов, керамистов, изготовителей художественных изделий из дерева, текстиля, в колледже промышленных технологий, управления и дизайна – мастеров моделиро-

Крест на Соборной площади. 2000 г.

вания и конструирования швейных изделий, маркетологов, сборщиков обуви, поваров-кондитеров.

В Кунгурском автотранспортном колледже, который ведет свою историю от технического, Губкина училища, сложилась традиция поощрять успешных студентов премией-стипендией имени А.С. Губкина – основателя учебного заведения. Она назначается два раза в год по решению педагогического совета: в сентябре – тем, кто наиболее успешен по гуманитарной специальности, а в октябре, в день работников автомобильного транспорта, – по технической. Имена стипендиатов вносятся в летопись училища.

В 1970-е гг. в Кунгуре появился больничный городок. Детскую поликлинику, разместившуюся в новом современном здании, построенном в 2004 г., сегодня признают лучшей в крае. Поликлиника оснащена сложным диагностическим оборудованием, имеет два бассейна, водолечебницу и тренажерный зал. Скоро город получит современный роддом.

В 1970 г. Кунгур был признан историческим городом Российской Федерации. Реставраторы разработали проект, предусматривающий по возможности возвращение Кунгуру прежнего архитектурного облика, сведение к минимуму ущерба, нанесенного ему поздними переделками. С этого времени началось регулирование застройки в охранных зонах города.

Стараниями реставраторов, прихожан, благотворителей и предприятий выполнены большие работы по восстановлению первоначального облика трех храмов: Преображенского, Тихвинского, Ни-

кольского. Сегодня они вновь воссоздают элементы неповторимого облика центра Кунгура.

1990-е гг. стали временем оживления религиозной жизни города. С передачей Никольского, Преображенского, Тихвинского храмов Пермской епархии возобновились в них богослужения. Этот процесс связан с подвижничеством настоятеля Спасо-Преображенского храма протоиерея Бориса Бартова, настоятеля Никольского храма протоиерея Олега Ширинкина и главы города Николая Каданцева.

Резьбу иконостаса и киотов для Никольского храма выполнил местный резчик И.Ю. Кожухов. Освящены и вознесены на колокольню Тихвинского храма 4 колокола. Определяющая роль во внешнем облике этого храма вновь стала принадлежать традиционному пятиглавию. При Всехсвятском храме открылась воскресная школа.

12 мая 1996 г. Кунгур посетил патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Его приезд был вызван празднованием 600-летия Успения выдающегося миссионера Русской православной церкви епископа Стефана Пермского*. Несомненно, своим пребыванием патриарх способствовал ускорению возрождения духовных и нравственных устоев нашего общества.

Программа пребывания патриарха была насыщенной. На городском мемориале он отслужил *литу* – краткую заупокойную панихиду по воинам, павшим во время Великой Отечественной войны, – встретился с прихожанами во Всехсвятском и Никольском храмах. На Соборной площади (кстати, ей в 1994 г. возвращено историческое наименование) патриарх отслужил молебен святителю Стефану Пермскому и освятил памятную доску, установленную на алтаре Алексеевской часовни с текстом:

«Прохожий! Обрати свой взор на эту площадь, где когда-то наши благочестивые предки во Славу Божию на украшение града Кунгура возвели два величественных собора и освятили их: первый – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в 1704 году, второй – во имя Богоявления Господня в 1915 году. Соборы были взорваны и снесены в 1939 году. Оглянись, уходя, и запомни...»

Восстановить утраченные кунгурские соборы – дело сложное и пока невозможное. Но места, где они находились, кунгуряки с каждым годом осознают как священные. Поэтому на Соборной площади на высоком гранитном пьедестале вознесен крест с надписью:

* Стефан Пермский (Великопермский) (около 1345–1396) – миссионер-просветитель народа коми (зырян) с 1379 г., первый епископ новой Пермской епархии с центром в городке Усть-Вымь на р. Вычегде. Составил азбуку языка коми и перевел на древний коми язык ряд церковных сочинений. Последователи Стефана Пермского в XV в. распространили христианство в Пермь Великую среди коми-пермяков, за что основателя Пермской епархии на Верхней Каме стали называть Великопермским.

«Сей крест установлен в ознаменование 2000-летия РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА во славу святых единосущных животворящих и неразделимых Троицы».

Историческое обоснование наличия креста заключается во введении Кунгура в систему «большой истории», в историю православия на Кунгурской земле.

Есть еще один пример, показывающий возрождение православных традиций Кунгура. В январе 2005 г. в Никольский храм прибыла из Серафимо-Дивеевского женского монастыря Нижегородской епархии икона преподобного Серафима Саровского. Святой образ написан сестрами для Иоанно-Предтеченского монастыря, в возрождении которого нуждается православный Кунгур. Согласно преданию, великий угодник Божий в 1825 г. благословлял монахиню Капитолину на основание Кунгурского монастыря. Возможно, нынешний поступок монахинь ускорит открытие женской обители.

Здание Кунгурского музея. Фото 2007 г.

В Кунгуре издавна проявлялся широкий интерес к истории и культуре края. Как уже говорилось, в 1909 г. начали создавать, а в 1911 г. открыли для посетителей городской музей, который с января 2006 г. получил статус историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

У музея-заповедника был непростой путь развития. Он много раз переезжал и даже закрывался. В 1955 г. его перевели в здание городского магистрата, а в 1998 г. музею дополнительно предоставили здание малого гостиного двора. Это позволило шире развернуть собирательскую и экспозиционную работу.

В апреле 2006 г. в особняке купца Г.И. Юхнева был торжественно открыт художественный музей, в котором широко представлены произведения художников, запечатлевших Кунгур и его окрестности, а также находится обширная коллекция произведений из гипса и камня.

Фонды постоянно обогащались коллекциями, и в наше время они

насчитывают около 80 тыс. предметов. Здесь хранятся обширные коллекции по природе края, археологии, этнографии. Музей располагает личными фондами исследователей и общественных деятелей края. Изобразительные материалы включают коллекции картин и рисунков местных художников, произведения мастеров резьбы по камню. Особый интерес представляет богатая коллекция художественной керамики. Более тысячи фотографий, собранных в музее, всесторонне отражают культуру, быт, общественную жизнь Кунгурского края прошлого и нынешнего времени.

Чрезвычайно полезной является библиотека музея. Хранятся в ней книги знаменитого кунгуряка, исследователя Америки и Аляски К.Т. Хлебникова, рукописные и печатные книги XVII–XVIII вв., археологические находки и этнографические материалы.

Под старинными сводами музейных зданий царит удивительно духовная атмосфера, характерная для прошлого Кунгура. Побывав в городе, невозможно не познакомиться с уникальными экспонатами.

По плану в Кунгуре предполагается значительно расширить музейный комплекс. Уже готовится экспозиция музея истории кунгурского купечества в малом гостином дворе купца первой гильдии М.И. Грибушина, которая позволит ощутить подлинность прошлой эпохи.

Но могут ли сотрудники музея пассивно ждать возможности более широко развернуть новые экспозиции? С.М. Мушкалов, Л.Ю. Елтышева, О.А. Ренева, З.З. Попова, Е.А. Теплякова и их коллеги читают лекции в различных аудиториях, проводят научные конференции, публикуют результаты своих исследований. У них накоплен опыт партнерства с пермскими нефтяниками, которые поддерживают своими грантами музейные проекты.

Здание гончарной лавки. Фото 2005 г.

Входная зона в Кунгурскую пещеру. Фото 2007 г.

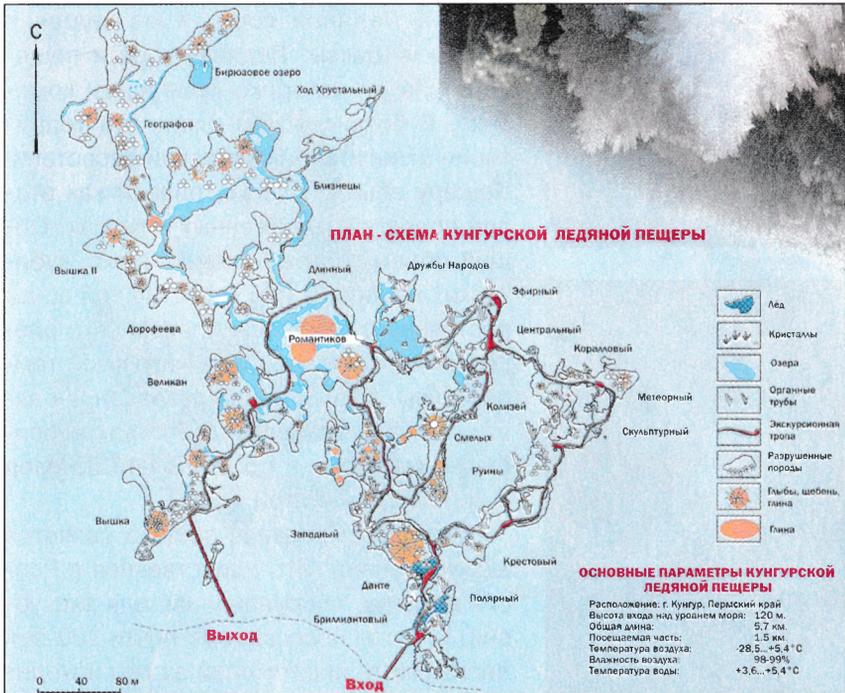
«Знать прошлое во имя будущего... стирать ту историческую пыль, которая волею судьбы припорошила имена благотворителей и события из жизни города».

Пожалуй, эти слова и определяют значение всей деятельности Кунгурского музея-заповедника.

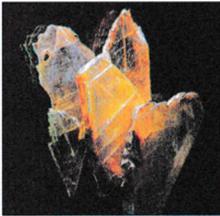
Своеобразным символом Кунгура является ледяная пещера. За почти 300-летний период ее изучения об этом уникальном памятнике природы опубликовано около 100 научно-популярных и более 500 научных работ. Первый план ее был составлен С.У. Ремезовым в 1703 г. Он дошел до нашего времени в копии. В 2000 г. появился электронный план пещеры, который активно применяется в научных исследованиях.

Ледяная пещера – одна из немногих в мире и единственная в России, где проводятся комплексные научные наблюдения. Их ведет Кунгурская лаборатория-стационар Горного института Уральского отделения Российской академии наук, размещенная в специальном здании возле входа в пещеру. При ней создан Музей карста и спелеологии – единственный на Урале. В наше время решается вопрос о включении ледяной пещеры в список наследия ЮНЕСКО.

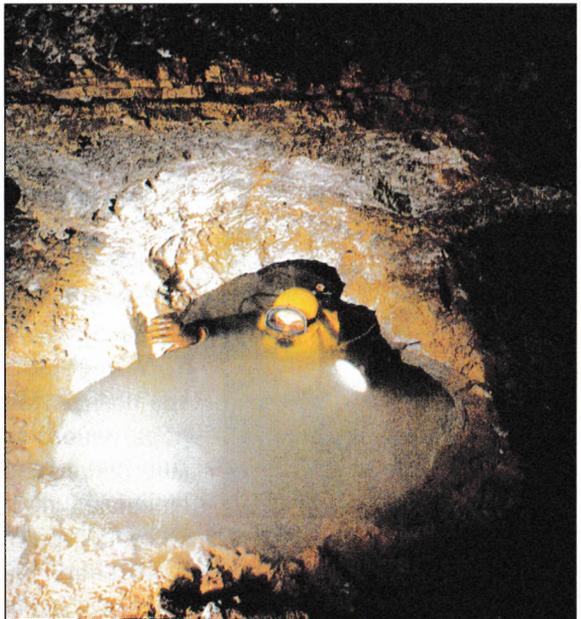
Ледяная пещера пользуется известностью как уникальный памятник природы. Она расположена на северо-восточной окраине Кун-

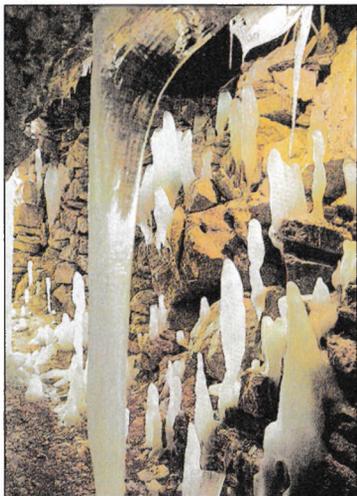
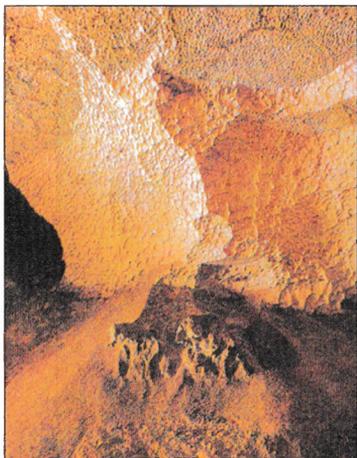

План Кунгурской пещеры

В гротах Кунгурской пещеры

В гротах Кунгурской пещеры

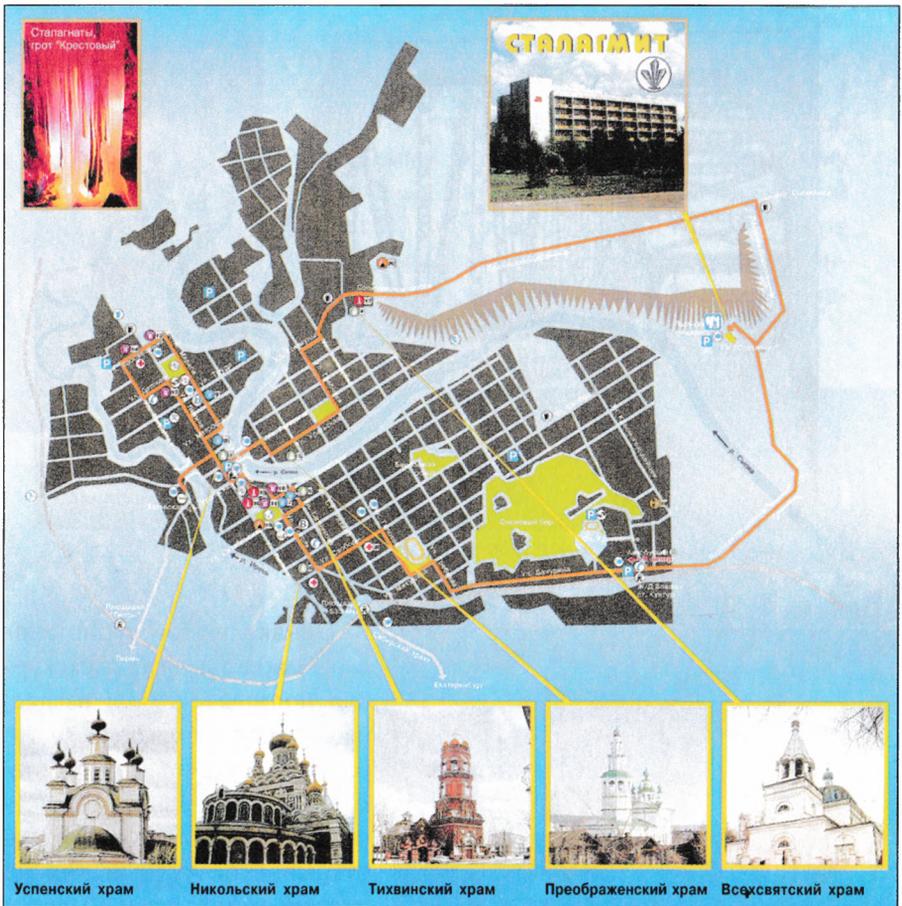
гура, в Ледяной горе, в междуречье Сылвы и Шаквы. Ледяная гора и пещера образуют историко-культурный комплекс. В ботаническом плане эта территория относится к кунгурской лесостепи. Пещеру обычно рассматривают как эталон полостей, заложенных в гипсах. Общий объем гротов более 100 тыс. кубических метров. В ней известно три зоны: постоянного оледенения, сезонного оледенения, постоянной положительной температуры. Общая длина разведанной части пещеры составляет 5,7 км, экскурсионный маршрут – 1,5 км. В ней 60 озер с кристально чистой водой.

Кунгурская ледяная пещера является экскурсионной. Это единственная в России пещера, оборудованная для экскурсий. Туристы посещают ее почти 100 лет. Численность посетителей за год доходит до 100 тыс. человек.

В наше время туристское обслуживание пещеры ведет компания «Пермтурист». У подножия Ледяной горы находится туристический комплекс «Сталагмит» с гостиничными номерами разного уровня и горнолыжным центром.

Познакомившись с памятниками архитектуры, музеем-заповедником, ледяной пещерой, посетив «Гончарную лавку», туристы совершают увлекательный сплав по рекам Сылве и Ирени.

У Кунгура большое будущее как центра познавательного, событийного и корпоративного туризма. Город располагает многочисленными объектами культурного наследия: здесь находятся 4 памятника градостроительства и архитектуры федерального значения, 7 памятников областного значения, 52 памятника градо-

Карта-схема туристских маршрутов Кунгура

строительства и архитектуры областного значения, 41 памятник истории, культуры и архитектуры местного значения. Правда, пока еще мало сделано по выявлению и учету индивидуального жилища, обладающего архитектурным декором.

Памятником промышленной архитектуры (к сожалению, не учтенным официально как памятник архитектуры) является мост через р. Сылву, построенный в 1932 г. и впервые отреставрированный летом 2006 г. Уникальность его в том, что на Урале это единственная ферменная (со сквозной решеткой) конструкция пролетного строения с ездой понизу, с очертанием верхнего и нижнего поясов по круговой линии. Мост является одновременно автомобильным и пешеходным.

Автодорожный мост через Сылву. 1932 г. Фото 2007.

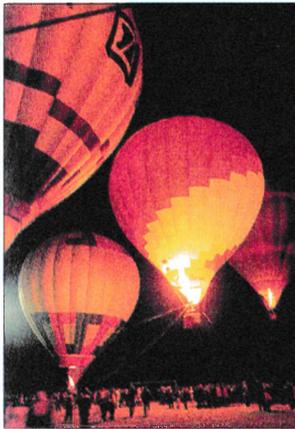

Фестиваль «Небесная ярмарка Урала». 2006 г.

Однако любой туристический маршрут, любая экскурсия должны, на наш взгляд, начинаться у колыбели Кунгура. Это гора, на которой были кремль, соборы, а сегодня стоит гостиный двор. С горы открывается чудный вид на нижний город, реки Сылву и Ирень. Это подлинно святое место. Как широкие перспективы открывали здесь для себя основатели Кунгура, так и жители современного горо-

да, зная его прошлое, связывая себя с ним, могут здесь думать и говорить о своих планах во имя будущего родной земли.

Кунгур приобрел известность молодой и редкой традицией – фестивалем воздухоплателей под названием «Небесная ярмарка Урала». Особой популярностью пользуются «воздушные баталии», когда аэростаты – воздушные шары – делятся на две армии и облетают территорию города, особенно те его места, где собирается много туристов и жителей города. С аэростатов в определен-

ную цель сбрасываются маркеры, и таким путем захватывается «военная территория». Армии воюют под флагами цветов Кунгура – синим и желтым. Подобной состязательной программы нет нигде в мире. Программу воздушных баталлий разработал кунгурский пилот А. Вертопрахов. Факт, что в Кунгуре начато впервые в мире командное первенство, подтвержден Федерацией воздухоплавания России.

Фестиваль «Русский мир» в Кунгуре. 2005 г.

Современные художественные изделия кунгурских мастеров. 2007 г.

Памятный знак на набережной Сылвы в честь землепроходцев.
Фото 2005 г.

Сегодня за Кунгуром прочно закрепляются названия: исторический город, духовная столица Урала, чайная столица Российской империи, город воздухоплателей.

Очень хочется верить, что историко-культурное наследие Кунгура будет сохранено на долгие века, а город и его округа станут поистине зоной гостеприимства.

ХРОНИКА КУНГУРА

- 1648** – основание города при впадении р. Кунгур в р. Ирень и образование Кунгурского уезда.
- 1663** – основание города второй раз в междуречье Сылвы и Ирени.
- 1703** – восстание крестьян Кунгурского уезда; создание С.У. Ремезовым чертежей города и уезда.
- 1721** – открытие арифметической (горнозаводской) школы.
- 1724** – появление первого кожевенного завода.
- 1733** – обследование ледяной пещеры участниками Великой Северной второй Камчатской экспедиции И.Г. Гмелиным, Г.Ф. Миллером.
- 1763** – открытие Сибирского тракта.
- 1770** – пребывание в Кунгуре академика И.И. Лепехина.
- 1772** – пребывание в городе академика И.П. Фалька.
- 1774, январь** – осада города отрядами Е. Пугачева.
- 1780** – составление И. Лемом первого регулярного плана города.
- 1781** – получение статуса уездного города Пермского наместничества.
- 1783** – учреждение герба города.
- 1789** – открытие малого народного училища.
- 1790** – пребывание в Кунгуре писателя А.Н. Радищева.
- 1798** – открытие кожевенного завода В.Е. Фоминского.
- 1820** – открытие кожевенного завода Пономаревых.
- 1824** – пребывание в Кунгуре императора Александра I.
- 1837** – пребывание в Кунгуре наследника царского престола Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II.
- 1840** – открытие библиотеки имени К.Т. Хлебникова; начало чайной торговли А.С. Губкина.
- 1855** – открытие мастерских Семовских по пошиву обуви.
- 1859** – открытие кожевенного завода П. Чулошникова.
- 1860** – начало работы кирпичного завода.
- 1861** – основание судостроительного завода П.В. Гакса.
- 1862** – открытие общественного банка.
- 1877** – открытие технического, А.С. Губкина училища.
- 1880** – издание в Санкт-Петербурге «Краткой Сибирской летописи (Кунгурской) со 154 рисунками».
- 1895** – основание Общества пчеловодов.
- 1907** – появление телефонной связи.
- 1909** – начало железнодорожного сообщения.

- 1909** – пуск водопровода.
- 1911** – открытие для посетителей городского научного музея.
- 1912** – основание алебастрового завода.
- 1913** – открытие кинематографа.
- 1914** – пребывание в Кунгуре Великой княгини Елизаветы Федоровны и принцессы Баттенбергской Виктории Федоровны и дочери ее принцессы Луизы.
- 1915** – начало издания газеты «Кунгурский листок».
- 1917, октябрь** – провозглашение советской власти.
- 1919, 1 июля** – освобождение города от белой армии.
- 1921, 15 октября** – выход первого номера газеты «Искра».
- 1922** – пуск лесозавода.
- 1923** – упразднение Кунгурского уезда; образование Кунгурского округа.
- 1925** – образование Кунгурского общества краеведения.
- 1926** – открытие педагогического училища.
- 1929** – создание кожевенно-обувной артели «Вперед».
- 1930** – ликвидация Кунгурского округа.
- 1931** – основание школы-завода по подготовке кадров для Уральского завода тяжелого машиностроения (Свердловск); на Торговой площади разбит городской сад и построено здание для летнего театра.
- 1932** – открытие металлического моста через р. Сылву.
- 1936** – изготовление камнерезной артелью облицовочной плитки для Московского метрополитена.
- 1937** – посещение ледяной пещеры участниками 17-го международного геологического конгресса, состоявшегося в Москве.
- 1938** – выведение Кунгура из состава Свердловской области и подчинение его вновь образованной Пермской области.
- 1939** – пуск машиностроительного завода по изготовлению нефтяного оборудования; участие камнерезной артели в международной выставке в Нью-Йорке.
- 1941** – присвоение Кунгуру статуса города областного подчинения.
- 1943** – открытие камнерезной художественной школы; начало выпуска машиностроительным заводом бурового и нефтепромыслового оборудования.
- 1944** – открытие сельскохозяйственного техникума.
- 1950** – открытие высоковольтной линии электропередачи Пермь–Кунгур.

- 1953** – открытие научно-исследовательского стационара Уральского филиала Академии наук для изучения ледяной пещеры.
- 1957** – утверждение генерального плана развития города до 1982 г.; открытие Дома культуры машиностроителей.
- 1958** – появление в городе первого телевизора.
- 1960** – открытие мебельной фабрики.
- 1963** – завершение электрификации железной дороги Пермь–Кунгур–Шая; основание нефтегазодобывающего управления «Кунгурнефть».
- 1965** – начало эксплуатации трансляционной телевизионной вышки.
- 1967** – утверждение генерального плана развития города до 2000 г.
- 1970** – присвоение Кунгuru статуса исторического города России.
- 1975** – открытие мемориалов воинам-землякам, сражавшимся на фронтах Великой Отечественной войны.
- 1980** – появление первого электрорегулировщика – светофора.
- 1982** – сдача в эксплуатацию туристского комплекса «Сталагмит».
- 1983** – открытие памятника-танка Уральскому добровольческому танковому корпусу.
- 1985** – установление на въезде в город со стороны г. Перми и г. Екатеринбурга скульптурной композиции «Кунгур» (величественный старец с кристаллами и рогом изобилия).
- 1991** – возвращение библиотеке города имени ее основателя К.Т. Хлебникова; начало археологического изучения города.
- 1994** – возрождение почетного гражданства, присвоение звания почетного гражданина города ученому-карстоведу В.С. Лукину.
- 1995** – утверждение программы развития туризма в г. Кунгуре и Кунгурском районе, разработанной Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия и научно-информационной фирмой «Туринформ» (Москва).
- 1996** – пребывание в Кунгуре патриарха Московского и всея Руси Алексия II.
- 1997** – межрегиональная научно-практическая конференция, посвященная 200-летию образования Пермской губернии.

- 1998** – пребывание в городе потомков рода Романовых: Великой княгини Марии Владимировны, ее матери Леониды Георгиевны и наследника Георгия.
- 2002** – научно-практическая конференция, посвященная истории и современному состоянию ярмарок на Урале; создание Центра по координации и развитию туризма.
- 2003** – международная конференция, посвященная 300-летию изучения ледяной пещеры.
- 2004** – открытие предприятия международной фирмы «КНАУФ-Кунгур» по выпуску гипсовых плит и картона.
- 2005** – второй Пермский межрегиональный форум «Русский мир» и Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие русского этноса в современной России: проблемы и перспективы»; 200-летие городского архива.
- 2006** – пятые «Грибушинские чтения»; открытие художественного музея; торжества по поводу 85-летия газеты «Искра».

ЛИТЕРАТУРА

Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: краткий энциклопедический словарь. – Пермь, 2003.

Грибушинские чтения – 2004: тез. докл. и сообщ. IV регион. науч.-практ. конф. – Кунгур, 2004.

Грибушинские чтения – 2006: ист.-культ. и природ. наследие как фактор развития территории. – Кунгур, 2006.

Елтышева, Л.Ю. Полезны всегда, полезны нам науки: из истории развития народного образования г. Кунгура XVIII – начала XX в. /Л.Ю. Елтышева. – Кунгур, 2004.

Золотов, Е.Д. Боль души: избранное / Е.Д. Золотов. Под ред. О. Реневой. – Кунгур, 2002.

Из летописи земли Кунгурской: сб. ист.-краевед. материалов. – Пермь, 1967.

Кунгур в четырех веках: 1662–1984. – Кунгур, 1987.

Кунгурская ледяная пещера: опыт режимных учреждений. – Екатеринбург, 2005.

Кунгурская летопись Пиликиных. – Пермь, 1887.

Кунгурская пещера: 300 лет научной и педагогической деятельности: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Кунгур, 2003.

Кунгурские меценаты: рекоменд. список литературы. – Кунгур, 2003.

Кунгурский заповедный край: природа Кунгурского района: со-

временное состояние, охраняемые объекты, исторические заметки. – Пермь, 2004.

Лепихина, З.Я. Кунгур православный / З.Я. Лепихина. – Б. м. Б. и., 1999.

Мушкалов, С.М. Грибушины: право на память и уважение: книга для учащихся / С.М. Мушкалов. – Кунгур, 2000.

Мушкалов, С.М. Забытое кунгурское купечество / С.М. Мушкалов. – Кунгур, 2001.

Преображенский, А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. / А.А. Преображенский. – М., 1956.

Рапп, В. Путеводитель по Кунгуру и ледяной пещере для семейного чтения / В. Рапп. – Пермь, 2004.

Савич, А.А. Прошлое Урала / А.А. Савич. – Пермь, 1925.

Семенов, В.Л. Культура Кунгура / В.Л. Семенов. – Пермь, 2000.

Семенов, В.Л. Сказки и предания Кунгурских гор / В.Л. Семенов. – Пермь, 2004.

Старина Кунгур. – Екатеринбург, 1997: [фотоальбом, на русс. и англ. яз.].

Чагин, Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века / Г.Н. Чагин. – Пермь, 1995.

Ярмарки на Урале: история и современность: тез. докл. и сообщ. III регион. науч.-практ. конф. – Кунгур, 2002.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОСА

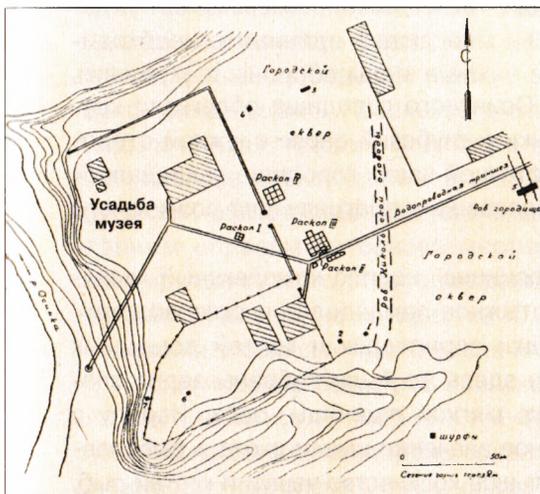
«В давние времена в краях этих
племена обитали...»

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ ОСИНСКОЙ

Городу Осе, основанному русскими поселенцами, в 2006 г. исполнилось 415 лет, и он по праву считается одним из старейших населенных пунктов Прикамья. Но интересная и поучительная жизнь города отнюдь не исчерпывает всей истории Осинского края, уходящей своими корнями в отдаленное прошлое. Познать это прошлое, пусть пока еще не в той полноте, как бы хотелось, позволяють данные археологии – науки, изучающей вещественные памятники ранних эпох.

Раскопки Осинского городища.
Фото 1996 г.

План Осинского городища V в. до н. э. – II в. н. э.

Вот одно из важных открытий, сделанных пермскими археологами В.Ф. Генингом и В.А. Обориным более полувека назад. В 1950 и 1956 гг. были проведены разведочные работы и раскопки Осинского городища, там, где сейчас находятся территория местного краеведческого музея и городской сквер. Археологи выявили сравнительно мощные, до 1,5–2 метров,

Осинское городище. Материалы находок.
Фото 1996 г.

культурные напластования, свидетельствующие о длительном обитании здесь людей. Исследования В.Ф. Генинга, В.А. Оборина, а также последующие археологические работы, проведенные в 1996 г. под руководством Н.Е. Соколовой, позволяют говорить о том, что городище возникло в позднеананьинское время, в конце V – начале IV в. до н. э., и продолжало существовать в I в. до н. э. – II–III вв. н. э., когда на основе памятников ананьинской общности сложилась и развивалась своеобразная гряденовская археологическая культура, в этническом отношении – культура древних финно-пермских племен.

То, что наряду с селищами – неукрепленными поселениями – возникали городища, вполне объяснимо. Соседство с воинственными племенами вынуждало людей принимать необходимые меры обороны и укреплять

свои поселения. Так, защиту Осинского городища облегчали крутые склоны в сторону р. Осинки и глубокий овраг с южной стороны. Со стороны равнины в восточной части городища защищалось рвом и земляным валом, создававшим преграду для возможного противника.

Само хозяйство древних «осинцев» носило комплексный характер. Ведущую роль играли мотыжное земледелие и скотоводство, о чем свидетельствуют находки зернотерок и костей домашних животных. Примечательно, что здесь же были собраны зерна злаковых культур: полбы, ячменя, мягкой пшеницы, овса. Наряду с основными отраслями подсобное значение имели охота и рыболовство. На городище найдено большое количество чешуи и костей рыб, в основном осетровых: стерляди, осетра и даже белуги. Археоло-

ги обнаружили также различные орудия труда, глиняную посуду и другие предметы быта.

Было вскрыто и несколько жилищ. Они были наземные, прямоугольные, площадью 60–65 квадратных метров, сложенные из бревен в виде сруба, покрытые сверху толстым корьем. В каждом из таких жилищ обитала большая патриархальная семья, которая состояла, как правило, из нескольких поколений ближайших родственников по отцовской линии. Общее число жителей на Осинском городище, по примерным подсчетам, составляло несколько сот человек.

Городище выступало племенным центром, находясь в окружении других поселений. Среди них упомянем городища и селища у сел Крылово, Горы, деревень Верхняя и Нижняя Чермода, Мостовая, Пещеры, Пермякова, Гремяча и др. Всего же в бассейне р. Тулвы и на прилегающем левобережье Камы археологами к настоящему времени выявлены десятки памятников, относящихся к той же эпохе, что и Осинское городище. Изучены из них пока лишь немногие.

Последующее время – середина и вторая половина I тысячелетия н. э. – явилось для местного населения весьма сложным, противоречивым и, можно сказать, трагичным. Карта расселения прикамских племен резко меняется. Эти изменения связаны с массовым продвижением на запад кочевых тюркских народов, начатым гуннами, которые перемещались из Центральной Азии по степям Сибири в Восточную Европу. Испытывая сильное давление со стороны кочевых племен, местное финно-пермское население было вынуждено отступить в западном направлении (в основном в бассейн р. Чепцы, на будущие вятские земли) и частично было поглощено пришельцами. Поселения в это время опустели.

Дальнейшая история Осинского края до появления здесь русских связана с заселением его территории башкирами. Являясь древними обитателями Южного Урала, башкиры сформировались главным образом на основе местных племен. Значимую роль в формировании этого этноса сыграли также кочевые тюркоязычные племена, пришедшие на Урал из Южной Сибири и Средней Азии, и племена угорского происхождения.

Проникновение башкир в Осинское Прикамье, по данным археологов, относится примерно к XIII–XIV вв., возможно, и ранее. Отсутствие на сегодняшний день более точной датировки объясняется сложностью выявления памятников, принадлежавших башкирским кочевым племенам. Среди племенных объединений для нас особен-

но интересно самое северное из них – *гайна*. Гайнинцев называли еще «тулвинскими башкирами», поскольку р. Тулва протекала через центральную часть их владений. Границы же расселения гайнинцев были значительно шире, включая часть правобережья Камы, а на северо-востоке – земли по р. Сылве в пределах современного Кунгурского района.

Образ жизни башкир к приходу сюда русских поселенцев был далеко иной, нежели в более поздний период, например в XVIII–XIX вв. Тогда они не знали еще земледелия, огородничества, не имели постоянных капитальных жилищ, сохраняли сильные традиции кочевничества. На раннем этапе освоения прикамского региона основным занятием башкир являлось полукочевое скотоводство. Важное хозяйственное значение имели охота, бортничество, рыболовство. В одном из ранних письменных упоминаний о башкирах, приведенных в «Книге Большому Чертежу» (1627 г.), говорится, что кормят их «мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много». Бортничество выступало архаичной формой пчеловодства. Долбленные из древесных стволов ульи – *борти* – развешивали в лесу на деревьях. Охота носила как индивидуальный, так и коллективный характер. Широко был распространен охотничий промысел на лисиц, куниц, зайцев, бобров, медведей, волков.

В XV – первой половине XVI в. территория Среднего Прикамья, где проживало башкирское население, подчинялась Казанскому ханству. После успешного похода русских войск на Казань и ликвидации в 1552 г. ханства были созданы благоприятные условия для присоединения Башкирии к Русскому государству. В числе обратившихся к царю Ивану IV с просьбой о подданстве были и северные гайнинские (тулвинские) башкиры. В Патриаршей (Никоновской) летописи сообщается, что в мае 1557 г. в покоренную Казань «башкирцы пришли, добив челом, и ясак поплатили»*.

* *Полное собрание русских летописей. – Т. 13. – М., 2000. – С. 282.*

Выражение летописи «добив челом» следует понимать как окончательное признание башкирами власти Российского государства. Это признание было подкреплено платежом ясака – налога, вносимого в казну нерусскими народами, – что являлось уже вполне реальным знаком подданства.

Устранение военной опасности на юго-восточных рубежах России открывало перспективы для проникновения на земли Среднего Прикамья, бассейна р. Тулвы русских поселенцев.

XVI–XVII вв.

«В слободе ж дворы крестьян»

ОСНОВАНИЕ ОСЫ

В вопросе об основании Осы встречаются некоторые неясные и спорные моменты. Объясняются они, главным образом, скудостью источников по ранней истории города, утратой в силу разных причин ряда ценных документов. Так, можно полагать, что какие-то подлинные материалы о нем, хранившиеся в первые десятилетия XVIII в. в московском Дворцовом архиве, сгорели во время крупного пожара 1737 г., и только часть из них была позже восстановлена по копиям, отложившимся в провинциальных учреждениях. Что же касается дискуссионных проблем, то в первую очередь они касаются даты основания города и возможного первоначального местонахождения Осинской слободы.

Еще в начале XIX в. сложилась одна из точек зрения, сводившаяся к тому, что Оса, первый русский населенный пункт на левобережье Камы, возникла, по существу, сразу же вслед за вхождением земель башкир в состав России. Одним из первых эту точку зрения высказал видный пермский историк и педагог Н.С. Попов, писавший в свое время следующее:

«Первое основание г. Осы относится еще ко времени Государя Царя Иоанна Васильевича Грозного, когда на так называемом Осинском городище началась Новоникольская слобода, в которую тогда прислан был от сего Государя образ Святителя Николая»*.

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии*. – Ч. 2. – Пермь, 1804. – С. 273.

Для суждения в пользу раннего возникновения поселения близ Камы были определенные соображения. Дело в том, что начало настоящему городу Осе дала Новоникольская слобода, и уже одно это название – Новоникольская – порождает мысль о наличии старой Никольской слободы, имевшей, в отличие от первой, более древнее происхождение. Данное первопоселение пытались найти в разных местах: и достаточно далеко от Осы, и на территории современного города. Более убедительное мнение было высказано еще в 1880-е гг. осинским священником и краеведом П.А. Шиловым в его неопубликованном труде «Город Оса в историческом и археологическом отношениях». Он считал, что первые жители слободы поселились в низовьях речки Ершовки, впадающей в р. Осинку,

на правом берегу, буквально в нескольких сотнях метров от будущей Новой слободы:

** Шилов П.А. Город Оса в историческом и археологическом отношениях. – Л. 8. – Рукопись хранится в Осинском краеведческом музее.*

«Эта речка (Ершовка. – Авт.) замечательна тем, что первая Осинская слобода образовалась на берегу ее, поэтому недавно еще эта часть города носила название «старой Никольской слободы», в отличие от Новой Никольской слободы, или Осинской слободы, которая возникла уже потом на северо-востоке от первой»*.

Однако исследователи должны разговаривать на языке фактов. Прямых документальных свидетельств в пользу того, что русское селение возникло здесь при Иване Грозном, в 1550-е гг., нет. Оса начала расти от Новоникольской слободы. Доказательством тому служит такой интересный источник, раскрывающий первые шаги русской колонизации башкирских земель Осинского Прикамья, каковым является писцовая книга А. Палицына и Ф. Аристова 1596 г. Начинается она словами:

«Лета 7104 году (в пересчете на летоисчисление от Рождества Христова это 1596 г. – Авт.) июня в 23 день по указу воеводы князя Ивана Михайловича Воротынского с товарищи за приписью государева дьяка Алексея Щепилова, Аверка Палицын да подьячий Федор Аристов в Казанском уезде, вверх реки Камы, на Осинском городище в Новоникольской слободе писали двory, а во дворех людей и пашню пахотную и переложную, и заросли и дубровы пашенные, и сенные покосы, и всякие угодыя»**.

*** Осинская писцовая книга Палицына и Аристова 1596 г. // Дмитриев А.А. Пермская старина. – Вып. VIII. Отдел II. Материалы. – Пермь, 1900. – С. 135.*

Иначе говоря, в приведенном отрывке речь идет о переписи дворов и жителей Новоникольской слободы, или Осы, как она стала называться впослед-

ствии, которая проводилась по указу казанского воеводы князя И.М. Воротынского. Среди «писавших двory» обратим особое внимание на Аверку, или Аверкия Палицына. Помимо того, что он исходил вдоль и поперек небольшую тогда Никольскую слободу и вряд ли благожелательно встречал ее населением, нам становятся известными факты его биографии. Это в будущем не кто иной, как Авраамий Палицын (данное имя он получил, приняв монашеский постриг), келарь Троице-Сергиева монастыря, автор знаменитого «Сказания» – выдающегося памятника литературы и важного источника о событиях Смуты начала XVII в. в России.

Чем же ценна писцовая книга А. Палицына и Ф. Аристова? Пожалуй, самое главное – тем, что сообщает о времени основания Новоникольской (Осинской) слободы и первых ее поселенцах. Из текста этого важного документа выясняется, что слобода была основана слободчиком Нечаем Калужениным и братом его Филиппом в 1591 г.

«по государеве царе и великаго князя Феодора Ивановича всея России грамоте». «Говорящая» фамилия братьев позволяет утверждать, что они были выходцами из центрального района страны – Калужского уезда. К сожалению, других упоминаний о Калужениных ни в этом, ни в других источниках не встречается. Само же слово «слободчик» требует пояснений. Слободчиками являлись, как правило, энергичные, предприимчивые люди, хорошие организаторы, пользовавшиеся известностью среди местной администрации. Ведь далеко не каждый мог получить от властей разрешение на основание слободы. В этом ряду Калуженины вряд ли были исключением.

Круг занятий слободчиков – организаторов крестьянских поселений – был обширен. Им вменялось в обязанность «слободы строить и крестьян вновь из вольных и гулящих и прохожих людей призывать в тою слободу на государеву десятинную пашню». Активная работа по «призыву» крестьян на новые места давала свои результаты. По данным писцовой книги А. Палицына и Ф. Аристова, в числе осинских первопоселенцев вместе с Калужениными оказалось в 1591 г. 12 семейств, или дворов, «а людей в них 25 человек». Это немного, но нужно иметь в виду, что последняя цифра включала только мужское население, то есть реально людей было существенно больше. Среди первых жителей слободы названы Василий Жунев, Семен Конев, Алфер и Матвей Коншиновы, Дмитрий, Худяк и Павел Брюхановы, Давыд, Максим, Тарас Кучумовы и др. Призванные в слободу поселенцы приезжали сюда семьями, с женами и детьми.

Спустя пять лет, в 1596 г., в Новоникольской слободе было учтено уже 46 дворов пашенных крестьян, 2 двора бобылей (обедневших людей, которые не в состоянии были нести крестьянские повинности) и 2 двора кузнецов. Проживали здесь 83 человека мужского пола – пашенных крестьян, бобылей, кузнецов – и 9 ярыжных – низших служителей, которые были «у государевых дел в розсылке». Источник сообщает, что «своих дворов у них нет, живут по крестьянским дворам».

Следовательно, Оса, или Новоникольская слобода, возникла как поселение с доминирующим крестьянским составом. Среди осинских крестьян-поселенцев были выходцы из различных мест, вплоть до устюжских, вятских, вычегодских, московских земель, но многие перебирались в слободу с территории Верхнего Прикамья. Об этом свидетельствует ряд прозвищ и фамилий: Петр и Максим Верхокамцы, Василий Уsoleц, Василий Дулцов – гайнинец и т. п. Часть жителей пришла сюда с коми-пермяцких земель.

Что влекло крестьян в отдаленный и беспокойный край? Земельные его богатства и предоставленная властями льгота, которая на пять лет освобождала поселенцев от уплаты налогов и несения повинностей в пользу государства. Мотивировка была совершенно справедливой: чтобы «в те им лготные годы дворы построить, и пашни распахать, и поля загородить». В то же время в упомянутой писцовой книге А. Палицына и Ф. Аристова подчеркивалось:

* *Осинская писцовая книга Палицына и Аристова... С. 136.*

«А как лготные годы отойдут – и им давать оброку в государеву казну с году на год за посыпной хлеб, за рыбные ловли и за кузницы»*.

Цель переписи и заключалась как раз в том, чтобы установить точное число жителей Никольской слободы и размеры «пользуемой» ими земли для налогообложения по истечении льготных лет.

Теперь скажем несколько слов о местоположении слободы. Примечательно, что оно по существу совпадало с той территорией, где прежде находилось древнее Осинское городище. Слобода была построена на высоком мысу коренного правого берега р. Осинки (Осы), в 2 километрах к югу от Камы. Исследователи полагают: вероятно, первопоселенцы слободы использовали слабо сохранившиеся укрепления городища в оборонительных целях. При раскопках, проведенных в 1956 г. на месте Осинского городища и более позднего поселения, из сооружений Никольской слободы были обнаружены печные развалы, остатки нескольких деревянных изб, канавки со столбовыми ямами частокола, ограждавшими дворы. На краю обрыва к речке Осинке выявлены остатки укреплений в виде городней**. Было определено также место, где стояла деревянная церковь, предшественница поздней каменной. Факт ее возведения отражен в писцовой книге 1596 г. В книге указано:

** *Городня – бревенчатый сруб крепостной стены.*

*** *Клетское сооружение – клеть, деревянный сруб.*

«...на Осинском городище Новая Никольская слобода, а в ней Божия милосердия храм великого чудотворца Николая поставлен новой клетцки***; в церкви царских дверей и образов, и книг, и сосудов, некотораго церковнаго строения и попа нет».

Становится очевидным, что сооружение церкви в ее полном виде в то время еще не было завершено. С другой стороны, приведенный текст позволяет объяснить происхождение названия слободы по наименованию храма в честь Николая Чудотворца.

В XVII в. Оса фигурирует в документах уже не только как Новоникольская слобода, но и как Дворцовая Осинская Никольская и просто как Осинская слобода. Эволюция названия поселения шла, в конечном итоге, в сторону более короткого и емкого определе-

ния: в начале XVIII в. – в своеобразном сочетании пригородок* Оса, а в конце того же столетия – в привычном звучании, город Оса. Чем же объяснить такое необычное название – Оса? Ответ на этот вопрос далеко не прост, и точки над *i* до сих пор не поставлены. Написано по этому поводу немало. Остановимся на некоторых суждениях и мы.

* Пригородок – поселение, приписанное к какому-либо городу.

Итак, версии о происхождении имени города имеются разные. Одни носят легендарный, мифологический характер. Среди осинцев, например, прежде популярным было мнение, что такое название городу дал предводитель крестьянской войны Емельян Пугачев, который занял Осинскую крепость после нескольких дней осады и якобы заявил, что она «жалится, как оса». Между тем известно, что наименование поселения – Оса – существовало задолго до Пугачева.

Столь же критически можно отнестись к объяснению, связывающему название города с насекомым «оса», несмотря даже на то, что ос и пчел здесь хватало с избытком, пчелы и улей были изображены и на гербе старинного города.

Высказывается также предположение, что данное название образовалось от слова «ось». В качестве аргумента говорится о среднем, «осевом» местоположении города на точке пересечения рек, скрещении водных и сухопутных путей.

И все же при объяснении слова «Оса» ответ надо искать в названии не города, а реки, на которой столетиями он стоял. В XVII–XVIII вв. эта небольшая по своим размерам речка называлась Осой, в официальных документах использовались такие обороты, как «Николская слобода, что на Осе» (1621 г.), «город Оса при реке Оса» (1782)**. В отношении данного гидронима – названия реки – также существует ряд версий. Одна из них сводится к тому, что в глубокой древности река именовалась не Оса, а Аса, или Ас, что на языке финно-угров означает *дыра*. Поселившиеся здесь позднее русские переделали название в созвучное и более понятное им слово «Оса». Эта точка зрения уже подвергалась критике со стороны ученых. Краеведы высказывали еще одну, «мансийскую» гипотезу о происхождении названия реки. Они выводят данное название из слова «ося-гуль», что на мансийском языке означает «рыба хариус». Как полагают сторонники такого объяснения, первая часть этого слова затем вошла в лексику местного населения, закрепившись в имени города.

** ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 23, л. 23 об.

Спорность имеющихся версий о названии города и реки дает пищу для новых поисков и размышлений.

«На Осе же... за рекою Камою»
НЕДОЛГИЙ ВЕК МОНАСТЫРЯ

В конце XVI – начале XVIII в. с нашим краем оказалась тесно связана судьба единственного в этих местах Осинского Спасо-Преображенского мужского монастыря. Первые сведения о нем приведены в писцовой книге А. Палицына и Ф. Аристова 1596 г.:

«На Осе же, от слободы версты с две, за рекою Камою с Казанскую сторону, на берегу под городищем, часовня попа черного священника Ионы Прокофьева Пошехонца да старца Арсения Мезенца, а строит тот государев богомолец монастырь во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да Изосима и Савватия Соловетских чудотворцев»*.

* *Осинская писцовая книга Палицына и Аристова... С. 139.*

Из приведенного текста следует, что на противоположном от Новоникольской слободы правом берегу р. Камы в середине 1590-х гг. уже существовала часовня с двумя монахами: «черным» священником Ионой Пошехонцем и старцем Арсением Мезенцем. Велось также строительство монастыря. Но кто же тот «государь богомолец», который его строил? Историки и краеведы обычно отдавали пальму первенства Ионе Пошехонцу, учитывая, что вскоре (в 1602–1604 гг.) тот стал основателем знаменитого Верхотурского Николаевского монастыря в Зауралье. Но если вдуматься в смысл фразы, то заметим: акцент в данном случае сделан на имени Арсения Мезенца. Подтверждением может служить еще один документ, теперь уже архивный, – копия жалованной грамоты 1605 г., данной обители на рыбные ловли по Каме, которая была адресована «Осинскаго Преображенскаго монастыря строителю Арсению с братиею за печатью царства Казанского». В данном случае «строитель» (а это и основатель, и настоятель монастыря), почти без сомнения, и есть тот самый Арсений Мезенец, тем более что с момента упоминания его имени в материалах первой осинской переписки прошло не так много лет.

О самом Арсение известно очень немного. Крупнейший дореволюционный уральский историк А.А. Дмитриев, давая комментарии к той части писцовой книги 1596 г., где речь шла об Осинском монастыре, уточнял:

«Старец Арсений Мезенец был с Мезени, из Соловецкого монастыря, откуда пришел».

Кстати, в литературе можно встретить упоминание о том, что мезенским выходцем был и один из самых почитаемых на Урале святых Трифон Вятский, чья религиозно-подвижническая деятельность пришла на вторую половину XVI в. и в течение нескольких лет была связана с крупнейшим и старейшим в Прикамье (основан в 1560 г.) Пыскорским Преображенским монастырем. Вполне объяснимо и то, почему название Осинского монастыря включало имена чудотворцев Зосимы (Изосима) и Савватия. Они являлись основателями известного Соловецкого монастыря, возникшего в 1520–1530-е гг.

История «монастыря на Осе» начиналась с малого: с нескольких монастырских строений и сравнительно небольших по площади земельных угодий. По писцовой книге 1596 г., под монастырь и монастырские дворы было отведено около двух десятин земли, да еще под пашней и лесом числилось 50 десятин*. В официальных документах, особенно на первых порах, монастырь именовался «пустыней». Это, конечно, не означает, что он был ненаселенным, «пустым» (ударение следует делать на первом слоге). «Пустынь» – монастырское поселение, удаленное от людских мест. Судьба таких обитателей складывалась по-разному. Какие-то из них могли вырасти в богатые монастыри с большим числом подневольного крестьянского населения, другие – захиреть и прекратить существование. Что же касается Осинского монастыря, то серьезные перспективы на долгую и успешную деятельность у него вряд ли были. Сказывались разные обстоятельства – начиная с малолюдности края, ограниченности возможностей для становления крупного монастырского хозяйства и заканчивая элементарной нехваткой необходимых материальных и денежных средств для роста. Тем не менее положительные изменения в его развитии, особенно в первые десятилетия, все же наблюдались.

* Десятина – мера площади, равная 1,09 га.

Пути приращения земель и промыслов были типичными для всех монастырей того времени. Распространенными являлись пожалования со стороны властей на земли и угодья в ответ на «слезные просьбы» и челобитья игуменов и монастырской братии. Вот некоторые примеры такого рода. В 1605 г. Осинскому монастырю была дана грамота «за печатью царства Казанского» «на монастырский обиход рыбу ловить от истоку от Банникова вверх Камою рекою на версту». А поскольку монахи стали вскоре жаловаться, что «рыбных ловель дано к монастырю мало, братии прокормитца нечем», то в 1614 г. последовало новое разрешение – предоставить «к ста-

Река Кама, вид на д. Монастырку

рым их водам рыбные ловли от тех вод вверх Камою на версту»*. С течением времени «рыбный промысел монастырский» получил заметное развитие. За счет новых льгот появилась возможность вести ловлю рыбы по обоим берегам Камы не только вверх, но и вниз по течению и в близлежащих озерах.

* ГАПО, ф. 597, оп. 1,
д. 27, л. 2.

Предметом же особой заботы со стороны монастыря и его сельников было приращение земельных владений. За первую половину XVII в. последовало по меньшей мере четыре земельных пожалования осинской обители (в 1605, 1614, 1619, 1645 гг.). На ее землях возникло несколько поселений с крестьянами, «пришедшими из разных мест» и выполнявшими повинности в пользу монастыря. Одним из первых по времени возникновения и самым крупным селением Осинского монастыря явилось с. Дуброво на левобережье Камы. В 1648 г. в селе имелся 51 двор, где проживали 105 крестьян и 76 бобылей. В источнике содержатся сведения о размерах земельных владений монастыря и крестьян этого селения, приведенные в четях. Если учесть, что две чети, или четверти, равнялись десятине земли (или 1,09 га), то вырисовывается следующая картина. При с. Дуброво пахотной церковной и монастырской «доброй земли» было 45 десятин, крестьянской пахотной «добрые же земли» – 390, перелога – 240 и земля под зарослями и лесом – 267 десятин.

В том же году «под Осинским монастырем против государевы Осинской слободы» числилось 25 дворов. В них жительствова

40 крестьян, 36 бобылей и 4 нищих (обращает на себя внимание высокий процент бедного и разоренного населения!). Сведения о монастырских и крестьянских пахотных землях были приведены в документе без их разделения, составив вместе около 23 десятин земли.

Впрочем, земельный фонд монастыря указанным количеством земли не исчерпывался. Ведь к 1648 г. в его владения входили и другие населенные пункты.

В начале следующего столетия в развитии осинской обители наступает нисходящая стадия. Случившийся пожар дотла уничтожил монастырские строения. В 1727 г. (по другим данным в 1724 г.) монастырь был упразднен. Монастырские крестьяне в середине 1760-х гг. были переведены в разряд экономических, а позже слились с общей массой государственных крестьян.

О существовании в конце XVI – первых десятилетиях XVIII в. Осинского монастыря напоминают сейчас названия некоторых географических объектов. Среди них д. Монастырка, прежде Подмонастырская слобода; речка Трапезиха – правый приток Камы. С последним названием связаны предания о том, что монахи здесь нередко трапезничали, запивая пищу ключевой водой. Будь то деревня или речка, они имели отношение к прежде действовавшему монастырю.

*«Велено дозрити и описати крестьянские
и бобыльские, живущие и пустые дворы»*

ОСВОЕНИЕ КРАЯ РУССКИМИ И ПЕРВЫЕ ПЕРЕПИСИ

Переписи, проводившиеся в XV–XVII вв. в различных районах Русского государства, ставили целью учет и налогообложение населения. Результаты переписей находили отражение в писцовых, дозорных, переписных книгах, являющихся ценными источниками по социально-экономической истории страны. Их составление велось по населенным пунктам, отдельно описывались каждый город

(его укрепления, церкви, дворы, население и т. д.), село, деревня. Учитывались и характеризовались пахотные земли, сенокосные угодья, лесные участки. Фиксировался и размер подворного налогового обложения населения.

В конце XVI–XVII вв. Осинскую слободу и ее округу переписывали несколько раз. О содержании переписи 1596 г. уже говорилось. Писцовая книга А. Палицына и Ф. Аристова отразила реально тот факт, что на момент ее составления на башкирских землях Среднего Прикамья был основан только один населенный пункт – Новоникольская слобода. Последующие переписи, вкупе с другими документами, дают возможность судить об особенностях колониционных процессов на осваиваемых территориях, о создании здесь новых поселений, развитии различных форм землевладения.

В этой связи уместно напомнить о Строгановых, крупных солепромышленниках из Сольвычегодска, которые появились в Пермском крае в конце 1550–1560-х гг. К началу XVII в. в руках этих предпринимателей-вотчинников в результате щедрых царских пожалований оказалась громадная территория, включая земли по обоим берегам Камы от р. Лысьвы (несколько южнее Соликамска) на севере до впадения в Каму рек Ошاپ и Очер в Среднем Прикамье, а также низовья рек Чусовой и Сылвы. Остановливаясь в своих приобретениях Строгановы на том не собирались, тем более что границы их владений вплотную приближались к осинским землям.

15 сентября 1614 г. братья Андрей и Петр Семеновичи Строгановы, внуки основателя рода уральских магнатов знаменитого Аники Строганова, по жалованной грамоте царя Михаила Федоровича Романова получили в вотчину земли по р. Каме выше Осинской слободы вплоть до устья р. Тулвы. В грамоте об этом было сказано следующее:

«Велено Андрею да Петру Семеновичам Строгановым владеть пустыми местами, что на Каме реке выше Осинския слободы, от реки от Тулвы по Каме реке вверх, по правой стороне, до Никитиной вотчинной межи Строганова, до речки до Ошапу 35 верст, и в той меже в Каму реку по обе стороны впади речки малья дикия от устей и до вершин, и истоки и озера и леса дикие и селища чуцкие, заросли и пустоши и береги и островки пустые – в вотчину, изо льготы на 10 лет со 123 по 133 год, и в тех урочищах велено им, Андрею и Петру Семеновичам, поставити острог для приходу воинских людей, и пашенных крестьян на те места называти и дворы строити и пашни в тех местах распахивати и пожни разчищати и в реках и в озерах рыба ловити, и где

* Шишонко В.Н. *Пермская летопись. Второй период. – Пермь, 1882. – С. 61.*

буде найдут в тех местах соляная разсол, варницы ставить и соль варити, трубы солянняя и колодозы делати и к соляному варению дрова сечь и всякими угодьями владеть» *.

Однако земли, пожалованные братьям, оказались не «пустыми», как говорилось в грамоте, а были заселены крестьянами Осинской слободы. Считая передачу прикамских территорий Строгановым неправомерной, крестьяне стали возмущаться и писать жалобы. Видимо, их претензии были учтены. Проводивший в 1623–1624 гг. перепись строгановских вотчин в Прикамье Михаил Кайсаров уже не включал эти территории в состав владений известного рода. Границы земель Строгановых были отодвинуты и установлены восточнее – «выше реки Тулвы по речке Палю, левому же притоку Камы».

Почти одновременно заселялись русскими и низовья р. Тулвы. Здесь в конце 1610-х гг. появляется еще один очаг частновладельческих земель в Осинском Прикамье. Свои взоры на тулвинские земли обратил участник борьбы с поляками в период Смуты, племянник патриарха Гермогена Андрей Семенович Крылов. В 1618 г. он купил у гайнинских башкир пустошь «с пашнею, сенокосом, лесом, хмелевыми угодьями и рыбною ловлею». На этом месте, на Тулве, возникла вначале деревня, а затем крупное село Крылово. В 1722 г. дальние родственники основателя имения продали заметно выросшую в своих размерах крыловскую вотчину баронам Строгановым. От них по семейному разделу она досталась князьям Голицыным, владевшим ею до начала XX в.

И все же в XVII в. на землях Осинского Прикамья основывались преимущественно не вотчинные и монастырские, а дворцовые селения, поскольку инициатива в освоении края принадлежала дворцовому ведомству. Появление новых населенных пунктов, изменения в числе дворов и составе жителей в них прослеживаются, как уже отмечалось прежде, по материалам переписей.

Так, любопытные сведения о Никольской слободе и ее округе приведены в дозорной книге 1621 г., составленной Осипом Зюзиным и Терентием Матвеевым. Сравнение ее данных с материалами писцовой книги 1596 г. свидетельствует о том, что будущая Оса начала обрастать деревнями, она была теперь не одна. За прошедшие годы возникли первые деревни. Три из них (Семакова, Она-нына, Петухова) находились в непосредственной близости от слободы, четыре (Нечкина, Гашкова, Жуланова, Толстое) – на значительном расстоянии. Все деревни были небольшими. Число крестьянских дворов в каждом из селений колебалось в пределах от четырех до пятнадцати. В основании близлежащих деревень была велика роль выходцев из Новоникольской слободы.

Заметные изменения коснулись и самой слободы. Во-первых, в дозорной книге впервые упоминается наличие в слободе острога. Появление оборонительного укрепленного пункта следует связать с активизацией действий башкир, недовольных продвижением русских на их земли. Во-вторых, можно констатировать, что за время, прошедшее с первой переписи, слобода расширилась в границах, выросло количество домов и хозяйств. Число жилых крестьянских домов составило в ней в 1621 г. 129, бобыльских – 32. Но наряду с этим в жизни местного населения наблюдались процессы, связанные с ухудшением его социально-экономического положения. Следствием этого являлись высокая смертность поселян, бегство с насиженных мест. Достаточно сказать, что составители переписи насчитали в слободе 27 пустых, брошенных или сгоревших крестьянских и 4 пустых бобыльских двора. Когда О. Зюзин и Т. Матвеев попытались выяснить причины случившегося запустения, то им ответствовали:

* Извлечение из дозорных книг Осипа Зюзина и Терентия Матвеева 1621 г. по Осинскому уезду // Дмитриев А.А. Пермская старина. – Пермь. 1900. – Вып. VIII. – С. 142–143.

«...тех пустых дворов крестьяна с женами и с детьми от мирского тягла, что с них собирали в подводы и в иные подати, бежали безвестно, а иные померли»*.

Проведенная в 1678 г. стольником Матвеем Суневым перепись Осинской Никольской слободы с деревнями зафиксировала усиление негативных тенденций. Произошло значительное сокращение числа дворов и населения в них. Зато с возрастанием военных функций слободы в ней появляются служилые люди – пахотные солдаты. В 1678 г. из 42 дворов слободы 18 было крестьянских, 12 – солдатских, 5 – духовенства, 2 двора нищих и т. д.**.

** Шумилов Е.Н. Русская колонизация башкирских земель Осинского Прикамья в XVII–XIX вв. – Уфа, 2002. – С. 20.

В перепись, кроме того, оказались включены сведения о Камской слободе, возникшей неподалеку от первогорода на берегу р. Камы и подчиненной ему в административном отношении. Тогда это селение не столь значительно уступало Никольской слободе. В ней насчитывалось 32 двора, преимущественно крестьянских, 5 – солдатских, мельничий двор и даже двор «иноземцев». Если население Никольской слободы составляло 143 человека мужского пола, то Камской – 90 человек***.

Существенное уменьшение числа дворов и населения в Никольской слободе и округе во второй половине XVII в. было обусловлено общими и частными причинами. Свою роль сыграли окончательное закрепощение крестьян и

*** ГАПО, ф. 597, оп. 1, д. 15, л. 29 об.

усилившийся правительственный сыск беглых, резкое увеличение податей, разорявшее крестьянское и посадское население, которое было вынуждено зачастую сниматься с насиженных мест в поисках лучшей доли. Нельзя сбрасывать со счетов и восстания башкир, приводившие к оттоку русских поселенцев из слободы и осинских земель.

— — — — —

*«...Осу також держали в осаде,
а в окрестных местах
много людей побили и в полон забрали»*

БАШКИРСКИЕ ВОССТАНИЯ

В XVII в. на долю Осы выпали немалые испытания, и она эти испытания выдержала.

Серьезную опасность для русского населения не только Осинского края, но и обширнейшей территории Урала и Зауралья представляли восстания башкир, принявшие тогда широкий и массовый характер. Причин для недовольства было более чем достаточно. Башкиры жаловались на ущемление их вотчинных прав и привилегий, захват башкирских земель русскими, возрастание налогов и повинностей. Известны факты «принесения жалоб» башкирами на самовольное «присвоение» земель Строгановыми, осинскими служилыми людьми, на произвол властей.

Если при этом учесть представления башкир о недавнем «свободном их состоянии», традиции и известную воинственность, то нетрудно вообразить последствия возмущения башкирского населения, будь то феодальная верхушка или масса рядовых общинников.

В 1616 г. произошло первое из башкирских восстаний, приведшее к осаде Осинской слободы. О нем сообщает историк XVIII в. П.С. Икосов, который использовал какие-то более ранние источники. Правда, Икосов отдавал инициативу «в походе на Осу» татарам, с чем трудно согласиться. Казанские татары в XVI–XVII вв. переселялись в Среднее Прикамье, включая и Тулвинское поречье, но их численность была сравнительно невелика. Восставшие, среди которых, помимо башкир и татар, были удмурты, марийцы, чуваш-

ши, осадили Осу и дворцовую слободу Сарапул, а многие села и деревни «опустоша выггли». «Бунтовское движение» было подавлено благодаря вмешательству Строгановых, оберегавших свои земли и население вотчин. Приведем описание их действий против восставших:

«...Строгановы, видя к себе столь близкую напасть, опасаясь, чтоб такие изменники не возмутили поблизости живущих к Строгановым вотчинам остяков и других мирных в соседстве татар и не могли бы учинить новонаселенным их, Строгановых, жителям великого разорения и убийства, собрав множество своих и наемных людей, снабдили довольно всех оружием и припасами и, не дожидаясь к себе повеления, к тем осадным местам вскорости отправились; а по прибытии помянутые пригородки Осу и Сарапул, по многочисленным сшибкам с неприятелем, от осады высвободили и множество при том татар и черемис и прочих бунтовщиков побили и в полон побрали, а прочих разогнали».

Чтобы не допустить подобных массовых выступлений впредь, Строгановы с помощью военной силы прибегли к ответным карательным действиям:

«А понеже в том бунте многие оказались татары и вотяки, бывшие в подданстве к ним, Строгановым, соседственные и ради сего, тем изменникам без отмщения пропустить не надлежало, чтоб столь опаснаго и близко к ним неприятеля, за такое дерзновение в покое не оставить и тем бы впредь к замыслу и умножению сил их, сего беспокойнаго народа, впредь бунты пресечь – учинено было от Строгановых, на жилища сих бунтовщиков нападение, где множество, не только мужескаго полу, но и женска, без пощады порублено и в полон побрано, а прочие приведены были Его Царскому Величеству в подданство по прежнему, за что от Его Величества они, Строгановы, многую похвалу получили»*.

* Икоsov П.С. *История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии Строгановых, сочинена в 1761 году.* – Пермь, 1881. – С. 70–71.

Более масштабным явилось башкирское восстание 1662–1664 гг., охватившее весь башкирский край, прикамскую и зауральскую его части. В 1662 г. башкиры, соединившись с сылвенскими и иренскими татарами, напали на русские поселения по р. Сылве. Ими были взяты и разорены Кунгур, многие села и деревни. Были сожжены дома, люди перебиты или уведены в плен. С весны того же года в восстании приняли участие тулвинские башкиры. Уфимский воевода князь А.М. Волконский упрекал их:

«...вы, башкирцы Таныпских волостей и Осинской дороги Тайнинских волостей, великому государю изменили... и приходили во многие места в Уфимской и в Казанской и Соликамской в уезды все вместе с Сибирскою дорогою войною, многие села и деревни повоевали, людей побили, в полон поймали многих...»**.

** *Материалы по истории Башкирской АССР.* – Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 185.

Для того чтобы помешать развертыванию восста-

ния, была предпринята попытка вступить в переговоры с его участниками. К осинским башкирам в качестве послов были направлены два «верных башкирца» с предложением принести тем повинную. Но послы были встречены враждебно, их не допустили «до кочевьев... и отбили назад». Ответом явилась организация похода против бунтовщиков. В начале 1664 г. русские ратные люди разгромили Гайнинскую, Иректинскую и Таныпскую башкирские волости, а в мае башкиры Осинской дороги принуждены были заявить, что под «государскою самодержавною высокою рукою быть рады». Принятие присяги прежде непокорными башкирами проходило в Осе.

В 1681–1684 гг. вспыхнуло новое крупное башкирское восстание. В осаде оказались Кунгур и строгановский Кишертский острожек на Сылве. Близ самой же Осы в этот период было относительно спокойно. Основные военные действия разворачивались в районе Уфы, на Южном Урале и в Зауралье.

Восстания башкир, на время стихнув, возобновились в XVIII столетии.

XVIII в.

*«В пригородке том деревянной рубяной
на горе в мысу между логами замок»*

ПРИГОРОДОК ОСА

Первые десятилетия XVIII в. – время глубочайших перемен в стране, связанных с реформами Петра I. Вспомним слова видного историка, выходца из крепостных М.П. Погодина, который, подытоживая значение Петровских реформ, писал:

«Мы просыпаемся. Какой нынче день?.. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января...»

Попадется на глаза книга – Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начинаете читать ее – этот язык сделался при Петре письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный. Приносят нам газеты – Петр Великий начал их издание...»

Петровские нововведения, словно круги от камня, брошенного в воду, распространялись от центра на периферию, на окраины.

Вид на пригородок Осы с восточной стороны. С французской гравюры XVIII в. Из собрания Государственного исторического музея (Москва)

Важнейшим проявлением их на Урале стало формирование горно-заводской промышленности. Благодаря неустанному труду мастеровых и работных людей, осваивались природные богатства края, на основе открытых месторождений возводились металлургические предприятия. Было положено начало и новой системе управления уральскими землями. В 1708 г. в ходе проведения губернской реформы среди прочих были созданы две обширнейшие губернии – Казанская и Сибирская. В то время, когда основная часть Уральского края была причислена к Сибирской губернии с центром в Тобольске, включая прикамские Чердынский, Соликамский и Кунгурский уезды, Оса с округой вошла в состав Казанской губернии. Изменился и статус населенного пункта. За ним закрепилось официальное название «пригород», или «пригородок», Оса, то есть поселение, приписанное к городу. Таким городом вскоре стала Казань. Пригородок – обычно укрепленное поселение. В этот период возрастает военно-оборонительное значение Осы для борьбы с волнениями башкир. Предпринимаются меры для дальнейшего укрепления Осинского острога, ремонта и возобновления оборонительных сооружений. Это явилось ответом на разворачивание башкирского восстания 1704–1711 гг., охватившего и окрестности Осы.

В конце царствования Петра I в Осу были направлены ратные

люди, казаки, иноземные инженеры. Сама крепость была усилена, возросла ее мощь. Прежние деревянные стены заменили более надежными новыми, установленными в два ряда. Их протяженность составляла до 400 сажень, или более 850 метров. Сама крепость имела вид правильного четырехугольника*.

* Устинов Н.П. *Осинский край: сборник исторических статей преимущественно об Осинском уезде.* – Об, 1995. – С. 11–12.

Серьезные испытания выпали на долю пригородка во время следующего башкирского восстания 1735–1740 гг. На территории Осинской дороги шло формирование отрядов башкир, нередкими были столкновения с частями, верными правительству. Летом 1736 г. крупные силы восставших действовали недалеко от Осы и доходили до владений Строгановых. Башкиры разгромили вооруженный отряд «осинских обывателей» и заставили отступить с потерями отряд «вольницы», состоявший из 1500 крестьян.

Особенно тяжелым выдался 1737 год. Сохранившиеся документы пестрят сообщениями об угрозе Осе и Осинской округе со стороны восставших. Вот несколько коротких сведений о событиях под Осой только за июль. В одном из сообщений упоминается о том, что «башкирцы были приступом под... Осою». В другом численность башкир, участвовавших здесь в военных действиях, определена в две тысячи человек. В третьем говорится, что восставшие башкиры «Осинский уезд едва не весь разорили и людей много порубили и покололи, и хлеб весь в скирдах и копнах пожгли, а стоящий вытравили и потолчили без остатку, а скот пограбили»**.

Уже тогда, летом 1737 г., при участии руководителя Оренбургской экспедиции*** Василия Никитича Татищева, который более известен нам как организатор уральской горнозаводской промышленности, был составлен план прекращения «башкирских замешательств», тем более что они охватили громадную территорию Поволжья и Урала. Значимое место в этом плане было отведено Осе. Ставились задачи выделить ее в особое ведомство во главе с воеводой, приписать к пригороду Гайнинскую башкирскую волость Осинской дороги, осинским воеводам быть в ведении Уфимской провинциальной канцелярии. В августе того же года эти предложения были одобрены Сенатом и получили силу закона****. Административное значение Осы, таким образом, возросло.

** *Материалы по истории Башкирской АССР.* – Ч. 1. – М.-Л., 1936. – С. 337.

*** Оренбургская экспедиция была создана в 1734 г. Фактически решала вопросы внутреннего управления Башкирией и борьбы с башкирскими восстаниями.

**** *Полное собрание законов Российской империи.* – Собр. 1-е. – СПб., 1830. – Т. 10. – № 7347. – С. 243.

Несмотря на ведомственное подчинение осинских воевод уфимским, их полномочия тем не менее были широки. Они сосредоточивали на вверенной им территории всю полноту власти, решали спорные вопросы, контролировали сбор податей и исполнение повинностей со стороны населения, в том числе башкир Гайнинской волости. Важнейшей их задачей являлось обеспечение защиты Осы и осинских земель от возможных народных выступлений.

*«Указали мы: капитан-командора Беринга
отправить паки на Камчатку»*

КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 1733 г. в жизни Осы произошло событие, оставившее заметный след в памяти местных жителей. Оно было связано с недолгим, но запомнившимся пребыванием в Осе участников Второй Камчатской

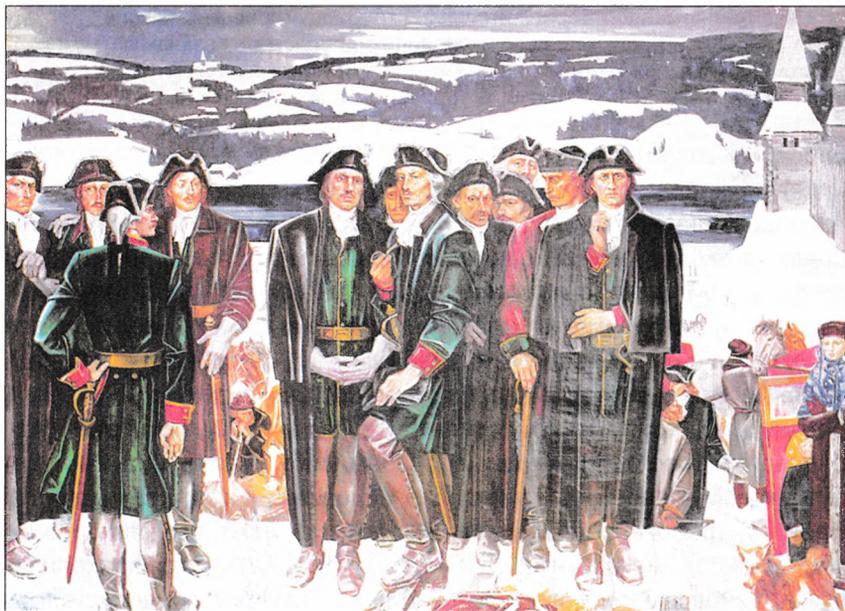
* Капитан-командор – офицерский чин в военно-морском флоте XVIII в. По Табели о рангах занимал положение между капитаном первого ранга и контр-адмиралом.

экспедиции, которую возглавлял знаменитый мореплаватель капитан-командор* Витус Беринг.

Датчанин по национальности, Беринг верно служил России, был опытным морским офицером, участником Северной войны – войны со Швецией за выход в Балтийское море. В 1725 г. по указу им-

ператора Петра он был назначен руководителем Первой Камчатской экспедиции. Официальной целью экспедиции являлось отыскание пролива между Азией и Америкой. В период путешествия были собраны ценные сведения о востоке Сибири. Это еще более пробудило интерес правительства и ученых к сибирским землям, Арктике, к северной части Тихого океана и привело к организации Второй Камчатской экспедиции.

Включившая в свой состав более 500 человек – морских офицеров, геодезистов, врачей, матросов, охрану, – экспедиция должна была решить множество задач. Ее участникам предстояло исследовать все тысячекилометровое северное побережье Азии, описать природные условия, животный и растительный мир Сибири, историю, нравы и быт населяющих ее народов, совершить плавание через неизвестные моря бассейнов Ледовитого и Тихого оке-

Начало Великого северного пути (В. Беринг и члены Второй Камчатской экспедиции).
Худ. Е. Широков. Холст, масло. Из собрания Осинского краеведческого музея

анов, выяснив при этом, «есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, также и имеется ли проход Северным морем». Впрочем, это далеко не весь перечень тех дел, которые предстояли Витусу Берингу и его соратникам.

После сложных приготовлений и сборов «команда» Беринга в начале марта 1733 г., разделившись на несколько партий, по санному пути выехала из Петербурга и двинулась в далекие края. Маршрут экспедиции был определен заранее обширной инструкцией Адмиралтейств-коллегии – высшего органа управления морским ведомством. Инструкция предусматривала движение сухопутным путем до Твери, от Твери – водным путем по Волге через Казань, по Каме и ее притокам до Кунгура, далее «по сухопутью» через заводы Демидовых с выходом на систему рек Зауралья и вновь водою на судах вниз до Тобольска.

Оса в этом маршруте, как видим, не упоминалась. Но изменение сроков экспедиции внесло в него коррективы. В отчете об экспедиции, составленном в апреле 1741 г., отвечая на пункт инструкции Адмиралтейств-коллегии, который касался установленного маршрута, Витус Беринг писал:

«Капитан-командор Беринг и со всею командою прибыл в Казань 733 году июля 14 числа и подлежащая во экспедицию припасы от Казанского адмиралтейства приняты, за которым приемом и за протчими исправлениями продолжали время августа по 9 число, а того числа с всею командою и материалами... отправились в путь и следовали вверх Камою рекою до села Осы, а оттуда зимним путем через город Кунгур и Екатеринбург до Тоболска»*.

* *Экспедиция Беринга: сборник документов. - М., 1941. - С. 153.*

Оса явилась для экспедиции чрезвычайно важным пунктом в подготовке к дальнейшей дороге, а для осинцев ее прибытие стало значимой датой в истории города. Из документов выясняется, что «команда» Беринга прибыла по Каме в Осу на шести судах 19 сентября 1733 г. и пробыла здесь до конца октября – начала ноября. Заботы участников путешествия сводились в первую очередь к тому, чтобы осуществить перевалку грузов на сушу, проверить оборудование, соответствующим образом собраться в путь, но уже сухопутной дорогой на Кунгур. Для перевозки грузов, по расчетам Беринга, требовалось не менее 300 подвод. Ясно, что для сравнительно небольшого пригородка и его округи дать такое их количество одновременно было не по силам. Поэтому предполагалось выехать в Кунгур «в два или в три отпуска, сколько вдруг подвод можно достать». Беринг, помимо того, рассчитывал на помощь в обеспечении тягловой силой и транспортом со стороны начальника Уральских горных заводов Вилима (Вильгельма) Геннина, с которым он на этот счет вел переписку**.

** *Тамгинский завод и Камчатская экспедиция: сборник документов. - Екатеринбург, 1999. - С. 7, 8.*

20–21 декабря 1733 г. через Осу проследовал еще один отряд Второй Камчатской экспедиции, сформированный Петербургской академией наук. В его составе находилось несколько ученых, в программу деятельности которых входило исследование Сибири и Дальнего Востока в географическом, геологическом, ботаническом, зоологическом, этнографическом отношениях. Среди них назовем руководителя этого академического отряда, натуралиста, химика и биолога Иоганна Георга Гмелина, профессора истории и географии Герарда Фридриха Миллера, профессора астрономии Людовика Делиля де ла Кройера, студента, а впоследствии академика, автора капитального труда «Описание земли Камчатки», географа и натуралиста Степана Петровича Крашенинникова.

Гмелин, который вел путевой дневник, очень кратко сообщал в нем об Осе. Он выделял слободу Осу и при ней город с одноименным названием, понимая под последним, вероятно, осинскую кре-

пость. Любопытно, что автор называл пункт, через который проезжал академический отряд, весьма своеобразно – «Осса», то ли так воспринимая это слово на слух, то ли воспроизводя его на немецкий манер.

Но важнее, конечно, другое. Знакомство с материалами Второй Камчатской экспедиции позволяет говорить о громадном ее вкладе в познание восточных окраин России, прилегающих к ней земель. По своим последствиям она сравнима с открытием Америки Колумбом. Экспедиция Беринга принесла пользу и для уральского края, его развития, укрепления межрегиональных связей (взять хотя бы то, что вслед ей была учреждена почта, открылись перспективы для более широкого использования Сибирского тракта: со второй половины XVIII столетия он стал главным путем на зауральские просторы).

Добрым знаком экспедиция стала и для жителей Осы.

*«Велено иметь всежелательное тицание
о взыскании поземельного богатства
всяких руд и протчих минералов...»*

ЗАВОДСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Начиная с петровской эпохи стали активно использоваться рудные богатства Урала. Возникает ряд металлургических предприятий, в первую очередь на восточном его склоне. Особенностью Прикамья в промышленном отношении в XVIII в. было то, что здесь преимущественно строились медеплавильные заводы. Причина проста – наличие месторождений медной руды, обнаруженных во многих местах Пермского края. Первоначально, в конце XVII – начале XVIII в., медные руды были найдены недалеко от Кунгура, затем, в 1720–1740-е гг., в районе средней Камы, где на их основе возник комплекс казенных медеплавильных заводов (Егошихинский, Юговские, Мотовилихинский и др.). В 1720-е гг. к занятию металлургией стали приобщаться Строгановы, прежде отдававшие предпочтение традиционной отрасли своего хозяйства – солеварению. Первенцем нового дела в их вотчине явился Таманский медепла-

вильный завод недалеко от Орла-городка, основанный в 1726 г. Горнозаводская промышленность, расширяя сферу своего действия, продвинулась, таким образом, и к Осе.

В конце XVIII в. в Осинском уезде насчитывалось 8 заводов: 7 медеплавильных (Аннинский, Ашапский, Бизярский, Бымовский, Уинский, Шермеитский, Юговской) и один железоделательный, или молотовой (Камбарский). Все они, за исключением Аннинского завода, который являлся казенным, принадлежали частным владельцам.

И все же заметим, что приведенный перечень не учитывает заводы, которые существовали недолгое время и не дожили до конца столетия. Так, еще в 1720 г. вятский комиссар Иван Тряпицын с компанейщиками получил от Берг-коллегии – центрального органа, руководившего горной промышленностью страны – дозволение на устройство завода вблизи найденных им медных руд по рекам Тулве и Бабке. В середине 1720-х гг. им был построен медеплавильный завод на речке Давыдовке, правом притоке Камы, в 7 верстах к северо-востоку от Осы.

Завод был небольшим и, несмотря на то что стоял на речке, вряд ли был вододействующим. Слабость меднорудной базы и отсутствие оборотных средств у владельца сказывались на его работе, он нередко простаивал. В 1731 г. у сына И. Тряпицына его купил один из ярких представителей демидовской династии Никита Никитич Демидов. Кстати, за несколько лет до этого, посетив Осинский край, Н.Н. Демидов убедился в наличии здесь «во многих местах признаков медных руд». Это вполне реально могло послужить веским доводом в пользу приобретения им Давыдовского завода. Новый владелец рассчитывал, «как только башкирская шатость минуется», имея в виду восстание башкир, начавшееся в 1735 г., наладить и даже расширить действие купленного им предприятия. Но этого, вероятно из-за недостатка сырья – медной руды, не произошло. В 1742 г. Давыдовский завод уже в течение нескольких лет значился в числе бездействовавших. О его существовании напоминает ныне деревня Заводчик, находящаяся близ того места, где он был. Немыми свидетелями деятельности завода являются также рудники – штольни, по-народному «пещеры», у д. Пещеры и в Монастырской горе, в настоящее время затопленные водами Воткинского водохранилища.

Иван Тряпицын построил в Осинском крае еще один медеплавильный завод – Анцубский, получивший свое название по месту,

где был возведен, – Анцубскому ключу, впадавшему в р. Тулву. Завод был основан по указу Берг-коллегии, данному Тряпицыну в феврале 1730 г. Он находился у водоема, образованного искусственным скоплением воды на самом источнике – ключе. Медная руда доставлялась из неподалеку расположенных рудников и не отличалась высоким содержанием меди.

Недолговечная судьба Анцубского завода – это история перехода его от одних владельцев к другим, причем каждый из хозяев не отличался ни знатностью происхождения, ни наличием солидных капиталов. Будучи только введенным в строй, от Тряпицына завод перешел в собственность компанейщиков устюжских купцов Григория Михайловича Вяземского и его сына Карпа. Г.М. Вяземский к тому времени строил первый в Вятском крае Кирсинский чугуноплавильный и железоделательный завод, пущенный в действие в 1733 г. Испытывая финансовые затруднения, Вяземские в ноябре 1735 г. продали недалеко от Осы предприятие казанскому купцу Семену Еремеевичу Иноземцеву. Но и тот не смог надолго продолжить жизнь Анцубского завода. Дело упиралось в нехватку воды в заводском пруду и, самое главное, в недостаточные запасы близлежащих рудников. В данной ситуации Иноземцев счел за лучшее основать новый медеплавильный завод – Таишевский на речке Таишевке в Казанском уезде. Пуск его в действие в 1743 г. тут же привел к закрытию Анцубского завода.

Иной, сравнительно длительный путь развития претерпело такое горнопромышленное предприятие Осинского края, как Шермеитский завод. Он был основан крупным вотчинником, представителем придворной знати, обер-прокурором Сената Александром Ивановичем Глебовым, решившим умножить свои капиталы за счет участия в промышленном предпринимательстве. В ответ на его прошение Сенат дал Глебову в марте 1759 г. разрешение на постройку Шермеитского завода. Из челобитной (прошения) А.И. Глебова:

«А он, господин обер-прокурор и кавалер, желает вновь завести медный завод собственным своим коштом, не требуя ис казны денег, на 6 печей на вновь обысканных местах в Уфимской провинции в башкирских дачах и от протчих заводов не в ближнем разстоянии на речках Тулве, Шермянке, Еркуле и Сыпу. И чтоб в тех местах завод построен был, того и сами тамошних волостей башкирские старшины желают, и о том письменное их показание при оной челобитной приложено... ибо де в том их собственная польза состоит, что они за поставленную руду, к заводам надлежащую, по добровольному договору плату получать имеют».

Сенат предписал:

«В Берг-коллегию послать указ, велеть означенныя вновь обысканныя в Уфимской провинции... рудные места для постройки вновь заводов с потреб-

* *Материалы по истории Башкирской АССР. – Т. IV. – Ч. 2. – М., 1956. – С. 172.*

ным числом лесов и для прииску еще рудников, гор и земель оному господину обер-прокурору и кавалеру отвести и отмежевать»*.

Завод был основан на земле, купленной у гайнинских башкир. И хотя в приведенном выше прошении Глебов заявлял, что от строительства завода должны выиграть сами башкиры, это его утверждение было шито белыми нитками. Далеко не случайно то, что уже в 1760 г. башкиры оказали сопротивление отводу земель к строящемуся Шермеитскому заводу. Они считали размеры отводимых ему земельных владений завышенными, ведущими к сокращению собственно башкирских угодий. И в дальнейшем местное население не раз выражало недовольство и волновалось в связи с нарушением условий контракта со стороны заводчика и заводской администрации, а также вследствие других злоупотреблений.

Построенный на речке Шермяик, или Шермейке, правом притоке Тулвы, завод был пущен в действие в 1761 г. Плавка металла производилась в 6 медеплавильных печах. Производительность завода в 1760-е гг. составляла в среднем до 1080 пудов меди в год, то есть была невысока. Медная руда поступала из нескольких рудников, вначале из окрестных мест, затем из более удаленных. В конце XVIII в. медных рудников было четыре: Гаревской, Ключевской-Искельинский, Никольский, Тулвинский. Они находились на расстоянии 20–40 верст от завода.

Участие А.И. Глебова в развитии уральской металлургии оказалось непродолжительным. Обремененный крупными долгами, в 1769 г. он был вынужден продать Шермеитский, а вместе с ним Уинский медеплавильный, Климовский и Холуницкий железодельные заводы (два последних – в Вятской провинции) купцу Савве Яковлеву за 150 тыс. руб. При этом в карман Глебова не попало ни одной копейки: вся сумма пошла на уплату его долгов.

Новый владелец Шермеитского завода Савва Яковлев вошел в историю Урала второй половины XVIII в. как крупнейший горнозаводчик, масштабы деятельности которого в области металлургии оказались несопоставимы тогда даже с демидовскими. К середине 1780-х гг. он создал громадное горнозаводское хозяйство, состоявшее из 22 металлургических предприятий. После

смерти С.Я. Яковлева и последовавшего в 1787 г. раздела его обширного имения 8 заводов, в том числе и Шермеитский, унаследовал младший сын прежнего владельца Сергей Саввич Яковлев. В начале 1859 г. Шермеитский и Уинский медеплавильный заводы, составлявшие один округ, были проданы наследниками Яковлева графине Ольге Никифоровне Рошефор.

Смена владельца не принесла желаемого улучшения деятельности предприятия. В 1862 г. завод был закрыт. Причинами стали истощение рудников и высокая себестоимость продукции, делавшие производство убыточным. Тем не менее Шермеитский завод оставил заметный след в освоении природных богатств Осинского края, в русской колонизации района. Заводское прошлое нынешнего села Шермейки до сих пор сохраняется в памяти его жителей.

*«...От всего города Осы
объявить повинование»*

ПУГАЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева потрясла всю державу и более всего Урал.

Начавшееся на Южном Урале в сентябре 1773 г. повстанческое движение достаточно быстро докатилось до Прикамья. В Пермском крае первыми выступили башкиры, жившие на р. Тулве. Сформированный здесь отряд, возглавленный пугачевским полковником Абдеем Абдуловым, в середине декабря 1773 г. появился в лагере Чики-Зарубина в с. Чесноковка под Уфой. Вместо участия в общем наступлении повстанцев на Уфу тулвинские башкиры получили задание вернуться в Прикамье, привести к присяге «Петру III» пермские заводы, Кунгур, действовать совместно с другими отрядами в районе Оса – Кунгур – Красноуфимск. Следствием явилось расширение территории, охваченной народным движением.

Непростая ситуация складывается в это время и в самой Осе. Какая-то часть жителей, опасаясь за свою жизнь и имущество, была охвачена паникой, другие явно склонялись на сторону Пугачева. Осинский воевода Федор Пироговский, напуганный слухами о про-

движении к Осе отряда Абдея Абдулова, заявлявшего о готовности «воеводу и подьячих истребить в случае сопротивления», бездействовал. В такой тревожной обстановке осинский земский староста, «первостатейный» крестьянин Илья Дьяконов, писарь Михаил Голдобин, протопоп Успенского собора Иван Попов, сотники Козлов, Занин, Поварницын и другие собрали земский сход. Обсуждалось, что же делать осинцам дальше: крепить оборону или попытаться как-то договориться с повстанцами? Было принято решение направить в башкирскую деревню Барду, где стоял отряд Абдулова, делегацию в составе нескольких авторитетных жителей Осы. Известно, что посланцы направились в Барду в конце 1773 г., 18 декабря.

Когда осинцы прибыли к Абдулову, он, «вынув ис пазухи писанной лист», вручил его делегатам, сказав, что это манифест Петра III. В дополнение к манифесту прибывших заверили, что «народу будет облечение в зборе подушных денег и рекрут, равно и в соляной и винной продаже уменьшение», «и будет всем вольность». Приведенные аргументы оказались весомыми для посланцев, и они «от имени всего города Осы» поспешили объявить повиновение «императору Петру III». Это решение было поддержано осинскими жителями, а последующее активное участие в повстанческом движении дало основание властям считать их «упорнейшими приверженцами самозванца».

22–24 октября 1773 г. в Осу вступили отряды пугачевских полковников Абдея Абдулова, Батыркая Иткинова и других «во многолюдстве со знамями, фузеями, турками и винтовками, с луками, копьями и саблями». Военачальники разместились в домах старосты, писаря, священника, «лучших» осинских жителей. В то же время, 24 декабря, башкирские походные командиры дали старосте Илье Дьяконову и земскому писарю Михаилу Голдобину письменное наставление, которое определяло задачи Осинской земской избы в обстановке, когда население Осы было приведено к присяге на верную службу Пугачеву. Ввиду значимости содержания наставления приведем его текст:

«Понеже здешняго города Осы и в уезде все обыватели пришли в подданство его императорскому величеству Третьему императору Петру Федоровичю, то по получении сего наставления как ис Казани, так и ис протчих мест посланных без данных от его величества подорожен и протчих письменных видов ни под каким видом никуда не пропускать, кто б какого звания не был, которых, поймав, присылать с нарочными в армию при репортах немедленно.

Да сверх того препоручаем вам смотрение иметь, как над казенными напид-

ками, так и над продажей соляною. А в продажу употреблять до указу по прежнему и денги принимать под свое охранение, записывая в приходную и расходную книги без всякой утайки, как его императорского величества указы повелевать будут. А здешним обывателям в городе и в уезде быть послушными. А естли кто явитца противен, то таковых потому ж присылать, куда выше сего показано, и никому напрасно обид и притеснения не чинить, опасаясь неизбежного его императорского величества гневу. А о делах подлежащих репортовать в армию чрез три дни неотменно с нарочно посланными. И старосте Дьяконову и писарю Голдобину учинить по сему наставлению неременное исполнение»*.

** Пугачевщина. – Т. 1.
Из архива Пугачева. –
М. – Л., 1926. – С. 92.*

Следовательно, на Осинскую земскую избу как на орган мирского управления, а теперь выступавшую и органом власти восставших, возлагались серьезные обязанности: захватить дорогу на Казань и не допускать проезда без письменных «подорожен» от имени «государя», осуществлять контроль над продажей соли и напитков, держать в послушании осинских и окрестных «обывателей», не причиняя им, однако, «напрасных обид и притеснений», и т. д. Осинская земская изба играла важную роль в мобилизации сил повстанцев, в отправке «увещевателей» – агитаторов на ближайшие заводы и в приписные деревни. Выборные земской избы рассылали указы «Петра III», выдавали «билеты», удостоверявшие о принадлежности селений к восстаниям, снабжали повстанцев продовольствием, отчасти вооружением, следили за порядком в Осе и волости.

Интересы тех, кто выступил на стороне Е.И. Пугачева, требовали незамедлительной организации боевых отрядов и их активных действий в Прикамье. Поэтому посылка агитаторов, разъяснявших, что человек, вставший во главе движения, есть «подлинный Петр Федорович, вновь возведенный на царство», и призывавших поддержать восстание, сочеталась одновременно с организацией «походного войска», его формированием и вооружением. С этой целью в Осе были избраны походный атаман, есаулы. Атаманом Осы стал пахотный солдат Камской слободы Степан Яковлевич Кузнецов, который пользовался доверием осинцев. Он неоднократно бывал в ставке Пугачева, И.Н. Зарубина-Чики, И.Н. Белобородова и Салавата Юлаева, возглавлял повстанческие части. Активную роль в событиях того времени играли избранные есаулами крестьяне Осинской дворцовой волости Д.К. Юсупов, Ф. Тетерин, другие повстанцы.

Деятельность Осинской земской избы и повстанческое движение в Осинско-Сарапульском районе в конце 1773 – начале 1774 г. направлялись одним из ближайших сподвижников Пугачева яицким казаком И.Н. Зарубиным-Чикой, называвшим себя «графом Черны-

шевым», и его штабом, находившимся под Уфой в с. Чесноковка. Сохранились ряд наставлений и распоряжений Зарубина атаману Осы С.Я. Кузнецову, есаулу Д.К. Юсупову об управлении вверенными им селениями, снабжении повстанческих войск продовольствием, о выплате жалованья мастеровым и заводским крестьянам и пр. Одно из наставлений, данное Зарубиным 29 января 1774 г. Кузнецову и Юсупову, касалось организации управления Осой и Осинским «уездом»:

«Понеже Осинской Подгородной слободы пахотные солдаты письменно подали ко мне, чтоб определить вас для того города Осы и уезда ко исправлению по указам его императорского величества и мирских дел, потому де, что оные атаман Кузнецов и эсаул Юсупов люди состояния добраго и ни в чем непо[до]зрительные. Для чего и я, по рассуждению моему, быть вам при оном деле определяю, но только с тем, чтоб свою полученную вам команду иметь в добром распоряжении, яко то от всяких злодеев и завистников во всем защищать. А естли же кто ис команды вашей послушен не окажется, тех наказывать телесно плетми или палками. Да и вам поступать, яко верным и во всем непрременным рабам, ожидая за учиненную вами услугу от его величества особливой похвалы, а за учиненные вами какие-либо проступки жесточайшего штрафа»*.

* Пугачевщина. – Т. I. – С. 133.

В наставлении звучал мотив, характерный для политики кнута и пряника: за услуги – похвала, за проступки – наказание. На документе стояла подпись «Грав Иван Чернышев». То ли Зарубин не знал, как пишется графский титул, то ли это была описка.

Более существенно, конечно же, иное. Знакомство с приведенным и многими другими документами крестьянской войны позволяет говорить о том, что в планах пугачевского командования Осинский регион приобретал важное значение. Объяснение тут следующее: обладание им давало восставшим выгодные позиции для наступления в дальнейшем на Казань и в Поволжье. С другой стороны, открывались перспективы для продвижения на Верхнюю Каму, на земли Строгановых и других уральских горнозаводчиков – вотчинников. Поэтому не случайны те серьезные оборонительные мероприятия, которые предпринимали владельцы и администрация имений, чтобы не допустить пугачевцев в Верхнекамье.

В районе Осы шло собирание сил, верных Пугачеву. Повстанческое командование предпринимало действенные шаги для удержания Осы в своих руках. Проявляло активность, как уже отмечалось прежде, местное население. Многие жители Осы и Осинской волости участвовали в боевых операциях, действуя совместно с башкирами. Только в конце декабря 1773 г. из числа жителей волости были определены в «казаки» не менее 200 человек, 50 че-

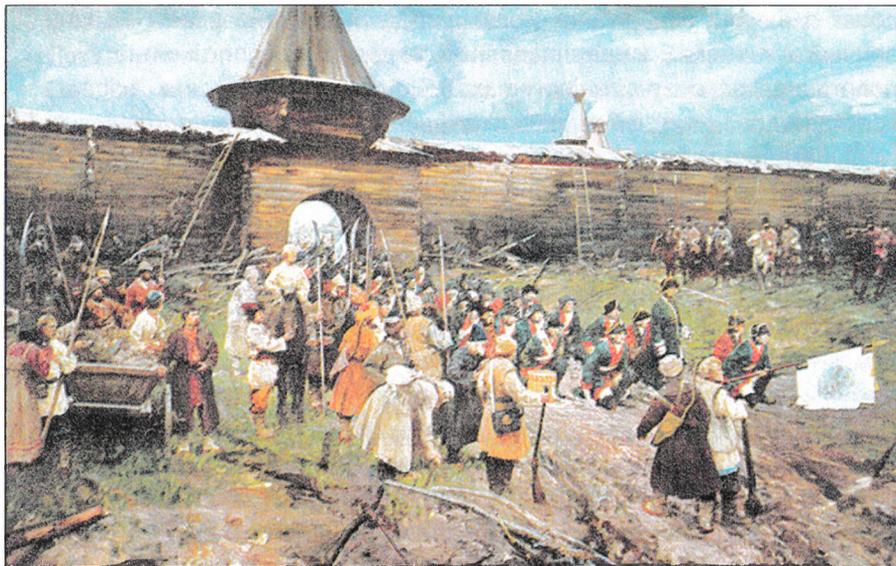
людей в начале января следующего года были направлены на казенный Аннинский медеплавильный завод. Шло пополнение сил повстанцев за счет осинских пахотных солдат, посадских людей, крестьян.

Зона действия повстанческих отрядов, сформированных в районе Тулвы и Осы, была обширной. Еще в конце декабря 1773 г. 300 пугачевцев во главе с башкирским полковником, уроженцем д. Усть-Тунтор Абдеем Абдуловым и работным человеком Шермеитского завода Матвеем Мазжориным двинулись «вверх по Каме, во-первых, в село Беляевское, а потом намерение идти имели на Югокамский завод, в татарскую и русскую Култаевы деревни, в Верхнемуллинское село, Ягошихинский завод и в протчия жительства». При преобладании тулвинских башкир среди участников похода были также осинские и крыловские крестьяне, осинские пахотные солдаты, заводские мастеровые. Пройдя «победным маршем» основную часть намеченного пути и пополнившись свежими силами (численность «походного войска» Абдулова увеличилась до 500 человек, и появились даже четыре небольшие пушки), отряд подошел к Верхним Муллам, но заняв село не смог. Узнав о подходе правительственных частей, Абдулов, не вступая с ними в сражение, отошел обратно к Осе.

В это же время другой отряд под командованием Батыркая Иткинова из Осы и Притульвы через башкирские и татарские деревни, Ашапский и Уинский заводы направился к административному центру Пермского края – Кунгуру. Задача овладеть Кунгуром была наиболее важной. Но ни «увещевания» к горожанам открыть ворота города, ни неоднократные его штурмы не дали результатов. Перевес оказался на стороне тех, кто оборонял Кунгур. В конце января осада Кунгура была снята. В Кунгурском уезде развернулись карательные акции против участников движения и им сочувствующих. Население из многих деревень и сел, бросая имущество, в поисках спасения стало уходить под Осу и на Тулву.

Между тем положение повстанцев, действовавших в Осинском округе, осложнилось, особенно к весне 1774 г. На рубеже марта–апреля на казенных Юговских заводах, выступавших крупным центром борьбы с пугачевцами в Прикамье, был сформирован, как говорилось прежде в литературе, «карательный» отряд во главе с унтер-шихтмейстером* Леонтием Яковлевым. Этот отряд, численностью после присоединения к нему дополнительных сил 1237 чело-

* Унтер-шихтмейстер – нижний горный чин, соответствующий военному унтер-офицерскому званию

Фрагмент диорамы «Взятие Пугачевым крепости Оса» (сдача Осы Пугачеву).
Худ. Е. Данилевский. Экспозиция Осинского краеведческого музея

век, двинулся на Осу. Кроме того, на Тулву проследовала карательная экспедиция, возглавленная управителем казенного Аннинского завода Ю. Берглиным, «общим счетом» до 1400 человек. Берглину предписывалось «русских крестьян и башкир... до покорения ничем не щадить, непокоряющихся не токмо, но и селения их сжечь».

Силы оказались неравными. Действовавший в районе Осы отряд из башкир и русских насчитывал не более 800 повстанцев. Обстановка усугублялась разгромом в конце марта 1774 г. войск Пугачева под Оренбургом и Зарубина-Чижи под Уфой. 6 апреля Берглин вступил в Осу, а пугачевцы отошли к с. Крылово и д. Барде. Под Осой происходили вооруженные стычки, действовали отряды под командованием С.Я. Кузнецова, И. Тарасова (крестьянин с. Горы) и других повстанцев.

Следующий этап борьбы за Осу пришелся уже на июнь 1774 г. Он нес некоторые новые черты и был связан с движением Главной, или Большой, армии Е.И. Пугачева на Казань. После поражения под Оренбургом Пугачев направился к южноуральским заводам, затем в Прикамье. Через Красноуфимск, Иргинский и Шермеитский заводы армия Пугачева 18 июня подошла к Осе. В пригородке в то время находились отряд унтер-шихтмейстера Л.Ф. Яковлева и прибывшая сюда из Казани военная команда

секунд-майора Ф.В. Скрипицына. Общее количество защитников Осы составляло 1200 человек. Им противостояло восьмитысячное пугачевское войско, в составе которого были и осинские повстанцы. После трехдневных упорных боев 21 июня 1774 г. осинский гарнизон капитулировал, и Пугачев вошел в Осу, где был встречен «с царскими и воинскими почестями».

События крестьянской войны, и в частности взятие «мятежниками» Осы, описаны А.С. Пушкиным в его «Истории Пугачева»:

«18 июня Пугачев явился перед Осою. Скрипицын выступил противу его; но, потеряв три пушки в самом начале сражения, поспешно возвратился в крепость. Пугачев велел своим спешиться и идти на приступ. Мятежники вошли в город, выжгли его, но от крепости отражены были пушками. На другой день Пугачев со своими старшинами ездил по берегу Камы, высматривая места, удобные для переправы. По его приказанию поправляли дорогу и мостили топкие места. 20-го снова приступил он к крепости и снова был отражен. Тогда Белобородов присоветовал ему окружить крепость возами сена, соломы и бересты и зажечь таким образом деревянные стены. Пятнадцать возов были подвезены на лошадях в близкое расстояние от крепости, а потом подвигаются вперед людьми, безопасными под их прикрытием. Скрипицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одни сутки и сдался на другой день, приняв Пугачева на коленах, с иконами и хлебом-солью»*.

Сведения о взятии Осы Пугачевым, приведенные А.С. Пушкиным и основанные на подлинных документах, достоверны и точны. И все же к ним можно добавить один любопытный эпизод, ускоривший капитуляцию гарнизона. Когда исход сражения еще не был ясен, представители повстанцев, склоняя жителей к покорности «императору», предлагали им прислать своих людей в стан Пугачева и «посмотреть его». В Осе же проживал отставной сержант, которому во время службы случалось видеть Петра III. Пугачев решил воспользоваться моментом, чтобы укрепить свой авторитет «подлинного императора».

Фрагмент диорамы «Взятие Пугачевым крепости Оса» (принятие Пугачевым капитуляции гарнизона). Худ. Е. Данилевский. Экспозиция Осинского краевого музея

* Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17 т. – Т. 9. – Кн. 1. – М., 1995. – С. 60.

Состоялась встреча Пугачева и сержанта, о которой на допросе в секретной комиссии в Казани поведал судья повстанческой Военной коллегии пугачевский полковник Иван Творогов:

«...переодевшись в простое казачье платье и поставя в ряд казаков человек с двадцать, /Пугачев/ стал сам между ими и приказал привести посланца из крепости. Как же сей приведен был, и сказано ему было, чтоб он узнавал из представленной шеренги государя, – то он, смотря порознь на каждого, наконец уставил глаза свои прямо на злодея, смотрел пристально; почему злодей, прервав бывшее тогда молчание, сказал: «Што, старик? Узнал ли ты меня?» – «Бог знает, – отвечал он. – Как теперь признаешь! В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее». Злодей сказал ему на то: «Смотри, дедушка, хорошенько! Узнавай, коли помнишь!» Старик, глядя на него еще долго, сказал ему: «Мне де кажется, што вы походите на государя». Злодей сказал на сие: «Ну, так смотри ж, дедушка! Поди, скажи своим-та, штоб не противились мне, а то вить я всех вас предаю смерти». С чем старик и пошел в крепость. Злодей, ожидая успеха от онаго, не делал в тот день приступу к крепости. А на другой день паки тот же старик прислан был из крепости узнавать злодея и, смотря на него, закричал громогласно: «Теперь я узнаю, што ты подлинно наш надежа-государь!» и потом поклонился. А злодей сказал: «Ну, старичок, когда ты меня узнал, так поди жа, уговори своих офицеров, штоб не проливали напрасно крови и встретили бы меня с честью». Старик, возвращаясь в крепость и подходя блиско, кричал: «Господа офицеры! полно, не противись, подлинно государь наш Петр Федорович!»

**Пугачевщина. – Т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки. – М.–Л., 1929. – С. 148.*

Почему бывшая в крепости, отворя ворота и вышед из крепости с хлебом и солью, встречали злодея. Злодей, входя на короткое время в крепость и забрав тут артиллерию и людей, вышед из оной, приказал ее зжечь, что точас и исполнено»*.

В документах того времени, рапортах и доношениях, как следствие действий повстанческой армии, нередко встречается фраза «истребление города Осы». Были сожжены не только крепость и деревянная Успенская церковь, но и «обывательские дворы», «погорели» амбары, где хранилось до 6 тыс. пудов соли.

Пугачевское войско в Осе не задержалось. Уже 24 июня повстанческая армия подошла к Воткинскому заводу, затем был взят Ижевский завод, что открывало Пугачеву путь на Казань. Уход Главной армии в Поволжье ускорил свертывание повстанческого движения в Пермском крае.

О тех тяжелых, поистине трагических событиях в истории города напоминают материалы экспозиции Осинского краеведческого музея. Особенно сильное впечатление остается от знакомства с прекрасно выполненной художником Е.И. Данилевским диорамой «Взятие Пугачевым крепости Оса». Воистину справедливы пушкинские слова: восстание Пугачева – «бунт бессмысленный и беспощадный».

*«Наместничества и области разделяются
на уезды, или округа»*

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ

Последовавшая вскоре после восстания Е.И. Пугачева губернская реформа Екатерины II, проведенная на основе законодательного акта «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (ноябрь 1775 г.), напрямую коснулась и Осы. В январе 1781 г. императрица подписала указ о создании Пермского наместничества, включившего в свой состав обширнейшую территорию Среднего Урала. Среди «новоучрежденных» его уездов был образован и Осинский, а Оса, таким образом, стала уездным городом. Это открывало новые возможности для развития прежде небольшого пригородка.

Образование Осинского уезда потребовало от губернской администрации немалых усилий по определению территории и формированию границ уезда, комплектованию управленческих кадров. Еще в августе 1780 г. назначенный генерал-губернатором «предположенного к открытию» Пермского и Тобольского наместничества Евгений Петрович Кашкин предписывал «составить» Осинский уезд за счет включения части земель соседних Кунгурского, Казанского и Уфимского уездов. Первым описание Осинской округи проводил присланный из Оренбурга геодезист Петр Микулин. В дальнейшем, в начале 1780-х гг., разграничение земель осуществляли созданные из числа чиновников комиссии, в которых обязательным было участие землемеров. Черновая работа (рубка просек, установка межевых столбов) приходилась на долю крестьян из близлежащих селений. По данным на конец 1781 г., за счет «прирезки» новых территорий и расположенных здесь поселений только из бывшего Казанского уезда (а реально к тому времени уже из Вятского наместничества) в состав Осинского уезда вошли 27 сел, деревень и починков с числом жителей около двух тысяч душ мужского пола. Особенно затяжной характер приобрел отвод к Осе земель и населенных пунктов, относившихся прежде к Уфимскому уезду.

Велено было не только «сложить» уезд, но и наладить управление им и городом. Осинская воеводская канцелярия была упразднена, и в соответствии с губернской реформой создавались новые управленческие структуры. В сравнительно короткий период в Осе

были сформированы и стали действовать такие учреждения, как нижний земский суд (выполнял административно-полицейские функции), нижняя расправа (судебные), уездное казначейство (финансовые). Во главе нижнего земского суда стоял капитан-исправник, он же возглавлял власть в уезде, за исключением уездного города, управление которым находилось в компетенции городничего. Круг обязанностей городничего был столь разнообразен, что все их выполнить в должной полноте фактически вряд ли было возможно. В качестве начальника полиции в городе он ведал вопросами безопасности граждан, производил суд за маловажные проступки и т. д. Без ведома и мнения городничего не решался ни один важный для жизни уездного центра вопрос.

Возможно, в истории Осы мог встретиться такой «управитель» города, который по своему образу и подобию был сходен с городничим из «Ревизора» Гоголя. Но имеющиеся источники не дают на это ответа.

И все же интересно познакомиться с первыми представителями городской и уездной администрации в Осе. Сведения о них содержатся в послужных списках чиновников Пермского наместничества, ранние из которых датированы маем – августом 1782 г. Осинским городничим в 1781–1782 гг. был секунд-майор Карл Михайлович фон Гитербок. Секунд-майор, как известно, являлся в то время младшим штаб-офицерским чином в русской армии. Следующие места по старшинству в армейской иерархии занимали подполковники и полковники. Сам фон Гитербок был родом из прибалтийских немцев, крепостных не имел. В мае 1782 г. ему было 37 лет, на военную службу был зачислен в ноябре 1752 г., в возрасте всего 7–8 лет, что в то время практиковалось в дворянской среде. Не достигнув высоких военных чинов, может быть и потому, что «в походах против неприятеля и в самих сражениях участия не принимал», будущий городничий все же более или менее успешно продвигался по ступеням армейской карьеры. В 1756 г. он был произведен в сержанты, в 1759 г. – в прапорщики, в 1760 г. – в подпоручики. В 1769 г. фон Гитербок получил сразу два очередных воинских звания: поручика, затем капитана, – а с декабря 1780 г. он секунд-майор. В аттестации, данной ему уже как городничему,

* ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 46, л. 144 об. отмечалось: «...к продолжению штатской службы способен»*.

Характерно, что и все остальные должностные лица в Осе, занимавшие посты руководителей уездных учреждений или заседа-

телей в них, были также из числа военных. Это свидетельствует о дефиците управленческих кадров на местах и важнейшей роли военнослужилого элемента в их формировании. Кстати, в отличие от городничего, все эти новоявленные чиновники принимали прежде участие в военных действиях против Пруссии или Турции либо воевали против Пугачева. Любопытна, например, фигура возглавлявшего Осинский нижний земский суд капитан-исправника Якова Комлева. В 1782 г. ему было 50 лет, он был выходцем из «смоленского шляхетства», крепостных не имел. Находясь в войсках, дослужился до чина капитана. Из послужного списка Комлева выясняется, что в 1755 г. он участвовал в подавлении башкирского восстания «во внутренней России» и был ранен в ноги, в 1769 г. в составе русской армии воевал против турок и крымских татар на Кубани.

Армейскую лямку до поступления на гражданскую службу тянули дворянские заседатели Осинского нижнего земского суда поручик Алексей Токарев и прапорщик Николай Луженцев, расправный судья отставной прапорщик Наум Дьяконов, уездный казначей прапорщик Василий Углечинин. Примечательно, что двое последних по происхождению были из солдатских детей. Если Дьяконов был участником Семилетней войны 1756–1763 гг., сражений в Пруссии, а затем служил канцеляристом в крупных воинских штабах, то Углечинин испытал все тяготы крестьянской войны, находясь в осажденной пугачевцами Уфе*.

Трудно сказать, насколько правильно и в соответствии с законами осуществляли административные и судебные функции эти невысоких офицерских чинов бывшие военные, не имевшие никакого опыта гражданской службы. Вероятно, далеко не случайными были, например, жалобы местных жителей на деятельность Осинского нижнего земского суда, поступавшие в наместническое правление и касавшиеся затягивания в рассмотрении дел судом. Чиновники из военных вполне могли перенести на новое поприще приобретенные в армии представления о «порядке», хотя, конечно, им приходилось приспособливаться к чиновничьей службе, искать общий язык с населением.

Превращение Осы в уездный город не изменило разительно его внешний облик. Да, после сожжения пригородка пугачевцами Оса обустроилась, на месте прежних пепелищ были вновь возведены дома. И все же город оставался полностью деревянным. Из административных зданий здесь имелся обширный «о шести покоях» дом

для присутственных мест – действующих учреждений. Появилось специальное помещение для содержания заключенных. Деревянный тюремный острог был возведен в городе только в 1802 г.

Интересные данные о состоянии Осы в начале 1780-х гг. хранят материалы, представленные в Пермское наместническое управление городничим фон Гитербоком и членами Осинской нижней расправы в связи с запросом Императорской академии наук «о доставлении во оную» сведений «для обстоятельного и верного описания Всероссийского государства». Отвечая на вопросы разосланной на места анкеты, авторы ответов, сообщая о местоположении и топографии уездного центра, писали:

«Город Оса состоит при речке Осе на обеих сторонах, по праву на горной, где на реке поставлена была и церковь, а по леву стороны на низменном луговом месте обывательское строение состоит»*.

* ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 23, л. 113 об.

О занятиях населения в документе говорилось следующее:

«Города Осы жители никаких промыслов не имеют, а только довольствуются одним хлебопашеством».

Отмечались особенности состава горожан. В источнике не упоминались ни купцы, ни мещане, а «проживали» 116 душ мужского пола дворцовых крестьян, платившие подать 70 коп. с души, и 219 душ мужского пола пахотных солдат с уплатой подати 1 руб. 70 коп. с души. Уточняя вопрос о земледельческих занятиях осинцев, фон Гитербок добавлял:

«Дворцовые крестьяне хлеб сеют, рожь, овес и ячмень, а кроме одного другого в посевке не бывает... за худостию земель небольшое число родится, а у пахотных солдат как земля, так и сенных покосов и других угодьев собственных не имеется; а для посева хлеба кортомят** земли у дворцовых крестьян и поблизости живущих у башкирцев».

** К о р т о м – аренда земли.

Город был тесно связан с сельской округой, да и занятия горожан по большому счету не отличались от занятий сельских жителей. Здесь отсутствовали предприятия, не велась ярмарочная торговля. В ответах местного начальства сообщалось следующее:

«В городе Осе никаких заводов и фабрик не имеетца». «Ярманок здесь в городе Осе не бывало». «В ведомстве Осинского округа по Каме, по впадающим в нее речкам никаких пристаней нет и выгрузок не бывает»***.

*** ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 23, л. 23, 29 об., 113 об., 114 об.

В том же духе был выдержан ответ на вопрос, касавшийся описания герба уездного города. Осинская нижняя расправа скупно констатировала:

Герб Осы

«Городу Осе новоучрежденного Герба еще... нет и показать несчего».

Но долго так продолжаться не могло. Указом Екатерины II 17 июля 1783 г. были учреждены гербы городов Пермского наместничества. Герб Осы имел следующее описание:

«В серебряном поле стоящий на дереве улей, с летающими около онаго пчелами, означающий, что жители сего города имеют довольно меду»*.

Пчела, насколько известно, символ трудолюбия, отнесем эту черту на счет осинцев.

* *Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. – Т. XXI. – СПб., 1830. – № 15786. – С. 979.*

XIX – начало XX в.

«Велено согласно плану улицы устраивать прямые... и переулки»

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА ГОРОДА

Превращение Осы в уездный центр, развитие его административных и торгово-ремесленных функций с течением времени все более влияли на облик города. Если на первых порах возведение домов и хозяйственных построек носило здесь по-прежнему стихийный характер, то с конца XVIII – начала XIX в., благодаря проводимым мероприятиям по организации застройки поселения, оно стало приобретать более правильный, или, как прежде говорили, «регулярный», характер.

Еще в 1784 – начале 1785 г. по предписанию пермского и тобольского генерал-губернатора Е.П. Кашкина были составлены «примерные» планы «для нового расположения городов Пермского наместничества», которые в дальнейшем частично корректировались. В Государственном архиве Пермской области сохранилась копия плана г. Осы 1789 г.**, которая дает представление о планировочной структуре уездного центра. В основе плана лежала

** *ГАПО, ф. 279, оп. 7, д. 160, л. 1.*

План г. Осы. 1789 г. ГАПО

ном и южном направлениях. Город был разделен на 43 квартала, из которых 26 намечались под будущее строительство, то есть никаких жилых и хозяйственных построек здесь возведено тогда еще не было. Основное место под застройку отводилось на правом высоком берегу р. Осинки, в то время как на левом перспективы нового строительства были крайне ограничены. Объяснение этому дано в источнике. За городом, в направлении к основной водной артерии, находилось «ниское место, которое в вешнее время от разлития реки Камы потопляется водою»*. Лишь близ впадения речки Осинки в Каму

* ГАПО, ф. 279, оп. 7. «по левую сторону» в двух верстах от города были расположены дома Камской слободы.

План 1789 г. доносит до нас и названия первых улиц города. Всего их было восемь: в нагорной части это улицы Напольная, Пермская, Уфимская, Успенская, Нагорная, в подгорной, за речкой Осинкой, – Набережная, Казанская, Ольховская. По своей протяженности все они были небольшие, с незначительным числом домовстроений на каждой.

Важным в процессе горообразования являлось выделение городского центра. На плане сравнительно четко просматривается намечаемая композиционная ось г. Осы: деревянная соборная Ус-

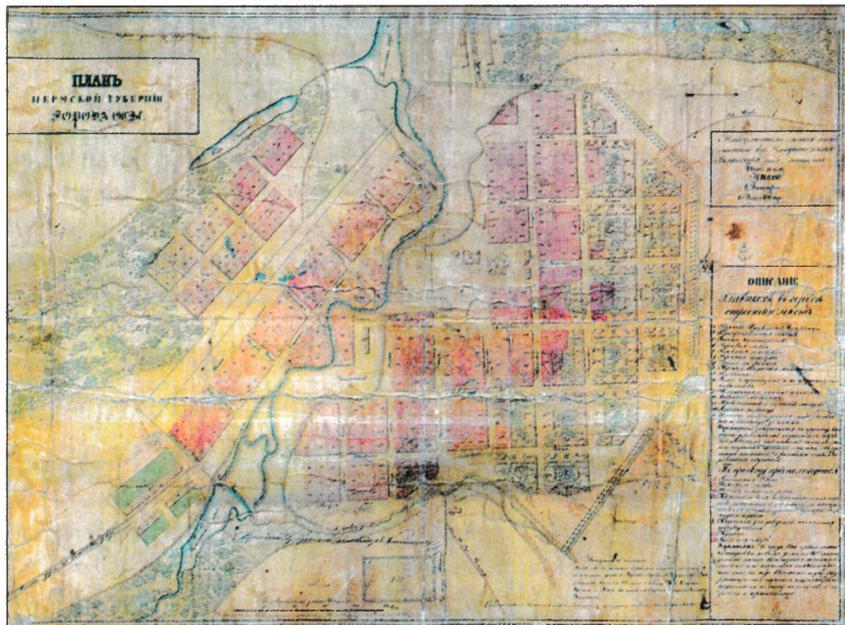
пенская церковь, позже замененная каменным собором, далее назначенные к построению каменное здание для присутственных мест (учреждений города и уезда) и гостиный двор с торговой площадью. На плане обозначены деревянный дом для действовавших в то время присутственных мест на улице Нагорной, богадельня, на окраине города – питейный дом, соляной и винный магазины. За пределами городской черты намечалось построить несколько кузниц, скотобойню. Такое их расположение диктовалось существовавшими правилами размещения подобных построек. Их предписывалось «устраивать в нарочитом расстоянии от жилья», чтобы от скотобоев в городе «не происходило нечистот и дурного запаха», а кузницы «не угрожали опасностью от пожара». Выражаясь современным языком, речь шла об обеспечении безопасности жизнедеятельности горожан.

В первые десятилетия XIX в. Оса росла медленно. За 1800–1835 гг. количество домов в ней увеличилось с 216 до 254, то есть число новых казенных и жилых строений, возведенных за это тридцатипятилетие, не дотягивало и до пятой части того домового «фонда», который имелся здесь на рубеже XVIII–XIX столетий. Для застройки же города в последующем важное значение имел новый генеральный план г. Осы, подтвержденный (утвержденный) императором Николаем I в ноябре 1840 г. Сравнение этого плана с городским планом 1789 г. позволяет говорить об определенном сходстве: та же поквартальная разбивка улиц, то же нанесение на чертежи как «старых» осинских кварталов, уже застроенных, так и намечаемых к застройке новых кварталов. В примечании к плану 1840 г. пояснялось:

«В г. Осе предположено к застройке новыми домами 137 мест. Предположены также под застройку места с ветхими строениями, подлежащими сносу»*.

* ГАПО, ф. 279, оп. 1, д. 1106, л. 1.

Если на плане Осы 1789 г. ряд кварталов, расположенных главным образом в южной и восточной части города, был только обозначен, а реально эта территория оставалась незаселенной, то к 1840 г. ситуация заметно изменилась. В этих кварталах были возведены уже некоторые «обывательские строения, разделенные на усадьбы», хотя застройка кварталов была далека до завершения. Заметно увеличилось и число осинских улиц, в первую очередь за счет прежде не обозначенных на плане 1789 г. На плане г. Осы 1840 г. были отмечены уже 22 улицы, из них 16 в нагорной части. Появились улицы Успенская (ныне Ст. Разина), которая шла от Успенского собора; Хлебная, названная, по-видимому, так, поскольку в ее начале раз-

План г. Осы. 1840 г.

мещались провиантский и хлебный магазины; Крыловская, с которой начиналась дорога к старинному селу Крылово, и др.

Особое же значение для Осы приобретали те улицы, которые были связаны с трактовыми путями, что было немаловажно для города в экономическом отношении. К числу главных улиц в XIX в. относились Оханская (ныне К. Маркса), с нее начинался Оханский тракт, связывавший Осу через Оханск с Пермью, а также Кунгурская улица (ныне Ленина), с которой шел путь не только на Кунгур, но и до губернского центра.

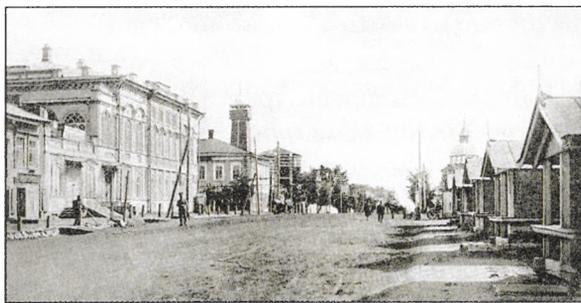
В подгорной части за р. Осинкой главной выступала Осинская улица (на плане 1789 г. она именовалась Казанской). От нее начинался тракт на Воткинский завод. Здесь, на западной окраине Осы, еще в начале 1830-х гг. формируется своеобразный микрорайон – так называемая Солдатская слободка, в которой жили отставные нижние чины и «служащие рядовые»*. По решению Осинской ратуши – органа городского самоуправления, – в начале Воткинского тракта им был отведен отдельный участок под застройку, а уездным землемером составлены планы и чертежи отвода земли в «избранном для проживания нижних чинов служащих, неслужащих и инвалидов месте».

* ГАПО, ф. 293, оп. 1, д. 43, л. 24.

Заложенные в планах г. Осы 1789 г., и особенно 1840-го, принципы планировочной структуры соблюдались при городском строительстве и во второй половине XIX в., когда развернулась массовая застройка уездного центра. Характерно, что Осинская городская ратуша, а с 1870-х гг. Пермская городская дума, точнее ее исполнительный орган – управа, строго следили за правилами застройки города, учитывая противопожарные, санитарные и иные правила и нормы. Существовала практика отдачи городских мест желающим под застройку домов «для усиления городских доходов не иначе как с публичных торгов». Отдавалось также предпочтение строительству по углам кварталов крупных домов, «устроению»

Вид г. Осы. Мост через р. Ершовку. Начало XX в.

Оса. Николаевская улица. Фотооткрытка начала XX в.

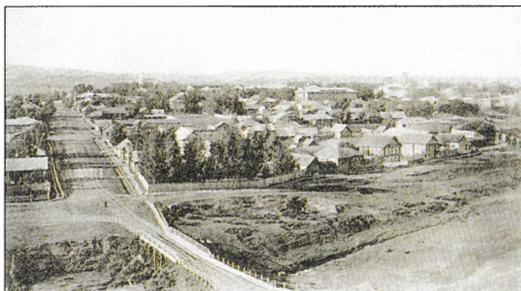
жилых и хозяйственных построек на большом расстоянии друг от друга, «дабы избежать сокрушительных пожаров»; предусматривалась застройка улиц «рядами» и «дворами» с постановкой жилого дома на «красную линию», с ограждением усадьбы забором.

На всем протяжении XIX в. в Осе господствовала деревянная застройка, благо лесов близ города хватало. И в Осе, и в других провинциальных городах Прикамья в пореформенный период получил распространение особый тип жилого строения – полугородской дом, имевший черты сходства с крестьянской избой. Дома – одноэтажные, обычно небольшие по размерам, с русской печью посередине. Внутреннее помещение такого дома было разделено на комнату (комнаты) и кухню дощатыми перегородками. Каменное строительство в Осе хотя и началось на рубеже XVIII–XIX вв., но оно было крайне незначительным и касалось казенных зданий, соборной

Торговая площадь с часовой . Начало XX в.

церкви. В первой трети XIX в. появилось здесь и несколько каменных одноэтажных жилых домов. В осинской обывательской книге за 1833 г. в числе владельцев каменных домов названы чиновник И.Л. Безотцов (несмотря на такую фамилию, дом ему достался по наследству от родителей) и два мещанина – П.К. Брюхов и М.К. Самodelов, построившие дома на собственные средства*. Впрочем, вплоть до реформы 1861 г. число каменных

Оса. Общий вид с южной стороны.
Фотооткрытка начала XX в.

Река Осинка

* ГАПО, ф. 293, оп. 1, д. 43, л. 9, 37, 45.

домов, принадлежавших частным лицам, можно было перечислить по пальцам одной руки.

«...Служат удовлетворению религиозных потребностей жителей»

ОСИНСКИЕ ХРАМЫ

Для верующего человека храм – своего рода корабль, который противостоит бурям мирским и повседневным. Каждое храмовое строение Осы насчитывает многие годы и имеет свою историю. Действовавшая в середине XVIII в. деревянная Успенская церковь была сожжена в 1774 г. при взятии Осы Пугачевым. В деле возрождения города после пугачевского «истребления» первоочередное внимание было обращено на возведение нового церковного строения. Новый храм был построен уже в 1778 г.*. Но здание было по-прежнему деревянным и быстро обветшало. Уже в 1790 г. была основана здесь каменная Соборная о двух приделах церковь, то есть Успения Божией Матери и св. Николая, строится иждивением служащих в г. Осе чиновников, здешних удельных крестьян и пахотных солдат. Она заступит место деревянной Соборной церкви Успения Божией Матери**.

И все же основать – не значит построить. Возведение храма шло медленно. Вначале велось сооружение теплого придела во имя Святителя Николая Чудотворца, освященного в 1805 г. Тогда же начался ремонт купола холодного придела Успения Божией Матери, но завершению строительства помешал неожиданный пожар, вспыхнувший летом 1808 г. Это потребовало новых усилий и затрат. Окончательно строительство Успенского храма было завершено к середине 1820-х гг., освящение собора состоялось в 1824 г. В его западной части была возведена высокая колокольня и установлена решетчатая деревянная ограда, замененная в 1886 г. на узорчатую чугунную.

Здание Успенского собора построено в стиле высокого классицизма. С южной и северной сто-

Несколько пояснений, которые пригодятся

Иконостас – легкая стена с вставленными в нее иконами, расположенными в определенном порядке. Отделяла алтарь от средней части храма.

Царские врата – центральная двустворчатая дверь иконостаса.

Серафимы – высшие небесные силы, окружающие престол Бога; первый чин небесной иерархии.

Херувимы – духовные существа, составляющие высшие чины небесной иерархии, приближенные к Богу (после серафимов).

Евангелисты – составители четырех Евангелий – книг Нового завета, повествующих о земной жизни Иисуса Христа: Матвей, Марк, Лука и Иоанн.

Алтарь – восточная часть храма, в которой находятся престол и жертвенник, отделенная от основного пространства храма иконостасом

Престол – в православном храме стоящий посредине алтаря покрытый покрывалом четырехугольный стол, на котором помещаются антиминс, крест, евангелие и освящающиеся для причащения Святые Дары.

* ГАПО, ф. 316, оп. 1, д. 23, л. 29.

** Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии*. – Ч. 2. – Пермь, 1804. – С. 274.

Несколько пояснений, которые пригодятся

П л а щ а н и ц а – шелковое полотнище (плат) с изображением тела Иисуса Христа после снятия с креста.

А н т и м и н с – четырехугольное полотнище (плат) с изображением погребения Иисуса Христа и с частицами святых мощей, находящееся на престоле.

Д и с к о с – священный сосуд, небольшое круглое блюдо на подножии с изображением Рождества Христова. Устанавливается на жертвеннике – четырехугольном покрытом святыми одеждами столе, находящемся в алтаре.

Е в а н г е л и е – первые четыре книги Нового завета, повествующие о земной жизни Иисуса Христа.

Д а р о х р а н и т е л ь н а я п л а щ а н и ц а – предмет богослужения, относящийся к священным сосудам, обычно небольшая металлическая модель гробницы или часовни, которая служит для хранения Святых Даров.

К а д и л о – подвешенный на цепочке металлический сосуд с крышкой, наполненный ладаном (ароматической смолой) на тлеющих углях, используемый для окуривания ладаном храма, прихожан при богослужении.

Л а м п а д а – масляный светильник, зажигаемый на престоле, жертвеннике, а также перед иконами в церкви и дома.

* ГАПО, ф. 321, оп. 1, д. 14, л. 143; Устинов Н.П. Успенская улица. Успенский собор // Советское Прикамье (Оса). – 1991. – 25 мая.

роны высятся четырехколонные портики дорического ордера, сохранившиеся до сих пор. Своей монументальностью, архитектурными достоинствами храм производил большое впечатление. Удачно вписываясь в окружающий ландшафт, он будто парил над высоким речным берегом.

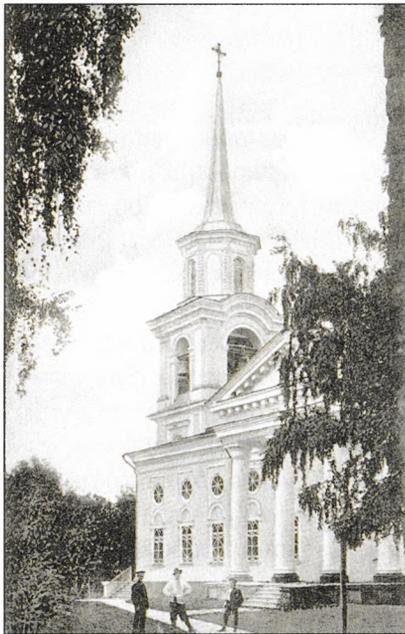
С внешним видом собора гармонировало состояние его интерьера, внутреннего церковного убранства. Так, в холодном приделе во имя Успения Божией Матери был сооружен иконостас на девяти колоннах, с карнизами, капителями, резьбой и позолотой. В центральной части иконостаса находились царские врата «железные, золоченые по железу, и по деревянной на оных резьбе, на них два серафима, писанных с обеих сторон на железе, и четыре херувима, спереди четыре евангелиста, а изнутри алтаря два херувима на железе... На престоле плащаница на холсте живописной работы. Святой антиминос на белом атласе. Пол в холодном храме из чистого узорчатого чугуна» (кстати, заметим, что только один этот пол обошелся строителям в крупную по тем временам сумму – почти в 3 тыс. руб.).

В теплом приделе Святителю Николаю престол был из кедрового дерева. *«На оном престоле плащаница живописной работы на холсте. Святой антиминос на желтом атласе. Пол из каменных плотных плит»**.

Ценную информацию об Успенском соборе, впрочем и о других церквях Осы применительно к XIX – началу XX в., можно почерпнуть из клировых ведомостей, частично сохранившихся в архивах. Их название исходит от слова «клир», под которым имеется в виду состав церковно- и священнослужителей при церкви, или *причт*. Клировые ведомости представляют собой сведения «о лицах духовного звания православного вероисповедания»; они включают также данные о времени основания церкви, ее освящения, источниках существования клира, количестве прихожан и пр. Одна из наиболее

ранних по времени составления клировых ведомостей Успенского собора, хранящихся в Государственном архиве Пермской области, относится к 1810 г. Храм тогда еще не был завершен строительством. Воспроизведем часть этого документа:

«Города Осы Успенский собор каменной еще не достроенной с приделом теплым, снабжен утварию, серебряными чашами и дискосами, евангелиями, крестами, дарохранительницею, книгами, ризами, подсвешниками, кадилами, лампадами и прочим. Иконостас изрядной с некоторой резьбою, золоченой, живопись

Успенский собор.
Фотооткрытка начала XX в.

хорошая, резных образов нет; колоколов семь: 1-й в 20 пуд., 2-й в 12, 3-й в 7, 4-й в 3, 5-й в 2, 6-й в 1,5, 7-й 30-ть фунтов. Имущество церковное вверено по указу Вятской духовной консистории 1799-го года октября 15-го дня того собора протоиерею, которое с того времени и поныне по шнуровым книгам цело, коим он же протоиерей и распоряжает»*.

* ГАПО, ф. 442, он. 1, д. 11, л. 224.

В приведенном описании «имущества церковного» Успенского собора любопытны сведения о наличии в числе записанных в шнуровые книги 7 колоколов, предназначенных для колокольни. Вес малого колокола составлял 12,2 кг, самого большого – 327,6 кг.

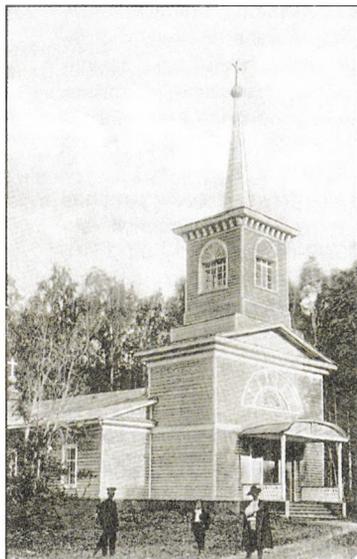
Выясняется также, что, несмотря на разгар строительных работ, служба в Осинском храме (речь, видимо, идет о теплом приделе во имя Святителя Николая) совершалась

каждодневно. В составе причта было 7 человек: протоиерей – настоятель собора и священник, два дьякона, два дьячка и пономарь. Настоятелем собора являлся протоиерей Иоанн Сапожников, выпускник Вятской духовной семинарии, служивший в осинском храме с 1799 г.

Последующая история Градо-Успенского собора вплоть до 1917 г. – время успешного действия храма и его клира. Выступая центральным храмом Осинского уезда, он являлся также и центром духовным, оказывал сильное влияние на различные стороны жизни осинцев. Росла паства при храме. В 1876 г. число прихожан составляло 4367 человек, включая не только жителей города, но и крестьян из

близлежащих деревень Кокшаровой, Симаковой, Мазунино, Усть-Тулвы и даже закамских деревень Оханского уезда: Подмонастырской слободки (д. Монастырки), Богомягово, Верх-Давыдовки и Заводчика*.

* ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 26, л. 12 об.

Иоанно-Предтеченская церковь.
Фотооткрытка начала XX в.

Натиск новой власти на церковь в 1920–1930-е гг. сказался на судьбе осинского храма. В 1936 г. Успенский собор был закрыт, после чего в нем размещались разные учреждения и организации. В 1950-е гг. здание храма передали под учебный корпус сельскохозяйственного техникума. В результате переделки были разобраны колокольня, купол, алтарная часть собора. В настоящее время перестроенное здание занимает филиал Пермского областного краеведческого музея – Осинский музей.

Список действовавших в дореволюционной Осе храмов не исчерпывался, однако, Успенским собором. В XIX в. были сооружены еще две церкви, по своим функциям и местоположению схожие друг с другом.

Первая из них, Предтеченская, или Иоанно-Предтеченская, была построена на осинском кладбище в 1806 г. Дело в том, что прежде существовавшее кладбище, находившееся возле Успенского собора, действовало давно и с течением времени оказалось в центре города. Поэтому в 1802 г. кладбище было переведено на новое место, за пределы Осы, за речку Ершовку. Здесь, в восточной части кладбища, и была возведена деревянная Предтеченская церковь. Вот что сообщается о ней в одной из клировых ведомостей:

«Построена в 1806 году, а приделы к ней пристроены в 1826 году добротными пожертвованиями горожан.

Зданием деревянная с таковою же колокольнею, пристроенной в 1834 году, покрыта железом в 1849 году, а самое кладбище обнесено бульваром – земляным валом и тесовым заплотом**.

** З а п л о т – бревенчатая ограда, в данном случае ограда из теса – толстых досок, плах.

*** ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 26, л. 2.

Престолов в ней три: в настоящей холодной во имя Святого Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна, в приделах, по правую сторону, во имя Святого Пророка Илии и по левую во имя Святого Великомученика Георгия Победоносца. Утварию довольно достаточна.

Опись церковному имуществу есть, сделана в 1852 году...»***.

Церковь Казанской Божией Матери. Фотооткрытка начала XX в.

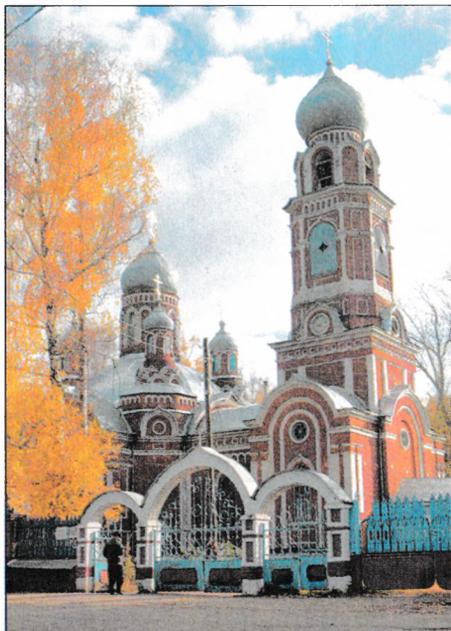
В 1880-е гг. Иоанно-Предтеченская церковь выглядела уже ветхой. Особенно в плохом состоянии находилась колокольня. Церковь простояла тем не менее до конца 1920-х гг., затем была снесена.

Другой кладбищенской церковью явилась Градо-Осинская Богородице-Казанская. В клировой ведомости за 1885 г. о ней сказано кратко:

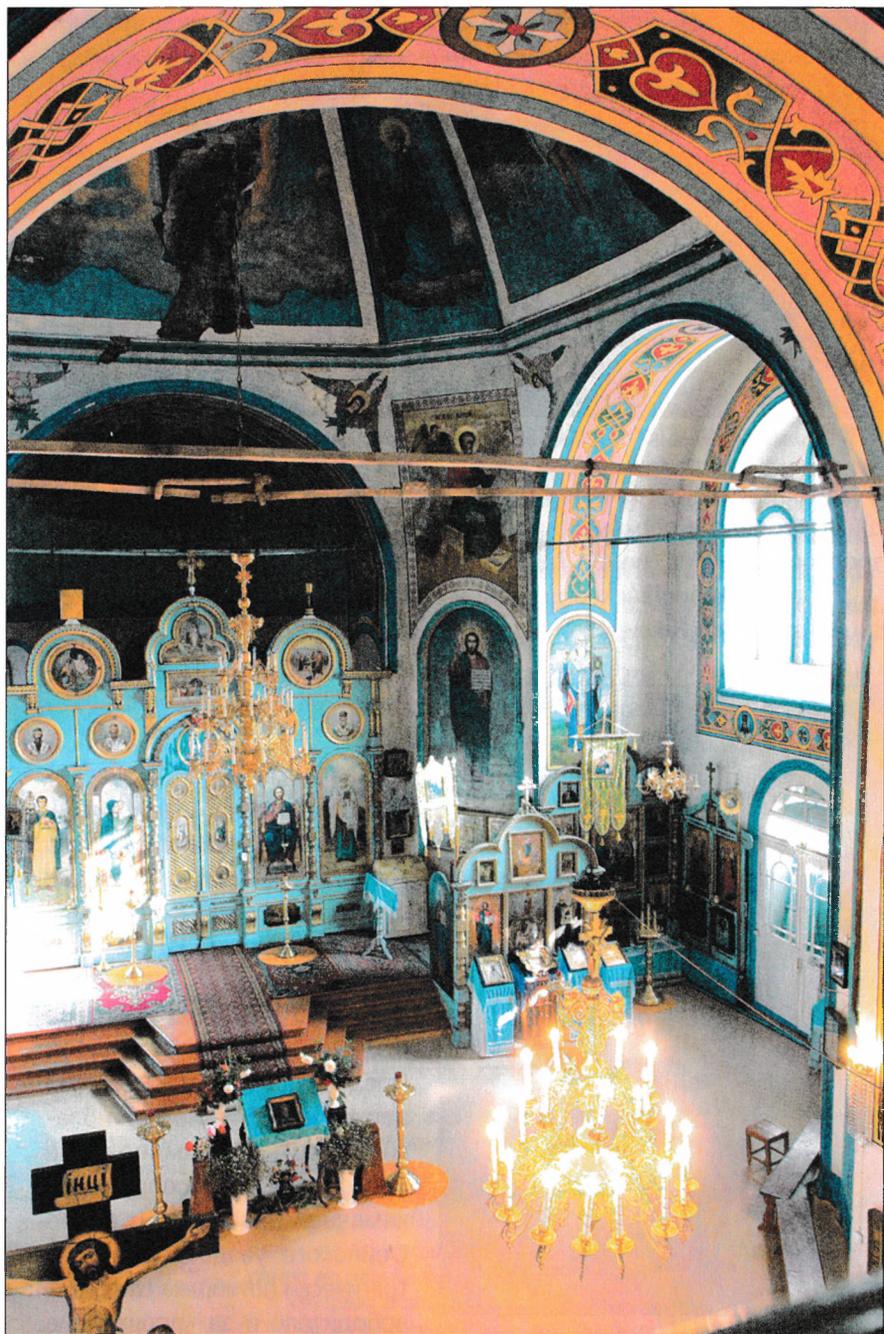
«Каменная однопрестольная Казанской Божией Матери... освящена в 1882 году июля 8 дня»*.

Казанская * ГАПО, ф. 442, оп. 1, церковь была д. 26, л. 39.

построена на пожертвования местных благотворителей, особенно значимой была роль осинского купца А.И. Осипова. Из клировых ведомостей известно, что в 1871–1882 гг. он был церковным старостой Предтеченской кладбищенской церкви, в 1884 г. получил благодарность императора Александра III за сооружение каменной часовни в с. Елово Осинского уезда в память о трагически погибшем Царе-Освободителе и за «проявление верноподданнических чувств».

Церковь Казанской Божией Матери. Фото 2005 г.

Интерьер церкви Казанской Божией Матери. Фото 2005 г.

Немногим позже, в конце 1880-х гг., была построена каменная часовня и в Осе. Чаще всего часовни воздвигались в память важных событий церковной и государственной жизни. Они представляли собой «малые церкви» и не имели алтарей. Такой была и часовня в Осе. Ее соорудили в 1889 г. на средства городского общества «в память в Бозе почившего Государя Императора Александра II и чудесного избавления царской семьи 17 октября 1888 года» (в 1888 г. в результате крушения императорского поезда около станции Борки Курско-Харьковско-Азовской железной дороги едва не погибли Александр III и члены его семейства).

Часовня была возведена в центре Торговой площади, там, где начиналась улица Успенская. Красивая, белокаменная, отличавшаяся несомненными художественными достоинствами, она удачно вписывалась в планировочную структуру города. Судьба уготовила ей недолгий срок: в 1930-е гг. этот памятник, чуждый реалиям советской эпохи, был разрушен.

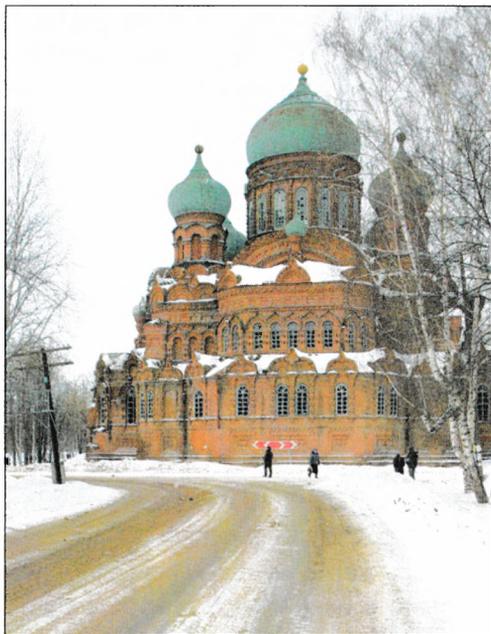
Здесь же, на улице Успенской, в непосредственной близости от часовни, в начале XX в. был построен величественный Свято-Троицкий собор, который является украшением города и по сей день. Автором проекта был известный пермский архитектор А.Б. Турчевич, сумевший найти творческое, оригинальное решение в реализации своих идей, определить доминирующее положение собора в городском ансамбле.

Хотя строительство храма из-за финансовых неурядиц затянулось (закладка его состоялась в 1902 г., а освящение – в 1916 г.), результат, однако, превзошел все ожидания. Поражает монументальность, мощь собора, сочетающаяся при этом с гармонией его архитектурных форм. Впечатляют размеры: длина храма составляет 53,7 метра, ширина – 44,5, высота от земли до подкрестного шара – 40 метров.

Приведем описание собора, сделанное архитекторами-реставраторами Пермского специального научно-реставрационного управления:

«Троицкий собор выстроен в официальном русско-византийском стиле, созданном архитектором К.А. Тоном (1794–1881). Кроме того, здание отражает и другое архитектурное течение того времени – подражание архитектурным формам древнерусских церквей середины XVII века. Собор повторяет тип древнерусского крестово-купольного храма. Объемно-пространственная композиция Троицкого собора напоминает храм Христа Спасителя в Москве (1837–1883 гг.), построенный по проекту К.А. Тона. Двусветный, четырехстолпный основной храм венчает шестиглавие. Купол центральной главы опирается на четыре

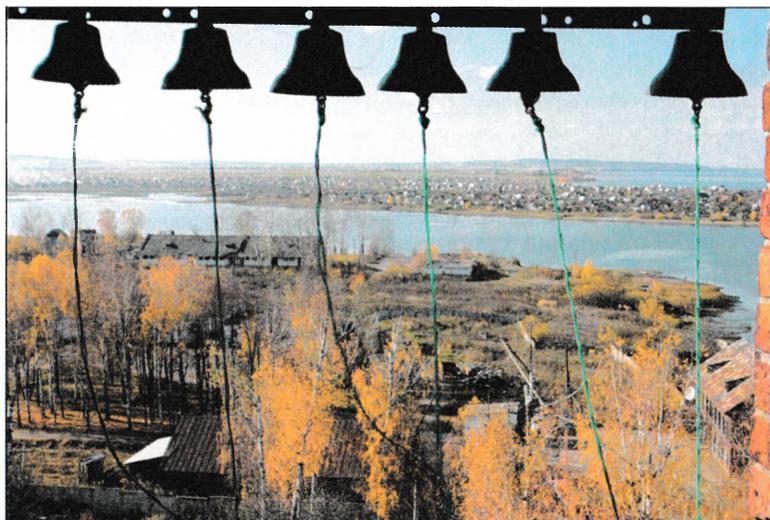
мощных пилона. Его массивный световой барабан, перекрытый шлемовидной главой, отличается особой нарядностью архитектурной обработки. По углам куба возвышаются четыре главы на круглых световых барабанах. Северный и южный односветные входные пристрои венчают главы, установленные на глухих, сложного профиля, барабанах. С востока к кубу примыкает двусветная апсида, имеющая два уменьшающихся по высоте объема. Верхняя часть апсиды пятигранная, увенчанная шлемовидной главой на граненом металлическом барабане сложного профиля... С запада к кубу примыкает двусветная трапезная, соединяющая куб с недостроенной колокольней, имеющая

Троицкий собор. Фото 2006 г.

* Архив ОЦОПа. Город Оса. История планировки и застройки. – Т. 1. – Пермь, 1992. — С. 30. Ручкопись.

по бокам палатки, завершенные шатровой кровлей и главой. Западный входной портал завершен щипцовыми кокошниками, опирающимися на сдвоенные трехчетвертные колонны»*.

Звонница Троицкого собора. Фото 2004 г.

Возведенный руками умельцев-мастеров, Троицкий собор стал объектом почитания и гордости осинцев. Но служба в нем продолжалась недолго. В 1930 г. в условиях гонений на религию собор был закрыт. Наступило время его запустения и разрушения. И лишь в 2004 г., благодаря усилиям руководства Пермской епархии, пожеланиям верующих и финансовой поддержке нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», была проведена реконструкция алтарной части собора и возобновилась церковная служба. 26 августа 2006 г. на крыше Троицкого собора был установлен центральный купол диаметром 11 метров.

Продолжает действовать церковь во имя Казанской Божией Матери. В 2007 г. ей исполнилось 125 лет.

*«Встречаются каменные и деревянные
дома привлекательной внешности»*

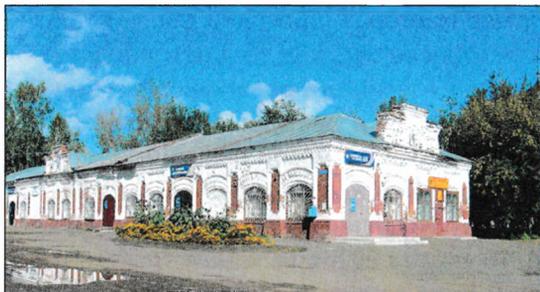
ГРАЖДАНСКОЕ И ЖИЛОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Одной из характерных черт, присущих российским городам во второй половине XIX в., было ускорение темпов их развития.

Происходившие в тот период перемены не могли обойти стороной и Осу, постепенно менявшую свой облик. Признаками наступившей эпохи были расширение застройки города, возведение в его центральной части каменных купеческих особняков, рост числа зданий гражданского и общественного назначения, торгово-промышленных заведений.

Впрочем, если говорить о появлении каменных построек, ставших украшением Осы, то отсчет их строительства следует вести с начала XIX столетия. Первым по времени памятником архитектуры, выполненным в камне, явилось здание Осинского уездного казначейства. Краткие сведения о нем можно почерпнуть из «Ведомости о состоящих в Пермской губернии казенных строениях», составленной в 1804 г.*. В той части ведомости, где речь шла о казенных (государственных) строениях в Осе, в ней значилось лишь одно каменное здание – корпус уездного каз-

* ГАПО, ф. 65, оп. 4, д. 53, л. 61.

Торговые ряды. Фото 2006 г.

начейства. Завершение его постройки датировано 1801 г. Все же остальные строения, относившиеся к казенным, были деревянными. Среди них дом для присутственных мест (построен в 1785 г.), архив (1784), тюремный острог (1802), гауптвахта «с пере-

городкой для содержания колодников» (1785), «амбар, в котором прежде хранилась денежная казна» (1785), больница и богадельня (время их постройки, как отмечено в источнике, неизвестно).

Здание казначейства было сооружено по типовому проекту: одноэтажное, с кладовой для хранения казны и двумя комнатами – одна для уездного казначея, другая для канцелярских служителей. Кладовую и комнаты разделяли широкие сени. В архитектурном отношении здание правильной прямоугольной формы, с южной стороны имеет более поздний пристрой. Вертикальное членение западного и восточного фасадов осуществляют пристенные полуколонны. Стены завершаются парапетными столбиками*.

* Здесь и далее описание памятников градостроительства и архитектуры дано по материалам архива ОЦОПа.

Здание и сейчас, по прошествии более двухсот лет, продолжает выполнять прежние функции. В нем находится отделение федерального казначейства по Осинскому району.

В 1800-е гг. началось возведение каменного административного корпуса, включавшего одноэтажное и двухэтажное здания, имевшие общую, объединяющую их кирпичную ограду. Строительство корпуса затянулось и было завершено только к 1828 г. Расположение его оказалось удачным: на высоком правом берегу р. Осинки вблизи Торговой площади, по соседству с казначейством.

В двухэтажном здании, которое вошло в осинскую историю под неправомерным названием «воеводский дом», первоначально размещались присутственные места. Затем его стали использовать под тюрьму. Здание бывших присутственных мест и острога представляет собой редкую постройку административного назначения начала XIX в. Фасады его без каких-либо украшений, главный из фасадов, северный, выходил на р. Осинку. Стены здания завершены небольшим профилированным карнизом. Гладкую их плоскость прорезают два ряда прямоугольных окон без наличников. Строгие формы

этого памятника отражают одну из важных особенностей казенных построек провинциальных уездных городов того времени.

Конечно, приоритетную роль в формировании неповторимого облика города играл его центр. На планах Осы он четко обозначен. Основные, главнейшие улицы города выходили на Торговую площадь, приобретающую постепенно все более завершенный вид. В центральной ее части были расположены гостиный двор и места с торговыми лавками с восточной стороны от него. В середине 1870-х гг. здание гостиного двора было возведено новое, каменное. Документы фиксируют, что если до этого времени лавки в гостинном дворе были деревянными, то в конце 1870-х гг. они значатся «каменного строения»*.

* ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 7, л. 51 об. – 53; д. 34, л. 94–95, 99.

Каменный одноэтажный корпус гостиного двора был построен на средства города. В таком виде он оставался вплоть до 1960-х гг., когда надстроили второй этаж и сделали серьезную перепланировку помещений. В плане здание имеет Г-образную форму. Его фасады прорезают прямоугольные двери и окна с сегментным завершением. Вертикальное членение фасадов осуществляют пилястры – пристенные полуколонны прямоугольного сечения.

С восточной стороны гостиного двора находятся бывшие торговые ряды – вытянутое с севера на юг каменное одноэтажное здание, возведенное в конце XIX в. также на средства города. В архитектурном отношении оно выделяется среди себе подобных. По периметру стены здания прорезаны своеобразной аркадой, состоящей из равновеликих дверей и окон. Центры всех четырех фасадов завершены фронтонами. Внутренняя продольная капитальная стена делит здание на две равные части, а поперечные стены, пересекаясь с ней, – на отдельные помещения разной величины. В настоящее время здание торговых рядов и корпус гостиного двора продолжают использоваться по своему назначению.

Рост культурных запросов населения, и в первую очередь потребности развития образования, вызвал появление в городе общественных зданий иного характера. В 1887 г. было построено каменное двухэтажное здание Осинского городского четырехклассного училища. Оно предназначалось специально под учебное заведение и обеспечивало хорошие условия для занятий. Школьные комнаты были высокими, светлыми, отвечали всем основным санитарно-гигиеническим нормам. Само здание училища было построено в стиле позднего русского классицизма. Стены его украшает фигурная кирпичная кладка, этажи разделены профилированным поясом с зубчатым

Здание начальной школы. Фото 2006 г.

орнаментом. Симметрично расположенные высокие окна обрамлены каменными наличниками.

Еще в большей мере впечатляет своими архитектурными достоинствами здание бывшей женской гимназии, ныне Осинского педагогического училища, построенное в 1904–1906 гг. Здание каменное, двухэтажное, выполненное в стиле модерн. Его внеш-

ний вид и интерьер отличаются высоким художественным вкусом. Центральная часть главного западного фасада выходит за основную его линию, иначе говоря, выделена ризалитом. Стены по всему периметру завершены мощным профилированным карнизом. Свои особенности имеет конфигурация окон. Окна второго этажа в центральной части главного фасада имеют полуциркульное завершение, а окна первого – сегментное. Сложная композиция здания оживлялась просторным вестибюлем с межэтажными гранитными лестницами, с арками в центре вестибюля, опирающимися на четырехугольные колонны с пилястрами.

Своеобразным является двухэтажное здание городской начальной школы, построенное в честь 300-летия дома Романовых. Оно было заложено в 1912 г., а введено в строй в 1914 г. (автор проекта земский инженер Э.И. Грюнфельдт). Как и здание женской гимназии, оно выполнено в стиле модерн. В строительстве использованы формы русской архитектуры XVII в.: мощное крыльцо теремного типа, асимметричное расположение окон и пр. Строение особенно выделяется на фоне соседней рядовой застройки.

И все же основную массу каменных, а тем более деревянных домов составляли жилые здания. Среди них лучшие в конце XIX – начале XX в. принадлежали представителям третьего сословия – купечеству. До нашего времени в Осе сохранились усадьбы купцов Осиповых, Чердынцевых, И.П. Емелина, И.И. Рыжикова, П.С. Сафронова, дома С.Ф. Моклецова, С.Я. Сафронова, магазин купца А.И. Занина и др.

Остановимся на характеристике двух наиболее значительных в градостроительном и архитектурном отношении памятников – ка-

менных особняков Осиповых и Чердынцевых, входивших в соответствующие владельческие усадебные комплексы. В государственном списке памятников истории и культуры Прикамья время их возведения определяется серединой XIX в. Имеющиеся архивные источники позволяют уточнить: они были построены во второй половине 1870-х гг.

Дом купца И.П. Емелина

Дом нотариуса В.О. Шешукова. Фото 2006 г.

Дом Ф.П. Чердынцева, помимо полукаменного, имел каменный двухэтажный дом (тот самый особняк), купец второй гильдии А.И. Осипов – подобный каменный с недостроенным верхним этажом**.

Дом Ф.П. Чердынцева, перешедший затем по наследству его сыну Ф.Ф. Чердынцеву, по-прежнему заметен в городской застройке. Поставленный на высоком откры-

Дом Чердынцевых. Фото 2006 г.

До этого, в 1873 г., купцу первой гильдии Ф.П. Чердынцеву принадлежал полукаменный дом, а купеческому сыну А.И. Осипову – деревянный*. В 1877 г., как значится в раскладочной ведомости налога с недвижимых имуществ г. Осы, Чер-

* ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 7, л. 37 об. 38, 55 об. 56.

** Там же, д. 34, л. 90, 91 об.

том месте, он представляет по-своему нарядную интерпретацию классического типа особняка, принадлежавшего богатым купцам. Главным является обращенный на улицу западный фасад здания, центр которого выделен пилястрами и завершается ломаной линией фронтоном. Окна второго этажа – высо-

Здание городского четырехклассного училища. Фото 2006 г.

кие, с полуциркульным завершением, первого – небольшие, прямоугольные, обрамленные наличниками с замковым камнем. Стены здания с трех сторон имеют кирпичные парапетные столбики. Интересен интерьер дома с просторным вестибюлем, широкой лестницей, ведущей

на второй этаж, где основную часть занимает просторный, с высоким потолком зал, предназначавшийся для балов и празднеств. В настоящее время в бывшем особняке Чердынцевых размещается местный Центр народной культуры.

В конце 1870-х гг. был возведен дом-особняк купцов Осиповых, некоторыми чертами сходный с особняком Чердынцевых. Оба здания построены в стиле позднего русского классицизма, имеют симметричное трехчастное членение главного фасада, ориентированное на запад. Стены осиповского особняка по всему периметру завершены профилированным карнизом с узорчатым пояском. Нарядность второго этажа, как и у дома Чердынцевых, подчеркнута высокими окнами. Особняк Осиповых, органично входящий в усадебный комплекс, производит яркое впечатление. Занимая угловое, доминирующее положение в застройке одного из центральных осинских кварталов, это известное всем местным жителям здание, в котором сейчас помещается детская школа искусств, продолжает сохранять свое важное градообразующее значение.

В отличие от центра, более окраинные районы города почти сплошь состояли из деревянных домов, преимущественно одноэтажных, редко двухэтажных. Встречались дома, построенные из камня и дерева: первый этаж кирпичный, второй – деревянный. В целом господствовала застройка усадебного типа, в чем можно видеть перенос на городскую почву традиций и опыта организации сельских поселений. Помимо дома на усадьбе стояли хозяйственные строения (амбар, конюшня, погреб, баня), обязательным был обширный огород. Распространенными являлись открытые усадьбы с незамкнутым двором.

Среди жилых домов, применявшихся в массовой городской за-

стройке, развитие получил пятистенков. Он состоял из сруба, разделенного пятой стеной на две половины. Во второй половине XIX – начале XX в. такой вид срубной конструкции был представлен в жилище разных категорий горожан,

Дом с наличниками начала XX в.
Фото 2006 г.

будь то мелкий чиновник, мещанин или крестьянин, недавно перебравшийся с семьей в город. При возможности вместо

Декор дома начала XX в. Фото 2006 г.

пятистенков возводились дома-крестовики: сруб внутри разделялся крестообразно не одной, а двумя стенами на четыре части.

Распространенными в Осе были также дома, состоявшие из четырехстенного сруба. Обычно к нему пристраивалось еще одно помещение. Оно служило жилой частью дома либо его сенями. Как правило, такие дома строили не слишком состоятельные горожане, используя для этого менее крупный и недорогой лес.

Много значения придавали владельцы домов их архитектурному и художественному оформлению. Наличники, фризсы, карнизы, реже ворота, украшались накладной или пропиленной резьбой с узором, сочетавшим растительные и геометрические формы.

Интерьер домов зависел от материального достатка горожан, их сословной принадлежности. Среди городских домов в XIX в. встречались жилища с неподвижно встроенной обстановкой, типичной для крестьянского интерьера: лавки вдоль стен, полки выше окон, полаты. Но они постепенно становились анахронизмом, уходили в прошлое. У более состоятельных владельцев из числа мещан, торговцев комнаты в домах были оштукатурены, стены оклеены обоями, вместо лавок стояла добротная мебель. Особенно привлекательно выглядела обстановка в домах чиновников и купцов.

*«По величине обращающихся капиталов
первенствует торговля»*

ТОРГОВЛЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В экономических описаниях Пермской губернии и исторических трудах закрепилось устойчивое представление о том, что учрежденный в конце XVIII столетия как уездный центр город Оса и в последующие десятилетия относился к числу тех поселений, в которых торговля и промышленность не получили сколько-нибудь существенного развития.

Этот тезис не бесспорен. Тем не менее, особенно в первой половине XIX в., большую роль в жизни осинцев продолжали играть земледелие и скотоводство. Н.С. Попов, характеризуя занятия местных жителей, писал, что они сродни крестьянским. Горожане «содержат всякаго роду скота и птиц домашних; почему занимаются сами не только всеми работами, к земледелию относящимися, но ставят сами сено, рубят для себя дрова и все крестьянския к содержанию дома относящияся работы сами исправляют, как и оханские жители»*.

Для проживавших тогда в Осе и составлявших большинство ее населения пахотных солдат и удельных крестьян (в 1804 г. последовал указ о переводе последних в сословие государственных крестьян) при характере их занятий вопрос о земельных угодиях был чрезвычайно важным. Не случайно поэтому в 1800–1810-е гг. обсуждалось расширение выгонных земель г. Осы, что, кстати, вызвало противодействие со стороны крестьян окрестных деревень,

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии*. – Ч. 2. – Пермь, 1804. – С. 275.

** *ородские поселения в Российской империи*. – Т. III. – СПб., 1863. – С. 664.

опасавшихся потери части своих пашен и покосов. В 1858 г., помимо усадебной, в состав отведенной городу земли входили более 1099 десятин пахотных, 918 десятин сенокосных угодий. В выгоне находились также 446 десятин под лесом и 387 десятин «неудобной» земли**.

С течением времени Оса приобретала, однако, новые черты, отличные от сельских поселений, обуславливавшие ее положение в общественном производстве, характерное для городских форм хозяйственной деятельности. Тот же Н.С. Попов фиксировал концентрацию в уездном центре ряда промыслов и ремесел. Потребности местных жителей обслуживали портные (2), сапожники (2), куз-

нецы (2), каменщики (4), столяры (2), плотники (10) и представители других профессий. Помимо того, Оса начинает выделяться и как растущий торговый центр. Отдельные наиболее предприимчивые жители из числа крестьян и пахотных солдат занимались торговлей, ездили «подобно купцам» на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, где закупали товары для торговли в Осе. Приезжали сюда с товаром и иногородние торговцы из Перми, Кунгура, а также из более отдаленных мест, например из Вязниковского уезда Владимирской губернии, и даже торгующие татары из Вятской губернии. По данным Н.С. Попова, стоимость товаров, привезенных на осинский рынок только владимирскими и вятскими торговцами, составляла к началу XIX в. 20 тыс. руб.*.

* Попов Н.С. Указ. соч. С. 275.

Для сферы товарного обращения дореформенной России характерным было распространение ярмарочной торговли. Ее развитие являлось показателем крепнущих торговых связей и одновременно ограниченности торгового оборота определенными временными рамками. В Осе на рубеже XVIII–XIX вв. действовали три однодневные ярмарки: 9 мая, 13 августа и 6 ноября. За ними закрепилось название «съезды». Помимо того, проводилась еженедельная базарная торговля по пятницам. В процесс купли-продажи включалось при этом не только городское, но и крестьянское население из близлежащих и более отдаленных сел и деревень. Если приезжавшие в Осу торговцы – купцы, мещане и представители других сословий – продавали главным образом шелковые, бумажные, суконные ткани, обувь, галантерейные изделия, посуду и т. п., то крестьяне – преимущественно продукты земледелия и животноводства: муку, крупу, горох, солод, мясо, а также сено и лес. Хотя масштабы реализации были невелики, однако тенденцией являлось превращение Осы в крупный центр сбыта сельхозпродукции в Прикамье.

Наряду с временной формой торговли, в городе стала постепенно развиваться и стационарная, постоянная торговля, по величине оборотов все же уступавшая первой. К началу XIX в. в Осе было 11 лавок, из которых одна принадлежала удельному крестьянину и 10 – пахотным солдатам, сумевшим сколотить пусть и небольшие, но достаточные для ведения торговых операций состояния.

Наверное, может возникнуть вопрос: почему торговлей в городе занимались тогда не местные купцы и мещане, для которых, казалось бы, это дело было более привычным, а удельные крестьяне и пахотные солдаты? Ведь в Осе на рубеже XVIII–XIX вв. чис-

лились 7 купцов третьей гильдии и 33 мещанина. Ответ находим у того же Н.С. Попова, отмечавшего, что ни те, ни другие ничем не торгуют и «промыслов не имеют, находясь в других местах по паспортам, для снискания своего пропитания». Это позволяет говорить о том, что купцы и мещане, причисленные к осинскому обществу, источники доходов искали вне Осы, а какая-то их часть попросту была малосостоятельной. В 1833 г., например, из четырех учтенных здесь купцов двое, А.А. Ковалев и Ф.А. Мошков, вели самостоятельные торговые дела, а двое других, С.И. Насонов и Е.С. Персидин, находились «в услужении по коммерческой части». В 1845 г. из 8 осинских купцов трое (С.И. Насонов, С.В. Осипов, Е.В. Татаринев) ни промыслами, ни торговлей в городе не занимались и лавок не имели, хотя и получили из местного казначейства билеты на право торговли*.

* ГАПО, ф. 293, оп. 1. д. 151, л. 35, 90.

Тогда же, в 1845 г., была проведена своеобразная инвентаризация состояния торговли и промыслов в Осе, сделанная по запросу Пермской казенной палаты. Из представленных документов явствует, что торговлей в Осе занимались 5 купцов и 10 мещан, а также 6 иногородних: 3 купца, 2 крестьянина и одна мещанка, – всего 21 человек. В числе иногородних были оханский купец второй гильдии И.И. Телегин, кунгурская третьей гильдии купчиха А. Тимофеева, торгующие крестьяне из числа крепостных Гороховского уезда Владимирской губернии и Нижегородского уезда одноименной губернии.

Торговля велась в 18 лавках, все они находились в гостином дворе. Продавались в них преимущественно шелковые, бумажные, галантерейные товары. Трое из осинских мещан – С.О. и Ф.О. Гурылевы, Р.А. Хохряков – при своих домах имели кожевенные заведения и произведенную продукцию реализовывали в собственных лавках. В тех же лавках, которые принадлежали купцам и торгующим крестьянам, торговлю вели приказчики, в каждой от одного до шести человек. Среди приказчиков были не только русские, но и грамотные, знавшие счет татары и башкиры**.

** Там же, д. 159, л. 89-91 об.

Между мещанами и купцами не было глубокой сословной пропасти. Купец, который в силу каких-либо причин, чаще вследствие разорения, был не в состоянии уплатить гильдейский сбор и другие виды налогов, попадал в ряды мещан; с другой стороны, мещанин, накопивший в результате торговых или иных операций необходимый капитал, мог претендовать на то, чтобы записаться в купечество. В качестве примера приведем прошение осинского

мещанина С.О. Гурылева, имя которого уже упоминалось, поданное в Осинскую городовую ратушу 17 декабря 1845 г.

«Просит Пермской губернии города Осы мещанин Семен Осипов Гурылев, а в чем мое прошение, тому следующие пункты. 1-е. Приобретя через присвоенную мещанам торговлю вообще с живущими со мною нераздельно родным братом моим Федором капитал 2400 руб. серебром, почему для усиления торговой промышленности и личных преимуществ желаю записаться вообще с женой моей Авдотьей Ивановой, сыновьями моими, записанными по ревизии 1-м Дмитрием, женой его Анной Федоровой, 2-м Иваном, братом моим Федором, женой его Татьяной Петровой, его сыном, записанным в ревизии Григорьем, дочерью Парасковьей и рожденным после ревизии его же сыном Андреем, в купцы 3 гильдии по городу Осе с начала будущего 1846 года и потому ВСЕПОДДАННЕЙШЕ прошу сие.

Дабы повелено было по объявленному мною капиталу на основании 34 статьи тома 11-го Устава торгового (издание 1842 года) записать меня с будущего 1846 года с вышепоименованным семейством в купцы 3-й гильдии по городу Осе, для чего потребовать от Градского Общества об увольнении меня в купечество»*.

* ГАПО, ф. 293, оп. 1, д. 159, л. 399, 399 об.

Прошение С.О. Гурылева было удовлетворено, и в 1846 г. он был зачислен в купцы третьей гильдии. Еще прежде, как это видно из ревизской сказки купеческих семейств, из мещан города были «причислены» в купцы в 1840 г. П.Т. Чердынцев и в 1841 г. С.В. Осипов, которые заложили основы благосостояния этих известных осинских купеческих династий.

В 1860 г. в Осе насчитывалось 34 купца, взявших соответствующие торговые свидетельства, 10 торгующих крестьян, 37 приказчиков. Продажа товаров в начале 1860-х гг. велась в 57 лавках, находившихся как в гостином дворе, так и на Торговой площади. Хотя современники говорили подчас о «ничтожности» торговли, ее ограничении «мелочной куплей и перепродажей», вряд ли с этим можно согласиться в полной мере. Существовали достаточно прочные, налаженные связи с крупнейшими Нижегородской и Ирбитской ярмарками, Оса все более выделялась как важный пункт торговли лесными изделиями и хлебом. В экономическом описании городов Пермской губернии давалась следующая характеристика торговли и торговых связей Осы:

«В Осе производится торговля преимущественно лесными изделиями, как: лубьями, мочалами, рогожами и кульями, которые скупаются местными торговцами на базарах как в самом городе, так и в уезде у государственных и удельных крестьян; мочало, кулье и рогожи идут на Нижегородскую ярмарку и сплавляются даже до Астрахани; кроме того существует торговля разного рода хлебом, но в незначительных размерах; хлеб сбывается по большей части на винокуренные и горные заводы, находящиеся в уезде»**.

** Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 гг. – Ч. 2. – СПб., 1863. – С. 21.

Семья купца И.И. Кузнецова

* Бездобразов В.П. *Хлебная торговля северо-восточной России.* – СПб., 1870. – С. 35 – 36.

** *Пермские губернские ведомости.* – 1869. – 4 окт.

В приведенном отрывке, однако, вызывает сомнение суждение о незначительных размерах и местном характере торговли хлебом в уезде и уездном центре. Из других материалов известно, что Оса была одним из пунктов сбора хлебного потока, направляемого в северные районы Прикамья и в Поволжье. В конце 1850-х гг. только на север вывозилось из Осы по Каме до 40 тыс. кулей хлеба и до 10 тыс. кулей сухопутным путем*.

Жизнь в Осе особенно оживала весной, в период подготовки к навигации на Каме, а затем зимой, в декабре. Наплыв приезжих из уез-

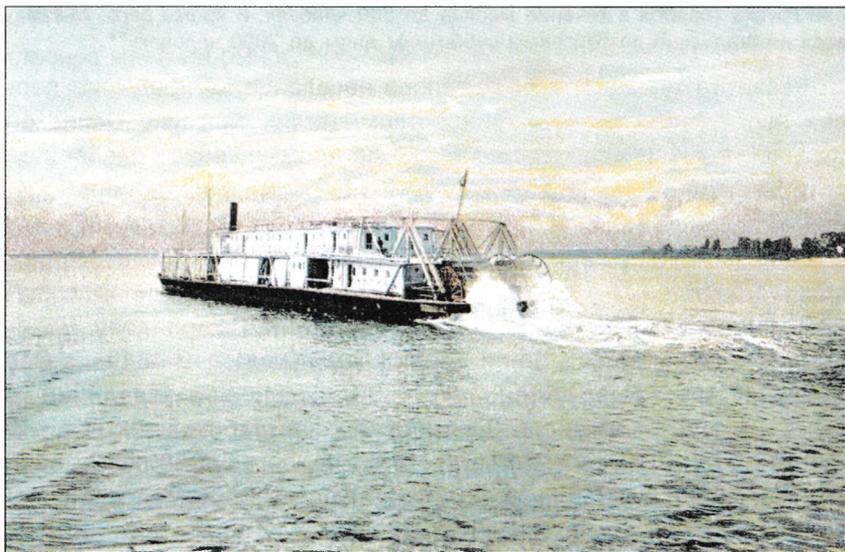
да и более отдаленных мест в последний месяц года был связан с деятельностью осинской Никольской ярмарки, учрежденной в 1819 г. и проводившейся с 6 декабря. В 1840–1850-е гг. Никольская ярмарка неуклонно наращивала обороты. Если в 1849 г. сюда было привезено товаров на сумму 51,5 тыс. руб., то в 1860 г. – на 123,9 тыс. В конце 1860-х гг. объем ярмарочной торговли здесь сократился: в 1868 г. стоимость привезенных на Никольскую ярмарку товаров составляла 95,7 тыс. руб., из них продано на сумму 35,5 тыс.**.

Однако она продолжала выступать одной из крупнейших городских ярмарок Пермской губернии, заметно опережая в то время ярмарки Перми, Екатеринбурга, Кунгура и превосходя по торговым оборотам каждую из 19 ярмарок, действовавших в Осинском уезде.

Важную роль в торгово-промышленном развитии Осы играла р. Кама как главная водная магистраль, связывавшая город с другими экономическими центрами и регионами. Во второй половине XIX – начале XX в. Осинская пристань стягивала на себя большое количество грузов и по праву относилась к числу ведущих в пре-

Осинская пристань. Начало XX в.

Пароход «Жемчужина» на р. Каме. Фотооткрытка. 1910-е гг.

делах Пермской губернии. Имеется интересный источник сведений о стоимости и составе основных товаров, отправленных с Осинской пристани в 1859–1862 гг. (средние данные за год). Представленные в нем данные свидетельствуют, что на баржи и другие речные суда здесь было погружено более 382,2 тыс. пудов грузов на сумму

172,4 тыс. руб., из них леса и изделий из него – на 113,7 тыс. руб., хлеба 57 тыс. пудов – на 17,9 тыс. руб., спирта с винокуренных заводов Осинского уезда – на 15,5 тыс. руб., семени льняного 21,9 тыс.

* *Статистический вренник Российской империи. – Вып. 1. – СПб., 1866. – С. 126.*

пудов – на 21 тыс. руб.*. Спустя десять лет, в 1871 г., общий грузооборот Осинской пристани составлял более одного миллиона пудов, а стоимость грузов превышала 528 тыс. руб. Из 20 пристаней на Каме в пределах губернии Осинская по стоимости привезенных и отправленных грузов занимала третье место, уступая лишь Пермской и Усольской, причем последняя славилась преимущественно вывозом соли.

Подытоживая сказанное, уместно привести «Справку... о времени наибольшего скопления народа в Осе», составленную Пермской городской думой в 1873 г. В ней на этот счет дается следующий ответ:

«Скопление народа в городе Осе бывает в 1-й раз во время Никольской в декабре ярмарки, продолжается с 6 по 16 число, от 2000 до 10000 человек, и во 2-й раз во время весны на Камской пристани в выгоне города, на работах при грузке товаров в течение месяца до 500 человек, и кроме сего, съезжается еженедельно по торговым субботним дням до 2000 человек»**.

Развитие торговли и рост спроса населения на предметы первой необходимости, усиление экономических связей с Осинской округой привели к появлению в городе промышленных заведений, которые специализировались преимущественно на переработке продуктов животноводства и лесных промыслов. В начале 1830-х гг. в городе имелись два кожевенных завода (так громко именовались мелкие заведения в официальной документации), принадлежавшие осинским мещанам С.О. Гурылеву и М.К. Самоделову. Нахо-

** *ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 34, л. 59, 59 об.*

дились они в домах владельцев***. В 1849 г. в Осе было учтено уже 6 промышленных заведений, в том числе 3 кожевенных, выработавших продукции на 7578 руб., 2 свечных – на 2050 руб. и одно маслобояное с суммой производства в 900 руб. Сбыт товаров производился в Осинском и Оханском уездах.

*** *Там же, ф. 293, оп. 1, д. 43, л. 37, 45.*

Более полные цифры о деятельности предприятий в Осе накануне отмены крепостного права приведены в материалах офицера Генерального штаба Х. Мозеля. По его данным, в 1860 г. в Осе действовали 8 предприятий, которые произвели продукции на сумму 13,2 тыс. руб. при численности рабочих 32 человека. Безусловно, показатели крайне невелики. Они позволяют говорить о том, что это были мелкотоварные предприятия, обслуживавшие преимуще-

Торжество в честь 25-летия супружеской жизни И.А. и Т.М. Осиповых. 1913 г.

ственно местный рынок. Число рабочих на каждом из них не превышало 3–8 человек. По стоимости произведенной продукции выделялись кожевенные заводы, выпустившие продукции на 6800 руб.*. Примечательно, что среди предприятий, наряду с салотопенным, мыловаренным и двумя кирпичными заведениями, были учтены кулевая и спичечная фабрики. Первая из них, при скромных показателях (на ней было занято 8 рабочих и произведено продукции на 3 тыс. руб.), положила начало одной из ведущих отраслей экономики города и уезда – кулеткацкому производству.

Для второй половины XIX – начала XX в. в промышленном развитии Осы были характерны две ведущие тенденции. С одной стороны, происходил рост числа мелких кустарных заведений, работавших, как правило, на нужды местного населения, с другой – наблюдался процесс концентрации производства и капитала, образования более крупных предприятий со значительным числом рабочих и разделением труда между ними.

И.А. и Т.М. Осиповы в день серебряной свадьбы. 1913 г.

* Мозель Х. *Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния.* – Ч. 2. – СПб., 1864. – С. 713.

Традиционными оставались кожевенное, мыловаренное, свечесальное производства, из которых наиболее успешно развивалась кожевенная отрасль. В начале XX в. в Осе действовали 9 кожевенных заводов, часть из них была основана еще в 1870–1880-е гг. В виде торговых домов были организованы фирмы наследников купца Григория Леонтьевича Фофанова П.Г. и А.Г. Фофановых, владевших крупным кожевенным заводом и фабрикой обуви в Осе, Матвея Митрофановича Хлебникова с сыновьями, кожевенный завод которых специализировался на производстве особо прочной крестьянской обуви, а ее продажа производилась вплоть до Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Повышенным спросом у населения и оптовых покупателей пользовалась продукция парового кожевенного, лесопильного и мукомольного завода А.Я. Склюева, кожевенных заводов И.И. Кузнецова, В.З. Бутакова и некоторых других предпринимателей.

С деревообрабатывающей промышленностью связано было распространение рогожно-кулеткацкого производства. Во второй половине XIX – начале XX в. Оса и Осинский уезд занимали по его развитию ведущие позиции в Пермской губернии. Это была отрасль, где активно действовали скупщики, зачастую из тех же осинских крестьян и купцов. Покупая оптом продукты лесных промыслов, необходимые для производства товаров, они либо перепродавали их владельцам кулеткацких заведений, либо, скопив необходимые денежные средства, основывали предприятия сами. Существовала также практика раздачи работы по производству кулей и рогож вне заведения, на дому, что имело следствием появление в этой отрасли рассеянной мануфактуры.

Из числа скупщиков вышел, например, торгующий крестьянин, затем осинский купец Захар Федорович Бутаков, владевший в конце XIX в. самой крупной на Урале кулеткацкой фабрикой. В 1890 г. на ней было произведено до 100 тыс. рогожных полукулей на сумму 12 тыс. руб., трудилось 108 рабочих*.

* Орлов П.А., Будагов С.Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. – СПб., 1894. – С. 158.

Известной не только в крае, но и за его пределами являлась династия купцов и промышленников Чердынцевых, чей первоначальный капитал был накоплен в сфере торговли. В течение многих десятков лет их коммерческая и предпринимательская деятельность была связана с Осой. Причисленный в 1840 г. из мещан города в купцы третьей гильдии, один из представителей этого рода, Петр Тихонович Чердынцев, в 1840-е гг. имел две лавки «для продажи

галантерейных товаров» в гостином дворе и «при доме своем рейнский погреб»*. Он же вместе с сыном Федором основал в Осе водочный завод, а Федор Петрович Чердынцев, приумножая отцовское наследство, приобрел землю в Аряжской волости Осинского уезда, где было создано имение «Федоровское», названное по имени владельца. В 1866 г. им организован крупный винокуренный завод. В конце XIX в. это предприятие представляло настоящий промышленный комплекс. Оно включало винокуренное, солодовенное, мукомольное, бондарное, лесопильное, кирпичное производства и ремонтную мастерскую. В 1895 г. на Федоровском заводе, принадлежавшем в то время купцу первой гильдии Алексею Федоровичу Чердынцеву, было выработано спирта и других товаров на сумму 93,4 тыс. руб. Завод представлял собой предприятие фабричного типа: имел паровой двигатель, два паровых котла, на нем были заняты 54 рабочих, не считая временных, сезонных работников.

Супруги П.И. и С.П. Чердынцевы. 1913 г.

Предпринимательской деятельностью занимались также старший брат А.Ф. Чердынцева Федор Федорович и его сыновья. Предприятия представителей этого влиятельного рода, объединенные в «Торговый дом братьев Чердынцевых», находились не только в Осе и Осинском уезде, но и в Кунгуре, Перми, г. Бирске Уфимского уезда.

Составной частью экономики Осы было, помимо того, развитие малого предпринимательства. Учитывая повседневный спрос населения, здесь действовали в начале XX в. мастерские по ремонту обуви, одежды, магазинчики и лавки по продаже бакалейных, галантерейных товаров и даже керосина. Их благополучие зависело от изменчивости вкусов покупателей, размеров налогового обложения, конкурентоспособности и других факторов. Существовали и небольшие семейные предприятия, включавшие близких родственников, занятые оказанием нехитрых бытовых или иных услуг, и, как бы мы сейчас их на-

* ГАПО, ф. 293, оп. 1, д. 159, л. 90.

Торговая реклама фирмы наследников А.Ф. Чердынцева

звали, индивидуальные предприниматели, которым приходилось крутиться, чтобы прокормить семью. Впрочем, решающее влияние на экономическую жизнь города оказывали не столько представители низших торгово-промышленных слоев общества, сколько состоятельное осинское купечество.

«Наличных жителей насчитывается...»

НАСЕЛЕНИЕ

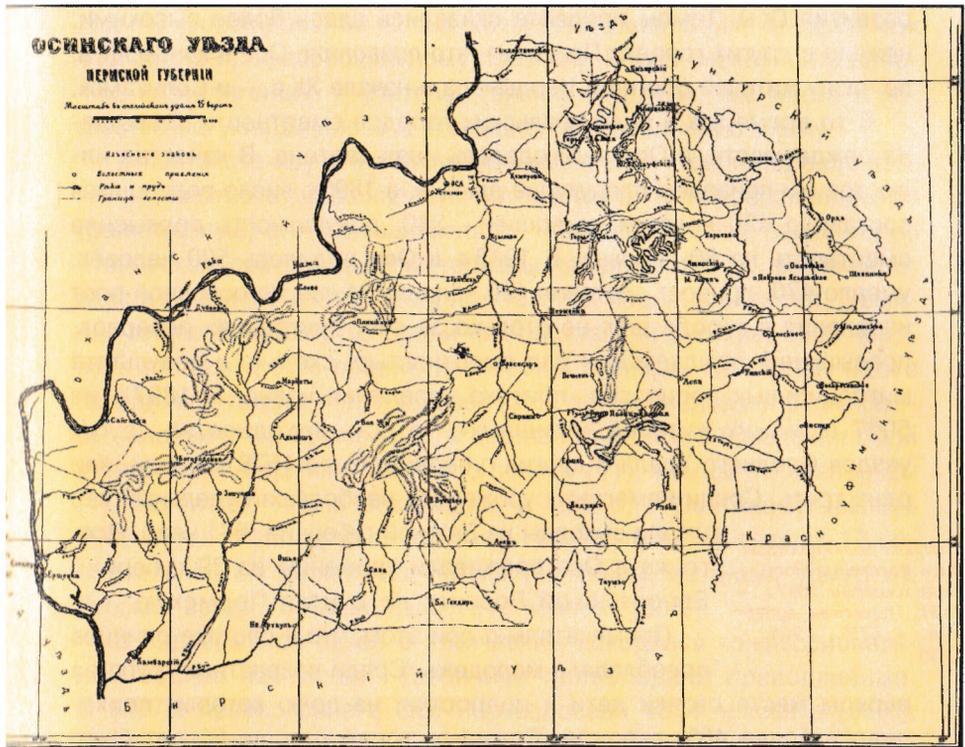
В первой половине XIX в. официальной статистикой учитывались преимущественно два «законных» городских сословия: купцы и мещане. При проведении ревизий (переписей) учет податного, облагаемого налогами, населения велся в «ревизских душах», то есть в душах мужского пола. Тем не менее в общих правилах бывают свои исключения. Более полные сведения о численности и составе жителей Осы применительно к предреформенному шестидесятилетию удалось обнаружить за 1815, 1841 и 1860 гг. В эти годы численность населения города составила, соответственно, 1253, 1611 и 2546 человек обоего пола. В итоге основной его прирост пришелся, как видим, на 40–50-е гг. XIX столетия.

Некоторые перемены в этот период произошли и в структуре населения Осы. Если в 1841 г. городские сословия составляли четвертую часть жителей города (413 чел.), то в 1860 г. – более одной трети (887 чел.). Увеличилось число проживавших в Осе крестьян (с 868 до 1302 чел.). Иначе говоря, крестьяне в 1860 г. составляли почти половину населения Осы. Из представителей других сословий в городе числилось 45 потомственных и личных дворян (вместе с членами семейств), 39 священно- и церковнослужителей, 370 военных регулярных войск, отпускных и отставных нижних чинов, их жен и детей*.

* Мозель Х. *Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния.* – Ч. 2. СПб., 1864. – С. 712.

Среди уездных центров Прикамья Оса по численности населения уступала не только Перми и Кунгуру, но и Соликамску, и Чердыни. Нижнюю строчку в этом списке занимал лишь Оханск с его 1056 жителями в 1860 г.

Демографическая ситуация, характерная для

Карта Осинского уезда. Начало XX в.

уральских городов, изменилась в пореформенный период. Процессы модернизации, происходившие в стране, не могли не затронуть города. Они нашли отражение в усилении социальной мобильности и концентрации населения в губернских и уездных центрах, переменах в структуре занятий горожан, в отходе от традиционного сословного деления общества, что ускоряло развитие городов, отражаясь на их социально-экономическом и культурном облике. Аналогичные демографические перемены наблюдались во второй половине XIX – начале XX в. и в развитии Осы.

Динамика численности населения города выглядела в этот период следующим образом. В 1861 г. в Осе было учтено 2260 жителей (вероятно, эти сведения несколько занижены), в 1867 г. – 2628, в 1885 г. – 2989, в 1897 г. – 5067, на начало 1913 г. – 8525 (по другим данным – 8615)*. Ускоренный рост городского населения пришелся на конец 1880-х – 1900-е гг., что синхронизируется с активизацией торгово-промышленного

* ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 28, л. 11 об., 70 об.

развития Осы. Темпы прироста оказались здесь более высокими, нежели в других городах Прикамья, что позволило Осе в конце XIX в. по числу жителей обогнать Чердынь, а в начале XX в. – и Соликамск.

В то время как в ряде уральских городов смертность превышала рождаемость, в Осе наблюдалась иная картина. В качестве иллюстрации приведем следующие данные: в 1895 г. число родившихся составило 420 человек, умерших – 340, рождаемость превысила смертность на 80 человек. В 1913 г. в Осе родилось 590 человек, умерло 470, прирост составил 120 человек. И все же основной рост населения в городе шел не столько за счет внутренних резервов, превышения рождаемости над смертностью, сколько в результате миграционных процессов, притоке населения извне. В 1897 г. из 5067 осинских жителей «пришлых», то есть выходцев из других уездов Среднего Урала и других губерний, было 1678 человек, или одна треть. Среди неместных уроженцев наибольший удельный вес

** Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 31. Пермская губерния. – СПб., 1904. – С. 50.*

имели выходцы из Вятской губернии (671 чел.). Всего же в Осе проживали уроженцы из 39 губерний Европейской России, не считая Пермскую*.

Примечательно при этом, что в составе осинцев преобладала молодежь. Среди возрастных групп на первом месте стояли дети и подростки, на долю которых приходилось более 40% горожан. Пожилых людей старше 60 лет было немного: они составляли менее 8%.

Во второй половине XIX в. происходило укрепление позиций городских сословий. За 1861–1897 гг. число купцов, проживавших в Осе, вместе с членами семей увеличилось с 88 до 144, мещан – с 697 до 2392 человек. Мещане стали преобладающей группой среди жителей Осы. Следом за ними по численности шли крестьяне: в 1897 г. – 2126 человек (в 1861 г. – 1393). Поселившись в городе и сохраняя свой крестьянский статус, они, однако, чаще занимались делами, отличными от деревенских: выступали в качестве наемных рабочих или мелких торговцев и предпринимателей. Высокий удельный вес крестьян среди городского населения свидетельствовал об их возросшей мобильности, притоке сельского населения из деревни в город.

Помимо этих категорий горожан, в Осе в 1897 г. числилось потомственных и личных дворян – 244, духовенства – 47. Сословный статус 40 человек не был определен**. Следует, однако, заметить, что под влиянием развития капитализма сословное деление общества становилось анахронизмом. В городе проис-

** Там же. С. 58, 59.

ходило формирование новых категорий населения, выделяемых обычно по профессиональному признаку. Росла численность рабочих, интеллигенции – учителей, врачей и других, чье место в обществе не укладывалось в традиционную сословную схему.

В контексте изучения структуры населения Осы интересно также рассмотреть национальную (этническую) и конфессиональную (религиозную) его принадлежность. Наиболее полные сведения об этническом составе дают материалы переписи 1897 г., зафиксировавшие наличие в Осе представителей 8 национальностей. Доминирующее большинство среди них составляли русские: 4806 человек, или почти 95% общего количества горожан. На втором месте находились татары – 151 человек (3%), затем следовали башкиры – 69 человек (1%). Кроме того, в составе городского населения были учтены коми-пермяки (20 чел.), поляки (11), немцы (4), белорусы (4), евреи (2). После революции, в 1920 г., в Осе насчитывалось 8285 жителей (по другим данным – 9012), представлявших 12 национальностей (появились латыши, литовцы, эстонцы, удмурты). Русских среди горожан было 7518 человек (90%).

В неразрывной связи с этническим находился конфессиональный состав населения. Устойчиво преобладали православные. В 1897 г. православие в Осе исповедовали 4824 человека (95%). Среди жителей города были также 220 мусульман (4%), 13 католиков (0,3%), 5 протестантов, 2 человека исповедовали иудаизм. При широком распространении в Осинском уезде старообрядчества в самой Осе перепись учла только 3 старообрядцев, хотя следует заметить, что представители этой конфессии не стремились к регистрации, опасаясь ущемления в правах, так что их число среди местного населения могло быть и несколько выше.

*«Распространение образования
среди народа есть задача не отдаленного
будущего, а того, которое граничит
с настоящей минутой»*

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Первые городские общеобразовательные школы в Пермском крае были открыты в конце 80-х гг. XVIII в. Оса в развитии образования отставала от таких уездных центров, как Кунгур, Соликамск, Чердынь. Вплоть до середины 1840-х гг. здесь не было учебных заведений, и обучение детей если и велось, то было домашним: в семье или у частных лиц. Из архивных документов, правда, становится известным один любопытный факт. В ревизской сказке семейств осинского купечества сообщается, что в 1839 г. Пермская казенная палата исключила из подушного оклада «по случаю окончания университета» купеческого сына Петра Федоровича Пушкова*.

* ГАПО, ф. 111, оп. 3, д. 206, л. 23 об.

Чтобы получить университетское образование, Пушков прежде должен был окончить гимназию, вероятнее всего в Перми, поскольку в других городах губернии таких учебных заведений до 1861 г. не было. Однако выяснить биографию и проследить дальнейшую судьбу П.Ф. Пушкова пока не удалось.

В 1840-е гг. осинская городская ратуша и бургомистр Киселев возбудили ходатайство перед губернскими органами об открытии в Осе приходского училища, чтобы «доставить городу средства к образованию юношества». Открытие училища последовало в 1846 г., находилось оно в ведении Министерства народного просвещения. В уставе приходских училищ подчеркивалось, что целью их учреждения было «распространение первоначальных, более или менее всякому нужных сведений». Далее указывалось:

«В приходские училища могут быть допускаемы дети всех состояний и обоего пола, но не моложе восьми лет, а девицы не старше одиннадцати, от вступающих не требуется никакой платы и никаких предварительных сведений».

Приходское училище в Осе содержалось за счет городских доходов. Смета на 1846 г. составила сумму 280 руб., на 1864/65 учебный год – 495 руб. В 1864/65 г. в училище обучался 81 человек, в том числе 7 детей дворян и чиновников, 2 – духовенства, 5 – почетных граждан и купцов, 40 – мещан, 27 детей крестьян и разночинцев. Среди учащихся преобладали, таким образом, дети низших сословий.

Сохранилось описание здания, в котором находилось это учебное заведение:

«Училище помещается в нанимаемом за счет общества доме с платою за то 70 рублей в год. Дом этот малоудобен; в зимнее время холоден и сыр, классная комната по числу учащихся мала. Училищное начальство неоднократно заботилось о приискании более удобной для училища и для помещения учителя квартиры и старалось склонить к тому общество. Но в г.Осе за означенную плату отыскать более удобного и просторного помещения не возможно»*.

* *Пермские губернские ведомости. – 1864. – 18 сент. – № 38.*

В 1875 г. двухклассное приходское училище было преобразовано в четырехклассное городское, которое предназначалось «для обеспечения повышенного начального умственного и религиозного образования». Размещалось оно в деревянном неприспособленном доме, но в 1888 г. для училища было построено каменное двухэтажное здание, удобное для проведения занятий. В отличие от некоторых других городских училищ, осинское не имело первого класса, что давало ему определенные преимущества. В него поступали выпускники начальной школы, лучше подготовленные к учебе, нежели учащиеся городских училищ, окончившие в них первый класс. Средства на содержание осинского городского училища выделяли уездное земство и городское общество: в 1901 г., например, сметные расходы земства на эти цели составляли 3865 руб., городского общества – 1000 руб. Училище было мужским. В 1901 г. в нем обучались 130 мальчиков, в том числе 12 детей дворян и чиновников, 3 – духовенства, 70 – купцов и мещан, 45 – крестьян. Все учащиеся исповедовали православие**.

** *Очерк народного образования в Пермской губернии в 1901 году. – Пермь, 1903. – С. 21.*

Большой вклад в развитие образования в Осе, и особенно в Осинском уезде, внесло местное земство. Уже в 1873 г. уездное земское собрание постановило «ходатайствовать перед Министерством народного просвещения об обязательном обучении всех детей с 9- до 14-летнего возраста», но с одной оговоркой: «в тех местностях, где есть школы». С середины 1890-х гг. члены земства неоднократно ставили вопрос о введении всеобщего обязательного обучения детей школьного возраста. В 1896 г. Осинская дума докладывала уездному земскому собранию:

«Вопросы народного образования приобрели особенную важность, выступили на первый план... Настало время употребить все усилия к введению всеобщего обучения... Знание есть сила, знание есть могущество, знание – богатство»***.

*** *Журналы XVII Осинского уездного земского собрания. – Оса, 1897. – С. 504, 507.*

Главным препятствием в осуществлении этой задачи, решение которой поддерживали все земства Пермской губернии, было отсутствие необходимой финансовой помощи со стороны государства. Только в Осинском уезде расходы на всеобщее образование составили бы более 179 тыс. руб. Сравним: расходы на содержание действующих школ в уезде на рубеже XIX–XX вв. равнялись 57 тыс. руб. По сделанным тогда расчетам, чтобы решить проблему всеобщего образования в крае, при существовавших темпах ее осуществления потребовалось бы еще пятьдесят с лишним лет. Но тем не менее школьная сеть в уезде неуклонно росла. За 1874–1914 гг. количество одноклассных и двухклассных земских школ увеличилось здесь в пять раз, с 42 до 218. Кроме того, действовали министерские, церковно-приходские школы. В 1913/14 учебном году в Осинском уезде, за исключением учебных заведений г. Осы, насчитывалось в общей сложности 288 начальных школ разной ведомственной принадлежности.

Росло число учебных заведений в самой Осе. К 1875 г. в городе, помимо приходского мужского, существовало женское училище. В 1884 г. на средства города было открыто городское начальное училище. Длительное время, вплоть до 1909 г., оно занимало один из двух этажей здания городской управы по улице Николаевской (ныне Ленина). В 1890/91 учебном году в школе обучалось 63 мальчика, на ее содержание было отпущено городским обществом 1380 руб.

Наиболее заметные перемены в развитии начального образования в Осе произошли в первое десятилетие XX в. В 1907 г. в городе существовало пять начальных школ, в 1910 г. – семь. Среди них первое и второе городские начальные училища (второе было открыто в 1910 г.), приходское, содержавшееся за счет Министерства народного просвещения, земское начальное училище, две церковно-приходские школы, действовавшие на средства епархиального училищного совета при пособии от городского общества.

В обзоре Пермской губернии за 1913 г., при характеристике состояния начального образования говорилось, что в Осе «остающихся вне школы совсем нет». В городе «школ вполне достаточно, причем число учащихся превышает число детей школьного возраста», проживавших в Осе*. Можно полагать, что в этих словах все же есть доля преувеличения. Чем же тогда объяснить открытие в Осе в 1914 г. еще одной начальной школы?

Чрезвычайно острым для горожан в конце XIX – начале XX в. был вопрос о развитии среднего образования. Более успешно он решался в отноше-

* *Обзор Пермской губернии за 1913 год. – Пермь, 1914. – С. 126.*

Члены Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда. Конец 1900-х гг.

нии девушек. В 1881 г. в Осе была открыта женская прогимназия. Она содержалась преимущественно за счет уездного земства, часть средств вносило городское общество. Обучение в прогимназии было платным: за 1881–1899 гг. плата за учебу выросла с 4 до 8 руб. Численность учениц в начале XX в. составляла 180–190 человек в год, в сословном отношении преобладали дети мещан и крестьян. В 1906 г. прогимназия была преобразована в Осинскую женскую гимназию. В 1911 г. она насчитывала семь основных и один восьмой, специальный педагогический класс. В ней обучались около 390 учениц, в том числе 36 детей дворян и чиновников, 43 – священно- и церковнослужителей, 17 – почетных граждан и купцов, 150 – мещан, 143 – детей крестьян. Из 28 тыс. руб., выделенных в 1911 г. на ее содержание, около 14 тыс. составляли средства уездного земства, 3 тыс. – пермского губернского, 1500 – городского общества, более 3 тыс. руб. – сборы за право обучения. Были и другие, менее значимые источники поступлений.

Проблемы, связанные с возможностями получения среднего образования юношами, были в известной мере решены с откры-

тием в 1912 г. реального училища. Содержалось оно на средства земства при небольшом пособии со стороны городского управления. В хронике событий 1912 г. в Пермской губернии, за 30 апреля, было помещено следующее официальное сообщение об открытии училища:

«Департамент народного просвещения на днях уведомил г. начальника губернии, что предложением от 18 марта с. г. на имя попечителя Оренбургского учебного округа разрешено открыть в г.Осе с 1912–1913 учебного года реальное училище в составе первоначально трех низших классов на точном основании устава и штата реальных училищ с отнесением расходов по содержанию училища впредь до принятия таковых на средства казны, на местные источники. При этом департамент поясняет, что кредит на содержание названного реального училища предположено внести в смету министерства 1913 г., если то окажется возможным по бюджетным соображениям»*.

* Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. – Пермь, 1914. – С. 56.

Развивая общеобразовательную школу, местные учреждения, в первую очередь земства, заботились и о распространении профессионально-технических знаний.

Учитывая земледельческий профиль уезда, в 1896 г. в с. Устиново было открыто IV сельскохозяйственное отделение «для сообщения желающим сельскохозяйственных навыков и представлений». Вскоре оно было переведено в Осу. Современники относили такие учебные заведения к народным училищам повышенного типа, где обязательными были курсы математики, русского языка, истории, географии. Для практических занятий предназначалось земское поле в окрестностях города.

Иной характер специализации был присущ Осинской учебно-показательной сапожно-посадочной мастерской, основанной в 1913 г. также на средства уездного земства. Как и в сельскохозяйственном отделении, срок обучения в мастерской был двухгодичным, и в то, и в другое учебное заведение принимались мальчики, прежде окончившие начальную школу. Обучение в учебно-показательной мастерской было бесплатным, среди учащихся преобладали дети из Осы и окрестных селений.

Однако профессиональное образование в городе делало в то время еще самые первые шаги.

*«Забота о просвещении, культуре,
нравственности... дает всходы»*

ЗАБОТЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Для социально-экономического и культурного развития Осы важное значение имела деятельность органов местного городского и земского самоуправления, которые выступали как общественные институты, отличающиеся широкими функциями.

Осинское уездное земство было образовано в 1870 г. Первым председателем земской управы стал Иван Павлович Дягилев, дядя известного российского театрального деятеля С.П. Дягилева. В составе гласных первого созыва Осинского уездного земского собрания были купцы И.Г. Костарев, П.С. Насонов, Ф.П. Чердынцев, последующих – С.Ф. Моклецов, А.И. Осипов, И.И. Сорокин, А.Ф. Чердынцев и другие, проявлявшие заботу о развитии родного края: хозяйства, образования, медицины, культуры, благотворительности.

Гласные Осинского уездного земского собрания. Начало XX в.

Почтовая марка
Осинского земства.
Начало XX в.

* *Осинский земский календарь на 1916 год. – Оса, 1915. – С.130–133.*

В конце XIX – начале XX в. многократно выросли расходы местного земства на народное образование: за 1888–1913 гг., то есть за 25 лет, они увеличились с 53,2 тыс. до 456,7 тыс. руб.; на медицину, соответственно, с 42 тыс. до 163,9 тыс. руб. Правда, сравнительно невелики были расходы на общественное призрение (содержание богаделен, приютов, предоставление пособий неимущим). В отдельные годы они доходили до 6 тыс. руб., но в начале XX в. не превышали 2,6 тыс.*.

Ссылаясь на то, что «тяга к просвещению приводит в учебные заведения способную молодежь из бедных семей, не могущих, однако, найти нужные средства на обучение», земские гласные и члены уездной управы отстаивали право на содержание в учебных заведениях земских стипендиатов. По имеющимся данным, за 1913 г. Осинское земство выделило на эту благую цель более 70 стипендий на общую сумму 9,7 тыс. руб. Среди осинских стипендиатов были обучающиеся в местной женской гимназии и реальном училище, а также в Кунгурском техническом училище, Пермской женской учительской семинарии, Казанском ветеринарном институте, на Высших женских курсах в Москве и т. д.

Все прошения о стипендиях и пособиях на образование рассматривались вначале специальной комиссией при земской управе, затем утверждались уездным земским собранием. Вот один пример из доклада Осинской уездной управы земскому собранию о прошении на выдачу стипендии учащейся местной женской гимназии Зинаиде Пискуновой:

«Вдова почтового чиновника Нина Степановна Пискунова, оставшись после смерти мужа без всяких средств к существованию с 4-мя детьми, из которых трое учатся в учебных заведениях, обращается к земскому собранию с просьбой назначить дочери ее Зинаиде Пискуновой, обучающейся в III классе Осинской женской гимназии, стипендию впредь до окончания ею образования.

Семейное положение просительницы таково: самой 34 года, дети Леонид 15 лет, Зинаида 13 лет, Екатерина 7 лет и Нина 2-х лет. Из имущества, за исключением необходимого ношеного платья, ничего не имеет, содержит мастерскую для шитья дамского платья, чем и снискивает себе пропитание. Зинаида Пискунова переведена ныне в III-й класс гимназии с наградой 1-й степени».

Заключение на прошении, сделанное земской управой:

** ГАПО, ф. 281, оп. 1, д. 205, л. 339 об.

«Дать стипендию в 100 руб.»**.

Члены Осинской городской управы. Начало XX в.

А.П. Насонов, осинский
городской голова в
1907–1914 гг.

И подобные прошения в делах земства не были редкостью.

Осинское земство выделяло также денежные пособия Пермскому нищенскому приюту, Пермскому отделению попечительства о слепых, Обществу народного труда, Пермскому дамскому попечительству о бедных. В начале XX в. оно в числе других оказывало материальную помощь такому научному и просветительному учреждению, как Пермский научно-промышленный музей.

В меру возможностей поддерживали благотворительные и культурные начинания Осинская городская дума и городская управа. Сметные ассигнования органов городского самоуправления, созданных благодаря городской реформе 1870 г. в России, были все же более ограниченными, нежели средства земств. Отвечая в 1913 г. на вопрос о бюджете Осы, местная управа констатировала:

«Финансовое положение города, как вообще всех российских городов, незавидное. Хотя смета сводится без дефицита, но, тем не менее, расходы далеко опережают доходы, и поэтому приходится многие культурные начинания откладывать до лучшего времени».

Основная часть средств шла на содержание городского общественного управления, развитие образования, медицины, благоустройство Осы, небольшая – на пособия благотворительным обществам и учреждениям. В начале XX в. городская дума и уездное земство

выделяли дополнительные денежные суммы Осинскому благотворительному обществу, содержавшему в городе богадельню для престарелых и нетрудоспособных жителей, и местному церковно-приходскому попечительству, в чьем ведении находился приют для детей. В 1900 г. в богадельне призревались 15 мужчин и 18 женщин. В детском приюте Градо-Осинского церковно-приходского попечительства в 1913 г. содержалось до 45 сирот «городских и уездных». Учитывая

неудовлетворительные условия проживания призреваемых детей, уездное земство предоставило попечительству нужные средства для приобретения здания под приют*.

* ГАПО, ф. 281, оп. 1, д. 205, л. 372 об.

«...усердие к храму Божию»

ЧАСТНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Одним из проявлений общественной активности было развитие частной благотворительности, участие в которой принимали купечество и представители других обеспеченных слоев осинского общества. Ее масштабы, понятно, были не столь значительны, как в более крупных городах Прикамья – Перми и Кунгуре, однако их помощь являлась ценным и благородным вкладом в культуру родного края. Так, жертвователями на дело народного образования выступали купцы Ф.П., А.Ф. и И.Ф. Чердынцевы, И.Г. Костарев, И.И. Сорокин и ряд других. Осинский купец первой гильдии А.Ф. Чердынцев в 1886 г. пожертвовал под училище (Федоровский завод) новый дом. Купец второй гильдии И.И. Сорокин, будучи городским головой, приложил немало усилий для возведения обширного каменного здания Осинского городского четырехклассного училища, за что был представлен в 1888 г. к серебряной медали на Анненской ленте. Значительные пожертвования на содержание городского училища вносил почетный попечитель купец И.Ф. Чердынцев. Его вдова Прасковья Ивановна Чердынцева в 1911 г. пожертвовала Осинскому земству 25 тыс. руб. на строительство хирургической лечебницы. В этом здании, основанном на средства Чердынцевых, в течение десятилетий находилось хирургическое отделение Осинской районной больницы.

Многое делалось осинскими жителями в пользу церкви. Уже упоминалось о том, что построенный в 1824 г. главный храм города – Успенский собор – возводился «иждивением» чиновников, крестьян и пахотных солдат. При помощи кружечных сборов, денежных вкладов собирались средства на ремонт и благоустройство церквей. Среди жертвователей выделялись купцы И.П. Емелин, его сын П.И. Емелин, И.И. Бутаков, С.Я. Софронов, А.И. Осипов. И.П. Емелин, являясь церковным старостой Градо-Осинского Успенского собора, в середине и второй половине 1860-х гг. трижды получал благословение Св. Синода за пожертвования на благоустройство собора – за «усердие к храму Божию». В 1875 г. он был высочайше пожалован серебряной медалью на Станиславской ленте за «примерно-усердную полезную и долговременную службу» в должности церковного старосты Успенского собора*.

* ГАПО, ф. 442, оп. 1, д. 26, л. 8 об.

Крупные частные средства были вложены в строительство Троицкого собора, освященного в июне 1916 г. Только за 1912–1915 гг. пожертвования составили 15 757 руб.**. В списке благотворителей значились имена вдовы купца первой гильдии А.И. Осипова Анны Павловны Осиповой, их сына И.А. Осипова, купцов П.И. Чердынцева, Д.И. Бутакова, осинского нотариуса В.О. Шешукова и др. В основе благотворительности в пользу церкви лежали выполнение христианского долга, забота о спасении души, стремление богоугодным делом оставить добрую память потомкам.

** Отчет комитета по постройке нового соборного храма в г. Осе за 1912–1913–1914 и 1915 года. – Оса, 1916. – С. 10.

«На хорах пел... церковный хор...»

СБЕРЕЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ

Можно говорить о сохранении в этот период патриархальной набожности у значительной части горожан Осы. В купеческих, мещанских семьях, среди крестьян, переселившихся в город, почитались традиционные религиозные ценности. Соблюдение православных праздников, постов, посещение церкви, участие в крестных ходах представлялись как нечто само собой разумеющееся. Обряды крещения, венчания, отпевания в глазах горожан не име-

ли альтернативы. Проводились храмовые праздники: Св. Николая Чудотворца, Успения Пресвятой Богородицы – в Успенском соборе; Св. Великомученика Георгия – в приделе кладбищенской Иоанно-Предтеченской церкви; Казанской иконы Божией Матери – в кладбищенской Казанской церкви.

Особенно многолюдным в Осе был крестный ход, приходившийся на 28 июля. Он был установлен в память избавления жителей города от холеры в 1871 г., когда вспыхнувшая эпидемия унесла десятки жизней. Тогда же был проведен первый крестный ход, с которым горожане связывали прекращение опасного заболевания. Сохранилось подробное описание крестного хода «вокруг всего города», относящееся к 1912 г. Накануне этого знаменательного для осинцев события в Успенском соборе состоялось всенощное бдение.

«На хорах пел осинский церковный хор, на клиросе же курсисты – диаконы и псаломщики. Во время всенощной было произнесено два поучения».

28 июля в соборе прошла божественная литургия, а после ее окончания состоялся крестный ход:

«Впереди несли хоругви, иконы, за ними шел хор певчих, затем парами шли священно-, церковнослужители – сначала псаломщики в стихарях, затем диаконы (числом 10), за ними иереи и протоиереи (числом 13)».

По ходу шествия были отслужены молебны «при громадном стечении народа» на Торговой площади, у строящегося Троицкого собора, при выезде из города «возле полей», у кожевенных заводов, затем возле кладбища и больницы. Последний, десятый молебен был совершен вновь на Торговой площади близ часовни. Священники и миссионеры-проповедники обращались к присутствующим с поучениями и словами о торжестве православия, почитании храмов, значении святого креста в жизни христианина, почитании и молитвенном призывании святых. В завершение описания крестного хода сообщалось, что он произвел на всех молящихся «сильное действие, поднимал их дух, повышал настроение»*.

* *Пермские епархиальные ведомости. – 1912. – 21 авг. – С. 507.*

Из праздников наиболее почитаемыми среди горожан были Рождество, Масленица, Пасха, Троица. Их встречали с большим подъемом, чувством радости.

Поскольку рождественские праздники были связаны с украшением елки, то елочные игрушки – шары, свечи, мишура, фигурки ангелов и евангельских персонажей – считались подходящими подарками. В первый день Рождества следовало отстоять литургию

в храме, потом разговеться и только после этого начинать праздновать. Период между Рождеством и Крещением наполнялся святочной обрядностью. По домам ходили ряженые, устраивались гадания и другие забавы.

Последним праздником перед семинедельным Великим постом была Масленица, относившаяся к дохристианским празднествам. Постоянными ее атрибутами были блины, которые пекли всю неделю, угощая родственников и знакомых, катание на лошадях, карусели. Обязательными были ледяные горки, привлекавшие массу людей, особенно молодежь. В Осе центрами праздничных гуляний являлись Торговая площадь с прилегающими улицами Успенской, Кунгурской, Оханской.

После Великого поста наступала Пасха – самый большой христианский праздник, длившийся целую неделю. Встречая ее, все, кто только мог, отправлялись на полунощницу и крестный ход. Поздравляя друг друга с праздником, христосовались и дарили крашеные яйца. Считалось, что при помощи пасхальных яиц можно получить облегчение от болезней и напастей. В конце XIX – начале XX в. распространение получили покупка и дарение яиц, изготовленных кустарным или фабричным способом из дерева, цветного и прозрачного стекла, фарфора, камня. Празднование Пасхи сопровождалось веселыми развлечениями: первыми весенними гуляниями с качелями, играми.

Праздничная атмосфера царила и во время Троицы, которую отмечали на пятидесятый день после Пасхи. В Троицу церкви и дома украшали березками, проходили гуляния на лугах, где девушки водили хороводы вокруг березок, украшали их лентами.

«Чтобы помочь людям...»

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сохранявшаяся календарная обрядность, имевшая давние вековые традиции, неплохо уживалась с теми новыми явлениями, которые проникали в повседневную жизнь горожан и были связаны с изменениями бытового уклада, образа жизни, проведения досуга.

Свидетельствами повышения социально-культурной активности горожан было их вовлечение в общественную деятельность, участие в работе различных просветительских и иных обществ и организаций.

В Осе пик деятельности обществ пришелся на начало XX в. В 1911–1914 гг. здесь действовало более десятка общественных организаций. В их числе были благотворительные (Осинское благотворительное общество пособия бедным, уездное попечительство детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, Осинское мусульманское культурно-экономическое и благотворительное общество, Общество вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда, Общество вспомоществования учащимся в Осинском реальном училище, Вспомогательная касса родительского комитета при Осинской женской гимназии), хозяйственные и природоохранные (Осинское общество потребителей, Общество охоты, Осинское сельскохозяйственное общество), просветительские общества и организации (Осинский уездный комитет попечительства о народной трезвости, уездное отделение губернского комитета попечительства о тюрьмах, Осинское общество «Народный дом»).

Популярностью в городе пользовалось Осинское вольное пожарное общество, объединявшее в 1912 г. до 150 человек. Члены его не только выполняли свои прямые общественные обязанности, но и проявляли заботу об устройстве «разумных развлечений» для горожан: общество имело свой оркестр, который играл в городском саду, выступал на торжественных и праздничных мероприятиях.

С 1895 г. развернул свою деятельность Осинский уездный комитет попечительства о народной трезвости. Он и ему подобные учреждения создавались с целью борьбы с пьянством, предоставления населению возможности проводить свободное время вне питейных заведений. Осинский комитет организовал сеть чайных, библиотек-читален, проводил духовно-нравственные чтения и собеседования. В Осе, например, чайная располагалась на берегу Камы. Как отмечалось в отчете губернского попечительства, она имела исключительное значение для рабочего люда, занятого погрузкой и выгрузкой товаров на осинских пристанях. Под эгидой комитета действовали также певческие хоры, исполнявшие произведения духовного и светского содержания. В 1912 г. в Осинском уезде насчитывались 39 хоровых коллективов, по своему составу преимущественно крестьянских, которые не только пели

* ГАПО, ф. 67. оп. 1. д. 88, л. 217 об., 222 об.

в церквях, но и устраивали внецерковные певческие собрания*.

Особенно широкие культурно-просветительные и образовательные задачи преследовало созданное в 1912 г. Осинское общество «Народный дом». В его функции входила «организация разумных народных развлечений, библиотек, чтений, детских площадок и школ для взрослых». В становлении и развитии общества наиболее значимую роль сыграл председатель его совета и одновременно городской голова А.П. Насонов. Народный дом выступал своеобразным городским досуговым центром. Уже летом 1912 г. обществом были организованы «народный театр с хорошим литературным репертуаром и детская площадка для подвижных игр и лепки», зимой проводились литературные чтения, концерты, ставились спектакли. «Чтобы помочь людям малоопытным в театральном деле», было подготовлено руководство по постановке спектаклей.

*«Город Оса в историческом
и археологическом отношениях...»*

МУЗЕЙ

Свой след в развитии образования и культуры оставила деятельность Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда, основанного в 1907 г. В декабре 1908 г. общество выступило с инициативой об открытии при земской управе «центрального, главным образом педагогического музея наглядных пособий». В сентябре 1909 г. уездное земское собрание, рассмотрев ходатайство правления общества, постановило выделить ассигнования на учреждение музея в Осе и «позаботиться о привлечении частных средств» на его устройство*. Однако из-за отсутствия необходимого помещения дело с организацией музея затянулось.

Музей был открыт в 1911 г. при деятельном участии заведующего внешкольным образованием Осинского уездного земства, видного этнографа, исследователя культуры и быта народов Прикамья и Приуралья Ивана Константиновича Зеленова. Первоначально в состав музейного собрания входили образцы наглядных пособий для начальной

** Отчет о деятельности Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда Пермской губернии за 1909 и 1910 годы. – Оса, 1911. – С. 4-5.*

школы, учебники, труды просветительских обществ, но уже в 1913 г. его пополнила большая коллекция минералов и горных пород, «главным образом с Урала». Расширение фондов музея позволило, помимо педагогического, выделить научный отдел с материалами по изучению родного края.

В 1914 г. были сделаны «ценные приобретения в организации кабинета родного языка и в отделение коллекций».

Тогда же началось создание художественного отдела и были установлены связи с Петроградским обществом имени А.И. Куинджи, названным в память известного русского живописца, завещавшего обществу весь свой капитал и картины. Любопытный факт: художественный отдел Осинского музея был принят под покровительство общества, которое принесло в дар музею «ряд ценных художественных произведений, картины профессора А.И. Куинджи и художника А.А. Егорова»*.

** Доклад Осинской уездной земской управы 48-му Осинскому земскому собранию сессии 1918 года о музеях Осинского земства. – Оса, б. г. – С. 3.*

Но остается сомнение: поступили ли они в коллекцию музея? Выяснение судьбы этих картин – один из интересных сюжетов истории и культуры Осы.

С развитием музея, объединившего вокруг себя многих энтузиастов, особенно возросло значение научного отдела с материалами по изучению родного края. В октябре 1916 г. совет музея, в состав которого входили А.П. Насонов, В.Ф. Дягилев, А.М. Морозов, Е.Н. Курбатова и др., принял решение об издании музейных трудов. Велась подготовка первого выпуска сборника «Известия научно-образовательного музея Осинского уездного земства». В информации о материалах, поступивших в редакционную комиссию, особо выделялись обширный труд протоиерея П.А. Шилова «Город Оса в историческом и археологическом отношении» (он в виде рукописи и поныне хранится в фондах Осинского краеведческого музея) и этнографическая работа судебного следователя Осинского уезда П.Ф. Чердынцева**, выходца из известнейшей купеческой династии. К сожалению, вследствие наступивших вскоре событий 1917 г. этот сборник издан не был.

*** Пермская земская неделя. – 1917. – 22 янв. – Л. 3.*

*«...Удовлетворить широким потребностям
в смысле устройства развлечений»*

ТЕАТР

Другим важным явлением культурной жизни Осы, пришедшимся на предреволюционное десятилетие, стало создание театра.

Артисты-любители и до этого давали здесь спектакли, о чем остались упоминания в периодической печати. Еще в конце 1881 г. местные любители хотели дать спектакли в здании Осинского городского четырехклассного училища. Но «власть имущие» им отказали, считая постановки «неуместными». А вот труппе «рыночного балагана» после окончания декабрьской Никольской ярмарки было дано на этот счет положительное решение*. В 1886 г. спектакли в Осе проходили в ополченских казармах, «которые в зимние месяцы совсем свободны, а потому сцена, раз поставленная, остается на целый сезон; декорации тоже незамысловатые, но есть несколько перемен, написаны они тоже домашними средствами, благодаря любезности ... местных жителей, любителей живописи»**.

* Екатеринбургская неделя. – 1882. – 13 янв.
** Там же. – 1886. – № 27.

Ансамбль балалаечников. Начало XX в.

Инструментальный ансамбль. Начало XX в.

В начале XX в. для постановки любительских спектаклей в Осе использовалось клубное помещение Общественного собрания.

Отсутствие специального здания или помещения для «театрального действия» привлекло в первую очередь внимание

Осинского уездного комитета попечительства о народной трезвости. Еще в конце 1896 г. комитетом был поставлен вопрос о строительстве в Осе для попечительства специального здания под театр, чайную и библиотеку-читальню. Откликаясь на настойчивую просьбу, городская дума выделила под постройку «означенного дома» место в северо-восточной части общественного сада (бульвара), были также составлены смета и проект сооружения народного театра в Осе*, который из-за недостатка средств не был, однако, реализован.

* ГАПО, ф. 67, оп. 1. д. 26, л. 59, 78.

В 1907–1908 гг. о необходимости строительства «большого помещения, которое могло бы удовлетворить широким потребностям в смысле устройства развлечений», и о «выделении площади под него в конце бульвара» перед городской думой ходатайствовало Осинское общественное собрание. Наконец в 1909 г. были поставлены все точки над *i*. На этот раз с инициативой выступило Осинское пожарное общество, предложившее построить в конце городского бульвара «легкое деревянное здание для театральных представлений». Поскольку идея создания летнего театра в городе уже давно витала в воздухе, она была охотно поддержана как городской думой, так и земством.

Строительство театра завершилось в кратчайшие сроки. 21 января 1909 г. городская дума приняла по этому вопросу положительное решение, а уже через пять месяцев, 25 июня, был подписан акт о приемке построенного помещения. Здание театра было деревянным, «основанным на лиственных столбах»; его длина составляла почти

32 метра, ширина в северном и южном крылах – 19, высота доходила до 6,4 метра. Вмещал театр 600–700 человек (в том числе в партере с амфитеатром могли пребывать до 400 зрителей, на балконе – 300)*. Поблизости от театра, на земле, выделенной городской думой, пожарное общество построило чайную-столовую, на площадке устраивались гуляния, играл оркестр.

* ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 20, л. 42.

Возведение здания летнего театра в Осе. 1909 г. Фотооткрытка

«Дому народных развлечений» (театру) было присвоено имя Н.В. Гоголя. Городской думой были выработаны условия его аренды предпринимателями и обществами. Вот некоторые выдержки из этого документа:

«Театр ... сдается на следующих условиях:

Плата за помещение 10 % с валовой выручки ... и 5 % за освещение, которое зажигается счетом города.

Всякий предприниматель в хорошую погоду должен иметь музыку в саду, причем вход в сад, если в нем не устраивают какого-либо особенного гулянья по отдельной программе, должен быть бесплатным. Плата предпринимателями оркестру определяется по 10 руб. за вечер.

Предприниматель может входить в соглашение с Осинским пожарным обществом, имеющим в саду буфет с чаем и прохладительными напитками, относительно устройства в театре по окончании спектакля танцевальных вечеров...»**.

** Там же, ф. 88, оп. 1, д. 20, л. 43.

В условиях оговаривалось выделение бесплатных мест в театре осинскому исправнику, воинскому начальнику, городскому голове, начальнику пожарной дружины. Кроме того, «предприниматель обя-

зан на каждый спектакль посылать начальнику команды Осинского городского пожарного общества или его помощникам 50 бесплатных входных контрамарок для раздачи дружинникам».

29 июня состоялось открытие театра. Была поставлена пьеса Н.В. Гоголя «Женитьба». За вторую половину 1909 г. в «доме народных развлечений» были даны 22 спектакля, 3 концерта и 3 сеанса кинематографа. На летний сезон 1910 г. театр был сдан городской думой в аренду антрепренеру А.П. Свирскому. В 1911 г. в Осе выступали драматические труппы И. Снигирева и К.С. Усольцева-Сибиряка, в 1913 г. – В.П. Вронского, в 1914 г. – украинская труппа М.А. Ласкового. Репертуар гастролировавших коллективов был неоднороден. Шли пьесы на исторические и иные темы, встречались второразрядные творения, рассчитанные на обывательские вкусы. В репертуар труппы И. Снигирева (1911 г.) входили, например, такие произведения, как «Король Лир», «Князь Серебряный», «Гамлет», «Степан Разин», «Сон на Волге», «Горькая судьбина», «Воевода»*, часть которых современному зрителю остается неизвестной.

* ГАПО, ф. 88, оп. 1, д. 20, л. 95, 133, 189.

Примечательно, что к участию в постановках, организуемых профессиональными труппами, привлекались актеры-любители; на сцене летнего театра шли также любительские спектакли, поставленные силами местной интеллигенции.

«Недостатка в зрителях не было»

КИНЕМАТОГРАФ

В информации о деятельности театра за 1909 г. помимо спектаклей и концертов были упомянуты сеансы кинематографа, или «синематографа», как он тогда назывался. Это самое первое по времени упоминание о знакомстве осинцев с кино.

Вполне возможно, что под его влиянием учитель и предприниматель П.С. Шачков открыл в 1911 г. в Осе в каменном складе купца Ш. Темир-Палатова на Успенской улице (ныне Ст. Разина) стационарный театр-кинематограф «Мир», действовавший до 1916 г.

В 1915 г. конкуренцию Шачкову составил купец И.А. Осипов, основавший в своем каменном складе по Оханской улице (ныне К. Маркса) электротheater «Ампир». Кинематограф был неплохо технически оснащен, а репертуар его отличался разнообразием. Осинцы могли смотреть здесь художественные, видовые, документальные фильмы. Недостатка в зрителях не было, и кинотеатр быстро стал привычен горожанам разных возрастов и разного социального статуса.

Расширение культурно-досуговой сферы, усиление духовных запросов и потребностей населения Осы в конце XIX – начале XX в. свидетельствовали о заметных изменениях в развитии города.

XX – начало XXI в.

*«Задача настоящего момента
заключается в решительной борьбе...»*

НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Немало повидала Оса в начале XX в.: революции, Гражданская война. Небольшой город на Каме спокойно встретил 1905 год. Хотя информация о политических событиях в стране и доходила до осинцев, дело ограничивалось разговорами и пересудами. Заметный след в памяти жителей оставили тогда крестьянские выступления, которые происходили совсем рядом, в Крыловской волости, а возникли на почве недовольства действиями помещика князя Голицына и его администрации. Крестьяне требовали передачи помещичьих земель в свою собственность, производили самовольные вырубki леса. Кульминацией волнений стали события 11–12 декабря 1905 г., когда в с. Крылово был собран многолюдный сход крестьян, совершено нападение на голицынскую контору, уничтожены долговые документы. Делом о волнениях в Крыловской волости из-за их остроты и опасности вынуждено было заняться Министерство внутренних дел.

Под влиянием радикальных идей в самой Осе в августе 1905 г. возник небольшой по числу участников социал-демократический кружок, занимавшийся пропагандистской деятельностью. Любопытно,

что часть нелегальных изданий, принадлежавших кружку, в целях конспирации хранилась в библиотеке Градо-Успенского собора.

Решающие же события пришлось на 1917 год. После Февральской революции происходит замена царских чиновников представителями Временного правительства. В начале марта осинским уездным комиссаром Временного правительства назначен П.Н. Горшков, ранее председатель уездной земской управы. Одновременно на смену прежней полиции приходит милиция. 4 апреля в Осе был образован комиссариат, в состав которого вошли представители Совета рабочих депутатов, Комитета общественной безопасности, Временного военного комитета и осинского земства.

Осинский Совет рабочих депутатов, или, как он вскоре стал называться, Совет рабочих и солдатских депутатов, был создан 8 марта 1917 г. в числе первых среди подобных общественно-политических организаций в городах Пермской губернии. Преобладающее влияние в нем, а также в образованном в конце июля уездном Совете крестьянских депутатов имели эсеры. Что же касается большевиков, то их роль в Осе и уезде на первых порах была невелика. Организационное сплочение большевиков произошло лишь в феврале 1918 г., когда возник Осинский городской комитет РКП(б), возглавленный И.Я. Кобелевым.

В конце 1917 – начале 1918 г. в Осе произошли два важных события. 10 декабря 1917 г. под давлением солдатской секции собрание Осинского Совета рабочих и солдатских депутатов решило признать власть Совнаркома, опирающегося на Советы. Однако это решение встретило серьезное противодействие со стороны уездного Совета крестьянских депутатов и земских органов. В такой обстановке сторонники новой власти развернули работу по созыву уездного съезда Советов. 28–30 января 1918 г. состоялся первый объединенный уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Была принята резолюция об организации власти:

«Вся власть в уезде принадлежит уездному Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Съезд упразднил должность уездного комиссара Временного правительства, лишил полномочий гласных земского собрания. Так начался советский период в истории Осы и уезда.

Процесс утверждения новой власти проходил далеко не безболезненно. Шла конфискация имущества владельцев промышленных

и торговых заведений, происходили аресты, а нередко и расстрелы тех, кто находился в оппозиции режиму, и даже совершенно нейтральных лиц. В Архивном отделе администрации Осинского района сохранились метрические книги г. Осы за 1918 г., где записаны имена расстрелянных. Среди них бывший городской голова А.П. Насонов, судебный следователь П.Ф. Чердынцев, купцы Н.З. и Я.З. Бутаковы, начальник Осинской почтовой конторы Д.И. Бутаков, выходцы из купеческой семьи братья А.И. и П.И. Кузнецовы (один из них, Андрей Иванович Кузнецов, был известным в крае музыкантом-гусяром, певцом, сказителем, художником), статский советник Н.П. Арцибашев, дьякон А. Овсянников, монахи Иоанн, Георгий, Федор, жители Петрограда Л.В. Кирсанова и Н.И. Кирсанов (можно полагать, мать и сын) и др.*.

* Архивный отдел администрации Осинского р-на. Ф. 67, оп. 1, д. 82, л. 300 об., 301 об., 311 об.

Революция переходила в Гражданскую войну. Силовые действия и жестокость одних вызывали вооруженное сопротивление других. С конца июля 1918 г. в Осинском уезде развернулось крестьянское антибольшевистское повстанческое движение. Значительные силы из числа местных крестьян-добровольцев участвовали в Ижевско-Воткинском восстании, представлявшем серьезную угрозу для советской власти. Один из четырех полков, впоследствии сформированных из отдельных отрядов Воткинской народной армии, носил название Осинского имени Минина и Пожарского**.

** Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье (октябрь 1917 – январь 1919): Док-ты и материалы – Париж, 1982. – С. 590.

Военная обстановка в районе Осы наиболее обострилась в начале 1919 г. Особенно напряженное положение создалось в конце февраля, когда белые приступили к решительному наступлению на город. От артиллерийского огня пострадали некоторые здания, были случаи гибели мирных жителей. 7 марта 1919 г. части 5-й Уральской стрелковой дивизии (вскоре переименованной в 21-ю стрелковую дивизию) были вынуждены оставить Осу. 106 дней город находился в руках колчаковцев. На смену красному пришел белый террор. Арестовывали и расстреливали десятки людей из числа советских активистов, членов партии, им сочувствующих. Были восстановлены прежние органы управления – земская и городская управы, – в школах введено преподавание Закона Божия. Впрочем, все это было ненадолго.

В мае – июне 1919 г. развернулось контрнаступление Красной армии. К началу 20-х чисел июня части 21-й стрелковой дивизии

вышли на берег Камы напротив Осы. После успешного форсирования реки утром 22 июня город был освобожден от белых. Вместе с отступавшими ушли на восток и многие осинские жители.

О трагических событиях тех давних лет напоминает мемориал Гражданской войны в Осе, сооруженный на месте захоронения ее участников, организаторов советской власти, жертв колчаковцев.

В 1919 г. в Осе хоронили и погибших от рук красных. Их могилы безвестны.

*«Приходится многое ломать, а строить
тоже немало»*

В ТРУДАХ И ЗАБОТАХ

Гражданская война и разруха тяжело отразились на жизни Осы. Происходит отток населения, усиленный голодом начала 1920-х гг. Если в 1913 г. в Осе проживало 8525 человек, то проходившая в 1926 г. первая Всесоюзная перепись населения зафиксировала здесь всего 5872 жителя.

С января 1924 г. Оса стала центром Осинского района, входившего в состав Сарапульского округа Уральской области. После разукрупнения Уральской области в 1936 г. Осинский район оказался в составе Свердловской области, а с образованием в 1938 г. Пермской прочно утвердился в ее составе.

Происходившие после 1917 г. преобразования, особенно национализация предприятий, далеко не лучшим образом повлияли на экономику города. Ряд промышленных заведений, включая кожевенные заводы И. Кузнецова, Г. Фофанова, М. Хлебникова, Кашина, Ожгибесова, были закрыты. Им на смену приходили промыслово-кооперативные предприятия. В 1925 г. была организована кожевенно-обувная артель «Красный кожевник», со второй половины 1920-х гг. стала действовать артель «Прогресс». В 1931 г. на базе мастерских по ремонту сельскохозяйственной техники были организованы машинно-тракторные мастерские (с 1980-х гг. Осинский машзавод), в том же году появилась Осинская МТС (машинно-тракторная станция), что было вызвано разрыванием коллективизации в районе.

Важное значение для промышленности и жителей города имело введение в строй в июне 1921 г. Осинской электростанции. Первоначально маломощная, она, благодаря реконструкции, все более увеличивала выработку электроэнергии.

Постепенно налаживалось судоходство. На Осинскую пристань поступало большое количество грузов, отправляемых в разные районы страны.

Преодолев трудности и невзгоды, город почувствовал облегчение, стал увереннее смотреть в будущее.

Положительные перемены с течением времени происходили и в развитии образования и культуры г. Осы. Реальное училище и женская гимназия после революции были преобразованы в школы II ступени, начальные учебные заведения – в школы I ступени. Был сделан серьезный шаг в подготовке кадров учителей начальной школы. В 1921 г. на базе педагогических курсов был открыт педагогический техникум, переименованный в 1938 г. в педагогическое училище. В 1922 г. он размещался в здании бывшей женской гимназии. В глазах осинцев педучилище выступает центром образования в районе, своеобразным «привилегированным», по местным представлениям, заведением.

Если заглянуть вперед, то с 1955 г. в Осе стал действовать зооветеринарный сельскохозяйственный техникум (с 2003 г. это Осинский аграрный техникум).

Примечательная черта предвоенного десятилетия – высокая общественная активность школьников. Они не только постигали азы учебных дисциплин, но и участвовали во многих внеучебных делах: в туристических походах по родному краю, деятельности многочисленных кружков и творческих коллективов, в спортивных состязаниях и пр. Перед войной в Осе был открыт Дом пионеров и школьников; со своими кружками он стал местом паломничества увлеченной детворы.

С аншлагом шли спектакли в летнем городском театре, открывавшем сезон обычно в конце мая – начале июня. Помимо гастролеров в спектаклях участвовали местные артистические силы. В репертуар входили такие спектакли (1939 г.), как «Бесприданница» А.Н. Островского, «Свадьба Кречинского» А.В. Сухово-Кобылина, «Дальняя дорога» А. Арбузова, «Коварство и любовь» И. Шиллера и др. В 1939 г. в Осе и селах района давал спектакль Первый областной колхозно-совхозный театр, в состав труппы которого входили местные артисты.

Действовали драмкружки и коллективы художественной самодеятельности в школах, педучилище, при Осинской центральной библиотеке. Большой популярностью пользовался драмколлектив, созданный при Доме культуры. Среди его участников по яркости исполнения выделялись М.Е. Клыков, В.А. Бубнова, супруги И.И. и А.Н. Лопаткины.

Летом 1937 г. внимание осинцев и жителей окрестных деревень привлекло незаурядное событие. Недалеко от Осы на Каме шли съемки ряда сюжетов музыкального комедийного фильма «Волга-Волга», пользовавшегося затем громадным успехом у зрителей. В фильме участвовали Любовь Орлова, Игорь Ильинский, Всеволод Санаев. Один из местных старожилов следующим образом вспоминал происшедшее:

«В тот незабываемый день (речь идет о 31 июля 1937 г. – Авт.) «Северяга» ...бросила якорь чуть ниже Монастырки. Вскоре эта новость облетела всю деревню, и многие жители ее пошли к месту стоянки парохода. Нам удалось увидеть артистов, которых знала вся страна. В ожидании подвоза продуктов они на берегу играли в мяч. Затем несколько артистов поднялись на пароход. И вот спустя некоторое время они появились перед нами во всей своей красе. Любовь Орлова в капитанской форме стояла на мостике. Недалеко от нее – всемирно известный режиссер Александров в выходном костюме. Узнали мы и всеми нами любимого артиста Игоря Ильинского. На всю жизнь запомнили, как он перебрался с берега на пароход по канату с комическими трюками. Все присутствующие смеялись от души.

На следующий день ранним утром «Северяга» поднялась вверх по Каме в район деревни Богомярково – тогда в тех местах Кама была в своих берегах и представляла собой прекрасную картину. Здесь экспедиция произвела съемки. Вместе с сестрой я сел на свою парусную лодку и приблизился к «Северюге», стараясь попасть в поле зрения съемок. Позднее, когда «Волга-Волга» вышла на экраны, мы в настоящих кадрах узнали свои родные места на правом берегу Камы...»*.

* Цит. по: Русанов В.Н. Краеведческая копилка // Осинский ежегодник. – Оса, 1998. – Вып. 6. – С. 4-5.

Такими запечатлелись в памяти одного из осинцев незабываемые моменты, связанные со съемками замечательного фильма, которые проходили здесь ровно семьдесят лет назад.

«На Победу работали все»

ГОДЫ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война потребовала исключительного напряжения сил, мобилизации всех ресурсов, вызвала небывалый рост патриотизма. На фронт ушли тысячи осинцев, более двух тысяч из них за проявленные отвагу и мужество были награждены боевыми орденами и медалями.

В изданную в Осе в 1986 г. Книгу Памяти занесены имена 3280 осинцев, погибших в годы войны. О понесенных утратах свидетельствует мемориал Отечественной войны 1941–1945 гг., установленный в городском сквере. Это святое место для жителей и гостей города.

По фронтовым судьбам осинцев можно составлять летопись Великой Отечественной. Осинцы сражались в героических битвах под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге, участвовали в освобождении Киева, Минска, республик Прибалтики, брали Берлин. Героем Советского Союза стал механик-водитель танка «Т-34» П.А. Конев, Героем Российской Федерации – почетный гражданин г. Осы генерал-лейтенант В.П. Брюхов, представленный к высокому званию еще в 1944 г.

Приведем выдержку из представления В.П. Брюхова к званию Героя Советского Союза:

«В боях при переходе государственной границы Румынии с Венгрией в районе г. Баттонья 23 сентября 1944 г. командир танковой роты Брюхов проявил находчивость, героизм и инициативу, действуя в передовом отряде, первым перешел государственную границу, вышел на территорию Венгрии и достиг назначенного рубежа. Противник бросил в контратаку 12 танков и два батальона пехоты. Товарищ Брюхов смело принял бой и в течение 8 часов удерживал занимаемый рубеж, отбив 5 контратак противника. В этом бою он лично уничтожил 4 танка, 7 противотанковых пушек, 13 минометов, два дзота, два склада с боеприпасами и до 100 солдат и офицеров противника.

ОСИНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПОВЕСТКА

Осинский Краеведческий Музей просит Вас посетить общее собрание местных любителей краеведения, имеющее быть в 8 часов 17 ноября 1942 года в помещении Д. Д. Кувшурова и в дальнейшем рассчитывать на Вашу помощь в деле изучения края.

На собрании состоится доклад члена Географического О-ва Всесоюзной Академии Наук писателя В. В. Бланки, на тему:

«Проект постановления краеведческого и музейного дела в г. Оса и Осинском районе».

Дир. Музей

ЛБ8592. Оса тип. МОУИП. Зак. 122/—42 Тир. 60 экз.

Повестка краеведам. 1942 г.

В боях за переправу через реку Тисса в районе города Ченград 8 октября 1944 г. Брюхов смелым броском подошел к переправе и в течение суток вел бой за нее, лично при этом уничтожил 3 танка, 11 орудий, 5 бронетранспортеров, свыше 40 автомашин и до 200 солдат и офицеров противника».

Свой вклад в великое дело Победы вносили труженики тыла. Если перелистать страницы районной газеты «Красное Приуралье» за годы войны, то можно найти массу фактов исключительно самоотверженного труда жителей города и родного края.

«Работники телеграфа райконторы связи Наумова Е.В., Барашкова Т.А. и Молчанова В.П. внесли в фонд обороны страны трехдневный заработок.

– Самоотверженным трудом и своими средствами, – заявили телеграфистки, – поможем Красной Армии... Мы надеемся, что нашему примеру последуют все женщины и девушки района».

«В артели «Красный кожевник» коллектив рабочих с большим воодушевлением откликнулся на призыв дзержинцев о сборе теплых вещей для Красной Армии. Многие работники уже внесли теплые вещи. Рабочие артели подготовили для бойцов Красной Армии 50 пар валенок, приступили к выработке овчин для полушубков. В ближайшие дни будет сшито 50 пар шубных рукавиц. Подарки бойцам берутся выполнять лучшие стахановцы артели».

«По-фронтовому дерутся за сжатые сроки сева колхозники артели «Красный Октябрь». Жены фронтовиков Анна Петухова, Анастасия Бабушкина и Фекла Полыгалова выполняют ежедневно по две нормы: одну за себя, другую – за своих мужей».

Активно включились в сбор средств для помощи фронту школьники. В 1943 г. газета «Красное Приуралье» сообщала:

«На эскадрилью истребителей пионеры и школьники района собрали 40 тысяч рублей. Они организовали 103 воскресника по сбору металлолома,

Мемориал осинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны

пилке дров и т. д. Все средства, заработанные на воскресниках, перечислены на строительство самолетов».

Таковы некоторые примеры патриотических дел наших земляков.

В Фонд обороны страны осинцы внесли 5,2 млн. руб. добровольных пожертвований, отправили на фронт 2678 пар валенок, 2557 пар рукавиц, 703 полушубка, 1674 пуда сухарей и много других вещей и продуктов. Около 11 тыс. жителей района были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Оставаясь глубоким тыловым городом, Оса приняла под свой кров многие десятки эвакуированных из западных регионов страны, трудоустроив их, предоставив им материальную помощь. Несмотря на вынужденное «уплотнение» коренных осинцев, отношения с приезжими складывались у них понимающие, доверительные.

Подавляющее большинство эвакуированных составляли женщины и дети. В эвакуации оказались и некоторые известные в стране люди, в частности писатели В.В. Бианки, И.С. Соколов-Микитов. В 1943 г. состоялась встреча с Осинским краем писателя В.А. Каверина, выдающегося шахматиста М.М. Ботвинника.

Из письма В.В. Бианки с впечатлениями об Осе:

«Вообразите себе маленький – очень маленький! – городишко, расположенный в чистом поле на обрыве и под ним, в полутора километрах от большой реки, и обведенный кругом невысоких, но красивых лесных гор. В городишке прямые короткие улицы, выходящие «никуда», в ровные поля, то есть упирающиеся прямо в подножие неба, в горизонт.

От городишка до реки – дамба, по которой тянутся возы с сеном, катят «ходки», или по-сибирски – кошевы: плетеные корзиночки на телеге с жердями. На просторном зеленом лугу от реки до городишка пасутся стада коров, коз, гусей и грачей с галками. Иногда весной Кама, говорят, разливается так, что заполняет даже улочки, лежащие под обрывом. Так было в 1914 и в 1941 годах. (Года-то какие!)

Домишки в городишке аккуратненькие, все почти двухэтажные, в центре зеленая площадь с низким кустарниковым сквером, большой красный собор северной архитектуры... Такова Оса!»

В.В. Бианки, жившему до войны в Ленинграде, на фоне второй столицы Оса казалась особенно небольшой. Писатель рисует образ мирного города, удаленного от фронта, с его повседневной жизнью, некоторыми характерными для Осы достопримечательностями... И все же главное в то время заключалось в ином. Осинцы, как и жители других малых и больших городов, как все население страны, стремились тогда к общей цели – приближению Победы.

«...Чтобы не прерывалась связь времен»

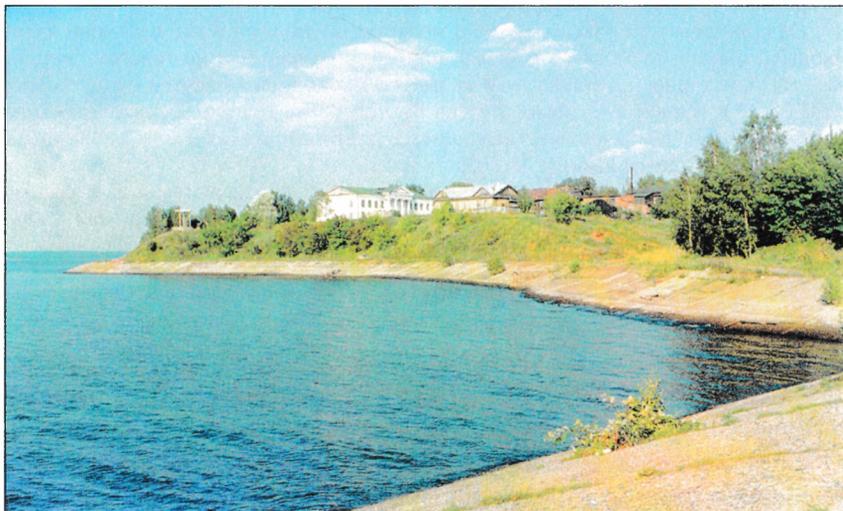
ОСА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Старшее поколение осинцев должно хорошо помнить послевоенное время. Каких-то серьезных перемен в жизни города тогда не наблюдалось, она текла достаточно размеренно и неторопливо.

Чем же запомнилась Оса в конце 1940-х – 1950-е гг.? Небольшой зеленый городок с прямыми улицами и деревянными тротуарами. Улицы выходили на берега речек Осинки и Ершовки или упирались в поля. Еще вплоть до начала 1960-х гг. сохранялась подгорная часть Осы, почти ежегодно подтопляемая весенними водами. Через нее проходила дорога на пристань.

В годы войны и после нее в экономике Осы сохранялись черты натурального хозяйства. Важным подспорьем для горожан были огороды, участки земли за городом использовались под посадки картофеля. Во многих подворьях были коровы, козы, овцы. Ранним утром большое стадо коров, подгоняемое пастухами, двигалось по улицам Осы в сторону лугов.

Необходимым атрибутом города являлся базар, находившийся в центре Осы, рядом с Троицким собором. В субботние и воскресные дни здесь шла бойкая торговля, приезжали колхозники с де-

Вид на г. Осу с р. Камы. Фото 2006 г.

ревенской продукцией, татары, традиционно торговавшие семечками. Фронтвики-инвалиды под звуки баяна или аккордеона пели то грустные, то бесшабашные песни.

Пожалуй, особенно активной была жизнь детворы. Зимой высокие берега р. Осинки были буквально облеплены ребятней с санками или лыжами. Излюбленным был лыжный маршрут на противоположный, правый берег Камы. Преодолев заснеженную, замерзшую реку, вначале поднимались на вершину горы за д. Монастыркой, затем шел долгий спуск, наиболее быстрый по лыжне, проложенной по так называемой пугачевской тропе, которая выходила к Каме. Вылазки в зимний лес, встречи там Нового года, азартные состязания, кто первым разожжет на ветру костер, лихие попытки пробежаться по мартовскому насту и не провалиться... Летом для тех, кого не отправили в пионерский лагерь, который размещался в здании начальной школы д. Монастырки, самым большим удовольствием были походы на Пески – прекрасный пляж на берегу Камы. Здесь большая река была мелководной, теплой. В жаркие дни песок на пляже так нагревался, что обжигал ноги. Существовали игры, правила которых переходили от одного поколения ребят к другим: лапта, чижик, шар-баба, городки, не говоря уже о волейболе и футболе. Во время футбольных баталий на осинском стадионе болельщики занимали не только скамейки, сидели на земле и даже на деревьях.

Для чего этот ностальгический экскурс? Для того, чтобы можно было сравнить занятия детей в далекие 1950-е гг. и в наши дни.

* * *

Переломной для Осы стала первая половина 1960-х гг. В 1964 г. образовалось Воткинское водохранилище, которое, позволив увеличить выработку электроэнергии в крае, в то же время привело к затоплению значительных пойменных земель, переселению жителей многих деревень на новые места, в том числе и Осинского района. Сама Оса потеряла обширные земли, ушедшие под воду; на месте подгородной ее части, нынешней «Кубы», были разбиты огороды, заведены садоводческие участки. Город, с трех сторон окруженный водой, оказался на полуострове.

Важные позитивные последствия для Осы имело открытие в районе нефти. Нефтедобыча началась здесь с мая 1963 г., когда из одной из скважин Осинского месторождения была получена первая промышленная нефть. В настоящее время на территории Осинского нефтя-

ного района освоено 14 месторождений: Осинское, Тулвинское, Рассветное, Маячное, Горское, Баклановское, Шумовское, Андреевское и др. Большая часть бюджета местного края формируется за счет нефтяников. На их долю приходится около 80% от общей суммы доходов, в отрасли работают 3,5 тыс. осинцев.

Центр досуга. Фото 2006 г.

Труд осинских нефтедобытчиков по достоинству оценен. Десятки рабочих и ИТР награждены орденами и медалями, буровым мастерам А.М. Некрасову и Г.В. Азанову, добившимся рекордных показателей в проходке скважин, присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Развитие нефтяной отрасли в крае, как цепная реакция, привело к оживлению экономики города, вдохнуло в него вторую жизнь. Увеличилась численность горожан: в 1966 г., согласно официальным данным, в Осе проживало 14,3 тыс. человек, в начале 2005 г. – 23 тыс.

Силами нефтяников в Осе построены современный Дворец культуры и техники, Дом спорта, плавательный бассейн, детские сады-ясли, школа, магазины, асфальтированы ряд дорог и улиц. Многие осинские жители живут в благоустроенных домах в

Улица Нефтяников. Фото 2006 г.

новых микрорайонах города. Большой положительный эффект дает деятельность нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» по поддержке социальных и культурных проектов, в чем можно видеть возрождение социальной ответственности капитала.

Следствием развития города явилось расширение сети учебных заведений. Еще не так давно на всю Осу была одна средняя общеобразовательная школа, не считая вечерней. В 1972 г. были

Осень в Осе. Фото 2006 г.

открыты вторая, затем третья средние школы. Кузницей подготовки кадров учителей остается по-прежнему Осинское педагогическое училище, славящееся высоким качеством подготовки будущих специалистов. Здесь введены эффективные методики обучения, осуществляется компьютеризация учебного процесса. Училище имеет хорошие условия для педпрактики студентов, тесно взаимодействует с другими учебными заведениями города. В 2000 г. на базе педучилища создан филиал Пермского государственного педагогического университета.

В Осе успешно действуют аграрный техникум (до 2003 г. сельскохозяйственный), филиал Чайковского промышленного колледжа (с 1988 г.). В развитии музыкального образования подрастающего поколения большую роль играет детская школа искусств (с 1986 г.), прежде музыкальная школа, воспитавшая много замечательных юных дарований.

Город на Каме славится народными талантами. С 1950-х гг. всей стране известен Осинский народный хор, художественным руководителем которого являлся талантливый музыкант и неутомимый подвижник Б.К. Брюхов. С 1976 г. коллектив хора называется ансамблем песни и пляски «Уральская рябинушка». В 2000 г. ему присвоено имя его основателя Б.К. Брюхова. Ансамбль – лауреат всесоюзных, всероссийских и областных конкурсов самодеятельного художественного творчества, он не раз представлял свое ис-

кусство за рубежом. В репертуаре ансамбля старинные русские народные песни, частушки, хороводы, записанные в селах и деревнях района, игровые сцены, музыкально-хореографические композиции. Все они входят в золотой фонд коллектива. Эти произведения обращены к песенному творчеству народа, его глубинным корням.

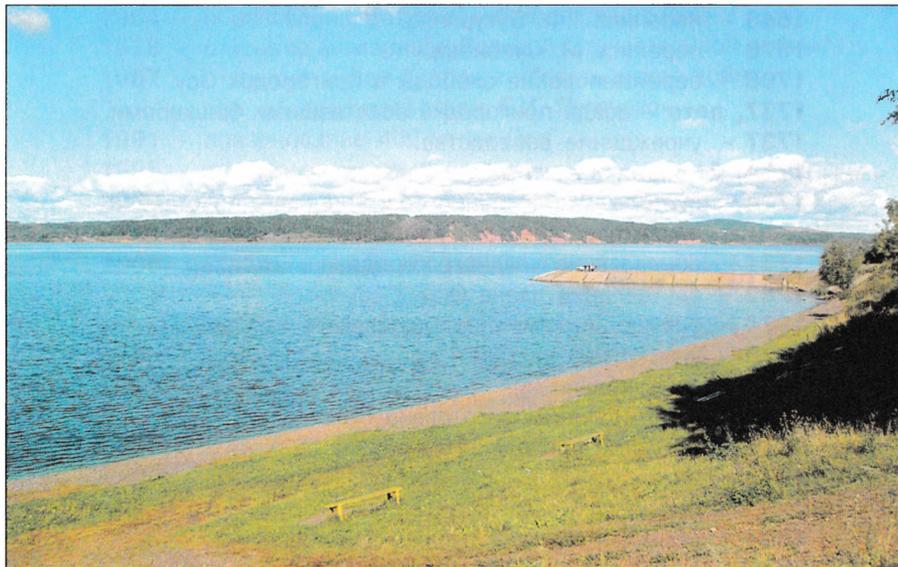
Осинцы гордятся богатым историческим прошлым родного края, интересуются им. Это показали и два важнейших события в жизни Осы: празднование 400-летия города в 1991 г. и 415-летия – в 2006 г.

Многие страницы истории города раскрыты благодаря неустанной поисковой работе краеведов, включая как представителей старшего поколения Ф.И. Петровых, С.А. Шестакова, В.П. Шилова, так и современных знатоков края. Среди них Н.П. Устинов, занимающийся изучением ранней истории Осы, имеющий свой взгляд на проблемы возникновения города; А.Ф. Кобелев, собравший интересный материал о крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева в Осинском крае и по ряду других важных тем, инициатор создания мемориальной зоны в Осе. Несколько ценных книг, посвященных городу и району, опубликовал журналист и краевед Н.А. Кобелев. Историю народного образования исследует Ю.Н. Литвинова. Среди краеведов имена директора Осинского музея Г.И. Клыковой, лесничего Н.Н. Окулова, врача Ю.В. Соколова, работника культуры Н.К. Треногиной и др.

В организации краеведческой деятельности несомненна заслуга преподавателя, ученого, кандидата педагогических наук В.А. Алексеева. В 1993 г. им создано частное книжное издательство «Росстани-на-Каме». За минувшие годы под его редакцией вышло 13 выпусков сборника «Осинский ежегодник» с рядом содержательных краеведческих статей. В.А. Алексеев выступил также главным редактором «Осинской энциклопедии», в составлении которой участвовали местные авторы. Появление в 2006 г. «Осинской энциклопедии» – событие для Пермского края неординарное, опыта издания подобной региональной энциклопедии прежде в Прикамье не было.

Более предметно страницы истории города оживают в залах Осинского краеведческого музея – филиала Пермского областного. К сожалению, основанный в 1911 г. в Осе музей, действовавший как районный краеведческий, в 1954 г. был закрыт. С 1971 г. существовал небольшой народный музей, созданный усилиями энтузиастов из числа местных краеведов. Лишь в конце 1987 г. был

открыт Осинский краеведческий музей, а через два года в отдельном здании – музей-диорама «Природа Осинского Прикамья». Краеведческий музей располагает фотографиями и документами, коллекциями живописи и графики, предметами быта и этнографии, археологическими материалами, отражающими историю г. Осы и Осинского края.

Вид на Каму. Фото 2006 г.

Яркое впечатление производит экспозиция, посвященная крестьянской войне 1773–1775 гг., которая завершается диорамой «Взятие Пугачевым крепости Оса». Впрочем, на этом осмотр не завершается. Залы музея ведут дальше: к Осе купеческой XIX в., Осе XX столетия, к современной Осе. Мгновения памяти бесценны. Они стирают границы эпох, дают возможность вести диалог с временем.

А после – улицы Осы, где старина и новь, прошлое и настоящее переплетены не менее тесно.

ХРОНИКА ОСЫ

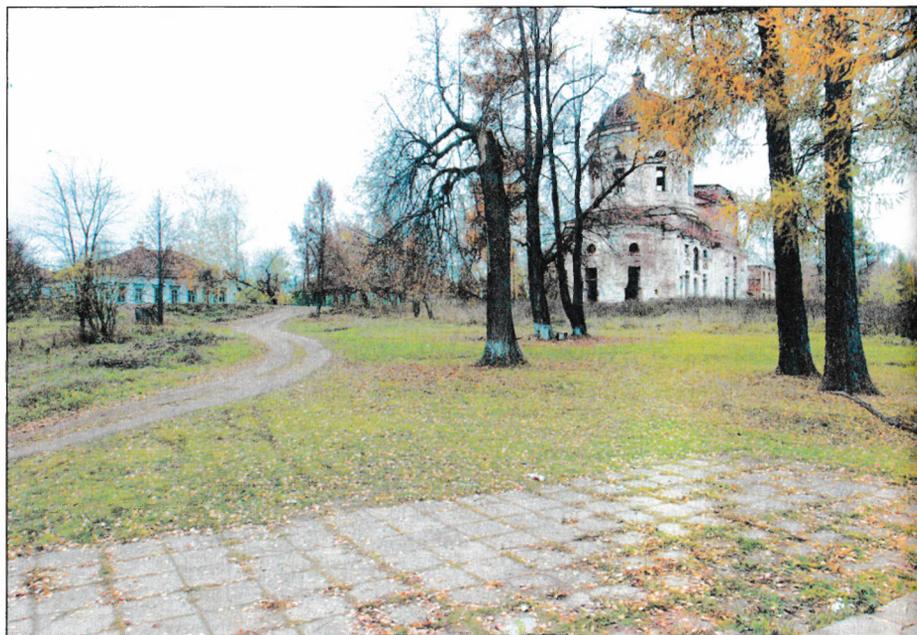
- 1591** – основание Ново-Никольской слободы (Осы).
- 1596** – первая перепись населения, проведенная А. Палицыным и Ф. Аристовым.
- 1616** – осада Осинской слободы восставшими башкирами.
- 1621** – перепись населения О. Зюзиным и Т. Матвеевым.
- 1646** – перепись Т.Ф. Бутурлина.
- 1678** – перепись М. Супонева.
- 1708** – переименование слободы в пригородок Осу.
- 1737, лето** – осада пригородка восставшими башкирами.
- 1737** – учреждение воеводства.
- 1774, 21 июня** – взятие Осы Пугачевым.
- 1774, сентябрь** – подавление сопротивления повстанцев правительственными войсками.
- 1781** – образование уездного города.
- 1789** – составление плана Осы.
- 1824** – освящение каменного Успенского собора.
- 1828** – учреждение ратуши – органа городского самоуправления.
- 1840** – утверждение нового плана Осы.
- 1846** – открытие приходского училища.
- 1870** – начало деятельности органов городского и земского самоуправления.
- 1874** – открытие земской публичной библиотеки.
- 1875** – открытие городского четырехклассного училища.
- 1882** – освящение Богородице-Казанской кладбищенской церкви.
- 1902** – начало строительства Троицкого собора.
- 1906** – открытие женской гимназии.
- 1909** – строительство летнего театра.
- 1911** – открытие музея, кинотеатра.
- 1912** – открытие реального училища.
- 1916** – освящение Троицкого собора.
- 1917, март** – образование Совета рабочих и солдатских депутатов.
- 1918, конец января** – провозглашение советской власти в уезде.
- 1918, август** – первая мобилизация в Красную армию.
- 1919, начало марта** – занятие Осы белыми.
- 1919, конец июня** – освобождение города.
- 1921** – организация педагогического техникума.
- 1924** – образование Осинского района.
- 1931** – создание Осинской МТС.

- 1936** – открытие средней школы.
1942 – открытие поликлиники.
1946 – создание Осинского народного хора.
1955 – перевод в Осу зооветеринарного (сельскохозяйственного) техникума.
1959 – организация литейно-механического завода.
1963 – начало промышленной добычи нефти на Осинском месторождении.
1964 – образование Воткинского водохранилища.
1978 – открытие мемориала Великой Отечественной войны.
1987 – открытие музея-диорамы «Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева».
1991 – празднование 400-летия Осы.
1995 – открытие гимназии.
2000 – открытие филиала Пермского государственного педуниверситета.
2006, декабрь – выход в свет «Осинской энциклопедии».

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, В.А., Иванихин, В.В.* Там, где сходятся реки и судьбы: страницы истории г. Осы / В.А. Алексеев, В.В. Иванихин. – Пермь, 1991.
- Книга Памяти. – Оса, 1986.
- Кобелев, Н.А.* Деревенька моя: краеведческие очерки и статьи / Н.А. Кобелев. – Т. 1, 2. – Оса, 2005.
- Кобелев, Н.А.* Оса / Н.А. Кобелев. – Пермь, 2002.
- Оса и Осинский район: путеводитель. – Оса, 1991.
- Осинская энциклопедия. – Оса, 2006.
- Осинский ежегодник. – Вып. 1–13. – Оса, 1993–2005.
- Отчий край: исторические очерки об Осе и Осинском районе Пермской области. – Пермь, 1991.
- Очерки археологии Пермского Предуралья. – Пермь, 2002.
- Русановские чтения: регион. общ.-ист. чтения им. В.Н. Русанова. – Вып. 1, 2. – Оса, 2004–2006.
- Треногина, Н.К.* О прошлом и настоящем: из истории культуры Осинского района / Н.К. Треногина. – Пермь, 2004.
- Устинов, Н.П.* Осинский край: сб. ист. статей / Н.П. Устинов. – Оса, 1995.
- Шумилов, Е.Н.* Из истории г. Осы: сб. статей / Е.Н. Шумилов. – Пермь, 2005.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОХАНСК

XVI–XVII вв.

«Строгановы двигались от Чусовой
по просторной Каме к Очеру»

ПРЕДЫСТОРИЯ ОХАНСКА

История очерско-камской территории, на которой появляется г. Оханск, неразрывно связана с землевладельцами Строгановыми.

В 1558 г. Григорий Аникиевич по жалованной грамоте Ивана IV впервые получил прикамские земли – от устья Лысьвы, впадающей с правой стороны Камы выше нынешнего г. Усолья, до устья р. Чусовой. В 1568 г. последовала вторая царская жалованная грамота, по которой вотчина Строгановых расширяется за счет земель по рекам Чусовой и Каме до впадения р. Ласьвы (это нынешний Закамск в черте г. Перми).

Дальнейшее расширение Строгановской вотчины происходит при Никите Григорьевиче. В 1597 г. он получает земли вниз по Каме до устья р. Ошاپ. Здесь лучшими оказались места по Очеру, правому притоку Камы: много лесов и воды, пойма реки широкая и открытая.

Н.Г. Строганов, приступив к освоению очерско-камской территории, основывает на высоком правом берегу р. Очер, в 10 км от впадения его в Каму, Очерский острожек – оборонительный заслон южных рубежей вотчины от вражеских нападений.

Вскоре острожек превращается в военно-административный, промысловый и религиозный центр, под защитой которого осваивались земли по Каме и ее притокам Очеру, Сюзьве, Ошату, Югу и др.

В момент основания Очерского острожка возводится крепость со стенами в виде частокола. Внутри крепости строятся Сретенская церковь, горница на подклете, избы, дворы, амбары. В специальной избе, называвшейся *повалышей*^{*}, хранилось оружие. По описи 1686 г., в ней находилось «17 пищалей^{*}, и мушкетов^{*}, и турок^{*}, и карабинов^{*}, 3 пищали затинных, пороху четверти с три, 21 топор, 27 пик»^{**}.

П о в а л ы ш а – высокая постройка, выделялась причудливой крышей, видимой издали.
П и щ а л ь – фитильное ружье, заряжалось с дула каменными, а затем свинцовыми пулями, пороховой заряд поджигался от руки через отверстие в стволе, в который вставлялся фитиль.

М у ш к е т – ручное огнестрельное оружие с фитильным замком, вводилось взамен пищали.
Т у р к а – тяжелое огнестрельное ружье.
К а р а б и н – укороченное и облегченное ружье.

^{**} РГБ, ф. 218, д. 664, л. 108-108 об.

Под защитой крепости шло заселение и освоение земель как по р. Очеру, так и по р. Каме. По своим природным условиям они были пригодны для аграрной колонизации. О потомках русских первопоселенцев впоследствии отзывались так:

«Население волости принадлежит к потомкам старинных здешних поселенцев, вышедших из разных мест Поволжья – Симбирской, Казанской, Нижегородской губерний. Живя на дороге, крестьяне являются довольно понимающими, бойкими, подвижными и не производят впечатления мешковатости, неуклюжести. Отсутствует забитость, приниженность, что нередко бывает среди крепостных людей»*.

* *Острожская волость: статистико-экономическое описание волости Оханского уезда Пермской губернии. – Сарапул, 1889. – С. 18.*

Воевода г. Соликамска Прокопий Елизаров, проведивший в 1647 г. перепись населения Строгановской вотчины, впервые записал починок на берегу

Камы с четырьмя дворами, жители которого в основном занимались рыболовством. Свидетельства тому – упоминание орудия рыбного лова *охань* и название обитателей поселения *оханщики*. Как впоследствии установят диалектологи, *оханью* называлась особая сеть в виде сака. Она употреблялась долго, а в конце XVIII в. ее изображение попадет на герб города.

Возле этого починка «на охани» приютились сооружения Богородицко-Успенской пустыни. В переписной книге 1678 г. пустынь названа Оханским монастырем. В ней отмечены 2 церковных двора, где проживало 7 вкладчиков, 18 дворов крестьянских, скотный двор. Здесь же была Зосимо-Савватьевская пустынь. Историки относят основание монастырских пустыней к 1650 г., но документального тому подтверждения нет. Этот факт наводит на мысль, что выбор «охани» был определен не столько характерным для монахов стремлением к уединению, сколько дальновидной практической целью: место располагало к успешному развитию земледельческо-промыслового хозяйства и торговли. Более чем столетняя история монастыря доказывает верность такого предположения.

В литературе имеется утверждение, что Оханск как русское село возникло в 1663 г., но подтверждения этому тоже нет. Дата взята из письменного сообщения, что «до 1663 году было здесь селение

** *Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Пермь, 1804. – Ч. I. – С. 271.*

господ Строгановых, заведенное для рыбной ловли и называемое Охань. Потом основан в нем монастырь»**.

Зная историю возникновения починка под названием «на охани», следует принять, что дата 1663 г. зафиксировала существовавший на Каме населенный пункт с монастырем, который уже, надо

полагать, имел основательные постройки и заявил о себе как крупное духовное и хозяйственное заведение.

К сожалению, не сохранилось детальной описи монастыря. О нем могут рассказать археологические раскопки, но они еще только начались.

XVIII в.

«С гербом и милостью монаршей»

РАНГ СЕЛА И ГОРОДА

В Строгановской вотчине Оханск развивался как волостное село. Когда первая в нем монастырская Богородицкая церковь сгорела, в 1747 г. возвели новую, тоже деревянную. Другая деревянная церковь – Пророко-Ильинская – появилась в 1784 г. на кладбище. Обе церкви показаны существующими на плане г. Оханска 1821 г.*.

Во второй половине XVIII в. происходят два существенных изменения, повлиявших на дальнейшее состояние Оханска. Первое обстоятельство состоит в том, что в 1764 г. в ходе секуляризации** в России церковных земель упраздняется Богородицкий монастырь, его хозяйство передается в государственное ведомство. Монастырские крестьяне стали «экономическими», так как попали под управление созданной тогда Коллегии экономии**. Второй факт, имевший значение для роста поселения, развития в нем торговли и ремесел: в 1775 г. через Оханск проходит Казанский тракт, и переправа через р. Каму начинает играть очень важную роль.

В 1781 г. с. Оханск впервые становится городом. Произошло это, когда земли по правому берегу Камы были выделены в самостоятельный уезд вновь образованного Пермского наместничества и потребовалось определить центр этого уезда.

Хотя жизнь Оханска не была особенно бойкой, но именно его избрали центром большого уезда, так как виделись существенные предпосылки для превращения села в большой город: пересечение судоходной Камы и тракта из Казани в Пермь, наличие при-

* ГАПО, ф. 279, оп. 1, д. 481.

** Секуляризация – обращение церковной и монастырской собственности в светскую. Коллегия экономии – центральное учреждение, ведавшее монастырскими крестьянами.

Здание уездного казначейства. 1800 г. Фото 2007 г.

стани, а также обширных земель вокруг, пригодных для сельскохозяйственного производства. Таким преимуществом не обладал ни один населенный пункт выделенного уезда.

Казанский тракт, проходивший по Оханскому уезду и ставший надолго его важнейшим сухопутным путем сообщения, обустроивали

местные крестьяне. За каждой деревней закреплялся определенный участок, на котором вырубали лес, выкорчевывали пни, копали каналы, делали земельные насыпи. Поверх насыпи крестьяне укладывали камень, гальку, выравнивая их чугунными катками. С обеих сторон тракта высаживали березы. Все работы проводились в счет общественной повинности.

Как уездный город в 1783 г. Оханск получает свой отличительный знак – герб. При учреждении герба ему давалось такое описание:

«Поелику заведено в начале сие селение единственною рыбной ловли, да и ныне занимаются оною здешние жители с успехом в р. Каме; для того оханской герб представляет в голубом поле серебряныя рыболовные сети, мережи и саки, употребляемые для сего промысла»*.

Герб г. Оханска. 1783 г.

Как и в гербах других городов Пермского наместничества, в верхней части щита сохранялось изображение Перми – медведь с Евангелием на спине. Таким образом, подчинение Оханска Перми как центру сначала наместничества, а затем губернии закреплялось в гербе, знаки которого запечатлели историю возникновения и рыболовство как одно из важных занятий населения города**.

Согласно положению, этот герб стал изображаться на различных документах, бланках, печатях, вывесках и т. д.

Четвертая ревизская перепись 1793 г. отметила в Оханске 97 деревянных домов, в которых проживало 798 человек. Первое каменное здание было построено в 1800 г. для уездного казначейства.

* Попов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 273.

** В наше время исторический герб вновь является официальным гербом г. Оханска.

Комиссия каменных дел и строений Санкт-Петербурга и Москвы в 1797 г. разработала план реконструкции и застройки Оханска, стараясь ввести регулярную планировку. Крепостных сооружений Оханск никогда не имел. (Вспомним, что функцию оборонительного центра очерско-камских земель выполнял Очерский острожек.) Центром планировочной структуры города оставалась церковь Успения Богородицы, построенная для монастыря в 1747 г. Новую сетку улиц необходимо было привязать не только к духовному центру, но и к р. Каме, Казанскому тракту и пристани. Все это предлагалось в новом межевании города.

Оханск занимал возвышенный правый берег Камы. Рвом город делился надвое: главную часть и обособившуюся слободку. Главную городскую территорию проходивший тракт делил еще на две половины. Участок тракта в черте города назывался Казанской улицей. Кроме того, здесь пролегалли улицы Осинская, Разночинская, Солдатская.

Уместно вспомнить слова писателя А.Н. Радищева, посетившего город в 1790 и 1797 гг.:

«Подъезжая к Оханску, везде почти поля, и селения очень часты... Оханск имеет некоторые прямые улицы, одна церковь деревянная, стоит на Каме»*.

Вниз по Каме от первоначального ядра города большая территория отводилась для нового строительства. О том, что здесь должно быть, в приложении к плану 1797 г. указывалось:

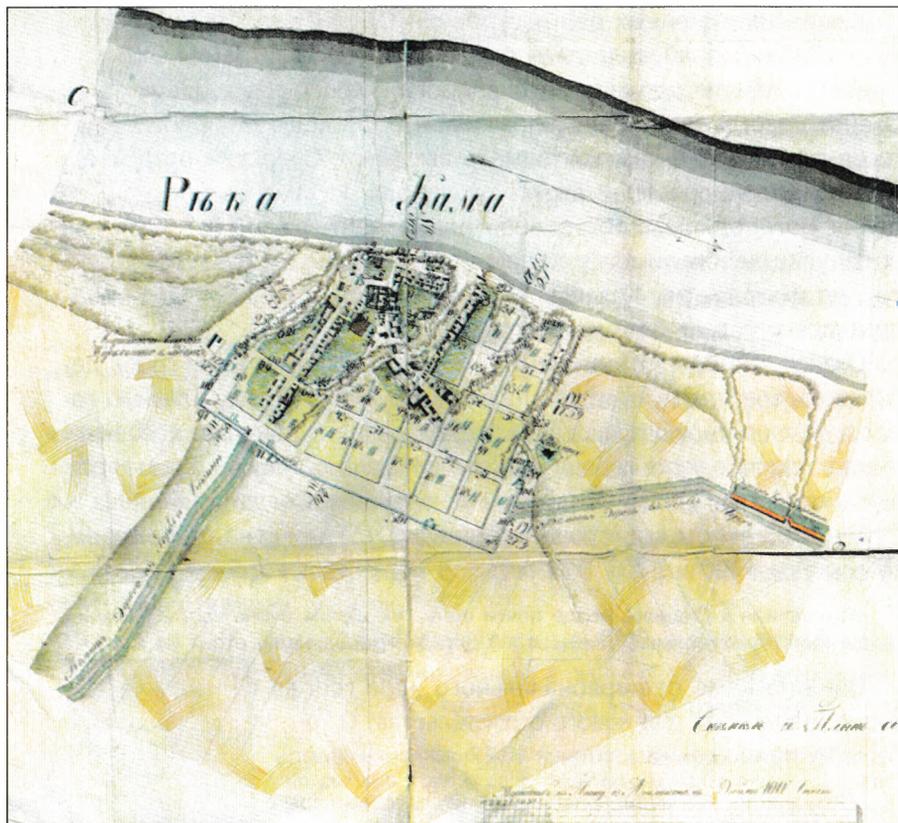
«Назначение же вновь расположенного города ниже нынешнего на другом месте... имеет вид спалала, так что все улицы стекаются к полукруглой площади, на которой в кварталах, простирающихся параллельно с камским берегом, означены места для главных казенных зданий»**.

* Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. – М., 1952. – Т. 3. – С. 256.
** Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии... С. 272.

XIX – НАЧАЛО XX в.

«Сложилась формы, повторяющие рельеф» ЗАСТРОЙКА ГОРОДА

Воплощением плана, разработанного в 1797 г., городские власти занялись в XIX в., хотя и без энтузиазма: план предполагал снос некоторых домов. Так или иначе, перестройка дала ощутимые резуль-

План г. Оханска. 1821 г. ГАПО

таты. Город вырос в длину, вдоль Камы. Прекрасный ландшафтно-градостроительный комплекс сложился преимущественно из двухэтажных зданий, многие из которых сохранились до нашего времени.

В середине XIX в. Оханск занимал небольшую территорию. В городе имелись две площади: возле храма Успения Богородицы и в центре новой застройки, – где самыми видными были здания городской больницы и городской полиции. По-прежнему главной улицей была Казанская, по которой проходил Казанский тракт. Поэтому только она была «усыпана хрящом» и дома располагались по ней с обеих сторон. Позднее Казанскую улицу переименовали в Успенскую.

Хотя Оханск находился на берегу судоходной реки, но в нем так и не появилась обустроенная набережная. Причалы группировались возле трех пристаней.

Яркое представление о прежней и вновь планируемой застройке города дает план Оханска, составленный в 1821 г. кунгурским уездным землемером Яковым Киттары*. Как происходило развитие планировочной структуры города в первой половине XIX в., показывает еще один план, относящийся к концу 1830-х гг.**.

План г. Оханска. 1830-е гг. ГАПО

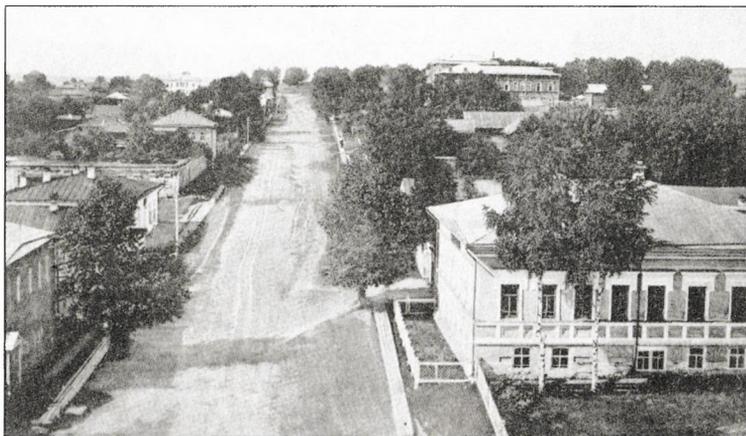
В описании, приложенном к плану, отмечалось, что «город по наружности принадлежал к числу городов самородного вида». По его территории проходило четыре оврага: западный, средний, осыпной и восточный. Все они имели выход на р. Каму. Естественно, раннее строительство было связано с особенностями рельефа местности.

Прямой широкой улицей, как уже говорилось, была одна – Казанская. Да и как ей быть иной, если сюда подходила «Большая дорога из города Казани». Казанская улица шла в старую часть города, располагавшуюся как бы на полуострове правого берега Камы. Сюда же выходила еще одна улица, протянувшаяся по диагонали городской застройки. Чтобы она была пригодна для передвижения, через овраги, которые она пересекала, пролегли мосты. На ней так же, как и на Казанской, стояло много домов по обеим сторонам.

* ГАПО, ф. 279, оп. 1, д. 481, л. 1.

** Там же, ф. 716, оп. 3, д. 64.

Там, где соединялись главные улицы, сформировался центр города. Здесь стояла деревянная церковь Пресвятой Богородицы и возводился новый каменный Успенский собор. Севернее храмов в 1830-е гг. появилось здание, предназначенное для архива. Ощущение

Успенская улица. Вид с Успенского собора. Фотооткрытка начала XX в.

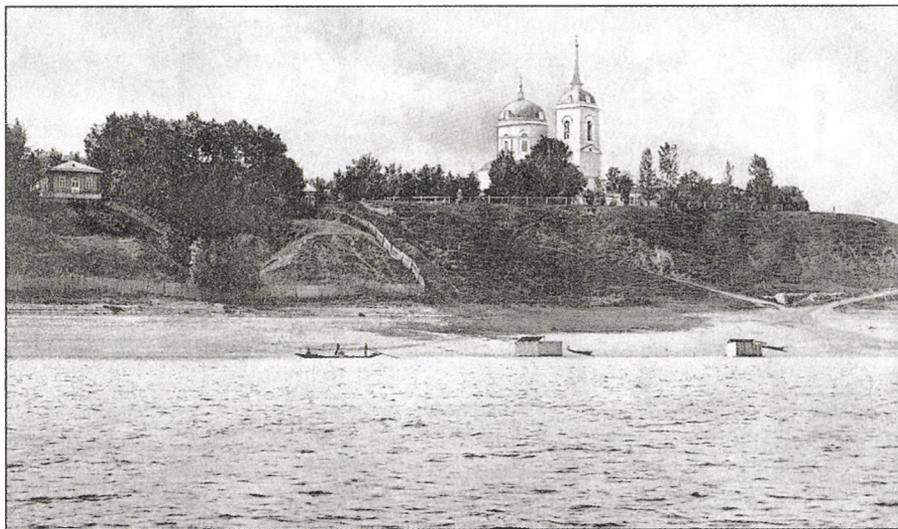
центра придавали этому месту располагавшиеся недалеко от храмов здания уездного казначейства (первое каменное здание города), городнического правления, несколько хлебных и соляных магазинов, винные подвалы, лавки для продажи «купеческих припасов». Территория с внешней стороны западного оврага отводилась под «кирпичный завод и кирпичные сараи церковного владения».

Кузницы тянулись вдоль западного и восточного оврагов. Тюрьма была построена на пустынном месте к востоку от города. Составной частью городской инфраструктуры являлось кладбище с

деревянной Пророко-Ильинской церковью. Оно оказалось далеко за пределами городской застройки, к востоку от тюрьмы и восточного оврага. Недалеке от тюрьмы и кладбища проходила

Дома мещан города. Фотооткрытка начала XX в.

Вид с р. Камы на Успенский собор. Фотооткрытка начала XX в.

«Большая дорога в город Пермь». На этой дороге, ближе к Каме, находилась д. Кривошеина, «заселенная казенными и помещичьи крестьянами». На выезде из города, возле озера Безымянного, стояла ветряная мельница.

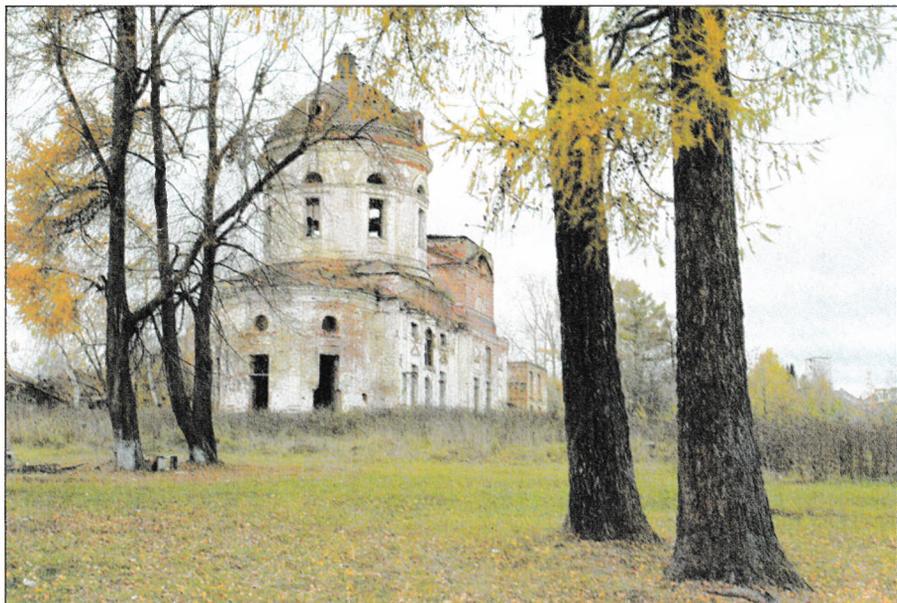
Таким образом, судя по планам 1821 г. и 1830-х гг., планировка и внешний облик города сохраняли элементы как уличной, так и беспорядочной застройки, что во многом объяснялось его местоположением. Начавшиеся в 1820-е гг. перепланировка города и новое строительство резко изменили его конфигурацию и размеры. Оханск приобретал регулярную застройку. «Оказалось под проектом (проектом. – Г.Ч.) онаго города с кладбищем 73 десятины 180 квадратных сажен»*. Из назначенных к постройке зданий важными считались присутственные места и гостинный двор. С воплощением всего нового город приобретал более благоустроенный вид.

Особенно преобразился Оханск, когда в 1828 г. завершилось строительство каменного Успенского собора. Освящался собор 22 ноября 1830 г.**.

* ГАПО, ф. 716, оп. 3, д. 64.

** Там же, ф. р-541, оп. 1, д. 1.

Собор явился духовным и композиционным центром, художественным камертоном города. Создателями его явно владела идея: нет города без каменного собора. Его поставили невдалеке от деревянной церкви Пресвятой Богородицы – на берегу Камы. В 1864 г. собор сильно пострадал от пожара: сгорели

Успенский собор. Фото 2005 г.

кресты на храме, алтаре и колокольне. Благовестный большой колокол упал на землю. Сбежавшийся народ вынес престолы и жертвенники на безопасное место. Вскоре все утраты были восстановлены.

В приходе Успенского собора оказались как жители Оханска, так и крестьяне 18 деревень, находящихся от города на расстоянии до 10–11 верст. В 1884 г. городских прихожан насчитывалось 1044 человек (в 116 дворах), сельских – 2611 (в 252)*.

* ГАПО, ф. р-541, оп. 1, д. 1.

Успенский собор сохранился до наших дней, но, прямо скажем, в состоянии руин. Когда видишь дошедшие до нас одни стены, то чувствуешь огорчение, досаду, растерянность. То, что уцелело, будто разрозненные слова из связного текста, воплотившего когда-то гармонию архитектуры и окружающей среды. Это было едва ли не самое лучшее, чем владел Оханск. Чтобы понять замысел творцов-зодчих, придется мысленно восстановить недостающие звенья, то есть рассказать об архитектуре собора.

Успенский собор имел сложную композицию, отличающуюся целостностью, монолитностью и, одновременно, изяществом. Он был с двумя престолами: в холодном храме – во имя Успения Божией

Матери, в теплом – во имя преподобных отцов Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев.

Храмовая часть в виде мощного куба завершалась высоким и широким куполом. Динамизм центральной части здания достигался повторяющимися на каждой грани восьмигранного барабана высокими полуциркульными окнами. С севера и юга храм имел крыльцо, выделенные колоннадой и треугольным фронтоном, решенным в традициях классицизма. Стены полукруглой апсиды были высокие и с двумя рядами окон: внизу прямоугольными, вверху круглыми. С западной стороны над входом возвышалась колокольня, квадратная в плане, ярусная, тяжелая, хотя и облегченная арочными проемами яруса звона. В ее очертаниях так же, как в северном и южном портиках, просматриваются черты классицизма. Колокольня завершалась куполом и утонченным шпилем.

Успенский собор был огражден металлической решеткой на каменных столбах и цоколе. С трех сторон – северной, южной и западной – в решетку были встроены высокие ворота арочной конструкции. На церковной земле купец Я.С. Плешков, будучи старостой собора, в 1867 г. построил дом.

Трудно сегодня сказать, возьмутся ли в Оханске за восстановление Успенского собора. Понятно только, что самому городу в его нынешних условиях сделать это невозможно. И все-таки хочется надеяться, что собор не канет в Лету, станет вновь жемчужиной Оханска и его окрестностей.

*«С большой определенностью цифры
говорят о народе»*

НАСЕЛЕНИЕ

Демографическая картина Оханска в XIX в. имела отличительные особенности. Он не был многолюдным поселением, как другие уездные города губернии. В 1821 г. в 116 дворах здесь проживало 1044 человека*.

В 1860 г. в Оханске насчитывалось 1056 человек. Социальная принадлежность населения выглядела

* ГАПО, ф. 541, он. 1, д. 1, л. 1 об.

следующим образом: дворян – 141, духовенства – 26, лиц городского сословия* – 130, сельского – 301. Тогда же в Оханске оказалось военных регулярных войск 269 человек, у них жен и детей – 138. Кроме того, проживали и лица, «не принадлежащие к указанным сословиям», – 41 человек**.

Здание, в котором размещались городское общественное управление, городской общественный банк и пожарное депо. Фото 1916 г.

* Под сословиями чаще всего понимается группа населения, отличающаяся своим юридическим положением, которое передается по наследству. В России во второй половине XIX в. сословия далеко не полностью были наследственными, соответственно этому они часто назывались не сословиями, а состояниями (последний термин преобладал в законодательных актах, хотя в них иногда идет речь и о сословиях).

** *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Пермская губерния.* – СПб., 1864. – Ч. II. – С. 714.

В 1897 г., когда проводилась первая всеобщая перепись населения Российской империи, в городе проживало 1894 человека. Во время переписи были собраны данные по сословному, конфессиональному, этническому составу населения, которые мы подвергли анализу и получили такие результаты.

Н.Ф. Добровторский (1853 – после 1917). Служил в органах городского самоуправления Оханска. В 1900–1906, 1915–1917 гг. – городской голова Оханска. Избирался депутатом Государственной думы первого созыва (1906). Судьба после 1917 г. неизвестна

Самую многочисленную сословную группу населения образовывали крестьяне – 1158 человек (61,1%). В их занятиях заметно преобладали земледелие, жи-

вотноводство, домашние промыслы, извоз. Вторую группу составляли мещане – 437 человек (23%). Дворяне, потомственные и личные, находились в третьей группе – 148 человек (7,8%). Следующую долю составляли купцы и почетные граждане – 41 человек (2,2%), за ними шло духовенство – 34 человека (1,8%). В рядах остальных сословий было 75 человек (3,9%). Один житель Оханска являлся «иностранным подданным»***.

*** *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.* – Т. 31: *Пермская губерния.* – СПб., 1904. – С. 2–3.

Православные в Оханске составляли 98,4%. На долю мусульман приходилось 1,1%, иудеев – 0,3%, католиков и протестантов было по 0,2%. 99,6% русских были православными, 0,4% – старообрядцами. Татары по конфессиональной принадлежности были преимущественно мусульманами (95%), и только 5% исповедовали православие*.

Что же касается этнического состава населения Оханска, то в 1897 г. на первом месте значились русские (98,7%). К нерусскому населению относились татары (1,2%), а также белорусы, поляки, эстонцы, немцы, латыши, литовцы, евреи, доля которых была незначительной. Таким образом, в материалах переписи 1897 г. отразился свойственный Оханску почти однородный этнический состав населения**.

Оханск редко бывал местом миграции населения. Но сильна была традиция переселения в город зажиточных крестьян уезда с целью включиться в более развитую предпринимательскую деятельность. Свой путь в город многие из них начинали с покупки домов, о чем свидетельствуют «Крепостные книги г. Оханска» второй половины XIX в., где содержатся заверенные нотариусом акты купли-продажи***.

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. 31: Пермская губерния. – СПб, 1904. – С. 2–3.

** Там же.
*** ГАПО, ф. 72, оп. 1, д. 2, 175, 251, 402.

«Товар и деньги – большое благо»

ТОРГОВЛЯ

Одна площадь Оханска была торговой. Здесь ярко проявлялись функции города как центра местного рынка. Лавки представляли собой стационарные постройки, образовавшие ряды. Стационарными были и амбары для хранения товаров. Для торговли домашним скотом отводилась особая площадка.

В 1860 г. Оханск располагал 3 казенными и 3 частными магазинами, 2 общественными и 10 частными лавками. Но во второй половине XIX в. число их возросло. В 1913 г. торговых заведений было уже более 50.

Заинтересованные в развитии местного рынка городские власти поощряли торговлю крестьян уезда «произведениями своих рук».

Главным предметом сбыта являлся хлеб из сел и деревень Оханского уезда. Торговали также и кожами, конской упряжью, сеном, овсом.

Купцов с большим торговым оборотом в Оханске так и не появилось. В 1860 г. торговые свидетельства получили 2 купца первой гильдии, 3 купца второй гильдии, 39 купцов третьей гильдии. Тогда же крестьян, торгующих по третьему разряду, насчитывалось

* *Материалы для географии и статистики... С. 715.*

14 человек, приказчиками значились 37 человек*.

Традиционно в Оханске проводились две ярмарки: Изосимовская (с 25 сентября по 1 октября) и Введенская (с 15 по 22 ноября). Ежегодно товарооборот на ярмарках доходил до 50 тыс. руб.

Оживленная торговля велась на пристани. Здесь в основном покупали муку, лен, смолу, пеньку**. Отправляли по Каме льняное семя, куделю**, ячмень, овес, гречиху. Грузооборот городской пристани накануне 1917 г. доходил до 60 тыс. пудов в год. Ежегодно отправлялось

** П е н ь к а – грубое волокно из стеблей конопля. Из пеньки делали веревки, канаты, шпагат.
К у д е л ь я – вычесанный и перевязанный пучок льна, приготовленный для пряжи.

*** *Урал северный, средний, южный: справочная книга. – Петроград, 1917. – С. 325.*

с Оханской пристани до 2,5 млн. яиц. Большой спрос на яйца был вызван использованием их для приготовления раствора, которым скреплялись кирпичные стены***.

ТОРГОВЫЕ
ЗДАНИЯ ОХАНСКА НАЧАЛА XX в.
Фото 2005 г.

Типовой магазин

Дом с торговой лавкой

Торговый дом

Дом с магазинами

«Устроить жизнь нужно по заветам
родителей»

БЫТ

Еще в начале XIX в. отмечалось, что в Оханске дома все «переправлены», то есть построены по новому образцу: крыши на них «на четыре ската», а окна – «в подражание городским». Особо подчеркивалось, что черных изб, то есть отапливаемых печью без трубы, не имелось. Такие показатели домостроения были важными, чтобы заявить о новизне в строительной культуре.

ДЕТАЛИ СТРОЕНИЯ. 1910 г. Фото 2007 г.

Парадное крыльцо дома страхового агента Оханской уездной управы А.И. Пьянкова

Кронштейны в виде стилизованных голов коня

Воронка водосточной трубы

Кронштейн крыльца с пропиленной резьбой

Ручка на воротах

В дальнейшем, с ростом и развитием Оханска, усадьбы и дома становились более дифференцированными. О том, как они выглядели, говорит купчая 1876 г. на проданный П.Д. Дягилеву дом по улице Успенской на Сибирском тракте, принадлежавший купцу Л.И. Заворохину:

Интерьер дома страхового агента Оханской уездной управы А.И. Пьянкова. 1910 г. Фото 2007 г.

«Деревянный двухэтажный дом с одноэтажным флигелем, одноэтажной ямщицкой избой и прочими надворными строениями, как-то: амбаром, каретником, двумя конюшнями, погребом, навесом, сараем, баней, и колодцем с водокачальной, и землей, коей мерою в длину по улице 15, а поперечника во дворе и огороде 50 сажен, а всего семьсот пятьдесят квадратных сажен»*.

* ГАПО, ф. 72, оп. 1,
д. 175, л. 7.

Если в характеристике домов наблюдалось возрастание черт городского жилища, о чем мы узнаем из купчих актов, то по поводу быта населения на протяжении XIX – начала XX в. гости города отмечали, что оно «ведет жизнь, ничем почти не отличную от крестьянской».

Прихожая в доме А.И. Пьянкова. 1910 г. Фото 2007 г.

Крестьянский материальный быт сохранял свое значение во многих сферах жизни горожан. Приведем по этому поводу одну яркую обобщающую характеристику:

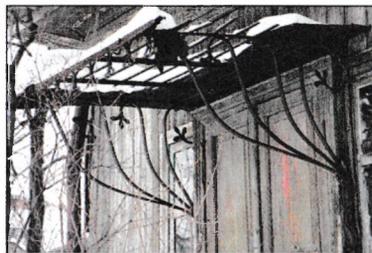
«Из всего видно, что городские крестьяне почти не отличаются от уездных крестьян ни в строении, ни в пище, ни в упражнениях, ни же в самой одежде, удерживая по большей части и крестьянское при большой дороге употребляемое наречие; весьма немногих только заметить можно, кои некоторым образом стараются подражать других мест более успевшим в городской жизни мещан»*.

Из этого же высказывания видим, что влияние города проявлялось преимущественно среди мещан.

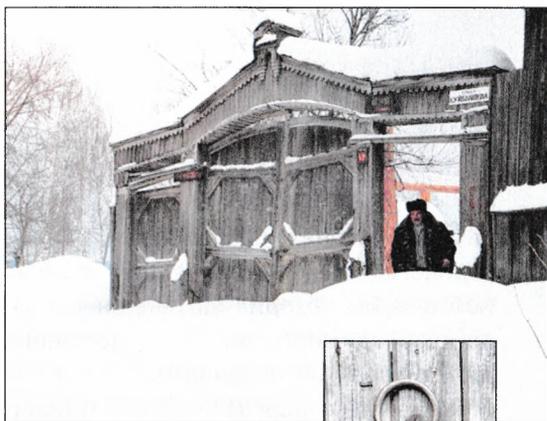
В подтверждение того, что в быту городских жителей сохранялись черты, свойственные мировоззрению крестьян, служит рассказ о праздновании 26 апреля 1900 г. дня святителя Стефана Великопермского. За несколько дней до праздника в Оханске и его пригороде было объявлено о предстоящем особом торжественном богослужении в Успенском храме.

«В расклеенных по городу и разосланных по деревням объявлениях между прочим говорилось, что земледельцы приглашаются в день праздника ежегодно доставлять в церковь яровые семена, по силе возможности, от 5 и более фунтов для благословения таковых перед посевом с прочтением над ними церковных молитв и окроплением святой водою... Одну часть освященных семян земледелец, если захочет, может оставить попечительству для жертвы Богу, а другую рассеять на полях с верою на Божие милосердие»**.

Такое приглашение понравилось крестьянам, и многие направились в Успенский храм, «имея при себе узелки, мешочки и наберушки с овсом, ячменем и пшеницею». Принесшие семена расставили

Металлический навес крыльца.
Начало XX в.

Декор деревянных ворот.
Начало XX в.

Калитка с оберегом – кольцом и крестом. XIX в.

* Плов Н.С. *Хозяйственное описание Пермской губернии...* С. 273.

** *Пермские губернские ведомости.* – 1900. – № 94.

Гулянье на берегу Камы в Троицу. 1913 г.
Фото Я.Н. Пермякова

в теплом храме в ряды для окропления святой водой.

О результатах «священного действия над зерном» узнаем опять же из «Пермских губернских ведомостей». В с. Андреевка Оханского уезда крестьяне получили небывалый урожай и отметили его таким образом: «В ознаменование урожайного года заказали колокол весом 60 пудов вместо старого 25 пудов, и он уже доставлен в село»*.

В Оханске были предусмотрены ночные караулы, чтобы вовремя принимались меры по предотвращению несчастных

случаев: грабежа, разбоя, пожара и др. По графику, установленному городским обществом, один из жителей во время несения караульной службы обходил закрепленный за ним участок. Если возникала необходимость, он стучал деревянной колотушкой и предупреждал жителей об опасности.

Конечно, город не избежал пожаров. В 1864 г. он выгорел почти весь. Второй крупный пожар случился в 1895 г. в день Петра и Павла (29 июня по старому стилю), когда большинство жителей находились в храмах. На главной улице, в центре города загорелись деревянные службы городского головы Винокурова. Затем огонь перекинулся на каменные дома и лавки. Как писал очевидец, «пожар был страшен: в лавках горело все, что только могло гореть». Усердно тушили огонь солдаты местной команды. Помог и начавшийся крупный дождь. «В заключение только стоит упомянуть, –

* Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 204.

** Екатеринбургская неделя. – 1895. – № 28.

– пишет все тот же очевидец, – о существовании здесь обычая домовладельцев угощать народ, работавший на пожаре, вином»**.

Женская артель бурлаков. XIX в.

Бурлаки на Каме. XIX в.

Трудно сказать, с какого времени среди народа пошла поговорка *Оханцы – гребенщики, капустаники*. Но люди, создавшие ее, запечатлели то, что им казалось традиционным в занятиях населения: выращивание овощей и изготовление предметов первой необходимости.

Являлось не простым и изречение *В Оханске в солдатах служил: коз гонял, капусту караулил*. Оно точно выражало мнение солдата, служившего в военном гарнизоне города. Поговоркой он утверждал, что служба была простой, вблизи дома, сочеталась с занятиями, необходимыми для поддержания домашнего хозяйства.

Обе поговорки до сих пор можно услышать в Оханске, причем не просто так, без повода и причины. Они всегда приходят в разговоре к случаю, к разным жизненным ситуациям.

Грузчик Оханской пристани. 1915 г.
Фото Я.Н. Пермякова

«Этот тракт – наша большая история»

ПО КАЗАНСКОМУ ТРАКТУ

Тракт получил название по г. Казани, откуда он выходил на восток Российского государства. По нему из Оханска добирались до Перми. С середины XVIII в. это была официальная дорога из Европы в азиатскую часть России. Впечатления о нем нам оставили многие исследователи и путешественники. День и ночь, зимой и летом двигались по тракту торговые караваны. Чиновники ехали на перекладных подводах, обязательно с колокольчиками.

Государственные указы и казну везли в окованных железом ящиках, к специальным возкам их прикрепляли винтами. В сани запрягали попарно «гусем» – друг за другом – не менее десяти лошадей. На козлах и позади ценного груза сидели стражники, вооруженные саблями «наголо», то есть вынутыми из ножен, а у самого возка – чиновник, отвечающий за доставку. Впереди и сзади «золотого каравана» ехали верхом на лошадях три стражника. Передний держал в руках красный флажок, а остальные – обнаженные шашки и ружья через плечо. В селах и деревнях они кричали: «Сторонись!» Замыкали караван пять «верховых стражников с обнаженными шашками».

В летнее время по тракту следовали курьеры с государственными указами, и их тоже сопровождали стражники с шашками «наголо». Ямщики, которые везли обычные товары, после встречи с «государственными возками» снимали шапки, крестились, приговаривая: «Слава богу, проехали, нас не задели».

По тракту были оборудованы почтовые станции, где в наличии постоянно было от 30 до 50 лошадей. Если их не хватало, забирали лошадей у населения в счет государственной повинности.

Часто по тракту двигались эшелоны арестантов, иногда по 300–500 человек. Впереди, примерно за километр, ехал вестовой и приказывал освободить дорогу. Сначала следовал вооруженный конвой – 20–30 человек в два ряда. За ними шли «политиканы» – важные государственные преступники. Их ноги и руки были связаны кандалами, причем двое-трое еще связывались вместе. Оханский очевидец писал:

«В жар так пыль столбом, что дохнуть нечем, а они, бедняги, идут средней полотна, а на ногах запекается кровь от сбитых кандалами ран, запеклись губы, померкли от усталости глаза, около них и над ними летит рой мух, а они, бедняги, идут и идут, опустив глаза».

За «политиканами» гнали гражданских преступников: убийц, воров, грабителей. У них были скованы только руки или ноги. Затем следовали ссыльные на вольное поселение. Потом двигались обозы с больными женщинами и детьми, которых сопровождали мужья, за ними – подводы с продуктами и вещами арестованных. Замыкал шествие конвой в 10–20 человек. По сторонам ехали стражники. Шествие растягивалось на 1–1,5 км.

Тот же оханский очевидец, записки которого мы цитировали, писал:

«Доброжелательные крестьяне выносили несчастным арестованным хлеб, пироги, шаньги, молоко, яйца, квас и все это сдавали в обоз или несли на этап. Редкая женщина не прослезится, глядя на такую тяжелую картину».

Этапом назывались остроги, или пересыльные тюрьмы. Здесь всех следовавших по тракту размещали на ночлег. Самые большие тюрьмы были в Оханске, а также в селах через каждые 20–30 км. Остроги и тюрьмы огораживались двухсаженным тыном. Тюремный двор в Оханске частично сохранился до нашего времени.

По Казанскому тракту слышалось заунывное пение ссыльных. Пели об одном – о своей нелегкой долюшке. Чаще других звучала песня «Мы острожники, мы колодники»:

*Мы острожники, мы колодники,
В путь идем,
Далекую сторонушку сибирскую.*

*Путь-дороженька!
Обратись в реченьку глубокую,
Утоли ты наше горе, горе превеликое.*

*Красно солнышко родимое!
Не пеки нас, колодников,
Нам и так в цепях тяжелехонько.*

*Люди добрые, милосердные!
Не ругайте вы нас, колодников.
Мы не доброй волюшкой в Сибирь идем.*

*Нас нужда ведет, нужда горькая.
У нас дома остались женушки,
Женушки да с малыми детками.*

*Видно, уж суждено умереть на каторге,
Далеко от своей матушки родины,
В тюрьмах каменных за решетками,*

За дверями дубовыми,
За замками железными.

По рукам-ногам цепями скованы,
Впились в тело они замками лютыми.
Поля, леса нам не служат утехою,
Гложет сердце тоска,
Бежать на волю хочется.

Эх ты, доля! Доля распроклятая!
Не обойти тебя, не объехать,
Коли на роду было так написано,
Нам нести такую тяжелую долюшку.

Хоть бы гроза-буря грянула,
Разнесла бы такое горюшко,
Встало бы солнце красное,
Обогрело бы нас, колодников.

*«Нелишне будет еще раз всем нам
прочитать и почувствовать слова
известных людей, посетивших Оханск»*

ПОЖАЛОВАЛИ В ОХАНСК

Оханск, ввиду того что располагался он на пересечении важных транспортных путей – р. Камы и Казанского тракта, – неоднократно в XIX в. посещали известные люди.

В 1824 г. здесь побывал император Александр I, следовавший в Сибирь, а в 1837 г. город посетили царевич Александр Николаевич, будущий император России Александр II, и В.А. Жуковский, поэт, один из создателей русского романтизма, родоначальник русской классической лирики.

Пребывание будущего императора Александра II жителям Оханска больше всего запомнилось случаем, который произошел с ним в селах Большая Соснова и Дуброво Оханского уезда. Как необычайный факт местной истории, его запечатлел в своем дневнике И.П. Вахрушев:

«Про него рассказывала хозяйка дома Е.М. Гладких, где он останавливался, которая и угощала царевича. Было лето жаркое, примчался вперед курьер и известил, что из Казани в Пермь выехал Его императорское Высочество царевич Александр Николаевич. После этого поднялась такая тревога, все готовились его встречать... В день приезда царевича улица до дома была застлана коврами и половиками, а дальше до конца села пихтою. По сторонам стояли офицеры, а старички стояли с хлебом-солью, священство облачилось в самые лучшие ризы, сам голова (в данном случае должностное лицо, возглавлявшее выборный орган – волостную управу. – Авт.) в кафтане с серебряными позументами держал на блюде хлеб-соль, а сверху лежал рапорт.

Показался всадник на взмыленной лошади, остановился перед головой и крикнул: «Царский поезд едет!» Все замерли в ожидании.

Показалась царская корона (очевидно, над возком возвышалось изображение царской короны. – Авт.), запряженная шестью парами, за ней следовали три кареты, запряженные тройками. Поезд сопровождал конвой казаков, на шапках которых были конские хвосты. На колокольне зазвонили все колокола, как на Пасхе. Поезд остановился. Конвой взял на караул. Духовенство запело «Спаси, Господи, люди твоя...»

Из царской короны вышел небольшого роста толстенький человек, думали, что этот самый царевич. Караул крикнул: «Здравия желаем, Ваше императорское величество!» Кругом закричали: «Ура! Государь наследник!» Толстенький человек улыбнулся и снял шляпу с плешивой головы. Вдруг из кареты выпрыгнул юноша лет 17–18 в мундирчике и фуражке с красным околышем.

Толстенький человек (это был воспитатель царевича писатель Жуковский) поклонился голове и, указывая на юношу, сказал: «Ваш государь – наследник». Все опустили на колени. Царевич взял под козырек, принял от головы хлеб-соль. Подошел священник с крестом и хотел что-то сказать, но голова от испуга дрожала, руки тряслись, и он, заикаясь, говорил: «Ва... Ва... Ваше...»

Царевич снял шапку, перекрестился, поцеловал крест и подал руку воспитателю и пошел в наш дом. Это было около 5 часов дня.

Царевич пожелал закусить, и хотя много было наготовлено всякой всячины, царевич захотел холодной простокваши. Свекровь подала нетронутую кринку, дорожный врач снял сметану, вынул из дорожного ларца несколько сухариков и подал царевичу.

Царевичу простокваша, видимо, понравилась, и он съел ее всю. Затем пожелал пить. Свекровь спросила: «А что подать, Ваше императорское Высочество, есть медок, пиво, бражка» (самоваров тогда не было). Царевич пожелал бражки. Свекровь поднесла на подносе большую кружку теплой бражки, царевич выпил всю, поблагодарил, а Жуковский положил на колени свекрови ассигнацию в 25 рублей (по тогдашнему времени деньги эти были очень большие).

Через час царский поезд двинулся дальше, сопровождаемый криками: «Ура! Счастливым путем!» Все разошлись.

Прошло часа четыре. Вдруг из Дубровы пригнались адъютант, врач и исправник со стражниками. Оцепили наш дом, всех взяли под арест. В чем дело? Адъютант потребовал той простокваши, бражки, которыми свекровь угощала царевича. Заставил нас есть и пить, остатки опечатал. Спешно вызвали священника, привели нас к присяге – не злоумышленники ли мы против царевича. Мы не живы и не мертвы, дрожим, думаем: видимо, смертонька наша пришла, уж не умер ли царевич?

Всю ночь мы не спали, а утром на другой день опять гонец из Дубровы – снять караул и освободить всех из-под стражи. Свекровь голосом заревела от

радости, что царевич жив. Что же случилось? А оказалось, простокваша да бражка в брюхе царевича «поссорились»...

После свекру, видимо за напрасное подозрение, прислан был кафтан, шитый золотом, и медаль, а свекрови – бархатный чепчик, усыпанный жемчугом и самоцветными камнями».

В приведенном фрагменте из дневника подробная характеристика приема в Оханском уезде царевича Александра Николаевича позволяет представить отношение народа и местных служилых чинов к людям царской семьи*.

* Благодарим К.Ф. Пересветову, жительницу г. Перми, предоставившую в наше пользование семейный архив.

В 1826 г. через город пролегал путь декабристов в сибирскую ссылку. Здесь встречалась княгиня М.Н. Волконская с декабристом М.И. Пущиным, когда направлялась к мужу в Сибирь. В начале 1827 г. княгиня А.Г. Муравьева везла декабристам послание А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье...», которое получила из рук самого поэта.

С Оханском связана родословная композитора П.И. Чайковского. Его дядя Владимир Петрович Чайковский**, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии, в 1820 г. был определен в земский суд заседателем, а в 1821 г. – городничим. На этой должности он оставался «внимательным и гуманным» к местным жителям и даже к тем, кто попадал в Оханскую пересыльную тюрьму. В формулярном списке по службе классных чиновников Пермской губернии за 1831 г. на вопрос «Был ли в штрафах и под судом?» записано:

«...находился под судом в Пермской палате уголовного суда за помещение им преступника Мокрушина в свое жительство, когда он должен был содержаться под стражей, за что оштрафован третьим жалованием с учинением строгого, с подпиской подтверждения, чтобы впредь делать того не отвечал».

Здесь же еще запись:

** В.П. Чайковский (1793 г. р.) был сыном П.Ф. Чайковского, деда композитора П.И. Чайковского, которому приходилось служить городским врачом в г. Кунгуре (1777–1782) (см. в первой части книги).

*** Пролеева В.И. Чайковские на Пермской земле // Пермь вечерняя. – 1980. – 5 авг.

«...находился под следствием о передержании суммы на продовольствие пересыльным арестантам***».

Зная эти документальные факты, можно предположить, что В.П. Чайковский, обрекая себя на взыскания по службе, вполне мог сочувственно относиться и к декабристам, и к их женам, проследовавшим через Оханск, и к многим другим людям.

В.П. Чайковский был похоронен скромно, но на почетном месте – возле стен Успенского собора.

Время, к сожалению, полностью стерло захоронение оханского городничего. Из церковной ограды исчезла чугунная плита, под которой покоился его прах. Ходят слухи, что ее в 1930-е гг. отправили в металлолом. Но в наше время неплохо бы восстановить намогильное сооружение гуманного городничего.

Через Оханск проследовали в места отбывания ссылки писатели А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Н.Г. Чернышевский. Но не обнаружено пока сведений, позволяющих рассказать об этом хотя бы сколько-нибудь подробно.

В 1887 г. произошла встреча жителей Оханска с великим князем Михаилом Николаевичем* и его сыном Сергеем Михайловичем*, когда они плыли из Нижнего Новгорода по Волге и Каме в губернский город Пермь. Это событие подробно освещалось в газете «Пермские губернские ведомости». Великий князь Михаил Николаевич являлся почетным президентом знаменитой Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки и спешил в Екатеринбург на ее открытие, намеченное на 14 июня 1887 г.

10 июня 1887 г. жители Оханска и пригородных селений «в лучших праздничных одеждах» собрались на берегу Камы. Здания, прилегающие к реке, и суда, стоявшие у пристани, были украшены флагами. Сама пристань выделялась гирляндами из зелени, множеством разноцветных флагов, а ее крыша венчалась большим вензелем с инициалами имени великого князя Михаила Николаевича и флагом Его Императорского Высочества.

«Пермские губернские ведомости» сообщали:

«...перед самым появлением великокняжеского парохода крыша парходной конторки осветилась множеством плашек, отбрасывавших красный блеск на зеркальную поверхность реки и освещавших красивую панораму берега, унизанного народом. Наступили почти полные сумерки. Когда в виду пристани показались ожидаемые с нетерпением пароходы, в одну минуту весь берег и пристань огласились кликами народа, переливавшимися из конца в конец... Пароход великокняжеский начал выдвигаться из линии и направляться к иллюминированной конторке...»

На конторке городской голова с гласными** думы поднес высоким гостям хлеб-соль и поздравил с благополучным прибытием. Затем председатель уездной земской управы, окруженный гласными земства, произнес речь «с прочувственными словами»:

* Михаил Николаевич (1832–1909) – великий князь, четвертый сын императора Николая I, генерал-фельдмаршал (1878). Во время Русско-турецкой войны (1877–1878) главнокомандующий Кавказской армией. Председатель Государственного совета (1881–1905).

Сергей Михайлович (1869–1918) – великий князь, пятый сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I. В 1915–1917 гг. полевой генерал-инспектор артиллерии при Верховном главнокомандующем. В ночь с 17 на 18 июля 1918 г. был застрелен, когда осуществлялась акция по уничтожению членов дома Романовых.

** Г л а с н ы е – депутаты.

«Имею счастье свидетельствовать перед Вашим Императорским Высочеством, что, вызванные к жизни по воле в Бозе почивающего царя-освободителя, земские учреждения одушевлены искренним желанием осуществлять предначертания Великого Законодателя. Глубоко преданные Царствующему Дому, мы, верноподданные, без различия званий и состояния, сошлись здесь, чтобы приветствовать Ваше Императорское Высочество, и, радуясь благополучному прибытию Вашему в наш отдаленный край, по русскому обычаю просим принять от нас, представителей Оханского земства, хлеб-соль»*.

* *Пермские губернские ведомости.* – 1887. – № 76.

После этого чести преподнести хлеб-соль великим князьям удостоились волостные старшины в сопровождении представителей сельских обществ из ближайших к Оханску волостей – Притыкинской и Острожской.

Затем великий князь Михаил Николаевич вместе с сыном сошел на берег, здоровался с местной воинской командой и народом и, пройдя среди народной толпы, возвратился на пароход. Когда судно медленно отходило от пристани, с парохода «Полюд», стоявшего у другой конторки, «лились звуки народного гимна, подхватываемого и пассажирами этого парохода, и горожанами с берега. Тихая роскошная июньская ночь безмолвно внимала этим дорогим каждому русскому сердцу звукам и увеличивала эффект картины, которая надолго будет памятна обывателям Оханска»**.

** *Там же.*

На пароходе «Полюд» ехала частная оперная труппа Любимова. Там, где останавливался великокняжеский пароход, все артисты и оркестранты – а их было более 50 человек – выходили на верхнюю палубу и пели гимн «Славься, славься».

*«Для образования было сделано
решительно много»*

ОБРАЗОВАНИЕ

В 1860 г. в Оханске работало одно учебное заведение – мужское приходское училище. В нем обучалось 44 ученика, из которых 17 были из мещанских семей, 14 – из крестьянских, 9 – из дворянских, 4 – из семей почетных граждан и купцов. Все ученики обучались в одном классе.

В 1872 г. открывается женское приходское училище.

Мужское училище в 1876 г. реорганизуется в двухклассное, а в 1887 г. – в трехклассное. Об этом последнем событии «Пермские губернские ведомости» писали:

«Вчера, 22 сентября, после литургии в помещении городского училища отслужено было молебствие по случаю преобразования здешнего приходского училища в трехклассное городское».

В связи с тем что мужское училище приобрело более высокий статус – стало трехклассным, в 1888 г. открывается третье училище – мужское приходское. Всего в уезде в это время имелось 44 учебных заведения*.

С 1 января 1901 г. старейшее трехклассное городское училище Оханска стало четырехклассным. При нем открылись ремесленные столярно-токарные и переплетные классы. В 1902 г. введено было преподавание «графических искусств», а в 1909 г. – немецкого языка. В 1912 г. в этом училище обучалось 120 учеников.

Под руководством учителя русского языка здесь выпускался рукописный иллюстрированный ученический сборник «Юные годы». Его назначение виделось в «достижении развития литературного слога и самостоятельности учащихся». Учащимся предоставлялась полная свобода в выборе тем, форм и стиля сочинений. Желающих писать оказалось много, поэтому сборники выходили часто. Так, с января по апрель 1912 г. вышло 8 номеров. В эти номера вошло 119 произведений, из них поэтических и оригинальных – 70, прозаических – 24, переделок и подражаний – 11, научно-популярных – 5, шуток и задач – 7, статей от редакции – 2. С каждым номером

Женская гимназия. Фотооткрытка начала XX в.

Реальное училище. Фотооткрытка начала XX в.

* Пермские губернские ведомости. – 1888. – № 6.

сначала познакомились преподаватели, затем учащиеся. В 1912 г. сборники читало 358 человек. В конце учебного года среди читателей распространялась анкета из 10 вопросов, чтобы выяснить мнения о сборниках.

В 1901 г. открывается трехклассная женская гимназия. Находилась она в двухэтажном каменном здании, построенном на средства земства. На первом этаже размещались три класса, физический кабинет, комнаты для занятий языками, для врача и учительской, а на верхнем – пять классов, библиотека и кабинет начальницы.

Для поступления в женскую гимназию необходимо было пройти испытания по Закону Божьему, русскому языку и арифметике. Те, кто поступал не в первый, а в следующие классы, сдавали экзамен по рукоделию.

Полный курс обучения – восьмиклассный – Оханская гимназия приобрела в 1906 г. Программа была разнообразной. Изучали естествознание и словесность, историю и геометрию. Давались уроки рисования, рукоделия и пения. Но основным предметом являлся Закон Божий. В 1906–1913 гг. гимназию окончили более 200 учениц в возрасте от 18 до 20 лет. В 1912 г. обучалось 289 девушек.

В 1908 г. открывается реальное училище. В первый учебный год в нем обучалось 49 учеников. В 1911 г. на средства Министерства народного просвещения и уездной земской управы для училища было выстроено специальное здание, сохранившееся до нашего времени.

Важную роль в подготовке учителей начальной школы играли педагогические курсы, периодически созываемые в г. Оханске земской управой. На них читались лекции по основам современного воспитания, педагогики и психологии, а также по анатомии и физиологии. В 1912 г. проводились «большие и дорогостоящие» педагогические курсы с приглашением известных всей России педагогов. Благодаря таким мерам около 70% учителей земских школ получали специальную подготовку. Выпускники курсов становились не только учителями, но и руководителями учебных заведений и детских садов.

Оханская земская управа в 1910-е гг. получает большую поддержку по осуществлению программ развития образования от Учительского общества. Чтобы «образовательный уровень педагогов непрерывно поднимался», по его просьбе управа выделяла средства для командировок учителей на педагогические курсы, съезды, собра-

ния. Путем назначения стипендий управа стимулировала учащихся. Так, в 1912 г. были объявлены 2 стипендии имени Государя Императора Александра III, 1 – имени Наследника Цесаревича, 2 – имени Н.В. Гоголя, 2 – имени М.И. Кутузова в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г., 1 – имени бывшего управляющего земской аптекой К.А. Мниховича для получения фармацевтического образования.

Как свидетельствуют материалы первой всеобщей переписи населения 1897 г., самым высоким показателем грамотности в Оханске в конце XIX в. обладали дворяне и чиновники (77,7%), а также священники (73,5%). Среди купцов и мещан грамотных насчитывалось 57%, среди крестьян – 46,9%*.

** Первая всеобщая перепись населения Российской империи... С. 250-260.*

*«Наконец-то можно было отдаться
страсти – читать книги»*

БИБЛИОТЕКИ

Первые сведения о создании библиотеки в г. Оханске относятся к 1875 г. Председатель уездной управы призывал «дать развитие положенному началу библиотек, так как некоторыми лицами пожертвовано в управу несколько книг и служащими выписываются лучшие журналы». Уездное земское собрание выделило на библиотеку 100 руб., и в 1876 г. в ней уже значилось 385 книг на сумму 548,7 руб.

Первоначально библиотека при управе именовалась учительской. Но как скоро ею стали пользоваться не только учителя и земские служащие, но и «посторонние лица» и «читатели с повышенным интересом из сел и деревень», было предложено именовать ее публичной. В отчетах библиотеки отмечалось, что она привлекала посетителей, «так как заметно увеличивалось число книг, газет и журналов».

В 1900 г. земская публичная библиотека выписывала разнообразные периодические издания: «Свет», «Север», «Вокруг света», «Родина», «Нива», «Отдых», «Неделя», «Мир Божий», «Осколки»,

«Будильник», «Стрекоза», «Журнал для всех», «Природа и люди», «Урал», «Русское богатство», «Русский паломник», «Родник», «Малютка», «Игрушечка», «Пермские губернские ведомости», «Ураль-

* *Пермские губернские ведомости. - 1900. - № 232.*

ская жизнь» и др. Эти газеты и журналы лежали на столе, по возможности не по одному экземпляру, а за весь год*.

Время от времени публиковались каталоги библиотеки, и они дают полное представление о содержании фонда книг и периодики. Так, в «Каталоге Оханской земской публичной библиотеки» за 1913 г. книги распределялись по таким отделениям: религия, философия, социальные (общественные) науки, чистые науки (математика и естествознание, география и этнография), художественная литература, прикладные науки, «изящные искусства», детская и иностранная литература. Согласно каталогу, здесь было сосредоточено 149 наименований газет и журналов.

За весь 1913 г. библиотеку посетило 6744 человека. Впоследствии посещаемость увеличивается, «так как военные события, развернувшиеся на далекой нашей окраине, приковывают к себе всеобщее внимание, поднимают интерес к газетам, заставляют следить за каждым шагом войск наших и наших союзников».

Помимо Оханской публичной библиотеки, в городе была еще библиотека-читальня Комитета народной трезвости. При ней работала чайная, которую в 1899 г. посетило 1540 человек. Как отмечалось в «Пермских губернских ведомостях», здесь часто «один читал книгу, а другие слушали».

В 1887 г. земство начало открывать библиотеки в уезде. В 1914 г. их насчитывалось 90: 40 «народных библиотек» при школах, 30 «павленковских»** и 20 библиотек «с передвижными отделами». В этих библиотеках имелось более 60 тыс. книг на сумму 20,5 тыс. руб. Каждый читатель в год пользовался 10 книгами. Этот показатель работы оценивался как весьма положительный:

** Так назывались библиотеки по имени книгоиздателя Ф.Ф. Павленкова (1839–1900), который завещал свой капитал на открытие двух тысяч народных библиотек в наиболее бедных и глухих селах и деревнях.

*** *Пермская земская неделя. - 1914. - № 12.*

«...каковую величину надо признать достаточной и оправдывающей производимые на библиотеки затраты средств и труда»***.

В ряде библиотек устраивались народные чтения с демонстрацией «туманных картин». Стремилась пригласить на них людей неграмотных, которым книга оставалась недоступной. В 1914 г. было проведено 1065 чтений, из них 880 – со световыми картинками.

«К этому искусству относились серьезно»

КИНЕМАТОГРАФ

Ярким событием во внешкольном просвещении явилось появление в Оханске кинематографа. Сначала он принадлежал частному владельцу, который объезжал школы и демонстрировал картины. Так, в 1900 г. молодой человек «с кинематографом и фонографом показал 20 кинематографических картин и столько же туманных», и «у зрителей особое возбуждение вызвала двигающаяся картина с изображением китайца»*.

О значении нового вида искусства современники писали:

«Не существует лучшего способа знакомить учащихся с царством природы и жизнью людей; необходимо лишь, чтобы картины кинематографа строго отвечали той цели, для которой они предназначаются в деревне... кинематограф начинает входить в моду как средство для распространения образования... для популяризации сельскохозяйственных и других знаний»**.

В 1914 г. Оханская земская управа заводит собственный кинематограф. В смете расходов предусматривалась на его содержание особая статья, которая с каждым годом увеличивалась.

* *Пермские губернские ведомости. – 1900. – № 214.*

** *Пермская земская неделя. – 1913. – № 1.*

«...имеем перед собой богатое прошлое»

МУЗЕИ

На основе сельскохозяйственной выставки, открытой Оханским уездным земством в 1906 г., возник научно-исторический музей. Как и выставка сельскохозяйственных машин, орудий, ветеринарных инструментов и семян, музей размещался в здании уездной земской управы. Он периодически устраивал передвижные выставки. Кроме того, в Оханске действовало еще два музея – школьно-педагогический и пчеловодства.

В музее пчеловодства читались лекции и проводились беседы о преимуществе рамочных ульев перед колодными ульями, об устройстве пасек и уходе за пчелами. Здесь же демонстрировались все принадлежности, связанные с пчеловодством. Активными помощниками музея

являлись члены Общества пчеловодов, почетным председателем которого являлся председатель Оханской земской управы Я.К. Морозов.

Из этих трех музеев дольше всех – до 1927 г. – существовал научно-исторический.

*«У нас уже давно было намерение
завести театр»*

ТЕАТР

Народный дом. Начало XX в. (Не сохранился)

Открытие театра состоялось на средства земства в 1905 г. Размещался он, как и библиотека, в специально построенном Народном доме.

В афише театра значились пьеса А.Н. Островского «Не все коту масленица», комедия Н.В. Гоголя «Женитьба». Ставили также «Счастливые дни», «Женитьбу Белугина», «Рыбаки». В спектаклях участвовали учителя, земские служащие, члены пожарной дружины.

Иногда за год ставилось до сотни спектаклей. Средства, полученные от постановок, шли в пользу учебных заведений, пожарных дружин, библиотек.

«Город давно нуждался в этом заведении»

ТИПОГРАФИЯ

Свою типографию имела уездная земская управа.

В 1901 г. П.П. Сбоев в специально построенном для этого здании открыл еще одну. Здесь печатались не только бланки, документы, но и брошюры, журналы и даже книги. Нельзя не указать на то, что среди изданий, вышедших из типографии П.П. Сбоева, была книга объемом 1150 страниц – «Журналы Оханского уездного земского собрания 43 очередной и 37, 38 и 39 чрезвычайных сессий с докладами управы и комиссии за 1912 год» (Оханск, 1913).

При типографии П.П. Сбоева работали переплетные мастерские и магазин книжно-канцелярских товаров.

В 1918 г. типографию эвакуировали в г. Глазов, где ее использовали для печатания красноармейских газет.

«Это известие нас страшно обрадовало»

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Появление больницы в Оханске относится к 1819 г. Тогда в ней лечились преимущественно военные, сопровождавшие арестованных, следовавших в Сибирь. В 1832 г. больница занимает здание, пожертвованное ей бывшим монастырским крестьянином Бахтияровым. Она располагала 25 койками, тогда как в Перми в губернской больнице было всего 35 коек.

Расширение городской больницы связано с деятельностью уездной земской управы. Прием больных в земской больнице начался в 1870 г. Больница помещалась в частном доме. Врач в ней появился

Здание Оханского уездной земской управы.
Начало XX в. Фото 2007 г.

Служащие Оханской уездной земской управы. Во втором ряду в центре – Я.К. Морозов, председатель управы. 1917 г.

только в 1880 г. Им стал выпускник медицинского факультета Казанского университета Г.И. Коронатов.

К концу XIX в. больница обзавелась собственными пятью деревянными зданиями. Она располагала 40 койками. Врач, акушерка, два фельдшера обслуживали не только жителей Оханска, но и крестьян соседних трех волостей. При больнице имелась аптека.

Как только началась Первая мировая война, в Оханске открывается лазарет для раненых воинов. Сначала он помещался в частном доме, а затем под него были отведены помещения реального училища. В 1914–1915 гг. в нем лечилось 685 человек.

В Оханске и уезде земство проводило большую работу по санитарному просвещению населения. В 1908 г. была учреждена должность санитарного врача. Под его руководством велось «обширное исследование школьных помещений и учеников», «организовывалась работа по улучшению санитарного благосостояния селений», «оказывалась всяческая поддержка земскому медицинскому персоналу в его действиях по борьбе с эпидемическими заболеваниями».

Пропаганде санитарно-гигиенических знаний способствовало Пироговское общество. Его просветительские брошюры и плакаты приобретались земством и распространялись среди населения.

Заслуживает внимания опыт просветительской работы санитарного врача А.Н. Соколовой. Медицинские и санитарно-гигиениче-

ские знания она несла жителям Оханска и окрестных деревень через лекции и беседы, наглядные примеры с применением микроскопа, волшебного фонаря, плакатов, таблиц. А.Н. Соколова подготовила каталоги книг по медицине и гигиене для использования в школах и библиотеках, а также каталоги теневых картин, таблиц, диаграмм для лекций.

«Хорошо развились сношения и пересылка писем и бумаг в уезде»

ПОЧТА

Почтовая служба, учрежденная земством, коренным образом отличалась от почты, ранее существовавшей при уездных полицейских управлениях. Она стала доступной для населения. Почта принимала не только бумаги, но и денежные «корреспонденции», то есть обеспечивала доставку денег, например высылаемых семье работником, ушедшим на заработки.

В Оханском уезде земская почта появилась в 1871 г. Несмотря на ее убыточность, она исправно служила, доставляя письма, газеты, журналы как в губернский центр, так и в села и деревни своего уезда.

Уже в первый год работы было «прислано с земской почтою частных писем и объявлений 2841, частных газет и журналов 65 наименований, казенных 4 наименования; казенных пакетов 26 128»*.

** Журнал Оханского земского собрания от 21 и 27 сентября 1871 г.*

В 1871–1880 гг. за пересылку частной корреспонденции взималось по 3 коп. с письма. Оплата пересылки корреспонденции производилась земскими почтовыми марками, которые по заказу Оханской земской управы печатались в казенной, Пермского губернского правления типографии. Марки гасились круглой печатью с надписью «Оханская земская почта» и овальным штемпелем с надписью «Оханская уездная земская почта» и датой. Примечателен факт, отмеченный земской управой в 1900 г., что к оханским маркам проявляют интерес коллекционеры.

Центральным пунктом являлась почтовая контора при уездной

управе. В ее штате значились земские почтовые чиновники: заведующий почтовым отделением и его помощник.

История земской почты Пермской губернии знает единственный пример, когда заведующей земским почтовым отделением работала женщина. В журнале земского собрания Оханского уезда от 11 октября 1875 г. сообщается:

«Для заведывания почтовым отделением принята на службу рекомендованная с хорошей стороны девица Альгина, которая в обеспечение исправности службы представила денежный залог; в течение службы госпожи Альгиной с 13.X.1874 г. отправление земской почты не имело каких-либо беспорядков».

Для доставки адресатам корреспонденции и разборки ее в почтовом отделе уездной управы нанимались «мальчики». Об этом, например, сообщает доклад Оханской земской управы земскому собранию 25 сентября 1873 г. Земская почта обычно перевозилась летом на однокопных и пароконных подводах, а зимой – на санях. Кроме того, уездная управа организовала в 1890 г. доставку земской почты на пароходах по Каме. В пределах уезда был разработан кольцевой маршрут почтарей, обязанных два раза в неделю объезжать все волостные правления.

В 1880-е гг. Оханская земская почта обходилась без марок. Сбор «по 3 коп.» за частную корреспонденцию был отменен «по причине его незначительности и мелочного счетоводства по этому делу, а также вследствие затруднений получателей писем из бедных людей, часто не имеющих у себя 3 коп.». Только в 1890 г. земское собрание решило вернуться к маркам: «...простые письма обложены 2-копеечным, а заказные 10-копеечным сбором». В 1899 г. было продано 13 587 марок, а в 1906 г. – 24 927.

Известно, что в 1883 г. земское собрание Оханского уезда поручало управе «войти в соглашение с земскими управами соседних уездов – Соликамского и Осинского – по предмету взаимной пересылки корреспонденции из одного села в другое на тех пунктах, где земские почты того и другого уезда сходятся на ближайшие расстояния». Но это постановление было отменено пермским губернатором, так как почтовый обмен между уездами категорически запрещался почтовым департаментом России. Только в конце XIX в. «междууездная» связь была принята к действию.

Оханская земская почта прекратила существование с января 1914 г. Все дела она передала правительственной почте. Причем земство приняло на себя расходы по созданию государственной почтово-телеграфной конторы и ее отделений на всей территории Оханского уезда, выделив на это 5920 руб.

*«Искры, сыпавшиеся с неба, были приняты
за огненный дождь»*

МЕТЕОРИТЫ*

18 августа 1887 г. (по старому стилю) жители Оханска и его пригорода наблюдали необычное явление. В 12 часов 40 минут** при совершенно ясном небе и тихой погоде внезапно раздался над городом гром, от которого затряслись даже здания. Затем, по свидетельству очевидцев, «клокотание грома продолжалось более двух минут... многие обыватели повыскакивали из домов, ища на небе грозовую тучу, которой на чистом и прозрачном небосклоне, к удивлению, не оказалось, хотя гром очень явственно был слышен. Только некоторыми было замечено над самым городом движение небольшого облачка белесоватого цвета продолговатой формы, быстро двигавшегося с северо-востока к юго-западу и скоро исчезнувшего из глаз наблюдателей в лучах ярко блестящего солнца. В этот момент, с полминуты после прекращения грома, бывшими на улице [людьми] увидено было падение на землю какого-то темного тела»***.

Люди бросились к предполагаемому месту падения предмета – во двор земской управы. Раскопали землю руками и «с глубины одной четверти аршина» вынули камень «почти с детскую голову величиной».

«Он был настолько теплым, что все бравшие в руки явственно ощущали его теплоту».

Камень остыл после того, как его облили водой, чтобы смыть приставшую к нему землю. Упавший камень оказался метеоритом весом 4 фунта 12 золотников, отколовшимся от другой массы. Одновременно было замечено падение еще нескольких метеоритов.

Метеорит летел над с. Таборы, в 15 км от Оханска, и упал в одной версте от села. Крестьянин Бушуев, видевший падение метеорита, рассказывал:

«...слышал перед сим удар в воздухе и, подняв вверх голову, усмотрел выющую дымовую струю, на конце коей можно было различить большой камень. При ярком дневном свете камень представлялся находящимся в тем-

* Метеориты – малые тела Солнечной системы, попадающие на Землю из межпланетного пространства. Различают железные и каменные метеориты.

** В литературе указывается разное время полета метеоритов, но наиболее вероятным стали считать 12 час. 40 мин. Оно основывается на данных опроса местного населения.

*** *Пермские губернские ведомости. – 1887. – № 68.*

* *Пермские губернские ведомости. – 1887. – № 75.* ном калении; он двигался с такой средней малой скоростью, что ясно было видно, что он не круглый, а неправильно угловатой формы и летел кубарем»*.

Был проведен осмотр места падения, и из ямы глубиной в 2 аршина и шириною в $\frac{1}{2}$ аршина извлекли камень весом около 6 пудов и множество осколков. Общий вес таборского метеорита достигал почти 15 пудов. На месте падения метеорита у с. Таборы был отслужен молебен, позднее здесь появилась часовня.

Метеорит весом 2 фунта нашли в местности под названием Поповка в 2 км от Оханска.

Сторож Усть-Нытвенской пристани видел, как камень громадной величины упал в середину р. Камы, напротив пристани:

«Удар в воде был так силен, что вся пристань пошатнулась, и лошади, пившие на берегу воду, от испуга попадали и затем обратились в бегство. Вода при ударе поднялась столбом вверх и затем еще некоторое время кипела на месте падения»**.

Упал метеорит в 7–10 км от с. Частые, на правом берегу Камы, напротив Оханска. Как утверждали очевидцы, «он быстро, в наклонном положении к земле двигался по направлению с северо-запада на юго-восток и был колоссальных размеров (величиной с «корчагу» или «чугунку», по выражению видевших. – Г.Ч.), упал... между с. Ерзовка и горой Иретиной»***.

** Там же.

*** Там же.

В «Пермских губернских ведомостях» с августа по декабрь 1887 г. периодически печатались сведения о падении и находках метеоритов. Вскоре статьи стали появляться в популярных отечественных журналах «Нива», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. Как отмечалось, «благодаря огненному дождю над городом» Оханск получил еще «большую известность в России».

Выяснением обстоятельств уникального явления занимались писари волостных управ, уездные исправники и член земской управы И.В. Вологдин, а также академик Императорского минералогического общества Ю.И. Симашко, инженер-технолог С.Н. Стемпневский, геолог Казанского университета П.И. Кротов.

**** *Станюкович А.К., Чичмарь В.В. Новые данные о падении метеорита Оханск // Метеоритика. – 1977. – Вып. 36. – С. 146.*

Всего в год падения метеоритов удалось собрать около 150 кг вещества (по сведениям Т.А. Тефанова), но П.И. Кротов писал, что выпадало минимума 250 кг****.

Падение метеоритов в Оханске продолжалось и в следующем, 1888 году. В редакционной заметке «Пермских губернских новостей» сообщалось:

«Частным образом мы извещены, что в прошедший Касьянов день, 29 февраля, опять же в Таборской волости наблюдается падение нового метеорита, но меньшей величины сравнительно с выпавшим 18 августа прошлого года»*.

* Пермские губернские ведомости. – 1888. – № 23.

Объ оханскомъ метеоритѣ и о метеоритахъ вообще *).

I.

Въ концѣ августа и въ сентябрѣ 1887 года во многихъ газетахъ были помѣщаемы извѣстія о пронесшемся 18 августа по пермскому небосводу огненномъ шарѣ, появленіе котораго сопровождалось паденіемъ съ неба въ г. Оханскѣ и его окрестностяхъ метеоритовъ, которыхъ имѣлъ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МЕТЕОРИТИКА

1977 г.

Вып. 36

А.К. СТАНЮКОВИЧ, В.В. ЧИЧМАРЬ

Всесоюзный научно-исследовательский институт
метрологической службы
Московское отделение ВАГО

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАДЕНИИ МЕТЕОРИТА ОХАНСК

Кристаллический хондрит Оханск, выпавший в количестве шести или более экземпляров 18(30) августа 1887 г. близ г. Оханска Пермской губернии, — один из крупнейших и сбор метеоритов. После падения метеорита возможно в 1887 г. уда Кротову и метеорита в (1947).

даные о мет
Авторы п
губернским
дически печ
Драверт (19
№ 68, 26 ав
ритов, повр
стилю). Ан
густа). Дра
щение». В I

(Л. 1)

ДОКУМЕНТ 2

**СВЕДЕНИЯ О ВЫПАДКЕ МЕТЕОРОЛИТОВ
18 АВГУСТА 1887 ГОДА БЛИЗ Г. ОХАНСКА**

В 1973 г.
женщинами в 18 Августа были за сбором грибов в местности под названием «Поповка» в 2½ верстах от Оханска. По возвращении рассказали, что они в полдень, услышав в воздухе какой-то сильный шум и необычайный треск (по лесу) от чего-то павшего, испугались, выбежали на дорогу и поспешно ушли домой. На другой день Плешков сообщил Земской управе о такой оказии. Председатель управы М.Н. Жаков, А.С. Жакова и член Управы И.В. Вологдин съездили на указанную местность и по указанию Плешковых был найден небольшой аэролит, зарывшийся в поляну вровень с дерном весом около 2½ фун. В той же местности, но далее на 1½ верст, найдены два подобные аэролита. Один мешанским сыном Иваном Феклистым весом до 4½ фун., а

Семья крестьянина Петра Александрова Плешкова вместе с другими женщинами в 18 Августа были за сбором грибов в местности под названием «Поповка» в 2½ верстах от Оханска. По возвращении рассказали, что они в полдень, услышав в воздухе какой-то сильный шум и необычайный треск (по лесу) от чего-то павшего, испугались, выбежали на дорогу и поспешно ушли домой. На другой день Плешков сообщил Земской управе о такой оказии. Председатель управы М.Н. Жаков, А.С. Жакова и член Управы И.В. Вологдин съездили на указанную местность и по указанию Плешковых был найден небольшой аэролит, зарывшийся в поляну вровень с дерном весом около 2½ фун. В той же местности, но далее на 1½ верст, найдены два подобные аэролита. Один мешанским сыном Иваном Феклистым весом до 4½ фун., а

ненные шары,
явное явление
въ атмосферѣ
иногда мно
ой причинной
ь эффективной и
верными кам
закимъ-то за
теперь эти
веру ихъ ро

авевъ появле
тихъ случа
Пензенской
и крестьяне,
погѣ. Попа
тъ тому жѣ
верхъ надъ
камень, еще
тъ на себя
не возмо

Интересно отметить, что по Оханску и его пригороду пошли фантастические слухи о метеоритах. Упорно говорили даже о том, что якобы «небесные камни людям посланы Богом за их непослушание». Поэтому в годовщину падения метеорита в часовне у с. Таборы всегда собирались жители округи и в молитвах просили «Господа Бога избавлять их от огненного дождя».

Соединение конкретных фактов и домыслов, слухов и чудес создавало новое смысловое пространство Оханску. Впоследствии исторический портрет города уже не обходился без упоминания о метеоритах. Кое-что из слухов и заключений народа попадало в печатные материалы. «Нам пишут из Петрограда, – рассказывали жители Оханска местному корреспонденту, – есть основание предполагать водное происхождение этого «небесного камня». Если это подтвердится несомненными доказательствами, то нашему метеориту суждено будет произвести коренной переворот в гипотезе о его происхождении»*.

* *Пермские губернские ведомости. – 1888. – № 23.*

Как о редком явлении массового падения метеоритов в Оханске и близ города до сих пор продолжают писать ученые, работающие в области метеоритики. По-прежнему Оханский метеорит остается одним из крупнейших в России. Академик Ю.И. Симашко предвидел, что это событие станет одним из самых ярких в истории Оханска:

** *Там же. – 1887. – № 94.*

«Надолго останется в народной памяти падение этого метеорита и далеко перейдет в потомство, хотя, бесспорно, в искаженном виде»**.

К сожалению, сегодня в Оханске нет возможности познакомиться с метеоритами. Их образцы находятся в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Перми.

Место падения метеорита у с. Таборы объявлено особо охраняемой природной территорией Пермской области.

XX – начало XXI в.*«...у нас большие изменения»***НАКАНУНЕ 1917 г.**

Об Оханске начала XX в. остается мнение прежде всего как об административном центре. Мнение это весьма почтенное по возрасту и подтверждается той ролью, которую Оханск играл именно как центр своего, Оханского уезда. Приведем некоторый материал.

Оханск никогда не был изолирован от деревни. Это закрепилось даже в народной поговорке *Оханск – столица деревень*. Активно шел процесс единого социально-экономического развития через взаимодействие города и деревни. Этого нельзя не заметить, если обратиться к широкому по своим масштабам городскому хлебопашеству, совмещению торгового и ремесла.

В 1910-е гг. в Оханске проживало около 3 тыс. человек. Как и прежде, преобладающим являлось крестьянское сословие. Подобной ситуации не было ни в одном городе Пермской губернии.

Размещались в городе две воинские части. По распоряжению Пермского губернатора в Оханске был лагерь для военнопленных «с театра действий мировой войны» из числа «германских и австро-венгерских подданных». В 1914–1915 гг. здесь временно пребывало более тысячи немцев и австрийцев. Многие из них проживали у местных обывателей, «сдающих на коммерческой основе номера или меблированные комнаты». За их содержанием следил уездный воинский начальник и своевременно докладывал обо всем губернатору.

Этнический состав населения Оханска известен по Всероссийской переписи 1920 г. Доля русских по отношению ко всему населению города составляла 97,1%. В население города включалось 87 человек из числа нерусских людей; среди них самую большую группу составляли евреи (43 чел.), за ними шли украинцы (13 чел.).

В хозяйственной жизни Оханска по-прежнему наблюдалось стремление к развитию торговли, ремесел и промыслов, удовлетворявших нужды населения как города, так и уезда. Ведущее место в вывозе на городской рынок продолжало оставаться за зерном, мукой, рыбой и ремесленными изделиями, в первую очередь кожами. С местным купечеством вели торговлю купцы разных уездов.

Мобилизованные на Оханской пристани в ожидании парохода. Июль 1914 г. Фото Я.Н. Пермякова

В Оханске работали кожевенный завод, лесопилки-мельницы, несколько кузниц, портновских, сапожных и столярных мастерских, пекарен, а также колбасный цех.

Торговля сосредоточена была в основном в частных руках. Кроме того, действовало Общество потребителей. Казне принадлежала винная лавка.

Благоприятное экономическое положение купцов способствовало возведению каменных усадеб с торговыми лавками. На центральных участках города их возникло более 30. Почти все они сохранились до нашего времени. Большие средства в жилые и торговые здания вложили П.Т. Винокуров, С.С. Серебренников, Н.К. Силин, И.И. Красильников и др.

Вкусы местного купечества чаще всего определялись их торгово-хозяйственной деятельностью. Дома строились без обилия архитектурного убранства. Объемно-композиционное построение отличалось единообразием: одно- и двухэтажные дома, четырехскат-

ные крыши, по 5–7 окон по фасаду, массивные ворота, открытый двор с амбарами и торговыми лавками, фасады которых обращены на улицу. Хозяин посостоятельнее увеличивал объемы строительства и заботился о повышении его качества. В этом случае появлялась потребность в художественной отделке зданий.

Наиболее интересный пример в этом отношении – дом купца и заготовителя дров для пароходов И.И. Красильникова (ул. Первомайская, 37, ныне здесь расположены магазин «Подарки» и стоматологическая поликлиника). На втором этаже проживала семья хо-

Отправка по призыву на фронт Первой мировой войны.
У перил стоит первый с краю В.Н. Серебренников – пермский фольклорист.
Оханская пристань, июль 1914 г. Фото Я.Н. Пермякова

зяина, размещался его рабочий кабинет. Первый этаж использовался для магазинов. Доминирующее значение в отделке здания имели окна с лучковым верхом. Некоторые углы выделены лопатками. Этажи разделены зубчатым поясом. Стены завершаются многоступенчатым карнизом.

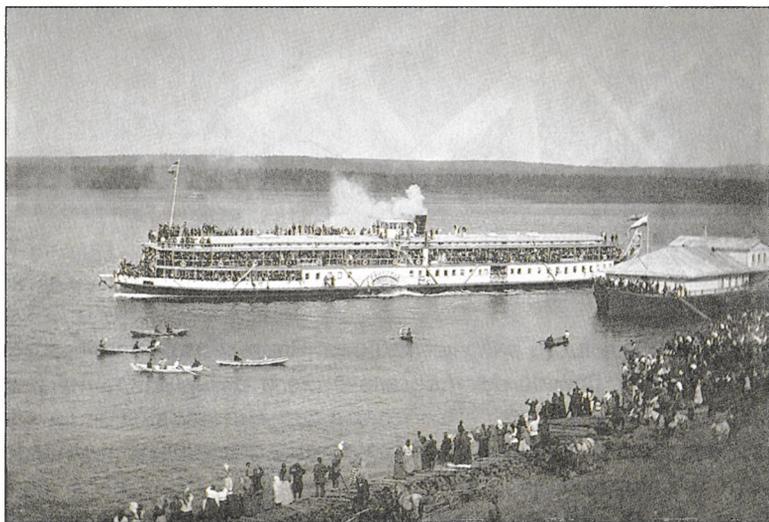
В начале XX в. в Оханске построено два общественных здания, которые и сегодня в известной степени являются образцами архитектурно-строительной культуры центрального района города. Одно из них предназначалось для реального училища (ул. Красная, 8 – здесь располагается Дом детского творчества), второе –

для уездной земской управы (ул. Советская, 20 – ныне школа № 1). Зрительное восприятие обоих зданий в панораме города усиливалось не только фасадами с рядами окон, но и удачной постановкой их в ландшафте: в глубине городской застройки для них были выбраны наиболее высокие участки.

Строительством деревянного Александро-Невского храма в конце XIX в. заканчивается период культового зодчества Оханска. В храмовом здании заметны традиции русско-византийского и так называемого псевдорусского стилей, активно утверждавшихся в архитектуре российской провинции на рубеже XIX–XX вв.

Традиционная двусветная храмовая часть увенчана мощным пятиглавием на высоких барабанах. Трапезная небольшая, с запада к ней примыкает восьмигранная колокольня с открытым ярусом звона и мощным шатром с главкой и крестом. Алтарная апсида квадратная в плане, с двускатной крышей и мощной главой. Особенностью в декоре храма явились треугольные кокошники в основании шатра и над четырьмя углами храмового куба. В Прикамье подобных деревянных храмов было немного.

Александро-Невский храм сгорел в 1991 г.

Пароход отошел от пристани с мобилизованными на фронт Первой мировой войны. Июль 1914 г. Фото Я.Н. Пермякова

*«Надо помогать обывателям
превращаться в граждан»*

ДРУГИЕ ВРЕМЕНА

Отречение 3 (17) марта 1917 г. императора Николая II от престола по-разному было встречено в Оханске. Одни негодовали, другие приветствовали. Солдаты гарнизона, служащие и учащиеся провели демонстрацию по случаю свержения самодержавия.

Вскоре в городе объявился представитель Временного правительства – уездный комиссар. Им стал председатель уездной земской управы Я.К. Морозов. Из земских и городских служащих, командования гарнизона он создал комиссариат по управлению городом и уездом. Социалисты-революционеры (эсеры) стали издавать газеты: левые – «Народное свободное слово», а правые – «Оханский вестник».

В апреле–июле 1917 г. в Оханске происходят важные события: провозглашается Совет рабочих и солдатских депутатов, созываются съезд учителей и чрезвычайная сессия земского собрания, на которых обсуждается текущий момент. В столь бурной обстановке реальная власть оставалась за уездным комиссариатом Временного правительства.

Активная деятельность членов Оханского Совета рабочих и солдатских депутатов завершилась победой только 28 января 1918 г. – провозглашением советской власти и избранием уездного исполкома. По всем волостям было разослано обращение о создании советов*.

В марте и мае 1918 г. состоялись уездные съезды советов. Одновременно проходило создание партийного комитета большевиков, чрезвычайной комиссии и отделов уездного исполкома. Новая власть утверждалась в острой классовой борьбе.

Летом 1918 г. на территории Оханского уезда начинаются военные действия. До него доходят бойцы чехословацкого корпуса, мятежники Ижевско-Воткинского восстания, а в конце 1918 г. Сибирская армия адмирала А.В. Колчака. В боях с врагами советской власти участвовали красноармейцы из числа жителей города и уезда и регулярные войска Восточного фронта. История этого периода полна примеров как белого, так и красного террора.

21 июня 1919 г. Оханск был освобожден от колчаковцев кавалеристами под командованием К.К. Рокоссовского**. Потеряв боевые силы, белогвардейцы отступали на восток, в Сибирь.

* *Октябрьские дни в Оханске // Звезда (Пермь). – 1920. – 7 ноября.*

** К.К. Рокоссовский (1896–1968) – впоследствии Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949), Герой Советского Союза (1944, 1945). В Великой Отечественной войне командовал армией и фронтами. 24 июня 1945 г. командовал парадом Победы на Красной площади в Москве.

«Там, в первых рядах, можно видеть всю соль наших руководящих классов»

НОВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Гражданская война пагубно отразилась на Оханском уезде. Население города и уезда сократилось, многие хозяйства лишились лошадей. Промышленность почти угасла. Основным занятием населения оставалось земледелие. Из промыслов более успешно развивались два: заготовка дров и лов рыбы.

Здание Камской биологической станции Пермского университета в г. Оханске. Фото 2007 г.

В сложнейших условиях развертывались новые преобразования. Начались они с ликвидации неграмотности. Как в городе, так и в уезде открывались пункты ликбеза.

В январе 1924 г. прекратил существование Оханский уезд. На его территории было учреждено несколько районов, в том числе Оханский. Волости преобразовывались в сельские советы.

С 1928 г. началась массовая коллективизация сельского хозяйства. Но она шла форсированными методами, с перегибами, раскулачиванием зажиточных крестьян, что нанесло деревне непоправимый удар.

Однако в это же время налаживались дела в лесной отрасли. В 1930-е гг. в Оханске создаются леспромхоз, лесхоз, лесоторг. Ручной труд в колхозах и лесной отрасли начинал заменяться техникой.

В полной мере коснулись Оханска социалистические преобразования. Шло радиофицирование города и района. Пуском Горюхалихинской гидроэлектростанции было положено начало массовой электрификации.

Открылась школа крестьянской молодежи, работало педагогическое училище. В 1935 г. первые жители Оханска получили среднее образование. Учителя и работники культуры вели среди населения культурно-просветительную работу. Особое внимание уделяли атеистической пропаганде, много усилий прилагая для вытеснения религиозных праздников и обрядов новыми, советскими.

Действовало в Оханске научное учреждение – Камская биологическая станция, включенная в 1922 г. в состав Биологического научно-исследовательского (позднее Естественно-научного) института Пермского университета. Здесь работали известные биологи, студенты проходили учебную практику. Неоценимый вклад в становление и развитие Камской биологической станции внесли многие известные ученые, в частности заведовавший ею профессор Д.Е. Харитонов.

Выпускники Оханского педагогического училища на берегу Камы. 1938 г.

С 1930 г. стала выходить районная газета «Колхозник». В 1935 г. открылись кинозал и первая звуковая кинопередвижка. На базе земской публичной библиотеки работала районная библиотека.

Это время наполнено многими примерами борьбы за преобразования, которые, как говорилось еще совсем недавно, «привели народ к новой, полнокровной жизни».

Когда в мирную жизнь Оханска ворвалось страшное известие о начале войны, она резко изменилась. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал определяющим для небольшого уральского города. Многих оханцев позвали фронтовые дороги, многие самоотверженно трудились на предприятиях города. На созданной в 1940 г.

Артель рыбаков в устье р. Очер. 1930 г.

Оханской швейной фабрике стали готовить обмундирование для бойцов фронта. Леспромхоз получал спецзаказ на поставку древесины в авиастроение, заготовок для лож автоматов и винтовок.

По-братски приняли оханцы эвакуированных граждан, осиротевших детей и раненых воинов. В лучших зданиях

разместилось 4 госпиталя. Колхозы снабжали их рыбой и другими ценными продуктами питания. В 1942 г. в город из Сталинградской области перевели школу десантников. Детские дома приютили детей Москвы, Ленинграда, Белоруссии, Украины, Смоленской и Калининской областей. Для них открывались детские дома и в селах района. В 1945 г. здесь воспитывалось 1650 детей. Воспитанники детских домов шли учиться в ремесленные школы, а кто-то успел повоевать.

Плотгоны на р. Каме. 1940-е гг.

Оханцы безвозмездно сдавали сотни центнеров продуктов в Фонд обороны. Собирали ягоды, грибы, лекарственные травы, сушили овощи. Помогали фронту 20 предприятий и 89 колхозов.

Славен боевой путь оханцев. Почти пять тысяч их сражались против фашизма. Более двух с половиной тысяч отдали жизнь за Родину. Восьмерым присвоено звание Героя Советского Союза. В честь погибших воинов-земляков на берегу Камы открыт мемориальный комплекс.

Хотя на Оханской земле не шли бои, но дыхание войны ощущалось на протяжении многих послевоенных лет. Восстановление хозяйства страны не могло идти без лесоматериалов. Большим спросом пользовался оханский лес, поэтому быстрыми темпами рос местный леспромхоз. В огромных плотках лес уплывал вниз по Каме на стройки страны. Поднимали в районе ослабевшее сельское хозяйство. Крупным предприятием города оставалась швейная фабрика.

Дом, в котором жил Герой Советского Союза Л.К. Ерофеевских (ул. Ерофеевских, 21). Фото 2007 г.

Много делалось для развития сети дорог. С пуском в 1967 г. автомобильного моста через Каму в г. Перми Оханск получил надежную асфальтовую автотрассу, связавшую его с областным центром. Появилась возможность выезжать из Оханска в любое время года, не пользуясь переправой через Каму.

Важным событием начала 1970-х гг. стал пуск газокompрессорной станции. В городе создали службу газового хозяйства. Интенсивная газификация стала возможной благодаря тому, что через район прошел газопровод из г. Нижняя Тура (Свердловская область) в Нижний Новгород.

В 1970–1980-е гг. появились в Оханске и современные постройки торгового и бытового назначения, здания для образовательных и культурных учреждений, жилые дома. Солидное строительство шло в селах района.

сравниваем показатели официальных переписей населения 1989 и 2002 гг.

В 2002 г. в районе проживало 17 873 человек, при этом городское население составляло почти 35%. По сравнению с 1989 г. численность населения уменьшилась на 846 человек, но этнический состав и доля каждого народа в населении района остались на прежнем уровне. За межпереписной период русские понесли потери на 650 человек, татары – на 26, украинцы – на 50 человек, а число коми-пермяков фактически не изменилось: было 272 человека – стало 275. Почти без изменения осталась и численность удмуртов: в 1989 г. – 84 человека, а в 2002-м – 82*.

** Национальный состав населения Пермской области. – Пермь, 2004. – С. 81.*

Перепись 2002 г. показала, что доля русских в населении Оханского района, как и прежде, самая высокая – 94,3%, несмотря на то что русские понесли потери намного большие, чем другие народы. Вторым по численности народом являются коми-пермяки (1,6%), третьим – татары (1,2%). Такое расположение народов по численности в Оханском районе является традиционным.

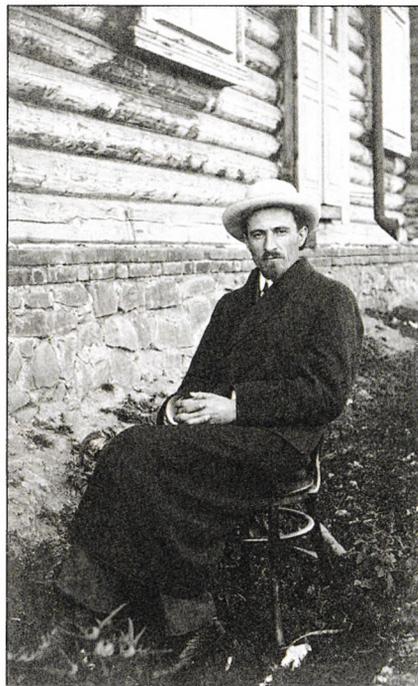
Декор современного дома

Сегодняшний Оханск, к сожалению, потерял некоторые свои достопримечательные объекты, но ученые разработали рекомендации по сохранению культурного наследия и наметили комплекс мероприятий для развития туризма. Правда, за минувшие с тех пор

годы мало что сделано по этим рекомендациям. Есть несомненная необходимость в том, чтобы не только Оханск, но и некоторые села района были объявлены историческими поселениями и надежно охранялись государством. Старина оханская еще сыграет свою роль в условиях новой действительности, когда ликвидируется разрыв между принятыми решениями и практическим воплощением их в жизнь.

Центром средоточия документов и экспонатов по истории Оханска является краеведческий музей, открытый в 1987 г. краеведами И. Апанасюк и А. Ширинкиным. Здесь можно получить сведения по истории города и района, их этнографии, архитектуре, литературе, прикладному искусству.

В экспозиции музея представлена большая этнографическая коллекция, собранная в старинных домах. Уникальным является собрание настенных зеркал и часов. Большую ценность представляют записанные воспоминания ветеранов труда и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Я.Н. Пермяков, создатель уникальной фотолетописи г. Оханска.

Корзина для муки и меденик для воды и напитков в экспозиции Оханского краеведческого музея. XIX в.

Музей хранит удивительную коллекцию фотографий и негативов Я.Н. Пермякова (1893–1974) – местного фотолетописца, запечатлевшего многие интересные события из прошлого Оханска.

Наполнен музей произведениями оханского наивного художника (их еще называют «примитивистами») А.В. Зеленина. Он художеству не учился и свое дарование проявил в почтенном возрасте, создав скульптурные сказочные композиции, резные киоты, панно с изображением животных, птиц, цветов, макеты дома, церкви, колодца из

объемных деталей. Работы А.В. Зеленина подкупают непосредственностью, фантазией, особым взглядом на жизнь.

В 2005 г. музей принимал члена Уральского генеалогического общества (Екатеринбург) О.М. Загорскую. Она приехала с дневником бабушки Анны Павловны, отец которой П.А. Герман служил в первой половине XIX в. в Оханском полицейском управлении. Дневниковые записи, относящиеся к 1880-м гг., открывают много интересного из жизни рода надворного советника* П.А. Германа, впечатлений девушки, а также обычаи жителей города. Дневник и фотографии XIX в. стали дорогой реликвией музея.

Постоянно развивается выставочная деятельность. Так, в 2006 г. прошла выставка свадебного костюма невест начиная с 1954 г. Очень часто в музей приезжают учащиеся сельских школ. Не обходят его вниманием старожилы города и района. Они постоянно пополняют его фонды новыми экспонатами, с интересом участвуют в цикле мероприятий, посвященных истории вещей, например зеркала, ложки, пояса.

В наши дни музей возглавляет увлеченный краевед В.Н. Плешкова. Ее мечта – иметь более просторное помещение, чтобы выставить все музейные экспонаты.

Несколько исторических зданий города отмечены памятными и мемориальными досками. Одна из улиц носит имя, Героя Советского Союза Л.К. Ерофеевских. Он родился в с. Карагай. В 1934 г. поступил на физико-математический факультет Пермского университета. Преподавал в с. Шалаши Оханского района. В 1939 г. был призван в армию. Погиб при освобождении г. Вильнюса в 1944 г. Звание Героя присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г.

Здесь хранится память об известных людях, которые бывали в городе или родились в нем. Среди них фольклорист В.Н. Серебренников (1881–1943) и художник, один из организаторов художественного воспитания в Прикамье А.Н. Зеленин (1870–1944).

В.Н. Серебренников родился в с. Андреевка Оханского района. Работал сельским учителем, но главным делом его жизни стало устное народное творчество Прикамья. В одной из его рукописей читаем:

«Произведения народного устно-поэтического творчества я записывал в течение тридцати пяти лет – с 1903 г. Записывал попутно, при различных случаях

* Надворный советник – гражданский чин VII класса, равный подполковнику. Присваивался в соответствии с Табелью о рангах, утвержденной Петром I в 1722 г. «Табель о рангах» была ликвидирована в 1917 г.

соприкосновения с народными массами: в командировках, экспедициях и проч. Выезжал и специально на места за материалом. У меня был надежный сотрудник – время. Тридцать пять лет сбора материала – это 200 000 рабочих часов. Я имел возможность прислушаться к народу и выявить лучшее из его устного творчества».

Библиограф Т.И. Вершинин подсчитал, что В.Н. Серебренников уделял сбору фольклора и работе над ним не менее 15–16 часов в сутки.

В.Н. Серебренников вошел в историю фольклористики как непревзойденный знаток обрядового фольклора Прикамья. Современники называли его «уральским Далем». Он не только записал, но и успел опубликовать многие народные песни, пословицы, поговорки, скороговорки, загадки, былички, сказки, присказки, частушки, приветствия. В них запечатлен большой жизненный опыт людей многих поколений. Записанные непосредственно из уст местных крестьян, они сохранили колорит и особенности местного говора, а значит, интересны еще и как памятники языка и культуры народа.

* Некоторые работы В.Н. Серебренников публиковал под литературными псевдонимами А. Аргентов, Г.А. Горбунов. Назовем публикации, вышедшие как под подлинным именем, так и под псевдонимами:

Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии // Материалы по изучению Пермского края. – Пермь, 1911. – Вып. 4; Народные заговоры, записанные в Оханском уезде Пермской губернии. – Пермь, 1918; Загадки как народное развлечение. – Пермь, 1918; Из оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1924. – Вып. 1. – С. 60–64; Из солдатских песен бывшего Оханского уезда // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1926. – Вып. 2. – С. 159–165; Оханская сказка про Пехтимжа // Пермский краеведческий сборник. – Пермь, 1928. – Вып. 4. – С. 128–131.

С обильным собранием фольклорных текстов из публикаций и записей В.Н. Серебренникова широкий круг читателей может знакомиться по сборнику «Меткое слово. Песни. Сказки», изданному в 1964 г. Пермским книжным издательством*. Все представленное в нем – великий вклад В.Н. Серебренникова в сокровищницу отечественной культуры.

А.Н. Зеленин – уроженец г. Оханска. В детстве остался сиротой, воспитывался в приюте для бедных детей. В 1895 г. окончил Академию художеств, а в 1897 г. – педагогические курсы при Академии художеств. Работал учителем рисования в Кунгурской прогимназии и пермской Мариинской женской гимназии. В советские годы преподавал в вузах Перми. Написал несколько пособий по методике преподавания изобразительного искусства. Участники 17-го международного конгресса геологов, состоявшегося в 1937 г., дали высокую оценку выполненной им рельефной карте Урала с обозначением месторождений полезных ископаемых.

Велик вклад уроженца с. Дуброво Оханского района А.В. Ширинкина в патриотическое дело

сохранения и восстановления памяти об истории и культуре Оханского района. Юрист по образованию, судья по профессии, он уже много лет собирает сведения о селах и деревнях, о судьбах людей и их делах. Интерес и любовь к родной земле стали делом и

А.В. Ширинкин (1950 г. р.), исследователь земли Оханской. Фото 2007 г.

смыслом его жизни. Им владеет чувство ответственности за дальнейшую жизнь родного края и желание сохранить в памяти потомков картины прошлого и уклад жизни населения.

А.В. Ширинкину удалось собранный им материал издать в 2003–2006 гг. в виде объемных книг: это двухтомники «Сива –

матушка-река», «Россия, которую мы потеряли», «Очер-батюшка», повествование об одной деревне «Закат над Усольем», «Записки председателя Оханской ЧК». Кроме прозы, он пишет стихи и своим землякам посвятил поэтический сборник «Я о звездах и родине песни пою». Все эти книги – летописный памятник Оханской земле. Им суждена долгая жизнь.

Как знаток родного края и ее подлинный певец, А.В. Ширинкин с удовольствием проводит экскурсии, рассказывая о прошлом Оханска своими стихами. На такой редкой экскурсии стоит побывать каждому гостю города.

Л.П. Болотова сохранила в первозданном виде усадьбу, построенную в 1906–1910 гг. страховым агентом Оханской уездной земской управы А.И. Пьянковым (Пионерский пр., 29) (иллюстрации усадьбы и дома на с. 357–358 раздела «Быт»). Деревянный дом разделен на две половины: для молодых и пожилых членов семьи. В доме зал, столовая, две комнаты для детей, спальня, кухня с русской печью, коридоры. Все предметы обстановки на тех же местах, какие определил им хозяин дома в начале XX в. Все помещения высокие – свыше 3 метров. Шторы, люстра, иконы, рамки с картинами, письменный стол – тоже старинные. Нынешняя хозяй-

ка дома выходила замуж за сына А.И. Пьянкова в 1953 г. и, как все было в тот момент, таким все и уберегла, ничего не поменяв. Когда пришлось поставить новый забор со стороны улицы, то и в нем она повторила прежний узор.

В кухне на стене висит в рамке большая фотография, на которой размещены отдельные портреты с подписями всех служащих Оханской уездной земской управы. В центре – последний председатель управы Я.К. Морозов, которому удалось скрыться от новой власти. (Судьба его забросила в Харбин, а внучка потом оказалась в Соединенных Штатах Америки. Кстати заметить, эта внучка в возрасте 92 лет посетила родной город, побывала на могилах предков.) Одна из лучших чугунных скульптур П.К. Клодта – вздыбленный конь, – отлитая на Каслинском заводе и подаренная А.И. Пьянкову в 1914 г. по случаю 25-летия его земской службы, по-прежнему украшает парадный зал.

В застройке улицы дом А.И. Пьянкова выделяется добротностью и художественной отделкой. Ворота, крыльцо, карнизы, наличники с простыми, но очень выразительными резными деталями. На усадьбе ряд хозяйственных построек: двор, амбар, завозня, погреб. Они в очень добротном состоянии.

В такой усадьбе и у такой хозяйки, как Л.П. Болотова, открывается сполна старый Оханск. Все, кто здесь бывает, говорят: «Мы счастливы, что от всего увиденного и услышанного возникло осознание близости к оханской истории, ощущение земли, которая взрастила наших предков и дала нам жизнь».

Л.П. Болотова уже отметила 80-летний юбилей. Она благополучно справляется с домом, огородом, посещает многие городские мероприятия, встречи в музее и библиотеке. И хотя более четырехсот старинных предметов она передала в Оханский и Андреевский музеи, но дом ее остается настоящим живым музеем. Очень хочется, чтобы таким его видели наши потомки.

Собрать мозаику впечатлений о родном городе и встроить ее в панораму истории страны, народа – задача важная и достижимая. Уроженцев Оханска, живущих в нем и за его пределами, можно опрашивать сколько угодно: у каждого найдется что сказать о событиях семейной и общественной жизни, нравах и обычаях, непременно о людях, детстве и юности.

К.Ф. Пересветова, с которой довелось недавно встречаться в Перми, больше помнит Оханск 1950-х гг., когда она в нем училась:

Встреча краеведов в Оханском краеведческом музее. Фото 2007 г.

– Любили Каму. Не верили, что затопление берегов будет. По ней ходили колесные пароходы, далеко было слышно: чух, чух, чух... В Пермь ездили на пароходе «Кефаль»: ночь туда и столько же обратно. А сколько плотов по Каме плыло! Впереди баржа, за ней плоты почти на километр. Плоты очень большие, ровные. В середине плота – избушка, кучка людей, костер горит. Люди сидят, поют, а то и на гармошке играют.

Кама была прозрачная, чистая. Любили кататься на лодках. Гребли и песни пели. Все оханские дети плавали, как рыбы. Среди взрослых многие тонули, особенно против собора.

Весной все ждали вскрытия реки. Если оно приходилось на время уроков – неважно, звонок не звонок. Как услышим на реке шум, все убегаем на берег. Иногда и учителя с нами. Слышим треск льда, видим, как льдины поднимаются друг над другом. Как будто сама жизнь просыпалась. Вот тогда мы ощутили мощь реки...

Зимы были морозные, с солнцем, чистым снегом. Я очень любила есть чистый снег и пить холодную воду. Мы жили в природе, росли здоровыми. Питались зеленью. Рано поспевал чеснок, пистики, потом вьюнки, садовки, ягоды. Взрослые и дети вместе ходили за ягодами. Боялись только колодцев. Уже тогда появлялись заброшенные усадьбы.

Много играли. Зимой прыгали с крыш в сугробы и прятались в снегу. Зимой и летом любили на заборах сидеть. Залезем на них, друг с другом говорим, а то песни поем и играем в «глухой телефон». По-настоящему играли в магазин, все для продажи делали из глины. Сбивали городки. Хороводы во-

дили на полянках возле логов. Лога тогда были сухими и чистыми, склоны зелеными, в них журчали ключи. Ключевая вода стекалась в деревянные желоба. Эту воду приносили домой.

Весной весь Оханск наполнялся шумом. По улицам – ручьи, а то и реки. Мы делали кораблики из коры, паруса из бумажек и отпускали их по воде. Бежим за корабликами. С ними улицы выглядели красивыми.

Тюрьму обходили, боялись этого места: все же здесь наказанные люди сидели. Собор помнится белым и целым, хотя возле него была лесопилка. Лики замазывали, но они проступали. Бегали их смотреть.

Развивалось скотоводство. Много выделявали шкур и много выращивали гречи и льна. А потом все выродилось.

На все лето приезжали цыгане. Их табор располагался на берегу Камы, в стороне от города. У костров и котлов поют, играют, танцуют, а мы прятались по склонам и слушали их. В городе они не появлялись, не пакостили.

Мы жили дружно, ощущали друг друга. Ничего не закрывалось. Палочку в щеколду вставим – и никто не зайдет. Родители нам нравоучений не читали, все делалось само собой, по традиции. Устои были крепкими.

Но в 1950-е гг. уже молодежь начала уезжать из города в Пермь. Если бы развивался город, так бы не уезжали. Поехали молодые, а потом к ним пожилые родители.

С подобных воспоминаний вполне можно начинать еще одну летопись Оханска.

Пусть сегодня Оханск выглядит скромнее других исторических городов Прикамья. Пусть кажется, что потускнел его лик. Пусть люди знают о нем далеко не все истинное. Но старина его глубока и пленительна. Художники и писатели, путешественники и подвижники находят здесь мотивы контрастов, заостряющие движение истории. Здесь есть на чем постигать вечное и прекрасное в жизни.

ХРОНИКА ОХАНСКА

- 1764** – упразднение Богородицкого монастыря.
- 1775** – приобретение статуса волостного села.
- 1781** – возведение Оханска в ранг уездного города.
- 1783** – утверждение указом Екатерины II герба г. Оханска.
- 1790** – пребывание мыслителя, писателя А.Н. Радищева.
- 1800** – строительство первого каменного здания для казначейства.
- 1821** – через Оханск проследовали солдаты Семеновского полка русской гвардии, организовавшие выступление против командира полка (Санкт-Петербург).
- 1826** – через город проследовали декабристы.
- 1827** – встреча княгини М.Н. Волконской с декабристом М.И. Пущиным во время следования в Сибирь.
- 1835** – пребывание революционера, писателя А.И. Герцена.
- 1846** – открытие пристани Оханск для приема пароходов.
- 1848** – открытие одноклассного мужского приходского училища.
- 1849** – пребывание писателя Ф.М. Достоевского.
- 1864** – пребывание публициста, писателя Н.Г. Чернышевского.
- 1870** – первое заседание земского собрания Оханского уезда.
- 1871** – открытие земской почты.
- 1872** – открытие женского училища.
- 1887** – падение метеоритов.
- 1895** – преобразование учительской библиотеки в публичную.
- 1898** – открытие сиротского суда.
- 1901** – открытие женской гимназии.
- 1905** – открытие народного театра.
- 1908** – открытие реального училища; строительство нефтяных складов «Товарищества братьев Нобель» для хранения керосина.
- 1910** – строительство каменного здания для реального училища.
- 1918** – издание газеты «Оханский советский вестник».
- 1921** – открытие трех детских домов – первых в Прикамье.
- 1924** – образование Оханского района.
- 1930** – издание районной газеты «Колхозник».
- 1940** – открытие швейной фабрики.
- 1968** – пуск хлебозавода.
- 1971** – создание народного ансамбля песни «Уралушка».

- 1974** – запуск газокомпрессорной станции.
1984 – праздник в честь 75-летия Оханского детского дома.
1987 – открытие краеведческого музея.
1995 – образование автотранспортного предприятия.
1996 – создание городского клуба «Ветеран».
2005 – регистрация станицы Оханской как отделения Прикамского казачьего круга: начало издания независимой газеты «Оханские перекрестки».
2006 – торжества по поводу 225-летия учреждения Оханска в статусе города.

ЛИТЕРАТУРА

Записки председателя Оханской ЧК (Оханск в 1916–19 гг.) / Под ред. А. Ширинкина. – Пермь, 2005.

Колчанов А. Старина оханская /А. Колчанов. – Пермь, 1962.

Меткое слово. Песни. Сказки: дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В.Н. Серебренников, сост. Т.И. Вершинин. – Пермь, 1964.

Оханск. – Пермь, 2002.

Оханск: 1781–1981: рекоменд. указатель лит. – Оханск, 1981.

Ширинкин А. Очер-батюшка: повествование о земле Притыкинской /А. Ширинкин. – Т. 1. – Пермь, 2003.

Ширинкин А. Мы твои сыновья, Россия: хроника политических репрессий и раскулачивания на территории Оханского района в 1918–43 гг. /А. Ширинкин. – Пермь, 2006.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАПО – Государственный архив Пермской области.
ГАКО – Государственный архив Кировской области.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
РГО – Русское географическое общество.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. **КУНГУР**. Чагин Г.Н.

XVII в.

Крепость над Иренью и Сылвой	9
Управление городом и уездом	13
Деревянные храмы	14

XVIII в.

Градостроительство в первой четверти XVIII в.	16
Жилище начала XVIII в.	22
Археологические открытия	24
Крестьянское восстание 1703 г.	27
Торговля и экспорт в первой половине XVIII в.	31
Административное управление	36
Социально-экономическое развитие во второй половине XVIII в.	38
Оборона Кунгура в конце 1773 – начале 1774 г.	41
Герб Кунгура	49
Исследование И.И. Лепехина	49
Город глазами А.Н. Радищева	50
Лекарь П.Ф. Чайковский	53
Планировка и застройка на плане 1797 г.	54
Каменное строительство	57
Образование	65

XIX – начало XX в.

Ремесленники, торговцы, земледельцы	66
Извоз и извозчики	75
Бюджет города	78
Судостроение	80
Борьба с нищенством	82
Улицы и площади	83
Каменные храмы	91
Иконы и иконописание	99
Колокола и звоны	103
Гостинные дворы	105
Здание городской управы	107
Железнодорожный вокзал	108
Жилище	109
Символика декора	125
Костюм горожан	133
Этнический состав населения	138
Конфессии в городе	142
Грамотность горожан	143

Народное образование	144
<i>Начальные школы</i>	144
<i>Церковное образование</i>	147
<i>Среднее образование</i>	147
<i>Профессионально-техническое образование</i>	149
Библиотеки	157
Музейное дело	160
Кинематограф	162
Летописи и летописцы	163
Праздники, увеселения, досуг	168
<i>Календарный цикл праздников и обрядов</i>	168
<i>Престольный день</i>	173
<i>Крестные ходы</i>	175
<i>Православные и языческие обряды</i>	178
<i>Гулянья</i>	179
<i>Гостеванье</i>	181
<i>Вечерки</i>	182
<i>Именины</i>	182
Театр	183
Этика и этикет	184
Брак и свадьба	185
Устная культура	188
Говоры	192
Названия жителей	197
<i>XX – начало XXI в.</i>	
Иные идеи, тревожные дни	199
Череда преобразований	200
Новая экономика	204
Город областного подчинения	205
Общественная жизнь	206
В военную пору	210
Начало века	212
<i>Хроника Кунгура</i>	225
<i>Литература</i>	228
<i>Часть вторая. ОСА. Шилов А.В.</i>	
Из ранней истории земли осинской	231
<i>XVI–XVII вв.</i>	
Основание Осы	235
Недолгий век монастыря	240
Освоение края русскими и первые переписи	243
Башкирские восстания	247

XVIII в.

Пригородок Оса	249
Камчатская экспедиция	252
Заводское строительство	255
Пугачевское восстание	259
Власть и управление	267

XIX – начало XX в.

Планировка и застройка города	271
Осинские храмы	277
Гражданское и жилое строительство	285
Торговля и промышленность	292
Население	302
Состояние образования	306
Заботы местного самоуправления	311
Частная благотворительность	314
Сбережение религиозных традиций	315
Общественная деятельность	317
Музей	319
Театр	321
Кинематограф	324

XX – начало XXI в.

На переломе эпох	325
В трудах и заботах	328
Годы войны	331
Оса вчера и сегодня	334
Хроника Осы	340
Литература	341

Часть третья. **ОХАНСК.** Чагин Г.Н.**XVI–XVII вв.**

Предыстория Оханска	343
---------------------------	-----

XVIII в.

Ранг села и города	345
--------------------------	-----

XIX – начало XX в.

Застройка города	347
Население	353
Торговля	355
Быт	357
По казанскому тракту	362
Пожаловали в Оханск	364
Образование	368

Библиотеки	371
Кинематограф	373
Музеи	373
Театр	374
Типография	375
Здравоохранение	375
Почта	377
Метеориты	379
<i>XX – начало XXI в.</i>	
Накануне 1917 г.	383
Другие времена	387
Новые перемены	388
Наше время	392
<i>Хроника Оханска</i>	401
<i>Литература</i>	402
<i>Список сокращений</i>	402

Учебное издание

По городам и весям Прикамья

Георгий Николаевич Чагин
Анатолий Владимирович Шилов

УЕЗДНЫЕ ПРОВИНЦИИ КУНГУР, ОСА, ОХАНСК

*В оформлении издания использованы материалы
Кунгурского, Осинского, Оханского краеведческих музеев,
а также фотографии из личных архивов авторов и иллюстрации из книг*

Редактор А. Зибзеева
Художественный редактор С. Можаява
Компьютерное исполнение – Ф. Назаров
Корректор Г. Борсук

Подписано в печать 26.06.2007. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1990.

Издательство «Книжный мир».
Лицензия ИД № 04155 от 02.03.2001 г.
614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34. Тел. 22-00-170.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Ч 12 Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. –
Пермь: Книжный мир, 2007. – 408 с. с ил. – (По городам и весям Прикамья).

ISBN 5-93824-076-x

Очередная книга серии «По городам и весям Прикамья» посвящена уездным городам Южного Прикамья. Кунгур, Оса, Оханск примечательны тем, что длительное время являлись центрами уездов. Они насыщены памятниками археологии, храмового и жилого, деревянного и каменного строительства. Здесь развивались традиции православия, разнообразного ремесленничества, торговли, благотворительности и культуры глубинных русских поселений.

ББК 63.3

Всем, кто интересуется прошлым Прикамья

«Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск»

Г.Н. Чагина и А.В. Шилова –

четвертая книга из серии «По городам и весям Прикамья»,
выпускаемой издательством «Книжный мир».

Ранее вышли:

Г.Н. Чагин

Города Перми Великой Чердынь и Соликамск

Г.П. Головчанский, А.Ф. Мельничук

Строгановские городки, острожки, села

П.А. Корчагин

Губернская столица Пермь

Серия «По городам и весям Прикамья» –
это книги об истории поселений Пермского края,
своеобразии и общности их судьбы.

В них много документов,
забытых или малоизвестных
фактов, имен, иллюстраций.

Авторы этих книг –
ученые Пермского государственного университета,
исследующие историю и культуру Урала.

КНИЖНЫЙ
МИР
2007